

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 Том 28 № 4

DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор Ястребов Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация. Руководство производством журнала, техническое и организационное обеспечение, формирование редакционной политики, взаимодействие и контакты с партнерами и официальными структурами. E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru	Заместитель главного редактора Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация. Научная политика, организация отбора статей, качество публикуемых материалов, формирование выпусков. E-mail: vlasenko-na@rudn.ru	Ответственный секретарь Андреева Полина Николаевна, кандидат юридических наук, РУДН, г. Москва, Российская Федерация. Переписка с авторами, документооборот журнала, информационная инфраструктура журнала, организация рецензирования материалов. E-mail: andreeva-pn@rudn.ru
---	--	---

Члены редакционной коллегии

- Абашидзе Аслан Хусейнович,** доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Байдельдинов Даулет Лаикович,** доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
- Бекбаев Ершат Зейнуллаевич,** доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан
- Варламова Наталья Владимировна,** кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
- Васильева Татьяна Андреевна,** доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
- Габов Андрей Владимирович,** доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
- Гамбарян Артур Сиреканович,** доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения
- Джансарова Рима Еренатовна,** доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан
- Еремян Виталий Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Клишас Андрей Александрович,** доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Либенберг Сандра,** доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика
- Нематов Акмал Рауфджонович,** доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан
- Немытина Марина Викторовна,** доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
- Панагиотопулос Димитриос,** доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция
- Почекаев Роман Юлианович,** кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Петробои Александра,** доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия
- Робинсон Николас,** доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Тимошина Елена Владимировна,** доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)*, *ПИИЦ*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *East View*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

**Редакторы И.А. Гроник, К.В. Зенкин
Редактор-переводчик В.В. Степанова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 05.12.2024. Выход в свет 11.12.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,93. Тираж 500 экз. Заказ 1724. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2024

RUDN JOURNAL OF LAW

2024 VOLUME 28 No. 4

DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Polina N. Andreeva,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhansarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors *I.A. Gronic, K.V. Zenkin*

Editor-translator *V.V. Stepanova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Малиновский А.А., Трикоз Е.Н. Санкционная политика государства: историко-правовой обзор	705
Алимова Д.Р. Правовое регулирование национальных интересов в России: теория и практика	730
Трофимов В.В. Правотворческие отношения как форма применения права.....	743
Андреева П.Н. Право на вид в России: история, законодательство и перспективы	762
Касаткин С.Н. Позитивизм установленного значения: концепция юридического рассуждения Г. Харта 1958 г. в прочтении Дж. Постемы.....	778

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО

Джиджавадзе Л.Г. Позиции Международной организации труда в отношении ограничений в сфере труда	798
Кресс В.В. Признаки и классификация нематериальных благ	817

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Маслов В.А. Административная преюдиция и принцип non bis in idem	828
Холоимова А.С., Гребенев Р.А. О справедливости досудебного производства по уголовному делу	841

БИОЭТИКА И ПРАВО

Колосова Н.М., Мамедова В.Э. Конституционно-правовые гарантии защиты медицинской информации уязвимых лиц	856
Савоськин А.В., Руколеев В.А. Безопасность воспроизведенных лекарственных препаратов и правовые проблемы их оборота на территории России	875

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Гроник И.А. Природа онлайн-разрешения гражданско-правовых споров в современной Индии	892
Кирпичев А.Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе	906
Лютова О.И. Юридические гарантии реализации исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации	919

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

Чихладзе Л.Т., Комлев Е.Ю. Муниципальная власть в современном мире: обзор Международного научно-практического форума.	934
Абашидзе А.Х., Черных И.А., Солнцев А.М. Блищенковские чтения – 2024: обзор юбилейного XX Международного конгресса	938
Аллалыев Р.М., Евдокимова А.И. Моя профессия – юрист: обзор IV Международной летней академии	947
Арзамасов Ю.Г. Рецензия на монографию: Довгань К.Е. Теория рамочного правового регулирования. Москва : Юрлитинформ, 2023. 168 с.	954

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

Aleksey A. Malinovsky, Elena N. Trikoz. State sanctions policy: Historical and legal review	705
Dina R. Alimova. Legal regulation of national interests in Russia: Theory and practice	730
Vasily V. Trofimov. Legislative relations as a form of law application	743
Polina N. Andreeva. The right to a view in Russia: History, legislation and future prospects	762
Sergei N. Kasatkin. Revisiting legal positivism: G. Hart's 1958 conception of legal reasoning in the lens of G. Postema	778

CIVIL AND LABOR LAW

Levan G. Dzhidzhavadze. International Labor Organization's stance on work-related restrictions	798
Vyacheslav V. Kress. Characteristics and classification of intangible assets.	817

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Willie A. Maslov. Administrative prejudice and the principle of non bis in idem	828
Alexandra S. Kholoimova, Roman V. Grebenev. The Fairness of Pre-trial Proceedings in a Criminal Case	841

BIOETHICS AND LAW

Nina M. Kolosova, Vladislava E. Mamedova. Constitutional and legal guarantees for the protection of medical information of vulnerable persons	856
Alexander V. Savoskin, Vitaly A. Rukoleev. Safety of reproduced pharmaceuticals and legal issues of their circulation in Russia	875

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

Irina A. Gronic. The nature of online civil dispute resolution in modern India	892
Alexander E. Kirpichev. Prompts for generative artificial intelligence in legal discourse	906
Olga I. Lyutova. Legal guarantees for tax obligations in the digital era	919

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Levan T. Chikhladze, Evgeny Y. Komlev. Municipal power in the modern world: Insights from the International Scientific and Practical Forum	934
Aslan Kh. Abashidze, Irina A. Chernykh, and Alexander M. Solntsev. Blishchenko Readings – 2024: Overview of the XX Anniversary International Congress	938
Ruslan M. Allalyev, Anna I. Evdokimova. My Profession is Lawyer: The International Summer Academy Review	947
Yuriy G. Arzamasov. Monograph Review: Dovgan, K.E. (2023) Theory of framework legal regulation. Moscow, Yurlitinform Publ.	954

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-705-729>

EDN: HNTBWL

Научная статья / Research Article

Санкционная политика государства: историко-правовой обзор

А.А. Малиновский¹ , Е.Н. Трикоз^{1,2,3}

¹Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация;

³Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

 alena_trikoz@mail.ru

Аннотация. В санкционную практику современных государств привносятся все более изощренные способы политических, экономических, торговых, организационных и юридических ограничений, которые составляют институциональную стратегию разновекторного воздействия на «государство-мишень». Необходимой частью механизма осуществления внешних функций защищающегося суверенного государства становится особый правовой институт контрсанкционных мер и инструментов ответной санкционной политики. Множественность санкционных ограничений и появление гибридных ограничительных мер придают особую значимость разработке эффективного санкционного законодательства на уровне отдельных государств и международных организаций. Целью является исследование нормативных правовых основ санкционной политики государств в их исторической ретроспективе. Применяется сравнительно-правовая методология, формально-юридический анализ и историко-теоретическое описание процессов формирования классических ограничительных и карательных санкционных мер. Полученные выводы показывают, что санкционная стратегия государств постепенно трансформируется в сторону расширения перечня методов ее реализации (в виде секторальных санкций, замораживания активов, санкционных списков, отслеживания торговли с врагом, контроля контрабанды и теневого флота, экстерриториального воздействия на нейтральные страны, «контролируемого технологического отставания», применения «морального эмбарго», и др.). Авторы заключают, что так называемая «война санкций» стала закономерным результатом реализации на практике контрсанкций как ответных мер государства и международного принципа взаимности.

© Малиновский А.А., Трикоз Е.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: санкции, репрессалии, эмбарго, рестрикции, морская блокада, черные списки, ограничительные меры, законодательство о санкциях, контрсанкции

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Малиновский А.А. – введение, общий обзор, раздел 4 и заключение; Трикоз Е.Н. – анализ и научная проработка материалов (разделы 1–4).

Поступила в редакцию: 15 декабря 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Малиновский А.А., Трикоз Е.Н. Санкционная политика государства: историко-правовой обзор // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 705–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-705-729>

State sanctions policy: Historical and legal review

Aleksey A. Malinovsky¹ , Elena N. Trikoz^{1,2,3}

¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

³Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

alena_trikoz@mail.ru

Abstract. The sanctions practice of modern states is introducing increasingly sophisticated methods of political, economic, trade, organizational and legal restrictions, which constitute an institutional strategy of multi-vector impact on the "target state". A special legal institution of counter-sanction measures and instruments of the corresponding sanctions policy is becoming a necessary part of the mechanism for implementing external functions of the defending sovereign state. The multiplicity of sanctions restrictions and the emergence of hybrid restrictive measures give special significance to the development of effective sanctions legislation at the level of individual states and international organizations. The purpose of this article is to study the normative legal foundations of the sanctions policy of states in their historical retrospective. This article applies comparative legal methodology, formal legal analysis and historical and theoretical description of the formation of classical restrictive and punitive sanctions. The final conclusions show that the sanctions strategy of states is gradually being transformed towards expanding the list of methods for its practical implementation (in the form of sectoral sanctions, freezing of assets, sanctions lists, tracking trade with the enemy, control of smuggling and shadow fleets, extraterritorial influence on neutral countries, "controlled technological backwardness", application of "moral embargo", etc.). The authors summarize that the so-called "sanctions war" has become a natural result of the introduction of counter-sanctions in practice as retaliatory measures of the state and the international principle of reciprocity, which means the right to equality and mutual respect between states.

Key words: sanctions, reprisals, embargoes, restrictions, naval blockade, blacklists, restrictive measures, legislation on sanctions, counter-sanctions

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Malinovsky A.A. – introduction, general overview, section 4 and conclusion; Trikoz E.N. – analysis and scientific study of materials (sections 1–4).

Received: 15th December 2023

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Malinovsky, A.A., Trikoz, E.N. (2024) State sanctions policy: Historical and legal review. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 705–729. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-705-729>

Введение

В отечественной историографии историко-правовая проблематика санкционной политики государств представлена в недостаточной степени. Настоящая статья с целью восполнить имеющийся пробел в научно-исследовательской литературе посвящается осмыслению исторического опыта правового регулирования *санкционной политики* государств и ретроспективному сравнительно-аналитическому изучению феномена *государственных санкций*.

Под санкционной политикой авторы понимают деятельность государства, направленную на создание и применение различного рода экономических, политических, юридических ограничений в отношении другого государства (его органов, должностных лиц, граждан, общественных объединений, торговых и производственных предприятий) с целью его принуждения к изменению своих геополитических, военных, экономических или социально-культурных приоритетов.

С историко-теоретической точки зрения проведение санкционной политики признается важнейшим этапом эволюционного механизма осуществления внешних функций государства и юридических способов их регламентации. Санкционная политика как способ как военного и невоенного противоборства государств исторически представляла собой наложение на «виновное государство» различного рода санкций (лат. *sānctio* – «нерушимый закон, строжайшее постановление»; от *sānctus* – «освященный; нерушимый, незыблемый»).

Поскольку применяемые санкции выступали официальным выражением воли конкретного государства, то они, как правило, получали свое юридическое оформление и нередко обретали подробную правовую регламентацию и практику юридического оспаривания. И если в эпоху Античности санкции налагались посредством, как правило, устного распоряжения главы государства (тирана, диктатора, вождя), а в Средневековье и Новое время при помощи кратких указов и ордонансов, то в Современную эпоху санкционные меры уже детально прописываются в законах, за соблюдением которых следят контрольно-надзорные органы, комитеты и комиссии, или даже специальный санкционный омбудсмен. При этом если «в незапамятные времена» санкционные указы нельзя было опротестовать, то в настоящее время практически любые санкции можно обжаловать в судебном порядке в инстанциях национальной или международной юрисдикции.

В настоящем исследовании авторы попытались в избранных образцах, не претендуя на всеохватывающее комплексное изучение санкционного феномена, проиллюстрировать на отдельных исторических примерах опыт внедрения и применения санкций на разных этапах становления мировой практики санкционного воздействия.

Историко-правовой анализ системы классических санкционных мер

Одно из первых свидетельств санкционной политики можно обнаружить в *Древнем Египте*. Приведем лишь один частный пример. Так, перед началом

завоевательных походов фараон Аменхотеп II принял указ 1448 г. до н.э., на основании которого было впервые применено негласное ограничение торговли зерном в Сирии, прежде чем египтяне перешли к военным действиям на ее территории (Naguchev & Bolik, 2018:250).

Далее *греко-римский период* демонстрирует нам первые попытки экономического давления на недружественные полисы. Эта тактика нередко сопровождалась открытым или косвенным политическим вмешательством в торговый оборот и коммерческие связи. Практика ответных мер и санкций получила популярность в античном Средиземноморье, так как была направлена против собственности или личности иностранного должника или его сограждан, при отсутствии ранее заключенных специальных соглашений об обратном, например, направленных на предоставление убежища или иммунитета.

Зародившийся в античном мире институт *принудительных мер* экономического и политического характера стал обозначаться латинским словом *репрессалии* (старолат. *repressaliae* – останавливать; лат. *reprehendere* – сдерживать). Первоначально этот термин использовался для обозначения права насильно отбирать то, что было необходимо для возмещения понесенного ущерба. Репрессалии предполагали применение принудительных, как правило, конфискационных мер одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства, с целью заставить его прекратить вредоносные действия и выплатить компенсации.

В качестве примера экономических санкций в форме репрессалий приведем *Мегарский указ*, принятый местной еkkлeсией в форме *псефизмы*¹, внесенной по инициативе афинянина Перикла ок. 433/432 г. до н.э. и направленный против полиса Мегары на побережье Коринфского перешейка (Pericles, 1973; Simons, 1999). Исследователи признают этот документ первым в мировой политике письменно зафиксированным наложением экономических санкций в качестве элемента принуждения (Ternovaya, 2015).

Незадолго до принятия «*Мегарской псефизмы*» афиняне стихийно, в форме бойкота начали избегать покупок мегарских продуктов в своем городе, применяя ограниченное *эмбарго*. Это было сделано в ответ на то, что мегарцы поддерживали беглецов из Афин, укрывали сбежавших рабов, убийство афинского глашатая на их территории, а также возделывали священные земли в Элевсине, принадлежавшем Афинам и находившемся на границе с мегарским полисом (MacDonald, 1983; Strogetsky, 1984). По мнению афинян, их соседи своим поведением нарушили заповедь того, что «святая земля не должна возделываться», и при этом не обсуждали вопрос о спорной территории (Andokid, 1996:8). В самом Мегарском указе были наложены ограничения на купцов из полиса Мегары и запрет на доступ к любым афинским товарам, а также посещать рынки по всей Аттике или заходить на кораблях в порты Афинского морского союза (Stadter, 1984). Наложённый запрет на поставку зерна и других продуктов угрожал фактически голодом Мегаре, не имевшей своих пахотных угодий. Фактически была объявлена морская *блокада*, которая привела

---

¹ *Псефизма* (др.-греч. *ψήφισμα* – решение) – правовой акт, который принимался в народном собрании (эkkлeсии) или булэ путем голосования с помощью керамических кружочков – *псеф*, но в отличие от ординарного закона-*номоса* и акта-*пробулемы* применялась в конкретной ситуации и к определенному кругу лиц, будучи обязательной на протяжении одного года и с возможностью продления (кассирования) другой псефизмой (Quaß, 1971).

к быстрому разрыву торговых отношений². Так, поэт Аристофан в своей антивоенной комедии «Ахарняне» упоминал Мегарский указ как один из самых ранних примеров *торговых санкций*, которым афиняне заблокировали экономические связи купцов из Мегары: «И вот Перикл, как олимпиец, молнии – и грома мечет, потрясая Грецию. – Его законы, словно песня пьяная: «На рынке, в поле, на земле и на море – Мегарцам находится запрещается» (Aristophanes, 1983:33–34).

Важной особенностью Мегарского указа стало включение отдельным блоком предписаний о наложении наказаний на тех, кто нарушит эмбарго на рынках или незаконно способствует транзитной торговле продуктами из Мегарида в портах, включая порты городов – бывших колоний мегарейцев, таких как Византия и Халкидон (Naguchev & Bolik, 2018:250–252). По некоторым данным, любой мегарец, оказавшийся под юрисдикцией того или иного полиса Афинского морского союза, должен был подвергнуться судебному преследованию и выплачивать большой штраф в казну.

Продемонстрированная Афинами санкционная политика создала наколенную обстановку и экономический коллапс, что уже через год привело к затяжной Пелопонесской войне (431–404 гг. до н.э.) и распаду Афинского союза. В этом историческом контексте торгово-экономические санкции рассматриваются как *предвоенный маркер*, который может иметь обоюдоострые последствия и для государства, изначально наложившего санкции (Surikov, 1997:87–90).

Античные полисы знали и собственно *военные репрессалии*, применение которых подлежало четкому правовому урегулированию в соглашениях между полисами. Они использовались в качестве силовых мер наложения ответственности на нарушившего обязательства политического субъекта. Один из примеров договорного регулирования санкций и репрессалий имел место в 450 г. до н.э. В то время два греческих полиса Эантэя (др.-греч. *Οιάνθεια*) и Халео (др.-греч. *Χαλειόν*) заключили договор о применении репрессалий к судам в открытом море и о запрете их в пределах сухопутных границ и портах. Возможные споры о нарушении этого договора должны были решаться путем выплаты штрафов, взыскания имущества или судебного разбирательства, о чем содержались предписания в самом договоре.

Приведем практический пример из истории войны между Спартой и Афинами, где был случай применения репрессалий в 423 г. до н.э., который однако был недолгим. Оперативно стороны конфликта договорились об отказе дальнейших репрессалий и заключили особое соглашение: «Вам следует предоставить нам *сатисфакцию*³ и нам следует предоставить вам сатисфакцию, и согласно с обычаями наших предков решить наш спор при помощи арбитража без применения военной силы» (Butkevich, 2008).

В античности *коллективные санкции*, наложенные на недружественный полис или отдельную общину, выражались в основном в применении *репрессалий*. Незаконными силовыми методами считались каперство, пиратство и бандитизм, а вот репрессалии (*syle*) признавались у греков разновидностью законного применения силы. Они имели целью получение сатисфакции или взыскание долга с другого лица или государства, действовавших незаконно (Butkevich, 2008).

² Кембриджская история Древнего мира / под ред. Дж. Бордмана и Н.-Дж.-Л. Хэммонда; пер. с англ.; под ред. Д.-М. Льюиса и др. М.: Ладомир, 2014. С. 470–472.

³ Под *сатисфакцией* в данном случае следует понимать возмещение причиненного ущерба и принесение извинений за совершение противоправных действий.

Яркую иллюстрацию репрессалий дает вооруженный конфликт ахейцев и беотийцев, в ходе которого глава Ахейского союза стратег *Филопемен* (253–183 гг. до н.э.) издал указ о праве наложения репрессалий на противника в виде взыскания и изъятия беотийского имущества, в дополнение к полученной военной добыче. Как описывал этот документ историк и военачальник Полибий, тем самым было «дозволено всякому желающему идти за добычей на беотян». Когда ахейцы начали уводить у беотян целые стада в качестве репрессалий, лишь вмешательство Мегар положило конец этим мерам (*Polyb.*, XXII, 4, 17). «Филопемен предоставил всем истцам право использовать беотийское имущество, что привело к крупной ссоре между этими народами. ...После передачи Делоса Афинам, римляне приказали делийцам убираться с острова, забрав с собой свое личное имущество, переселиться в Ахею и становиться ахейскими гражданами, поскольку судебный процесс, начатый ими против афинян, должен отвечать положениям конвенции, заключенной между Афинами и Ахеей. Когда ахейцы начали отказываться от своих обязательств по этой конвенции, тогда делийцы стали требовать права на применение *репрессалий* против афинян» (Grewe, 1988:79–80).

В античный период санкции могли накладывать *третейские органы* от имени межполисных союзов – т.н. *амфиктонии*, которые изначально создавались с религиозно-обрядовыми целями для «смягчения ужасов войны». Суд амфиктоний рассматривал споры из нарушений обязательств между участниками союза, с участием представителей разных полисов, приглашенных на основе специальных декретов (Giovannini, 1993:276). В случае упорного нежелания покориться требованиям арбитражного суда могли применяться против таких непокорных полисов принудительные меры, включая *военные репрессалии* и объявление «священной войны» (Mitina, 2008:38–40). Так, в 383 г. до н.э. спартиаты, нарушив священное перемирие, захватили фиванскую крепость Кадмеи, за что *амфиктоны* наложили на них штрафные санкции, а затем после отказа выплачивать их были по решению амфиктионии вовсе исключены из союза.

Античный механизм *арбитража* регулярно использовался как средство навязывания воли и давления на другие государства. Могущественная Македония выдвинула своего царя Филиппа II как наиболее влиятельного политика во всем Эгейском бассейне в качестве судьи Дельфийско-фермопильской *амфиктионии*. Здесь он стал единственным арбитром в решении межполисных конфликтов, добивавшись создания общегреческой федерации во главе с Македонией. Как следствие все споры между членами этой федерации рассматривались судом амфиктионов, председателем в которых был сам Филипп (Mikhailovsky, 1963:10–14).

Значительный опыт наложения санкций и иных мер внешнего экономического давления на недружественных соседей накопили и в Древнем Риме. Консулы и преторы использовали *репрессалии* изначально лишь в рамках норм *jus gentium*, как особую форму карательных действий, направленных против иностранных общин, не выполнявших свои обязательства перед Римом (Khlevov, 2005). Так, римское правительство ввело торговое *эмбарго* в отношении общины галлов в 232–225 гг. до н.э., когда было запрещено кому-либо, включая неримских граждан в третьих странах, покупать или продавать золото или серебро у галлов⁴.

⁴ Термин «эмбарго» (исп. *embargo*) означает наложение запрета или арест, и имеет два основных значения. Первое включает ситуации государственных запретов захода в порты страны судов, которые

Средневековый опыт частных санкций и институализация практики репрессалий

Следующий этап в истории *правового регулирования санкций* приходится на эпоху Средневековья. Этот институт нашел частичное закрепление в раннесредневековых соглашениях. Одним из таких был заключенный в 836 г. Пакт между князем южно-итальянского (лангобардского) княжества Беневенто Сикардом и герцогом Неаполитанским епископом Иоанном. В нем было закреплено положение, согласно которому, в случае отказа вершить правосудие местным судьей (лат. *iudex loci*), потерпевшая сторона может взыскать *компенсацию* по территориальному принципу (лат. *de loco ubi causa quaeritur*).

Более четко *институт репрессалий* был закреплен в Договоре 888 г. между Венецианским дожем Пьетро Трибуно и Фриульским маркграфом Беренгаром I в Итальянском королевстве, где по той же формулировке, что и в вышеупомянутом пакте, признавалась возможность кредитора в случае отказа ему в судебной защите получить разрешение органа юстиции своей страны на репрессалии с подданного другой страны, в которой иск был безуспешно возбужден против должника и не было получено защиты местного суда (Norwich, 1982). Позднее этот же самый Венецианский дож Трибуно заключил отдельное Соглашение 891 г. с императором Запада Гвидо Сполетским, где тот частично признавал необходимость закрепления по просьбе послов дожа более эффективных процедур на случай спора о венецианской собственности, а также закрепил за дожем право преследовать санкциями своих собственных граждан, укрывавшихся за границей⁵.

В период зрелого Средневековья продолжала расширяться практика репрессалий, эмбарго и других форм *экономических санкций* с целью принуждения к соблюдению договорных обязательств. Главным образом она была направлена персонально на защиту определенных *христианских меньшинств* (Alexander, 2009:9). В этом свою роль сыграла Римско-Католическая церковь, которая активно применяла санкционные меры и репрессалии от имени Папского государства. В их числе, например, ограничение прав мусульманской общины и выходцев из Арабского Востока. В частности, был введен санкционный запрет на продажу кораблей, оружия, боеприпасов и других товаров из арабского региона.

В период Крестовых походов ограничения торговли европейских купцов некоторыми товарами стали средствами реализации санкций, так как им запрещалась продажа нехристианам и язычникам оружия, доспехов и др. Такая практика была официально признана актом *Латеранского собора* в 1179 г.: «*Жестокая алчность настолько овладела сердцами некоторых людей, что, хотя они и именуют себя гордым именем „христиане“, снабжают сарацин оружием и ... всем необходимым для нападений на христиан... Поэтому мы объявляем, что такие люди будут отлучены*

принадлежат другим государствам, или выхода из своих портов судов иных государств. Широкое распространение такое понимание эмбарго получило в XIX в., в период распространения морских блокад с целью оказания влияния на политику другого государства. Современными примерами действующих эмбарго такого рода являются: запрет на заход в порты США судов, перевозящих продукцию с Кубы и на Кубу (с 1996 г.); запрет на заход в порты Турции судов Республики Кипр (с 1974 г.) и др. Во втором случае эмбарго – это запрет непосредственно государством или группой стран экспорта или импорта различных товаров (Busheneva, 2015:17–27).

⁵ Pozza M. *Tribuno, Pietro. Dizionario Biografico Degli Italiani*. Roma, Istituto della Enciclopedia italiana. 2019.

от церкви, их имущество должно быть конфисковано, а если они сами будут схвачены, они станут рабами тех, кто их захватил»⁶. Хотя римские папы нередко продавали разрешения итальянским и другим городам на запрещенную торговлю с мусульманами (Sheinman, 1959:47).

Другое направление развития института репрессалий в средневековый период было связано с применением особого механизма светской юрисдикции, посредством которого кредитор, не сумевший добиться всеми мирными путями от своего иностранного должника исполнения обязательств по сделке, мог получить от своего муниципалитета привилегию письменно подтвержденных репрессалий (Strupp, 1925). Такие документы в разное время могли называться сначала как «*litterae repressaliarum*», «*cartae repressaliarum*», «*pignorationes*», а позднее как «*ius marchi*» и «*lettres de marque*» (Mas Latrie, 1875; Walker, 1899). Ссылаясь на подобное разрешение о репрессалии, кредитор или истец мог впоследствии преследовать неоплатного должника за пределами своей юрисдикции либо же при его безвестном отсутствии предъявить регрессное требование муниципалитету должника или его согражданам (Lafargue, 1898).

Со временем упоминания о таких ответных мерах становятся все более многочисленными и прямо закрепляются в местном законодательстве. Так, вышеупомянутые «письма о репрессалиях» (итал. *lettere di rappresaglia*), выдаваемые от имени муниципалитета, можно найти в «Статутах Пизы» 1160 г. под названием «*lausum*», или же разрешительные грамоты «*lettres de marque*» в кутюмах Франции (Bonaini, (ed.), 1854). В документе пизанских консулов 1164 г. содержится описание процедуры, согласно которой каждый гражданин Пизы, открыто лишившийся своего имущества в чужой стране и имевший неудачный опыт запроса судебной защиты с целью возврата изъятой собственности, получал от своих городских консулов разрешение на *recolligere suum*, то есть право воздавать должное, «отомстить согражданам неоплатного должника в чужом городе или стране» (Guarini, 1910).

В некоторых средневековых городах были учреждены даже специальные магистраты, называемые, например, в Болонье «*послы репрессалий*», которые должны были выезжать за пределы страны с целью нахождения и взыскания компенсации, требуемой по заявлению горожанина против его злостного должника, родом из другого муниципалитета или страны (Brière, 1928). Сначала муниципалитет, к которому принадлежала потерпевшая сторона, отправлял соответствующее «письмо о репрессалии» и восстановлению справедливости в другой муниципалитет или же отсылал своего гонца для установления факта отказа в правосудии. Если подтверждалось, что дело требует введения репрессалий, то они официально провозглашались против того муниципалитета, на территории которого суд отказал в защите потерпевшей стороне / истцу, либо же против любого горожанина или жителя сельской местности того же городского округа.

Репрессалии могли быть наложены на имущество и активы, но в некоторых случаях разрешалось также заключать в тюрьму; при этом потерпевшая сторона должна была уведомить свой муниципалитет об изъятых активах, чтобы тот зарегистрировал их в специальном реестре. Если в течение определенного времени не поступала компенсация или выкуп от должника или от его муниципалитета, то местный подеста продавал изъятые товары с аукциона и на вырученные деньги возмещал ущерб

⁶ Third Lateran Council, 1179 A.D. Papal Encyclicals. Council Fathers.

своему согражданину. В обоих случаях репрессалии вычеркивались из специальной книги муниципалитета, в которой обычно отмечалось их предоставление в форме *lettere di rappresaglia*.

В некоторых наиболее крупных муниципалитетах был введен специальный *magistrat*, который руководил назначением репрессалий и контролировал их применение. Так, в Венеции в XIV–XV вв. действовала коллегия по репрессалиям во главе с самим дожем; то же самое имело место в Болонье и Флоренции. Хотя что касается Болоньи, то еще Фридрих Барбаросса своей хартией под названием *Authentica «Habita»* 1158 г. даровал студентам и профессорам Болонского университета особую привилегию, освободившую их от практики взыскания репрессалий или наложения санкций (Pertz, 1837:249). Другая подобная привилегия по защите от репрессалий была распространена на паломников, направлявшихся к святым местам; также были исключены из практики репрессалий послы и дипломатические агенты.

В отдельных государствах с действующим парламентом, в которых коммуны и феодалы подчинялись высшему князю или правителю, последний должен был получить *согласие парламента* в каждом конкретном случае расправы над подданными других сеньоров или репрессалий против коммун и муниципалитетов. Так действовал, например, фриульский парламент, когда в период своего максимального могущества в XIV–XV вв., выпустил резолюцию о репрессалиях, налагаемых от имени герцога-патриарха Аквилей⁷.

Однако, в связи с активным развитием средневековой торговли, ростом городов и расширением королевств вместе со стремлением привлечь в свои страны больше купцов, паломников и других податных слоев населения, было принято решение постепенно *отходить от практики* репрессалий и иных санкций.

К концу XIV–XV вв. еще более обострилась реакция на применение репрессалий, о чем свидетельствует умножение договоров между государствами, которые взаимно обязывались исключить практику санкционных мер из своих взаимоотношений. Так, в 1531 г. швейцарские протестантские кантоны во главе с Цюрихом запретили продажу некоторых товаров (муки, соли, железа и вина) католическим кантонам, потому что те нарушили свои обязательства по Каппельскому договору (*First Kappel Peace Treaty*) 1529 г. относиться терпимо к протестантскому меньшинству. Это спровоцировало гражданскую войну, кульминацией которой стало подписание Второго Каппельского договора 1531 г., восстановившего некоторые религиозные свободы в швейцарских кантонах как для католиков, так и для протестантов, и отменившего эмбарго на запрещенные к продаже товары (Bader & Bangerter, 2001:18–20).

В то же время в Англии при Тюдорах была впервые опробована *новая форма репрессалий* – ведение «черных списков». Так, английская идиома «черный список» зародилась от близкого понятия *black book* (англ. «черная книга»). При дворе короля Генриха VIII Тюдора стали составлять списки подлежащих санкциям лиц и учреждений (Терновава, 2015:119). Специальные придворные чиновники из рыцарского «Ордена подвязки» (англ. *Order of the Garter*), основанного еще в 1348 г., вели особую

---

⁷ Это было одно из церковных государств Священной Римской империи – Патрия-дель-Фриули, которое в 1420 г. приобрела Венецианская республика, но некоторое время архиепископство продолжало управляться по своим собственным законам и обычаям, в числе которых *Constitutiones Patriae Foriulii* 1355 г., основной закон Фриульского архиепископства вплоть до падения Венецианской республики в 1797 г. (Foligno, 1922).

«черную книгу» (*Liber Niger*) в черном бархатном переплете⁸, где содержался не только тексты статуты и отчеты ордена, но и список с именами и названиями тех, кто должен быть наказан и подвергнут санкциям за свои греховные проступки (Mertes, 1981:29–39).

Этот список был начат в 1534 г. регистром Ордена Р. Олдриджем, который включил в него материалы из первого известного реестра (*Registrum ordinis Chartaceum*), и продолжал затем вести «Черную книгу» до 1551 г. В частности, в черный список включались якобы «согрешившие» английские монастыри, а на самом деле это могли быть высокопоставленные лендлорды или монастыри, чьи земли король хотел приобрести в свой домен в качестве репрессалии⁹.

Таким образом, в средневековый период получили распространение репрессалии как *невоенные принудительные меры*, выдача разрешений на применение которых рассматривалась в качестве атрибута политического суверенитета средневекового города / муниципалитета / территориального образования. Первоначально репрессалии имели частноправовой характер, отражая саму суть зарождающихся международных отношений того периода. Эти меры принуждения были следствием средневековой *концепции правосубъектности* муниципалитета, сеньории или княжества, которую четко не отличали от правосубъектности населявших их граждан или подданных. Отсюда возможность применять репрессалии как ответной меры к любому подданному муниципалитета, отказавшего в правосудии.

В таких условиях было затруднительно четко отличить состояние мира от состояния войны при отсутствии устоявшихся международных правил наложения принудительных мер. Если одно территориальное образование отказало в правосудии подданному другой страны, запросившему судебную защиту, то возникало состояние враждебности между обеими территориальными общинами. Из этого контекста оправдывали *нанесение ответного удара* любому члену муниципалитета / княжества.

К тому же в средневековый период большинство государственных образований использовали *практику протекционизма*, поэтому экономические меры были вполне агрессивно направлены на защиту внутригосударственной торговли (Dzhivegov, 1902:156). В итоге большинство уставов городов и двусторонние договоры государств содержали в себе положение о практике репрессалий и ответных принудительных мер (Nys, 1894:64).

Постепенно репрессалии теряли свой мирный характер как *невоенные санкции*, особенно когда стали регулярно применяться в качестве мер давления в военное время, такие как долгосрочная осада города или использование голода осажденных.

Наиболее ранний случай, когда укрепленный город был вынужден сдаться под давлением ситуации с истощенными запасами продовольствия, произошел с французским городом Руаном в 1144 г. Сдача этой столицы Нормандского герцогства графу Анжуйскому Жоффруа (Готфриду) стала возможной именно по этой причине. Немного позднее его сын, следующий английский король Генрих II Плантагенет, вынудил другой французский город Доль в герцогстве Бретань также сдаться по

⁸ Латинский термин «*Liber*» использовался либо в интеллектуальном контексте («работа, труд»), либо в кодикологическом смысле («кодекс, переплет»), когда речь шла о черном цвете переплета книги, что было достаточно распространенным явлением в средние века (известно о Регламенте «Черная книга Эдуарда IV», «Черной книге Казначейства» и др.) (Bacaldina, 2016).

⁹ Ammer, Ch. (ed.). *The American Heritage Dictionary of Idioms*. Boston, MA. 1997. pp. 11.

причине нехватки провизии, так как англичане использовали свои войска для блокировки французам всех путей снабжения города (Bradbury, 1992:83).

Все более регулярно воюющие государства стали использовать *тотальное эмбарго*, направленное на то, чтобы поставить противника в положение просящего пощады. Эта военная *тактика по изоляции* противника, совмещенная с экономическими санкциями на пути доставки по морским путям, получила название *морской блокады*¹⁰. Одной из успешных блокад можно назвать действия голландцев против испанцев, оккупировавших Фландрию в ходе морской блокады в 1581 г. (Kolodkin, 1963:64).

В средневековый период не было четких международно согласованных правил или межгосударственных соглашений о применении таких мер военной тактики, как использование *блокады или голода*. Это было связано с развитием практики частных войн, торгового и морского эмбарго, принципа солидарной ответственности и т.п. Определенное движение по *ограничению голода* как военной меры начинается в классический период развития международного права. Но фактически лишь в современный период концепция «*гуманитарной помощи*» встала на пути применения тактики голода, признав его незаконным инструментом ведения войны, и ограничила основания торгового эмбарго как меры санкционного давления¹¹.

Политика *средневековых репрессалий* была предопределена относительной слабостью государственного аппарата, неспособностью эффективно осуществлять правоохранительные и праввосстановительные функции на международной арене. Именно этим было обусловлено зарождение *института флибустьерства*¹², в рамках применения которого государства юридически позволяли или прямо управомачивали пиратов (флибустьеров, корсаров и др.) заниматься легализованным морским разбоем и грабежом приморских городов иностранных государств. Средневековые *акты о репрессалиях* (фр. *lettres de marque / de represailles*) могли равнозначно трактоваться не только как разрешение на частноправовые репрессалии, но и как *патент на каперство* во время морской войны, например. Тем самым косвенно проводилась санкционная политика в отношении кораблей «недружественных стран» и их прибрежных территорий. Участники этой политики – каперы и арматоры были обязаны вносить залог на случай уплаты государством убытков за незаконное ограбление нейтральных судов.

¹⁰ *Морская блокада* – это особый вид военных действий на море, посредством которого воюющие державы перегораживают своим флотом порты, заливы, реки и моря неприятеля для того, чтобы голодом и недостатком припасов принудить к сдаче определенной территории или пункта, или для удержания в блокируемом пункте военных судов неприятеля, с целью прекращения морской торговли противника и усиления недовольства среди приморского населения. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1891). С.-Петербург : Семеновская типолитография. Т. IV (7).

¹¹ Ethiopia. Food as a Weapon of War; Aid from Western Donors Key to Course of Conflict. The Washington Post. 24th December 1987.

¹² Термин «*флибустьер*» произошел от искаженного голландского слова *vrijbouter* (англ. *buccaneer*) и затем был заимствован в испанском языке как *filibustero* и во французском как *flibustier*, первоначально относящийся к пиратам, которые вторглись в Карибское море между Кубой и Никарагуа примерно между 1680 и 1800 гг. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1891. С.-Петербург : Семеновская типолитография. Т. IV (7).

Санкционная политика государств в эпоху Нового времени и начало опыта «санкционных войн»

Постепенно к XVII–XVIII вв. практика *частных репрессалий* исчезает в Европе, и утверждается принцип, согласно которому государство должно справедливо относиться к иностранцам и предоставлять им защиту на основе *режима взаимности* так же, как и своим собственным гражданам. Репрессалии приобретают *государственный* характер, а право на их применение перешло исключительно к государству и применительно к другим государствам, а не частным лицам. Эта тенденция стала «прямым следствием взгляда на войну как вооруженное столкновение государств, а не частных лиц» (Рихтер, 1895:181).

В Российской империи первую «санкционную войну» начала императрица Екатерина II против революционной Франции. В ответ на казнь короля Людовика XVI Бурбона был издан Именной указ от 8 февраля 1793 г. об отзыве российских дипломатов и высылке из России всех французов, если те не примут специальной присяги об отказе «от революционных правил, во Франции распространенных», и о полном разрыве с Францией торгово-экономических связей: «1. Действие торгового договора между Нами и покойным Королем Французским Людовиком XVI ... до эпохи восстановления порядка и власти законной во Франции прекратить. 2. До того же времени запрещается впускать в порты Наши на разных морях находящиеся суда под флагом национальным французским; равным образом запрещается и нашему купечеству, и хозяевам кораблей посылать торговые их суда во французские порты. 3. Бывших Французских Консулей и прочих к сим принадлежащих выслать из обеих столиц наших и из прочих мест, где они находятся... 10. Всем подданным Нашим запрещается ездить во Францию, или же иметь, какое бы то ни было, сообщение с Французами. 11. Запрещается ввозить в Россию ведомости, журналы и прочия периодическая сочинения, во Франции издаваемые»¹³.

В другом своем Именном указе от 17 февраля 1793 г. Екатерина II призывала по сути к «импортозамещению», полностью запрещая торговлю французскими товарами: «Мы почитаем за нужное пресечь ввоз в Империю Нашу французских товаров и торг оными тем более, что большая часть из них служат единственно к излишеству и разорительной роскоши, другие же могут заменены быть продуктами и рукоделиями как собственными Империи Нашей, так и доставляемыми из иных мест...»¹⁴. Эти антифранцузские санкции затронули более широко любые мануфактурные товары, откуда бы они ни завозились в Россию, так как отныне на них требовалось получение у российского консула письменного свидетельства о происхождении товаров. Выявленную «санкционку» надлежало незамедлительно «истреблять», и эта процедура применялась вплоть до самой смерти императрицы в 1796 г.¹⁵

¹³ Режим доступа: <https://base.garant.ru/58105700> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁴ Именной указ от 17 февраля 1793 г., данный Действительному Тайному Советнику Графу Безбородко и правящему должность Генерал-Прокурора «О запрещении ввоза в России Французских товаров». Текст доступен по веб-адресу: <https://base.garant.ru/58105702> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁵ Ворошилова С. Не война и не мир: краткая история экономических санкций – от Пелопонесской войны до эмбарго Джефферсона // НОЖ. 26 апреля 2022.

Таким образом, в рамках *санкционной политики* своими указами Екатерина II юридически запретила в России «все французское», дала правовую оценку нарушениям монархического правопорядка, чем манифестировала по сути «культуру отмены» революционной Франции на территории Российской империи¹⁶.

Ее сын, император Павел I Петрович, магистр Мальтийского ордена, в ответ на блокаду Мальты англичанами и с учетом государственных интересов наложил в 1801 г. в качестве своеобразной санкции арест на все английские корабли и блокировку их товаров в русских портах. Он издал распоряжение о полном запрете любых торговых отношений с Великобританией. Несмотря на попытки наших купцов через Пруссию тайно поставлять англичанам важные для них товары (зерно, лес, пеньку и др.), маниакальное желание императора не допустить английскую торговлю фактически превратило нашу страну в закрытую экономическую зону. Так, в своем новом Указе Павел I предусмотрел, «чтобы из российских портов и пограничных сухопутных таможен и застав никаких российских товаров выпускаемо никуда не было без особого Высочайшего повеления»¹⁷.

Англия в свою очередь в этот период обострения отношений с Россией попыталась подавить французскую торговлю и экономику в целом. Блокада французских портов перекрывала перемещение продовольствия и товаров, что привело к обесцениванию местной валюты. В ответ на британские санкции французы применили ряд инноваций, в частности, путем местных товаров заменили ранее импортируемые сахар, соду, оружие и др.

Британская метрополия активно проводила санкционную политику в отношении своих Североамериканских колоний. Так, колонисты в ответ на английский «Закон о гербовых марках» 1765 г. запретили выгружать английские товары в местных портах (O'Brien, 1997:40–46). Британское правительство приняло одиозный «Закон Таунсенда» об обязательной оплате службы приезжих британских губернаторов и судей, в ответ на что колонисты снова объявили бойкот английским товарам.

Это в конечном счете привело к печально знаменитому «Бостонскому чаепитию» 1773 г., с последующим полным уничтожением грузов с английским чаем (Miller, 1962:109–115). В ответ на этот бойкот парламент Великобритании принял своего рода «санкционный пакет» из пяти законодательных актов, который получил название «Невыносимые законы» (англ. «*Intolerable acts*»). Данные акты регламентировали режим *морской блокады* порта в г. Бостон, а также существенно ограничили полномочия американской администрации.

В ответ на санкционные меры своей метрополии американцы разработали *контрсанкции*, приняв парламентский акт «Континентальной ассоциации» от 20 октября 1774 г., введившего полный запрет как на покупку английских товаров, так и на продажу американских товаров англичанам. В данном Акте, в частности, провозглашалось следующее: «*Мы от своего имени и от имени жителей нескольких Колоний, которых мы представляем, твердо согласны и объединены священными*

¹⁶ «Культура отмены» в современной международной политике представляет собой современную форму *остракизма*, когда «государство-изгой» (его история, культура, мировые достижения в науке, искусстве и спорте) как бы вычеркивается из политического дискурса (Chugrov, 2022).

¹⁷ Указ от 18 февраля 1801 г. из Коммерц-Коллегии, вследствие Именного «О запрещении Российским иностранным купцам, торгующим в Российских портах, переводить торговлю на Англинских купцов». Режим доступа: <https://base.garant.ru/55003860> (дата обращения: 02.02.2024).

узами Добродетели, Чести и Любви к нашей Стране устанавливаем: 1. Что с первого дня следующего декабря и после этой даты мы не будем импортировать в Британскую Америку из Великобритании или Ирландии какие бы то ни было товары... 2. Что мы не будем импортировать или покупать никаких рабов... 3. С этого дня мы не будем приобретать или использовать любой чай, завезенный на счет Ост-Индской компании...»¹⁸.

В 1794 и 1809 гг. Конгресс США принял ряд законодательных актов, наделивших президента Республики правом налагать *эмбарго* на все корабли и суда в портах США, а также приостанавливать или ограничивать торговые и коммерческие отношения с другими странами (Malloy, 2001:34). Британо-американские противоречия снова обострились в 1811 г., когда правительство Великобритании ввело санкцию в виде *перехвата американских кораблей* в открытом море, торговавших с Францией, с которой она была в состоянии войны. Реагируя на эти санкции, правительство США ввело *полное эмбарго* с Великобританией, ускорив тем самым начало войны с бывшей метрополией в 1812 г.

В период Наполеоновских войн британцы ужесточили *экономические санкции* против Франции, хотя сама цель полной экономической изоляции Европы, контролируемой Францией, не была полностью достигнута (Jack, 1940), так как французская экономика в значительной степени обеспечивала себя продовольствием и другим сырьем (Alexander, 2009:13). Но сам по себе относительный успех *торгового контроля и блокады* со стороны британцев открывал более широкие возможности для использования экономических санкций в будущем (Doxey, 1980).

В ответ на британские санкции император Наполеон Бонапарт стал первым, кто применил тактику *коммерческой войны* в региональном масштабе. Он ввел так называемую «континентальную блокаду» против Великобритании (Podmazo, 2003), попытавшись изолировать ее от системы международной торговли и ослабить экономику (Clive, 1941:347).

Для развития санкционного права в континентальной системе имел огромное значение изданный 21 ноября 1806 г. «*Берлинский декрет*» Наполеона Бонапарта. Французский император рассчитывал, что в результате торгового эмбарго в Великобритании ускорится инфляция и увеличится долговая нагрузка. «*Всякая торговля и переписка с Британскими островами запрещена. Любые письма и посылки, адресованные в Англию, англичанину или на английском языке, должны быть конфискованы. Каждый подданный Англии, найденный в странах, оккупированных нашими войсками или войсками наших союзников, будет считаться военнопленным. Все товары и имущество, принадлежащие подданным Англии, становятся законной добычей. Торговля английскими товарами запрещается. Ни одно судно, прибывшее непосредственно из Англии или из ее колоний, не должно приниматься ни одним портом. Каждое судно, обманным путем нарушившее этот запрет, будет конфисковано*»¹⁹.

Наполеон предложил своим союзникам поддержать французские санкции. Статья 10 «*Берлинского декрета*» предписывала: «*Настоящий декрет должен быть передан нашим министром иностранных дел королям Испании, Неаполя, Голландии*

¹⁸ Режим доступа: <https://wwwFOUNDERS.archives.gov/documents/Jefferson/01-01-02-0094> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁹ The “Berlin Decree”, November 21, 1806. Текст см. Режим доступа: <https://www.napoleon.org/en/history-of-the-two-empires/articles/the-berlin-decree-of-november-21-1806> (дата обращения: 03.02.2024).

и Этрурии, и другим нашим союзникам, чьи подданные, как и наши, являются жертвами несправедливости и варварства британской политики». К санкционной войне Наполеона присоединились сначала Дания, Голландия, Италия, Испания, а немного позднее Австрия, Пруссия и Российская империя. Именно с этого времени Великобритания оказалась в полной «континентальной блокаде». Сама же Франция испытала от такой блокады заметный ущерб для торговли и промышленности, что заставило Наполеона ввести *систему лицензирования* на приобретение запрещенных английских товаров.

В течение следующего столетия после завершения Наполеоновских войн тактика морских и торговых блокад применялась несколько десятков раз против различных государств. Инициаторами этой политики чаще всего были Великобритания и Франция, а также периодически Италия, Германия, Австрия и Россия (Ternovaуа, 2015:118).

Но большинство западных государств постепенно ограничивали применение экономических санкций только ситуациями *ведения войны* или особыми чрезвычайными ситуациями (Berman & Garson, 1967:791–792). В то же время были многочисленные случаи «*мирных блокад*», предполагавших применение военно-морских сил для блокирования торговых отношений с прибрежными районами или портами государств, с которым страна – инициатор санкций находилось в состоянии войны.

Первая такая «*мирная блокада*» произошла в 1827 г. во время национально-освободительной борьбы греков за независимость от Турции. Тогда сразу три крупные державы – Великобритания, Франция и Россия, не находившиеся с ней в состоянии войны, подвели свой флот к греческому побережью и блокировали поставки оружия и подкреплений турецким и египетским военным. Хотя эта блокада довольно скоро переросла в открытое морское столкновение «Наваринское сражение», закончившееся разгромом всего турецко-египетского флота.

Такие «мирные блокады» вводились более двух десятков раз против ряда стран Востока и Латинской Америки. Они превращались в инструмент принуждения непокорных государств погасить свои долги, выплатить репарации, уступить в международном споре и т.п. Так, в 1883–1885 гг. Францией были применены санкции против Китая, когда китайский рис был объявлен контрабандой, вследствие чего французы все же получили контроль над аннамской территорией. В период Русско-японской войны санкции наложила Российская империя на целый ряд японских товаров (рис, топливо, хлопок и др.).

На протяжении всего Нового времени в континентальной правовой традиции происходило активное развитие института *экономических санкций*. Они обычно применялись накануне или во время военного противостояния, принимая форму торговых и морских блокад целевой страны и экспортного контроля над стратегическими поставками с целью временной изоляции и давления методами так называемой «*санкционной войны*» (Medlicott, 1952:9).

Формирование международно-правовых основ санкционной политики в современную эпоху

С начала XX века происходит резкая механизация ведения войны, устаревают традиционные методы ведения боя и проч. Военный успех отныне зависел от способности страны эффективно обходить введенную против нее блокаду, эмбарго и

иные меры давления либо опережающего применения своей санкционной политики (Дохеу, 1996:21–22). Так, Италия применила против Турции кратковременную блокаду в 1911–1912 гг., вследствие чего итальянцы приобрели османскую Ливию. Вражеские государства в обход экономических эмбарго продолжали вести торговлю через нейтральные или третьи страны, которые не находились в состоянии войны. Поэтому даже нейтральные государства были не в состоянии отгородиться от экономических санкций, сохранив нормальные модели экономической жизни (Alexander, 2009:14).

В результате многие *правила войны* прошлого столетия, регулировавшие блокаду воюющей стороны и «экономическую войну», не подходили под новые условия, став неэффективными в эпоху подводных и воздушных войн, в том числе нормы обычного международного права, которые ранее ограничивали блокаду лишь береговой линией противника и его портами (Elagab, 1998:31–34).

Теперь уже торговая и инвестиционная деятельность граждан и коммерческих структур третьих стран нуждалась в блокировке новых формах контроля, особенно когда они передавали стратегические товары и услуги вражескому государству, способные поддержать его экономику в военное время (Alexander, 2009:15).

Существенный вклад в *международно-правовые основы* санкционной политики внес Устав Лиги наций от 10 января 1920 г. Так, согласно ст. 16 Устава, *«если Член Лиги прибегает к войне, вопреки своим международным обязательствам, то он ipso facto рассматривается как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Устав, и пресечь финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет»*.

Устав также регламентировал политику контрсанкций, а именно: *«члены Лиги соглашаются, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку при применении финансовых и экономических мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума возможные проистечь из них потери и неудобства. Они, равным образом, оказывают взаимную поддержку для противодействия всякой специальной мере, направленной против одного из них государством, нарушившим Устав»*.

Таким образом, Лига Наций начала международно-правовую легитимацию санкционной политики государств. Схожие предписания были закреплены позднее в ст. 41 Устава ООН. Хотя это породило многочисленные споры о правовой природе международных санкций, дискуссию о легальности односторонних ограничительных мер, которые ведутся среди ученых-международников по сей день (Kritsky, 2021).

В период между двумя мировыми войнами XX века была отработана техника «экономической войны» (*economic warfare*) против имперской и затем нацистской Германии. Эта тактика в широком смысле охватывала три средства подавления экономических возможностей немцев – блокада противника, контрпроизводство и наступление в тылу (Medlicott, 1952:130–131). Центральной частью экономической блокады Германии стали *экстерриториальные санкции*, направленные против нейтральных стран, торгующих с Германией и Австрией (Ambrosius, 1952:46–52).

Так, в марте 1915 г. правительство Великобритании объявило о введении всеобъемлющих экономических санкций и *блокаде Германии* в качестве «возмездия за немецкие подводные войны» (Trading with the Enemy Act 1915, § 2–4). Блокада охватила всю немецкую торговлю, игнорируя различия между законными формами и контрабандой. Но усиление блокады было затруднено из-за опасностей досмотра кораблей в открытом море. Проверка нейтрального судоходства проводилась в «контрольных портах», что вызвало значительные задержки судоходства. В итоге британское правительство и его нейтральные торговые партнеры ввели *систему паспортов*, или т.н. *navicerts*, которые представляли собой документы, удостоверяющие нейтральное место назначения товаров²⁰. Они выдавались у источника и устраняли необходимость в дальнейшем досмотре грузов в море (Jack, 1940:93–95; Medicott, 1959).

Союзные державы рассматривали торговлю Германии с нейтральными странами как экономическую цель первостепенной важности, и поэтому преследовали лиц из третьих стран, торгующих с Германией, что стало важным *экономическим оружием* британского правительства. Английская разведка ввела систему «черных списков» (*system of “blacklisting”*) с именами лиц и организаций из нейтральных и третьих стран, которые подозревались в действиях от имени или в интересах немцев (Medlicott, 1952:15–23). Британское правительство запрещало всякую торговлю с организациями, занесенными в черный список, и не разрешало нейтральным странам реэкспорт товаров британского происхождения таким организациям (Alexander, 2009:15).

Усилия Великобритании по блокаде во время Первой мировой войны также включали межгосударственные соглашения с нейтральными правительствами и торговыми ассоциациями о том, что британские товары не будут реэкспортироваться в Германию и ее союзникам (Tolstopryatenko, Malinovsky & Ageev, 2022:12–24). С этой целью британское правительство ввело следующие *санкционные меры*: ограничение импорта некоторых нейтральных стран, подозреваемых в торговле с Германией; внесение в «черный список» частных лиц или лиц в нейтральных странах, которые подозревались или были известны в связи с врагами и с которыми, следовательно, были запрещены любые сделки; и отказ или угроза отказа от использования английских портовых сооружений для ведения торговли с противником (Alexander, 2009:15).

Постепенно в XX в. прямая морская блокада побережья противника в старом стиле трансформировалась в *новый стиль блокады* на больших расстояниях посредством контроля контрабанды и экстерриториальных санкций против нейтральных государств и их граждан за торговлю с врагом (Guichard, 1930:28–32).

Подобный пример дает нам Закон США «О торговле с врагом» 1917 г., согласно § 2 которого «*врагом*» признавалось «*любое физическое лицо, партнерство или иная группа физических лиц любой национальности, проживающие на территории (включая ту, которая занята военными и военно-морскими силами) любой страны, с которой Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, или проживающие за пределами Соединенных Штатов и ведущие бизнес на такой территории, и любая корпорация, зарегистрированная на такой территории любой страны, с которой*

²⁰ *Нависерт* (англ. *navicert*; от лат. *nāvi* – «корабль» + *cert* – «сертификат») – это документ, выдаваемый представителем воюющей стороны в нейтральной стране, равнозначный судовому паспорту, обладание которым гарантировало, что при отсутствии подозрительных обстоятельств судну будет разрешено движение по своему дальнейшему маршруту (Hugh, 2000).

Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, а также правительство любой страны, с которой Соединенные Штаты находятся в состоянии войны».

По мнению американских правоведов, этот Закон стал основанием для появления т.н. «*санкционирующего государства*», которое обозначает государство, которое активно использует санкции в отношении «*санкционируемого государства*» как особый инструмент своей внешней политики (Morgan, et al., 2014:548).

В рамках санкционной политики национальное законодательство налагало запрет на любые товары и услуги (зерно, нефть, технологии и т.д.) враждебных государств. В 1930-е гг. страны Запада ввели «*золотую блокаду*» против Советского Союза, когда перестали принимать с 1925 г. золото в качестве оплаты за поставки оборудования, требуя за него советскую нефть, зерно и лес (Ternovaya, 2015:118). Спустя три года США, а затем Великобритания, Франция и др. приняли *протекционистские меры* против советского экспорта, введя *эмбарго* на ввоз всех товаров из СССР, кроме зерна. Советское правительство ответило *введением контрмер* посредством сокращения заказов и закупок в антисоветских странах, ограничений на транзит и прекращение транспортных услуг на территории этих стран.

Новым методом в санкционной политике становятся т.н. «*секторальные санкции*», задача которых состояла в ослаблении могущества противника путем воздействия на конкретный сектор в его экономике, промышленности, финансах и др. Так, в 1939 г. в ответ на нанесение авиационного бомбового удара по Финляндии во время Советско-Финской войны США применили «*моральное эмбарго*», полностью запретив поставки любых материалов и технологий для авиационной промышленности СССР.

Во время Второй мировой войны правительства США и Великобритании приняли специальное законодательство об экспортном контроле и блокировании активов стран Оси «Берлин–Рим–Токио» (гитлеровская коалиция), и координировали принятие в других странах похожих законов о торговле с противником (Domke, 1947:24–51).

В послевоенный период стала формироваться разновекторная система экономических и финансовых ограничений против *коммунистических блока стран* и других «вызывающих озабоченность», по мнению США, государств и террористических организаций (Malloy, 2001:39–46; Fitzgerald, 1999:73–90).

В годы «Холодной войны» санкционная политика становится востребованной как средство достижения геополитических интересов, что приводит к усовершенствованию и детализации методов применения санкций. Так, в США ставились задачи введения наиболее *жестких форм репрессалий*, таких как экономический бойкот, торговое эмбарго и полноценная «экономическая война».

Приведем пример, когда в ответ на Указ в СССР 1972 г. о том, что имеющие высшее образование эмигранты будут обязаны оплатить затраты советского государства на их обучение в вузах, Конгресс США принял *поправку Джексона-Веника* 1974 г. (Ternovaya, 2015:120). Она предусматривала дискриминационные тарифы и сборы в отношении товаров, импортируемых из стран с нерыночной экономикой, а также запрещала режим наибольшего благоприятствования в торговле и предоставления госкредитов тем странам, которые серьезно ограничивают или нарушают права граждан на эмиграцию.

Параллельно к Закону США «О торговле с врагом» 1917 г. принимались важные дополнения, в том числе для расширения дефиниции «врага», под которым стали пониматься любые лица и правительства, действия которых противоречат интересам США и «основам демократии». Президент США получил полномочие осуществлять санкционную политику в отношении «врагов Америки и демократии» в любой части земного шара. В результате чего американские санкции получили законодательно закрепленный *экстерриториальный характер*. Оперативное управление конкретными санкционными мерами осуществляется Президентом, который на основе подзаконных актов (исполнительных приказов и ордонансов) давал указания соответствующим органам «замораживать» банковские счета, арестовывать активы, остановить торговлю с враждебным государством, ввести «заградительные» пошлины и иные торговые барьеры в отношении «противников демократии», а также высылать послов и консулов недружественных стран.

В Новейшей истории США правовой основой санкционной политики стал «Закон о национальной безопасности» 1947 г., а также регулярно обновляемая «Стратегия национальной безопасности». На основе данных документов и формировалась *агрессивная санкционная политика*, направленная на ослабление потенциальных геополитических, военных и экономических конкурентов США, а также минимизацию любых угроз национальной безопасности. Она стала практической реализацией закрепленной в вышеуказанных документах концепции «*превентивной защиты*», которая означает, что американское правительство нацелено эффективно предотвращать любые *потенциальные угрозы* еще до их возникновения, для чего идеальным инструментом являются различного рода санкции.

Учрежденный в 1949 г. Координационный комитет (*Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, CoCom*) из 17 государств-членов блока НАТО, а также Исландии и Японии, получил право осуществлять контроль за всем экспортом в социалистические страны (Mastanduno, 1992). Он продвигал свою стратегию «контролируемого технологического отставания», в рамках которой разрешалось продавать в социалистические страны какую-либо технику и технологии не раньше, чем *через четыре года* после их серийного выпуска в западных странах (Ternovaia, 2015:119). КОКОМ обновлял специальные списки запрещенных товаров для государств Восточного блока, с целью предупреждения продаж передовой техники и технологий, пересматривая их ежегодно примерно на четверть (Yasuhara, 1991:4). В 1991 г. Комитет частично отменил ограничения на поставку товаров в СССР и соцстраны Восточной Европы, а спустя еще три года прекратил свою деятельность полностью (Noehrenberg, 1995). Однако его санкционная стратегия «контролируемого технологического отставания» нашла свое отражение в современной санкционной политике ряда западных государств.

В 1980-е гг. Государственный департамент США, руководствуясь законодательством о национальной безопасности, начал публиковать списки «террористических государств» и «государств-спонсоров терроризма». В первый такой список попали Ирак, Сирия, Ливия и Южный Йемен. Позднее в законодательных актах, политических документах и международно-правовых доктринах США такие государства стали именоваться «*государства-изгои*» («*rogue state*»), или «государства вне закона»²¹.

²¹ Sadiki L. Rogue states. Griffiths M. Encyclopedia of international relations and global politics. 2013. Routledge. pp. 742–745.

Были утверждены следующие критерии попадания в такого рода, по сути, *санкционные списки государств*: правление авторитарных или тоталитарных режимов, грубые нарушения прав человека, спонсирование террористических организаций, стремление распространить оружие массового уничтожения и др. Признаки «государств-изгоев» постоянно уточнялись и расширялись в стратегиях национальной безопасности США. Однако главным критерием таких подсанкционных стран оставалась *враждебность* по отношению к США, отказ от признания американской гегемонии в мире (Gorshkov, 2012).

Таким образом, американцы пытались установить «особый правовой режим» полной изоляции недружественных государств, принуждая другие страны придерживаться американской санкционной политики. В 1982 г. Президент Р. Рейган подписал Директивы по защите национальной безопасности (*National Security Decision Directive*) № 32 и № 66 (под грифом «секретно»), в которых регламентировался целый пакет санкционных мер, направленных на экономическое и геополитическое ослабление Советского Союза. В то время строился газопровод «Уренгой – Помары – Ужгород», который, по мнению США, мог усилить роль СССР в Восточной Европе, а также увеличить зависимость экономик Западной Европы от дешевого советского газа²². В другой Директиве 1983 г. предписывалось: «Политика США в отношении экономических отношений с СССР должна служить стратегическим и внешнеполитическим целям, а также экономическим интересам Америки. В этом контексте целями США, прежде всего, являются обеспечение того, чтобы экономические отношения между Востоком и Западом не способствовали наращиванию военной мощи СССР. Это требует предотвращения передачи технологий и оборудования, которые прямо или косвенно внесли бы существенный вклад в советскую военную мощь»²³.

Отличительной чертой правовых основ санкционной политики США и их государств-сателлитов было агрессивное информационно-идеологическое сопровождение. В риторике санкционной пропаганды и оправдания изоляционизма для своих врагов президент Р. Рейган навесил на Советский Союз ярлык «империи зла» (*evil empire*), якобы противостоящей всему свободному миру, насаждающей идеалы коммунизма и угрожающей применением атомного оружия. Президент США призвал западные государства сплотиться против СССР, разумеется, под американскими знаменами и объединить усилия для развала советской империи.

С тех пор санкционная политика США в отношении любого государства сопровождается агрессивной пропагандистской риторикой (Pashentsev, 2018). С развитием средств массовой коммуникации информационная война и *санкционные прокси-войны* стали неотъемлемой частью американской внешней политики.

Заключение

Предпринятый нами краткий сравнительно-исторический обзор правовых основ санкционной политики в ретроспективном аспекте позволяет сделать следующие выводы.

²² U.S. National Security Strategy (NSC-NSDD-32). Режим доступа: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-032.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

²³ U.S. National Security Decision Directive 75 (1983). Режим доступа: <https://alphahistory.com/coldwar/national-security-decision-directive-75-1983> (дата обращения: 05.02.2024).

1. Возникновение института санкционной политики стало закономерным итогом государственно-правового развития в условиях жесткой межгосударственной конкуренции и подтверждения собственного экономического суверенитета. На самых ранних этапах эволюции государств у каждого из них появилась необходимость отстаивать свою территориальную целостность и геополитические интересы не только военными, но и любыми другими ограничительными мерами (экономическими, торговыми и др.), применяемыми в отношении друг друга и позволяющими существенно ослабить могущество стратегического противника.

2. Санкционная политика постепенно трансформировалась в контексте военного, экономического и идеологического противоборства государств в институциональную стратегию наложения на «враждебное государство» (или «государство-мишень») различных экономических, политических, торговых, организационных, юридических ограничений с целью его принуждения к изменению своих геополитических, военных, экономических или социально-культурных приоритетов в пользу государства, наложившего санкции.

3. С историко-теоретической точки зрения и в контексте теории международной правосубъектности государства институт санкционной политики и контрсанкционных мер следует рассматривать как необходимый элемент механизма осуществления внешних функций суверенного государства.

4. Постепенное усложнение механизма и формы государства и его международных отношений детерминировало зарождение правовых основ санкционной политики сначала в отдельных государствах, затем в их союзах и на международной арене.

5. К основным инструментам санкционной политики государств можно отнести такие меры, как эмбарго, морская блокада, репрессалии, «черные списки», невоенные принудительные меры, протекционизм, флибустьерство и каперство, коммерческие войны, лицензирование товаров, разрыв торговых и финансовых отношений, секторальные санкции и др.

6. Необходимость применения множества санкционных инструментов повлекла за собой разработку специальных источников их правового регулирования, начиная от отдельных устных распоряжений монарха, затем указов и ордонансов глав государств и заканчивая обширным санкционным законодательством парламентов и международных организаций.

7. Претворение на практике международного принципа взаимности привело к появлению институту контрсанкций, или ответных мер государства, в отношении которого были наложены санкции, и как закономерный результат – к «войне санкций».

Несмотря на древность своего происхождения и богатую историю, «санкционное право» все еще является новым исследовательским трендом для российской юридической науки. Думается, что изучение данного феномена должно быть продолжено как общетеоретическими, так и отраслевыми юридическими науками. Современным исследователям следует учитывать, что «новые санкции» – это по своей юридической природе веками отработанные разновекторные ограничительные меры, которые уже давно превратились в неотъемлемый элемент внешней политики ведущих государств мира. Но ни одна страна в истории не справлялась так эффективно с мощным *санкционным ударом*, который был нанесен не так давно по современной России.

References / Список литературы

- Alexander, K. (2009) The Origins and Use of Economic Sanctions. In: *Economic Sanctions*. Palgrave Macmillan, London. pp. 8–29. https://doi.org/10.1057/9780230227286_2
- Ambrosius, L.E. (1991) *Wilsonian statecraft: theory and practice of liberal internationalism during World War I*. Wilmington DE, Scholarly Resources.
- Ammer, Ch. (ed.). (1997) *The American Heritage Dictionary of Idioms*. Boston, MA.
- Andokid (1996) *Speeches, or the history of the sacrileges*. Trans. Frolova, E.D. Saint Petersburg, Aletheia Publ. (in Russian).
Андокид. Речи, или История святотатцев / пер., и коммент. Э.Д. Фролова. Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. 249 с.
- Aristophanes (1983) *Comedies: in 2 vols. Vol. 1*. Translation from ancient Greek. Commentary from Yarkho, V. Moscow, Iskusstvo Publ. (in Russian).
Аристофан. Комедии : в 2 томах. Т. 1 / пер. с древнегреч.; коммент. В. Ярхо. М. : Искусство, 1983. 440 с.
- Bäder, C. & Bangerter, O. (2001) *Kappeler Kriege 1529/1531: Kampf um Vorherrschaft und Souveränität, ums Wort und den wahren Glauben*. Bern, BBL, EDMZ.
- Bakaldina, E.V. (2016) Departments, services and positions in the household of Edward IV. In: *Royal court in England of the 15th–17th centuries*. Saint Petersburg, pp. 47–109. (in Russian).
Бакалдина Е.В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / ред. и сост. С.Е. Федоров. СПб., 2011. С. 47–109.
- Berman, H.J. & Garson, J.R. (1967) United States Export Controls – Past, Present and Future. *Columbia Law Review*. 67(5), 791–890.
- Bonaini, F. (ed.). (1854) *Statuti inediti della città di Pisa dal XII al XIV secolo*. Firenze, Presso G.P. Vieusseux.
- Bradbury, J. (1992) *The Medieval Siege*. Suffolk, The Boydell Press.
- Brière, J. de la. (1928) L'évolution de la doctrine et de la pratique en matière de représailles. *Rec. des Cours de l'Acad. de La Haye*.
- Busheneva, Yu.I. (2015) The trade embargo as an instrument of state foreign policy and foreign trade regulation. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 6(3), 17–27. (in Russian).
Бушенева Ю.И. Торговое эмбарго как инструмент государственного внешнеэкономического и внешнеполитического регулирования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 6. № 3. С. 17–27. EDN UQCJII.
- Butkevich, O.V. (2008) *At the Origins of International Law*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ. (in Russian).
Буткевич О.В. У истоков международного права. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. 879 с.
- Chugrov, S.V. (2022) Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots. *Polis. Political Studies*. (5), 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>. EDN XZKDRO. (in Russian).
Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>. EDN XZKDRO.
- Clive, D. (1941) *A History of Commerce*. New York, Longman's.
- Domke, M. (1947) *The Control of Alien Property*. New York, Central Book Co.
- Doxey, M.P. (1980) *Economic Sanctions and International Enforcement*. London, Basingstoke, Macmillan.
- Doxey, M.P. (1996) *International Sanctions in Contemporary Perspective*. London, Palgrave Macmillan.
- Dzhivelegov, A.K. (1902). *Medieval cities in Western Europe*. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Publ. (in Russian).
Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1902. 248 с.

- Elagab, O.Y. (1998) *The Legality of Non-Forcible Countermeasures in International Law*. Oxford, Oxford University Press.
- Fitzgerald, P. (1999) "If Property Rights Were Treated Like Human Rights, They Could Never Get away with This": Blacklisting and Due Process in U.S. Economic Sanctions Programs. *Hastings Law Journal*. 73(1), 73–189.
- Foligno, C. (1922) Review of Pietro Silverio Leicht, Parlamento Friulano (1228–1331). *The English Historical Review*. (37), 576–579.
- Giovannini, A. (1993) Greek Cities and Greek Commonwealth. In: Bulloch, A.W. (ed.). *Images and ideologies : self-definition in the Hellenistic world*. Hellenistic culture and society. Berkeley : University of California Press.
- Gorshkov, A.V. (2012) Ideological justification for the concept of "Rogue States" in theory and practice. *Gaps in Russian legislation*. (2), 266–269. (in Russian).
Горшков А.В. Идеологическое обоснование концепции «Государств-изгоев» в теории и на практике. Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 266–269.
- Grewe, W.G. (ed.). (1988) *Fontes Historiae Iuris Gentium. Sources relating to the History of the Law of Nations*. Vol. I. Berlin, New York, Walter de Gruyter.
- Guarini, G.B. (1910) *Le rappresaglie in tempo di pace*. Roma, Società Cartiere Centrali.
- Guichard, L. (1930) *The Naval Blockade*. New York, Appleton & Co.
- Hugh, R. (2000) *The "navicert" System During the World War*. W.S. Hein & Company.
- Jack, D.T. (1940) *Studies in Economic Warfare*. London, P.S. King.
- Khlevov, A.V. (2005) *Naval Wars of Rome*. Publishing house of Saint Petersburg. (in Russian).
Хлевов А.В. Морские войны Рима. СПб. : изд-во С.-Петерб. ун-а, 2005. 494 с.
- Kolodkin, A.L. (1963) Naval blockade and modern international law. *Soviet state and law*. No. 4. (in Russian).
Колодкин А.Л. Морская блокада и современное международное право. Советское государство и право. 1963. №4. С. 92–103.
- Kritsky, K.V. (2021) Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law: Candidate of Legal Sciences dissertation. Moscow, MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia. (in Russian).
Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГИМО МИД России. 2021. 226 с.
- Lafargue, S. (1898) *Les représailles en temps de paix*. Paris, Rousseau.
- MacDonald, B.R. (1983) *The Megarian Decree*. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Franz Steiner Verlag. 32(4), 385–410.
- Malloy, M.P. (2001) *United States Economic Sanctions. Theory and Practice*. London, Boston, Kluwer Law International.
- Mas Latrè, R.M.L. (1875) *Du droit de marque ou du droit de repressailles*. Paris, Baur.
- Mastanduno, M. (1992) *Economic containment: CoCom and the politics of East-West trade*. N.Y., Cornell University Press.
- Medlicott, W.N. (1952) *The Economic Blockade*. London, Longman's, Green & Co.
- Mertes, K. (1981) The Liber Niger of Edward IV: A New Version. *Bulletin of the Institute of Historical Research*. 54(129), 29–39.
- Mikhailovsky, M.K. (1963) International arbitration. Kyiv, Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. (in Ukrainian).
Михайловський М.К. Міжнародний арбітраж. Київ : Вид-во Акад. наук УРСР, 1963. 155 с.
- Miller, J.C. (1962) *Origins of the American Revolution*. Boston, Little Brown.
- Mitina, S.I. (2008) Formation and development of the mechanism of legal regulation of interstate relations in the Hellenistic world, IV–I centuries. BC: Abstract of the Doctor of Legal Sciences dissertation. Moscow, Moscow State Law Academy. (in Russian).
Митина С.И. Формирование и развитие механизма правового регулирования межгосударственных отношений в эллинистическом мире, IV–I вв. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Моск. гос. юрид. акад. 44 с.

- Morgan, T., Vapat, N. & Kobayashi, Y. (2014) Threat and Imposition of Economic Sanctions. *Conflict Management and Peace Science*. (5), 548–550. <https://doi.org/10.1177/0738894213520379>
- Naguchev, M.M. & Bolik, A.V. (2018) Economic wars of Antiquity. Scientific works of Kuban State Technical University. (6), 250–258. (in Russian).
Нагучев М.М., Болук А.В. Экономические войны Античности // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды Кубанского ГТУ». 2018. № 6. С. 250–258. EDN XVLAIH.
- Noehrenberg, E.H. (1995) *Multilateral export controls and international regime theory: the effectiveness of COCOM*. Sinzheim, Pro Universitate Verlag.
- Norwich, J.J. (1982) *A History of Venice*. N.Y., Alfred A. Knopf.
- Nys, E. (1894) *Les origines du droit international*. Bruxelles, Alfred Castaigne; Paris, Thorin & Fils.
- O'Brien, C.C. (1997) *Edmund Burke*. New York, Sinclair-Stevenson.
- Pashentsev, E.N. (2018) “The Law on Combating America’s Adversaries through Sanctions” in the context of strategic information and psychological warfare. *Public administration. Electronic newsletter*. (66). (in Russian).
Пащенко Е.Н. «Закон о борьбе с противниками Америки через санкции» в контексте стратегической информационно-психологической войны. Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. 66. С. 23–43.
- Pericles. (1973) *History of the Peloponnesian War*. Transl. by R. Warner. Penguin Books.
- Pertz, G.H. (ed.). (1837) *MGH – Monumenta Germaniae Historica. Leges*. Vol. II. Hannoverae. Stuttgart, Kraus Reprint.
- Podmazo, A.A. (2003) The Continental Blockade as an Economic Cause of the War of 1812. In: *The era of 1812. Research. Sources. Historiography*. Moscow, State Historical Museum (SHM). Part II. Vol. 137. pp. 249–266. (in Russian).
Подмазо А.А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историкография. М. : Государственный Исторический музей (ГИМ), 2003. Ч. II. Вып. 137. С. 249–266.
- Quaß, F. (1971) *Nomos und Psephisma. Untersuchung zum griechischen Staatsrecht*. München, C.H. Beck.
- Sheinman, M.M. (1959) *Папачу*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (in Russian).
Шейнман М.М. Папачу. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 210 с.
- Simons, G.L. (1999) *Imposing Economic Sanctions: Legal Remedy or Genocidal Tool?* London, Pluto Press.
- Stadter, Ph.A. (1984) Plutarch, Charinus, and the Megarian Decree. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 25(4), 351–372.
- Strogetsy, V.M. (1984) Ancient tradition about the causes of the Peloponnesian War and the attitude towards it in modern Western European historiography. *Bulletin of ancient history*. (4), 114–123. (in Russian).
Строгетский В.М. Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии // Вестник древней истории. 1984. №4. С. 114–123.
- Strupp, K. (1925) Das Repressalienrecht. *Wörterbuch des Völkerrechts*. II, 348–350.
- Surikov, I.E. (1997) The Attempt at Trade Sanctions in Classical Greece: Pericles’ Megarian Psephism and Its Consequences. *Trade and the Trader in the Ancient World: Reports of the Round Table, Moscow, January 29, 1997*. pp. 87–101. (in Russian).
Суриков И.Е. Попытка торговых санкций в классической Греции: Мегарская псефизма Перикла и ее последствия // Торговля и торговец в античном мире: доклады «Круглого стола», Москва, 29 января 1997 г. С. 87–101.

- Ternovaya, L.O. (2015) Geopolitical determinism of economic sanctions. *Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies*. 1(26), 117–126. EDN TXHNJX. (in Russian).
Терновая Л.О. Геополитическая детерминированность экономических санкций // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2015. № 1(26). С. 117–126. EDN TXHNJX.
- Tolstopyatenko, G.P., Malinovsky, A.A. & Ageev, S.S. (2022) Legal basis of UK sanctions policy. *Comparative Politics Russia*. 13(1–2), 12–24. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-12-24> (in Russian).
Толстопятенко, Г.П., Малиновский, А.А., Агеев, С.С. Правовые основы санкционной политики Великобритании // Сравнительная политика. 2022. № 13(1–2). С. 12–24. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-12-24>
- Walker, T.A. (1899) *A history of the law of nations*. Vol. I. From the earliest times to the peace of Westphalia, 1648. Cambridge, University Press.
- Yasuhara, Y. (1991) The myth of free trade: the origins of COCOM 1945–1950. *Japanese Journal of American Studies*. (4), 127–148.

Сведения об авторах:

Малиновский Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76

ORCID: 0000-0002-2376-0956

e-mail: Dr.malinovsky@yandex.ru

Триkoz Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76; доцент, кафедра публичной политики и истории государства и права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент, кафедра международного права, Дипломатическая академия МИД России; 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

ORCID: 0000-0001-7331-480X

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

About the authors:

Alexey A. Malinovsky – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law, MGIMO University; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2376-0956

e-mail: Dr.malinovsky@yandex.ru

Elena N. Trikoz – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, MGIMO University; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 53/2, build. 1, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7331-480X

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742>

EDN: NHTGZL

Научная статья / Research Article

Правовое регулирование национальных интересов в России: теория и практика

Д.Р. Алимова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

 paygina@mail.ru

Аннотация. Комплексный анализ государственных и правовых процессов чрезвычайно важен в условиях современного мира и постоянно меняющихся глобальных условий. Изучение различных теоретических подходов – реалистического, конструктивистского и либерального – позволяет получать более объемное понимание содержания национальных интересов и их правового регулирования. Цель в осуществлении комплексного анализа правового регулирования национальных интересов в Российской Федерации, охватывающего как теоретические аспекты, так и практическую реализацию, и предоставление выводов для дальнейшего совершенствования правовой системы. Применены методы: формально-логический – для анализа правовых норм и их взаимосвязей, системный – для комплексного рассмотрения теорий международных отношений, места национальных интересов в них и факторов, влияющих на их реализацию, метод моделирования для прогнозирования возможных сценариев и оценивания их правовых последствий. Сформулированы следующие выводы: 1) реалистический подход подчеркивает важность суверенитета и безопасности государства; 2) либеральная концепция при всей текущей преобладании реалистической парадигмы в России сохраняет свою значимость благодаря своим идеям международного сотрудничества, экономической взаимозависимости и правовых норм; 3) конструктивистская теория актуальна благодаря акценту на значимость идей для процесса становления национальных интересов. Интеграция реалистических, конструктивистских и либеральных подходов эффективна и актуальна для анализа сложных процессов, характерных для современного контекста.

Ключевые слова: реалистическая теория, либеральная теория, конструктивистская теория, национальные интересы, стратегический акт, внутренняя политика, правотворчество

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта РНФ № 23-28-01457 «Векторы развития правотворчества в целях реализации национальных интересов России: проблемы и перспективы».

Поступила в редакцию: 26 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

© Алимова Д.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Алимова Д.Р. Правовое регулирование национальных интересов в России: теория и практика // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 4. 730–742. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742>

Legal regulation of national interests in Russia: Theory and practice

Dina R. Alimova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, *Moscow, Russian Federation*
 paygina@mail.ru

Abstract. A thorough examination of governmental and legal processes holds significant relevance in the modern world characterized by constantly evolving global dynamics. Delving into diverse theoretical frameworks such as realistic, constructivist, and liberal perspectives enables a more comprehensive understanding of the essence of national interests and their legal governance. The objective is to undertake a comprehensive analysis of the legal framework governing national interests in the Russian Federation, encompassing both theoretical aspects and practical implementation, and to provide recommendations for enhancing the legal system. The study employs various methodologies: the formal-logical method aids in analyzing legal norms and their interconnectedness; the systemic method enables a thorough exploration of international relations theories, their links to national interests; and the modeling method is utilized to forecast potential scenarios and evaluate their legal implications. The article draws the following conclusions: 1) The realist approach underscores the significance of state sovereignty and security. 2) Despite the prevailing realist paradigm in Russia, the liberal concept retains importance due to its emphasis on international cooperation, economic interdependence, and adherence to legal norms. 3) The constructivist theory remains relevant for its focus on the role of ideas, norms, and values in shaping national interests and adapting to evolving international circumstances. The amalgamation of realist, constructivist, and liberal approaches serves as a contemporary and highly sought-after tool for analyzing and comprehending intricate processes in the modern world.

Key words: national interests, realist theory, liberal theory, constructivist theory, strategic act, domestic policy, lawmaking

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was conducted with the support of the grant from the Russian Science Foundation as part of the RNF project No. 23-28-01457 “Vectors of lawmaking development to realize Russia’s national interests: challenges and opportunities”.

Received: 26th August 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Alimova, D.R. (2024) Legal regulation of national interests in Russia: Theory and practice. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 730–742. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742>

Введение

Национальные интересы являются ключевым элементом, определяющим политику и стратегическое направление развития любого государства. Однако содержание и смысл этого понятия остаются предметом интенсивных дискуссий среди

политиков, ученых и общественных деятелей. Причина этой неопределенности кроется в сложной и многогранной природе национальных интересов, которые формируются под влиянием различных факторов, уникальных для каждой страны.

Исторические события, культурные традиции, политические и экономические институты, геополитическое расположение – все эти элементы взаимодействуют и взаимно переплетаются, создавая уникальный контекст для формирования национальных приоритетов. Понимание и объяснение национальных интересов требует комплексного анализа этих взаимосвязанных факторов, их исторических корней и актуальных проявлений. Только при учете всех этих обстоятельств можно прийти к более целостному и глубинному пониманию того, что именно движет государством на международной арене и в его внутренней политике. Ю.Г. Лещенко подчеркивает: «Невозможно конкретно объяснить значение и содержание национальных интересов, поскольку как их корни, так и процесс их синтеза свойственны истории, традициям и институциональной структуре страны» (Leschenko, 2020:2380).

В современной России разработка и реализация правовых механизмов обеспечения национальных интересов становится задачей первостепенной важности. Настоящая статья направлена на анализ актуального правового регулирования национальных интересов в контексте существующих теоретических концепций, а также выявление и обоснование существующих проблем в данной области.

Можно выделить ряд основных теорий (концепций), в рамках которых рассмотрено понятие национальных интересов: реалистическая, либеральная, конструктивистская теории.

В дальнейшем будет предпринята попытка детального рассмотрения каждой из указанных теорий с целью выявления сходств и различий с данными теоретическими конструкциями в правовой модели регулирования национальных интересов в Российской Федерации. Анализ будет направлен на определение как положительных, так и отрицательных сторон данной модели.

Национальные интересы в рамках реалистического подхода

В реалистическом подходе к международным отношениям государство рассматривается как точка согласования интересов различных социальных групп и поддержания национальной общности (Drobot, 2014a:182). Так, Ганс Моргентау, один из ключевых теоретиков реализма, существенно развил понятие национальных интересов (Morgenthau, 1955). Его идеи остаются актуальными и используются политиками по всему миру, как отмечает исследователь Н.А. Антанович (Antanovich & Dostanko, 2000).

По мнению Ганса Моргентау, идея национального интереса сопоставима с такими конституционными принципами, как общее благо и соблюдение установленных процедур. Однако содержание национальных интересов формируется под влиянием политических традиций и общего культурного контекста, в рамках которого страна разрабатывает свою внешнюю политику (Morgenthau, 1958:65). Следовательно, национальный интерес является не только основополагающим и ключевым аспектом внешней политики, но и адаптивным, что свидетельствует о многообразии политических и правовых традиций, а также культурных контекстов, в которых он формулируется и применяется. *Конституция*, будучи высшим нормативным актом государства, определяет базовые принципы и правила, обеспечивающие защиту

национальных интересов в различных областях. Н.Н. Комарова в этой связи отмечает, что установление национальных интересов в конституции усиливает их признание как ключевой социальной ценности государства и наделяет их высшей юридической значимостью в процессе формирования отраслевой правовой системы (Komarova, 2008:13).

В рамках данной концепции государство рассматривается как главный актер на международной арене, выполняющий роль хранителя и выразителя национальных интересов. Эти интересы включают, прежде всего вопросы обеспечения безопасности, экономического благополучия, сохранения суверенитета и культурной идентичности. Национальные интересы можно рассматривать как совокупность целей и задач, приоритетов и ценностей, сформулированных для максимизации безопасности и благосостояния нации. Они динамичны и могут изменяться в ответ на внутренние и внешние вызовы и угрозы.

Идея национального интереса, воплощенная в форме государственного интереса, предполагает наличие определенных приоритетов и стратегий, которые определяют внешнюю и внутреннюю политику государства. Государственный интерес формируется на основе анализа возможностей и ограничений, с которыми страна сталкивается, с учетом исторических, культурных и экономических факторов, влияющих на ее положение в международной системе.

Согласно утверждению П.А. Цыганкова, реализм предполагает, что международные отношения функционируют в условиях анархии, которая постулирует отсутствие центральной власти. В основе таких отношений лежат национальные интересы государств, а регулирование осуществляется через поддержание баланса сил между основными мировыми державами (Tsygankov, 2004:121).

Национальные интересы являются сложной категорией, проявляющейся через действия государства на международной сцене. Эти действия включают дипломатические инициативы, военные стратегии, экономические политики и другие механизмы влияния. По мере изменений в международной системе и глобальном порядке государства адаптируют свои стратегии, стремясь сохранить или повысить свое влияние и обеспечить благополучие своих граждан.

Концепция национального интереса, рассматриваемая через призму государственности, является ключевым элементом анализа международных отношений. Она позволяет объяснить мотивы и действия государств, углубляя понимание международных взаимодействий и прогнозируя возможные сценарии развития глобальных событий. Вопросы правового регулирования в реалистическом подходе также тесно связаны с национальными интересами, так как правовые нормы и институты служат инструментами реализации государственной стратегии на международной арене.

Часто именно национальные интересы формируют содержание и формат международных правовых договоров, соглашений и конвенций. Государства нацелены на разработку правовых инструментов, обеспечивающих защиту их суверенитета и безопасности, а также и экономические преимущества. К примеру, это относится к нормам международного права, регулирующим вопросы торговли, безопасности, экологии и др., которые разрабатываются с учетом потребностей и интересов крупных игроков. Государства используют правовые инструменты для обеспечения соблюдения своих национальных интересов, проводя активную работу как на уровне международных организаций, таких как ООН и ВТО, так и в двусторонних отношениях.

Реалистический подход постулирует, что правовые нормы и институты не являются самодостаточными, а функционируют в контексте властных отношений и интересов государств. Эффективность правового регулирования во многом зависит от баланса сил и возможностей участников системы. Некоторые государства используют свое влияние для установления и поддержания международных правовых норм, отвечающих их интересам, в то время как менее влиятельные страны вынуждены адаптироваться к сложившейся обстановке. Вместе с тем международное право обеспечивает основу для обеспечения государственных интересов и создает условия для предсказуемости и стабильности, что, в свою очередь, способствует уменьшению конфликтных ситуаций в международных отношениях.

Таким образом, национальные интересы в реалистическом подходе проявляются в правовом регулировании через активное участие государств в формировании, внедрении и поддержании международно-правовых норм и институтов, которые соответствуют их стратегическим целям. Это взаимодействие играет важную роль в поддержании мирового порядка и способствует прогнозируемому развитию международных событий.

Нельзя не отметить тот факт, что в Российской Федерации национальные интересы получили свою правовую регламентацию в Стратегии национальной безопасности. Такой подход свидетельствует о том, что на уровне высших органов государственной власти понятия «национальные интересы» и «безопасность» представляются неразрывно связанными, что позволяет выстроить эффективную систему реагирования на потенциальные угрозы, укрепляя при этом международные позиции России и обеспечивая ее национальные интересы на глобальной арене.

В названном выше стратегическом акте внешняя политика определяется через призму национальных интересов и безопасности. Этот подход соответствует реалистической концепции, где национальные интересы являются целью государства. Реализм выделяет ключевую роль суверенитета и защиты территориальной целостности, что отражено в российском подходе к национальной безопасности¹.

В пункте 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации перечислены национальные интересы Российской Федерации: сбережение народа России, защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны, поддержание гражданского мира и согласия в стране, развитие безопасного информационного пространства, устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе, охрана окружающей среды, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, поддержание стратегической стабильности².

Этот выбор ценностей в качестве национальных интересов полностью отражает основные идеи реалистической теории, согласно которой суверенитет и территориальная целостность государства являются главными приоритетами.

При этом Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

---

¹ Президент Российской Федерации (2021) Указ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, 27 (ч II), ст. 5351.

² Президент Российской Федерации (2021) Указ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, 27 (ч II), ст. 5351.

российских духовно-нравственных ценностей»³ содержит отсылку к Стратегии национальной безопасности в п. 12: «В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации ситуация в России и в мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей». Приведенное положение акцентирует внимание на необходимости защиты культурной идентичности и традиционных ценностей как неотъемлемой части национальной безопасности и суверенитета. Воспринимая эту задачу как критически важную, государство стремится предпринять неотложные меры для обеспечения внутренней стабильности и устойчивости.

Немного иной взгляд на приоритетные национальные интересы представлен Доктрине информационной безопасности, утвержденной в 2016 г.⁴ В этом случае особенно важно отметить, что приоритетом в области национальной информационной политики согласно упомянутой Доктрине является охрана конституционных прав и свобод граждан. Доктрина также подчеркивает, что основная задача в продвижении национальных интересов состоит в защите конституционных прав и свобод как человека, так и гражданина, обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны, а также в укреплении национальной безопасности Российской Федерации. Несмотря на то, что данные положения могут восприниматься как декларативные, они выполняют функцию интеграционной концепции, которая объединяет все объявленные национальные интересы в единое целостное образование.

Продолжая эту мысль, можно отметить, что Доктрина задает стратегическое направление для разработки и реализации государственной политики в области информационной безопасности. Она служит концептуальной основой для создания механизмов защиты информации и противодействия возможным угрозам. Таким образом, национальные интересы в сфере информационной безопасности являются не только декларацией намерений, но и практическим руководством к действиям, направленным на достижение стабильности и безопасности в стране.

Кроме того, можно проследить определенную смену акцентов: ранее центральное место занимали конституционные права человека, теперь акцент смещается в сторону обеспечения безопасности. Этот сдвиг отражает текущую международную и внутривнутриполитическую обстановку, в которой понятие национальной безопасности приобретает растущее значение. Безусловно, обеспечение конституционных прав и свобод остается важным аспектом, однако оно все чаще рассматривается через призму обеспечения безопасности в случае внешних и внутренних угроз.

Этот тренд наблюдается не только в риторике государственной политики, но и в конкретных законодательных инициативах. Увеличение числа законов, направленных на борьбу с экстремизмом, терроризмом и киберугрозами, а также усиление контроля в информационной сфере говорят о превалировании безопасности над другими аспектами социально-политической жизни (Ibragimova,

³ Президент Российской Федерации (2022) Указ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Собрание законодательства РФ, 14.11.2022, 46, ст. 7977.

⁴ Президент Российской Федерации (2016) Указ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Собрание законодательства РФ, 2016, 50, ст. 7074.

2022:904). Такая тенденция вызвана необходимостью реагирования на растущие глобальные вызовы и угрозы, требующие консолидации усилий как государства, так и общества в целом.

Однако важно подчеркнуть, что изменение приоритетов не должно ущемлять права и свободы граждан; напротив, успешная защита суверенитета государства должна строиться на прочном равновесии между обеспечением безопасности и соблюдением прав человека. В этом свете важную роль играет прозрачность и обоснованность предпринимаемых шагов, их соответствие международным нормам и стандартам. Однако не менее значимым является и общественное согласие по поводу их целесообразности.

Для достижения такого баланса необходимо использование механизмов обратной связи между государственными структурами и гражданским обществом. Это позволит не только повысить уровень доверия к государственным институтам, но и обеспечить более взвешенный подход к реализации политики информационной безопасности. Эффективный диалог с общественностью является важным шагом в направлении укрепления социальной сплоченности и минимизации конфликтных ситуаций, что, в конечном счете, станет залогом устойчивого развития демократического общества.

Произошедшая смена акцентов от прав человека к безопасности в реализации национальных интересов Российской Федерации отражает адаптивные процессы, направленные на реагирование на современные вызовы. При этом ключевой задачей остается сохранение гармоничного баланса между этими приоритетами для обеспечения стабильного и устойчивого развития страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей являются примерами практического приложения реалистической теории в управлении государством. Реалистический подход, акцентирующий внимание на национальных интересах, суверенитете и внутренней стабильности, систематически реализуется через комплекс стратегических направлений, обеспечивая долгосрочное развитие и укрепление позиции государства на международной арене.

Соответственно, национальное правовое регулирование в рассматриваемой области и сложившаяся институциональная структура государства отражают стремление к укреплению суверенитета и обеспечению стабильности.

Национальные интересы в рамках либеральной теории международных отношений рассматриваются через призму взаимодействия, сотрудничества и взаимозависимости между государствами. В отличие от реалистического подхода либеральная теория интерпретирует национальные интересы более широко, выходя за рамки традиционного акцента на безопасности и суверенитете.

Исследователь Роберт Кеохейн, критически настроенный по отношению к реалистической теории, отмечает его главный недостаток: «в реализме недостаточно подчеркивалась роль внутренней политики и международных институтов» (Keohane, 1999:442–443). В либеральной теории акцентируется внимание на многообразии ценностей и механизмов, которые способствуют международной стабильности и развитию. Экономическая взаимозависимость между государствами снижает вероятность вооруженных конфликтов, поскольку войны становятся более затратными и влекут за собой негативные последствия для всех сторон.

Ключевым аспектом либерального подхода является акцент на сотрудничестве через торговлю, инвестиции и другие формы экономического взаимодействия. Либеральная теория утверждает, что такие взаимодействия содействуют международной стабильности и миру, так как государства становятся более заинтересованными в поддержании взаимовыгодных отношений. Таким образом, экономическая взаимозависимость приобретает функцию стабилизирующего фактора в международных отношениях.

Национальные интересы, согласно либеральной теории, акцентируют внимание на взаимовыгодном сотрудничестве, что позволяет государствам одновременно достигать своих целей и содействовать международной стабильности.

Либеральная теория также подчеркивает важность мягкой силы и дипломатии как инструментов углубления международных связей и продвижения национальных интересов.

Таким образом, либеральная теория международных отношений предлагает комплексный взгляд на национальные интересы, расширяя их понимание в контексте сотрудничества, экономической взаимозависимости и международного права. Эти элементы не только способствуют достижению внутренних целей государств, таких как экономический рост и демократизация, но и укрепляют международный порядок и стабильность. Как отмечают С.А. Сидоров и В.А. Смоляков, «суть «либерального институционализма» Кеохейна заключается в том, что он, отступив перед критикой преждевременных выводов об ослаблении государства, показал в то же время возможность существенного изменения природы международных отношений при сохранении независимых государств, сотрудничающих в рамках международных институтов» (Sidorov & Smolyakov, 2023:107).

Несмотря на теоретическую привлекательность концептов либеральной теории международных отношений, в контексте современной России их актуальность оказывается ограниченной. При принятии решений акторы часто руководствуются подходами, противоречащими либеральной парадигме, фокусируясь на национальной безопасности, суверенитете и реалистическом понимании международных отношений. В своей работе «Современное российское государство. Очерки» профессор Н.А. Власенко справедливо отмечает, что «либеральные ценности в России не прижились просто и однозначно. Это справедливо и в настоящее время», затем подчеркивает: «либеральные ценности всегда прижились с трудом» (Vlasenko, 2022:52).

Г.А. Дробот указывает, что «российский либерализм менее популярен в научном сообществе, чем политический реализм, и более критикуем в учебно-научном пространстве, несмотря на то, что его сторонники проявляют завидный энтузиазм в отстаивании своих идей. Возможно, это связано с политическим прагматизмом российских ученых. Как бы то ни было, скорее всего, для идей либерального постклассицизма и идеализма моралистского толка время еще не пришло» (Drobot, 2014b:166–167).

Однако стоит отметить, что это не означает полной дискредитации либеральной теории в российском контексте. Либеральные идеи по-прежнему находят своих приверженцев и генерируют дискуссии. Более того, глобальные интеграционные процессы, развитие межгосударственного сотрудничества и необходимость адаптации к международным стандартам требуют периодического обращения к элементам либеральной повестки.

Вместе с тем адаптация либеральных идей к российским условиям может потребовать определенных модификаций и учета специфики национальной политической культуры, исторического опыта и институциональной структуры. Это может включать в себя разработку гибридных теорий, сочетание элементов либерализма и реализма, а также более прагматичный подход к международным отношениям, учитывающий как идеалистические, так и реалистические соображения.

Таким образом, хотя на данном этапе реалистическая парадигма демонстрирует большую релевантность и применимость в условиях современной России, потенциал либеральной теории не следует полностью отвергать. Всесторонний и гибкий подход позволит более эффективно решать комплексные задачи внешней политики и поддерживать баланс между национальными интересами и международным сотрудничеством.

Конструктивистская теория предлагает особый взгляд на национальные интересы, исходя из убеждения, что эти интересы не предопределены объективными факторами, такими как геополитика или экономика, а формируются через социальные взаимодействия, идентичность и культуру (Pavlenko, 2015). В рамках этой теории национальные интересы рассматриваются как результат социальных конструкций и коллективных норм, а не объективных условий.

Конструктивисты утверждают, что реальность международных отношений формируется не объективными условиями или материалистическими факторами, а социальными взаимодействиями и intersубъективными пониманиями (Alexeyeva, 2014). В этом контексте национальные интересы рассматриваются как результат этих социальных взаимодействий.

Национальные интересы отражают идентичность государства, которая формируется в процессе социального дискурса. Важную роль в конструировании этих идентичностей играют не только политические элиты и общественное мнение, но и международные партнеры. Эти идентичности не статичны и могут со временем трансформироваться, что, в свою очередь, приводит к эволюции национальных интересов. Например, государство, ранее ориентированное на военную мощь, может переосмыслить свои приоритеты и сосредоточиться на продвижении прав человека и экологических стандартов.

Конструктивистская теория акцентирует внимание на значимости идей, норм и ценностей в формировании национальных интересов. В этом контексте международные нормы и стандарты играют ключевую роль в определении национальных приоритетов. Если, например, борьба с изменением климата становится доминирующей глобальной нормой, государства принимают это как неотъемлемую часть своих национальных интересов.

Государства могут рассматривать себя как часть более широкого сообщества и развивать интересы, которые являются частью этой принадлежности. Так, Европейский союз формирует наднациональные интересы, которые выходят за рамки индивидуальных национальных приоритетов его членов. Включение принципов коллективной безопасности и взаимопомощи в национальные интересы также иллюстрирует этот подход.

Особенно стоит выделить роль Содружества Независимых Государств (СНГ) в этом контексте. СНГ как региональная организация, стремится к гармонизации правовых норм и сближению законодательств своих участников. Модельное законодательство СНГ разрабатывается Межпарламентской Ассамблеей СНГ и

представляет собой рекомендательные законопроекты, которые могут быть использованы государствами-членами для создания или совершенствования национальных правовых актов.

Этот механизм позволяет членам СНГ принимать международные нормы и региональные соглашения в свои нормативные правовые базы, тем самым демонстрируя приверженность общепринятым стандартам и ценностям. Для иллюстрации можно обратиться к модельному закону о борьбе с терроризмом (Bondurovsky, 2016). Этот нормативный акт учитывает международные стандарты в области противодействия терроризму и адаптируется к специфическим условиям и потребностям государств-членов СНГ, стимулируя их к совместной деятельности и формированию общих стратегий в сфере безопасности.

Такое взаимодействие способствует укреплению региональной идентичности и созданию устойчивых механизмов коллективной безопасности, что в свою очередь влияет на формирование национальных интересов каждого отдельного государства-члена. Включение принципов коллективной безопасности и взаимопомощи, заботы о централизации законодательства в области прав человека, экономической интеграции и социального развития отражает комплексный подход конструктивистской теории к пониманию и реализации национальных интересов.

Конструктивистский подход демонстрирует, что национальные интересы не являются фиксированной категорией; они изменяются и развиваются под воздействием международных норм, ценностей и коллективного порядка. Пример СНГ и практика применения модельного законодательства наглядно иллюстрируют, как налагаются международные стандарты на национальные правовые системы, стимулируя консолидацию усилий и унификацию правовых подходов в интересах достижения общих целей безопасности и развития.

Кроме того, конструктивистская теория подчеркивает значимость исторических нарративов и коллективной памяти в формировании национальных интересов. Государства могут формировать свои интересы на основе исторического опыта и событий, которые они считают ключевыми для своей идентичности. Например, памяти о прошлых конфликтах, союзах или победах может быть приписана значительная роль в определении текущих стратегических приоритетов.

На основании конструктивистской теории международных отношений национальные интересы рассматриваются как динамические и контекстуально зависимые явления, формирующиеся через социальные взаимодействия, дискурсы и коллективные нормы. Это предполагает, что национальные интересы не только зависят от материальных факторов, но и подвержены влиянию идей, норм и ценностей, которые определяют поведение государств на международной арене.

Конструктивистская теория предлагает комплексное понимание роли права в международных отношениях, где юридические нормы, будучи социокультурным феноменом, играют ключевую роль в формировании и эволюции национальных интересов.

О.В. Павленко указывает, что «значение конструктивизма в исследовании международных процессов трудно переоценить. Он открывает новые возможности для анализа внутренних пластов внешней политики, ее социальной и ментальной мотивации» (Pavlenko, 2015:66).

Конструктивистская теория международных отношений находит свою актуальность в контексте современной России по нескольким ключевым аспектам.

Во-первых, значимость идей, норм и ценностей в формировании национальных интересов актуальна для России. В условиях нынешней геополитической обстановки исторические нарративы играют важную роль в формировании национальных интересов России. Память о Великой Отечественной войне, Советском Союзе и других исторических событиях оказывает значительное влияние на текущие стратегические и внешнеполитические приоритеты страны. Эти нарративы используются для укрепления национальной идентичности и мобилизации общественной поддержки.

Во-вторых, конструктивистская теория подчеркивает, что национальные интересы являются динамичными и контекстуально зависимыми, что особенно актуально для современной России. В ответ на изменяющиеся международные условия и внутренние вызовы, Россия адаптирует свои интересы и стратегии, чтобы справиться с новыми реалиями. Например, экономические санкции стимулируют Россию к развитию новых экономических партнерств и инициированию собственных международных проектов.

Таким образом, конструктивистская теория предоставляет полезный аналитический инструментарий для понимания и объяснения актуальных процессов в российской внешней и внутренней политике. Она помогает выявить, как идеи, нормы и ценности влияют на формирование и трансформацию национальных интересов России в условиях глобальных вызовов и изменений.

Заключение

1. Реалистическая, либеральная и конструктивистская теории представляют различные, но взаимодополняющие способы анализа и понимания государственно-правовых процессов.

2. В стратегических документах Российской Федерации внешняя политика формулируется через призму национальных интересов и безопасности, что соответствует реалистической концепции приоритетности государственного суверенитета и территориальной целостности.

3. Несмотря на доминирование реалистической парадигмы в современной России, либеральная концепция продолжает оставаться привлекательной благодаря своим идеям сотрудничества, экономической взаимозависимости и международного права. Глобальные интеграционные процессы и необходимость адаптации к международным стандартам делают либеральную повестку все еще актуальной для обсуждений и дискуссий. Однако для ее успешного применения в российских условиях необходимо учитывать специфику национальной политической культуры, исторический опыт и институциональную структуру. Это может потребовать разработки гибридных теорий, сочетающих элементы либерализма и реализма, что позволит более эффективно решать политические и правовые задачи. Таким образом, хотя реалистическая парадигма в настоящее время является более релевантной в условиях России, либеральная теория имеет потенциал и не должна быть полностью отвергнута.

4. Конструктивистская теория актуальна для современной России благодаря ее акценту на значимость идей, норм и ценностей в формировании национальных интересов и адаптации к изменяющимся международным условиям. В условиях экономических санкций Россия активно развивает новые экономические партнерства. Таким образом, конструктивистский подход предоставляет полезный аналитический

инструментарий для понимания динамичности и контекстуальной зависимости российских внешнеполитических и стратегических приоритетов.

5. Рассматривая общественные правовые и политические процессы, важно не только учитывать традиционные реалистические аспекты силы и суверенитета, но и принимать во внимание конструктивистские элементы, включающие многофакторность формирования национальных интересов, а также либеральные аспекты международного сотрудничества и экономической взаимозависимости.

References / Список литературы

- Alexeyeva, T.A. (2014) Thinking Constructively: Unveiling the Polyphonic World. *Comparative Politics*. 5(1(14)), 4–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21) (in Russian).
Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 5(1(14)). С. 4–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-4-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21)
- Antanovich, N.A. & Dostanko, E.A. (2000) Hans Morgenthau: Realist Theory of International Politics. *Belarusian Journal of International Law and International Relations*. (1), 76–81. EDN BYTKDG. (in Russian).
Антанович Н.А., Достанко Е.А. Ганс Моргантау: реалистическая теория международной политики // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 1. С. 76–81. EDN BYTKDG.
- Bondurovsky, V.V. (2016) Model Legislation of the CIS and CSTO in Combating International Terrorism: Status and Directions for Improvement. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 1 (19), 57–62. (in Russian).
Бондуровский В.В. Модельное законодательство СНГ и ОДКБ в сфере противодействия международному терроризму: состояние и направления совершенствования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 1. С. 57–62.
- Drobot, G.A. (2014a) Realism in international relations theory: History, foreign and domestic schools. *Socio-Humanitarian Knowledge*. (4), 182–203. (in Russian).
Дробот Г.А. Реализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 182–203.
- Drobot, G.A. (2014b) Liberalism in the theory of international relations: History, foreign and domestic schools. *Socio-Humanitarian Knowledge*. (5), 146–167. (in Russian).
Дробот Г.А. Либерализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 5. С. 146–167.
- Ibragimova, E.S. (2022) The Problem of Fighting Extremism in the Conditions of Information War. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*. 32(5), 900–905. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-5-900-905> (in Russian).
Ибрагимова Э.С. Проблемы борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. Т. 32. № 5. С. 900–905. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-5-900-905>
- Keohane, R.O. (1999) International Relations Yesterday and Today. In: Goodin, R. & Klingemann, H.-D. (eds.). *A new handbook of political science Political Science. New Directions*. Moscow, Veche Publ. pp. 442–443. (in Russian).
Кеохан Р.О. Международные отношения вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М. : Вече, 1999. С. 442–443.
- Komarova, N.N. (2008) The Constitution of the Russian Federation and national interests: Modern View and Development Trends. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. (22), 9–14. (in Russian).
Комарова Н.Н. Конституция Российской Федерации и национальные интересы: современный взгляд и тенденции развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22. С. 9–14.

- Leschenko, Yu.G. (2020) National interests in the context of ensuring the economic security of the state in the conditions of global integration: Evolutionary-theoretical aspect. *Issues of Innovative Economy*. (4), 2375–2390. <https://doi.org/10.18334/vinec.10.4.110815> (in Russian).
Лещенко Ю.Г. Национальные интересы в контексте обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобальной интеграции: эволюционно-теоретический аспект // Вопросы инновационной экономики. 2020. № 4. С. 2375–2390. <https://doi.org/10.18334/vinec.10.4.110815>
- Morgenthau, H.J. (1955) *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Second Edition, Alfred A. Knopf, New York.
- Morgenthau, H.J. (1958) *Dilemmas of Politics*. University of Chicago Press.
- Pavlenko, O.V. (2015) Constructivist Approach to the International Relations Study: Possibilities and Limits. *Bulletin of RSUH. Series: Political Science. History. International Relations*. 6(149), 53–67. (in Russian).
Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 6 (149). С. 53–67.
- Sidorov, S.A. & Smolyakov, V.A. (2023) On integration and complex interdependence on the interpenetration of domestic and international politics. *Law and State: Theory and Practice*. 4 (220), 103–107. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_103 (in Russian).
Сидоров С.А., Смоляков В.А. Об интеграции и комплексной взаимозависимости и взаимопроникновении внутренней и международной политики // Право и государство: Теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 103–107. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_103
- Tsygankov, P.A. (2004) Trends of classical paradigms in western theory of international relations. *Social Sciences and Contemporary World*. (2), 119–130. (in Russian).
Цыганков П.А. Методология. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 119–130.
- Vlasenko, N.A. (2022) *The Modern Russian state. Essays*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Власенко Н.А. Современное российское государство. Очерки. 2022. 152 с.

Сведения об авторе:

Алимова Дина Рифатовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

ORCID: 0009-0001-6029-2610; SPIN-код: 1139-6320

e-mail: paygina@mail.ru

About author:

Dina R. Alimova – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0009-0001-6029-2610; SPIN-code: 1139-6320

e-mail: paygina@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-743-761>

EDN: HIDRQA

Научная статья / Research Article

Правотворческие отношения как форма применения права

В.В. Трофимов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация
 iptgutv@mail.ru

Аннотация. Подвергается теоретико-правовому анализу область общественных отношений в правотворческой сфере государства. Данные общественные отношения, которые складываются по поводу осуществления правотворческой деятельности субъектами правотворчества, предлагается рассматривать как вид правовых отношений с присущей им структурой в части объекта, субъектов, содержания, представленного соответствующими субъективными правами и юридическими обязанностями. Анализируется научный контекст, сложившийся в отечественной юриспруденции в связи с теоретической конструкцией правотворческих отношений. Отмечается, что несмотря на имеющиеся критические мнения относительно данной категории и фрагментарность при оперировании этим понятием, она имеет вполне явные перспективы для более активного использования в научном обороте. Устанавливается, что данный вид правовых отношений, действительно, имеет специфику, определяемую той деятельностью, вокруг которой складываются правотворческие отношения (властный и определяющий уровень принятия политико-правовых решений), однако это не исключает применения по отношению к соответствующим правовым связям конструкции правовых отношений. Предлагается понятие правотворческих правоотношений, дается характеристика правотворческого права как нормативной юридической основы правотворческих правоотношений. Характеризуются элементы правотворческих отношений. Формулируются научные выводы относительно явления правотворческих отношений как особой формы применения (реализации) права.

Ключевые слова: правотворчество, публичная власть, правовые отношения, правотворческие отношения, применение (реализация) права, правотворческие нормы, правотворческое право, объект, субъекты, содержание правотворческих отношений

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках реализации программы развития ТГУ им. Г.Р. Державина «Приоритет-2030».

Благодарности. Статья подготовлена в целях привлечения обучающихся в юридическую науку и в интересах развития молодежной студенческой науки Державинского университета в рамках совместной научно-исследовательской работы над темой со студентами Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»: Александра Андреевна Родионова – студент 1 курса магистратуры очной формы обучения направления подготовки 40.04.01. «Юриспруденция», профиль: Уголовно-правовое и процессуальное противодействие преступности; Виктория Андреевна Турсина – студент 1 курса

© Трофимов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

магистратуры заочной формы обучения направления подготовки 40.04.01. «Юриспруденция», профиль: Право информационных технологий; Ангелина Михайловна Житнева – студент 3 курса бакалавриата очной формы обучения направления подготовки 40.03.01. «Юриспруденция».

Поступила в редакцию: 29 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Трофимов В.В. Правотворческие отношения как форма применения права // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 743–761. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-743-761>

Legislative relations as a form of law application

Vasily V. Trofimov

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

 iptgutv@mail.ru

Abstract. The field of public relations within the realm of legislative processes of the state undergoes theoretical and legal analysis. These social relations, which arise from the implementation of legislative activities by legislative entities, are proposed to be regarded as a form of legal relationships with their inherent structure encompassing the object, subjects, and content represented by relevant subjective rights and legal obligations. The article examines the scholarly context that has emerged within Russian jurisprudence in connection with the theoretical framework of legislative relationships. It acknowledges that despite the existence of critical viewpoints regarding this category and fragmentation in its use, it holds clear prospects for more active integration within scholarly discourse. The article establishes that this form of legal relationships indeed holds specificity determined by the nature of the activities around which legislative relationships are formed, such as the influential role in political and legal decision-making. However, this does not preclude the application of the construct of legal relationships in connection with relevant legal activities. The concept of legislative legal relationships is proposed outlining the characteristics of legislative law as the normative legal basis of legislative legal relationships. The elements of legislative relationships are delineated and scientific conclusions are formulated regarding the phenomenon of legislative relationships as a distinct form of application and implementation of law.

Key words: legislative activities, public authority, legal relationships, legislative relationships, application (implementation) of law, legislative norms, legislative law, object, subjects, content of legislative relationships

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study has been conducted at Derzhavin Tambov State University under the Priority 2030 program.

Acknowledgments. The article was drafted to engage students in legal studies and to promote the development of youth scientific research at Derzhavin University. This initiative is part of collaborative research efforts with students from the Institute of Law and National Security at Tambov State University named after G.R. Derzhavin. The contributors to this joint research work are: Alexandra Andreevna Rodionova – a first-year full-time Master’s student specializing in Criminal-legal and Procedural Counteraction to Crime (training field 40.04.01 Jurisprudence); Victoria Andreevna Tursina – a first-year correspondence Master’s student specializing in Information Technology Law (training field 40.04.01 Jurisprudence); and Angelina Mikhailovna Zhitneva – third-year full-time Bachelor’s student in Jurisprudence (training field 40.03.01).

Received: 24th April 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Trofimov, V.V. (2024) Legislative relations as a form of law application. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 743–761. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-743-761>

Введение

Известно, что правотворческая деятельность в структуре правовой системы выступает как первоначальный уровень, с которого все начинает возникать и развиваться (субъективные права, юридические обязанности, правовые коммуникации, правовое сознание как результат осознания права и правовых явлений и др.), правотворчество по сути придает жизнь правовой системе общества, наполняя ее нормативными формами, создавая юридическую базу для возникновения разнообразных правовых отношений. Однако эта роль правотворческого уровня государственной организации общественной жизни нередко «затеняет» тот факт, что правотворческая активность, как и любая другая активность в правовой сфере, сама выступает в качестве предмета правового регулирования, а значит в этой области правовой жизни формируются свои (может быть – специфические) правовые отношения, связанные с реализацией соответствующих нормативных основ (элементов) правового регулирования собственно правотворческой деятельности, иными словами, *правотворческие правоотношения*.

Несмотря на то что эти отношения складываются в силу специфики своего предмета (властная нормотворческая деятельность) на высших иерархических уровнях публичной власти (органы законодательной или обладающей правотворческими полномочиями исполнительной власти), на эти властные отношения должны также распространяться правовые правила, алгоритмы его (права) реализации или применения, предполагающие, что в силу наличия юридических фактов (оснований, простых или сложных составов) в рамках осуществления соответствующей правотворческой деятельности возникают определенные правовые последствия. Иными словами, в области правотворчества происходит динамика возникновения, изменения и прекращения правовых отношений (правотворческих правоотношений).

Такой взгляд на феномен правотворчества может позволить, по нашему мнению, должным образом устанавливать (идентифицировать) весь элементный состав правотворческой системы (системы правотворческой деятельности), каждому из них находить свое юридическое описание и соответственно выводить правотворческую активность на необходимый уровень юридической упорядоченности, предсказуемости и определенности. На этой основе многие современные проблемы правотворчества, которые до сих пор продолжают проявлять себя на разных стадиях (ступенях) правотворческой практики и порождаемой практики правореализации (ошибки, дефекты, юридико-технические недочеты, неверное понимание смыслов правовых текстов и пр.), могут быть минимизированы, так как соответствующая практика будет введена в четкие и определенные формы (погружена в формат) реализации (применения) права, регламентирующего правотворческую деятельность, а значит выступающего основой для специфических правотворческих правоотношений.

С учетом той значимости, которая отводится правотворчеству на настоящем этапе общественного развития, данный исследовательский акцент представляется очень актуальным и в немалой степени оригинальным (новаторским), поскольку подобная постановка вопроса в юридической науке известна далеко не многим. Научно-исследовательская работа в данном направлении, на наш взгляд, позволит создать эвристические основания для формирования оригинальной концепции правотворческих отношений в современном государстве, установления их основополагающего места в общей структуре комплекса правовых явлений, выступающих вместе с собственно правотворчеством (формой которых и предстают правотворческие правоотношения) в виде базового элемента, опосредующего иные звенья и элементы функционирующего организма правовой системы (правовой жизни) общества.

Правотворческие правоотношения как особая разновидность правовых отношений: некоторые аспекты методологии и теории

В современной российской юридической науке существует ситуация довольно фрагментарного использования категории «правотворческие отношения». Несмотря на достаточно существенный объем отечественных научных исследований по теории правовых отношений (С.А. Муромцев (Muromtsev, 1879), В.М. Хвостов (Khvostov, 1905), С.Ф. Кечекьян (Kechekyan, 1958), Р.О. Халфина (Khalfina, 1974), Ю.И. Гревцов (Grevtsov, 1981), Н.Н. Вопленко (Voplenko, 2004) и др.), не меньший объем исследований по тематике правоприменения (правореализации), правоприменительных (правореализационных) отношений (В.М. Горшенев (Gorshenev, 1972), И.А. Дюрягин (Duryagin, 1977), И.А. Галаган, А.В. Василенко (Galagan & Vasilenko, 1986; Galagan & Vasilenko, 1998), Ю.А. Тихомиров (Tikhomirov, 2008), А.Г. Самусевич (Samusevich, 2022; Samusevich & Shutova, 2022) и др.), авторы относительно редко брали на себя смелость или просто имели намерение вводить в активный оборот категорию правотворческих отношений.

Объясняется это разными обстоятельствами, но, думается, одно из наиболее очевидных среди них – это то, что в доктринальный образ права, в систему представлений о законах существования правовой реальности (в рамки субъективного понимания) многих ученых-юристов не совсем укладывался (не всегда укладывается по сию пору) тот момент, что сфера публично-властных правотворческих полномочий может быть каким-либо образом «ограничена». Таким «ограничителем» по сути и становится формат правовых отношений, предполагающих, что действуют заданные правовыми нормами параметры осуществления правотворческих полномочий, присутствует определенный набор статусных правовых характеристик основных субъектов данного типа отношений, их не только субъективные права, но и юридические обязанности, а также ответственность (Трофимов, 2010) и пр. Поэтому практически все время сфера теории и практики правотворчества оставалась (а где-то и сегодня остается) вне рамок традиционных причинно-следственных правовых связей и структур (со своим набором юридических фактов, возникновением на их основе правовых отношений, юридических последствий и пр.), а если подобная регламентация и проводится, то она не носит по большому счету какого-либо устойчиво обязывающего значения. Это вряд ли можно назвать позитивным показателем динамического развития правовой системы государства.

В то же время определенное введение правотворческой деятельности в рамки алгоритмов и схем, характерных для конструкции правовых отношений, позволит придать правотворческой деятельности более транспарентный и предсказуемый характер, вывести ее на более высокий профессиональный уровень, связав с этой деятельностью качественные и работоспособные правотворческие результаты. В этом может заключаться и научный и практико-ориентированный смысл охвата правотворческой деятельности формой правотворческих отношений (Trofimov, 2012). Это позволит в должной мере конкретизировать реальные юридические связи, которые складываются между субъектами правотворческой практики, повысить функциональность системы правотворческих взаимодействий, поскольку именно «правоотношения» в механизме правового регулирования служат инструментом перевода общих моделей поведения в плоскость конкретных мер поведения применительно к данным субъектам (Alekseev, 1982:27). Как верно также отмечает Н.Н. Вопленко: «Правовые отношения – одна из важнейших и конкретных форм социального бытия права. Они раскрывают, опредмечивают процесс воплощения правовых норм в общественную жизнь» (Vorpenko, 2003:76). В такой же степени это может относиться и к отношениям в сфере правотворческой деятельности.

Думается, преследуя именно эти познавательные и прагматические правовые цели и предполагая соответствующие научные резоны, советский ученый-юрист Б.В. Дрейшев поставил вопрос о применении модели правоотношений к правотворческим связям и процессам, обосновывая потребность исследования этого вида правовых отношений, выстраивая понятийно-категориальный аппарат, выделяя характерный тип правотворческих норм, формируя соответствующие теоретические и научно-практические позиции. Давая общее представление о различных правовых отношениях, автор говорит о том, что имеются все «основания дополнить классификацию отношений их *правообразующим* (курсив мой. – В. Т.) видом – правотворческими отношениями» (Dreyshev, 1977:38; см. также: Dreyshev, 1978; Dreyshev, 1975).

После того как в советской юридической теории известным правоведом Б.В. Дрейшевым одним из первых была обозначена категория правотворческих отношений, данная инициатива встретила вполне оправданный интерес и определенную долю поддержки (Yusupov, 1979:88–89). Вместе с тем за признанием наличия внутренних правовых связей в структуре правотворчества в виде правовых отношений не может не следовать признание действия в правотворческой сфере механизма правореализации. Но в этой части наметились определенные сложности трактовки и теоретических констатаций. С одной стороны, в рамках отечественной концепции правореализации на отдельных этапах ее развития правотворческая деятельность вполне, на наш взгляд, обоснованно включалась в структуру механизма правореализации (Reshetov, 1980:95–96), с другой стороны, применительно к этому высказывались и критические замечания, обнаруживающие якобы неоправданное расширение объема понятия правореализации за счет правотворческой деятельности, что может привести к отождествлению его с понятием правового регулирования: «правотворческая деятельность является условием существования структуры механизма реализации права, но не может быть элементом этого механизма» (Babaev & Varanov, 1983:146) и др. Это выражало в чем-то общую точку зрения, характерную для юридической науки того периода времени по данному вопросу. В дальнейшем и в теории правореализации стало подчеркиваться, что «правотворческому процессу вообще нет места в механизме реализации норм советского права» (Reshetov,

1989:137). И эти, может быть, не самые явные, но очень устойчивые доктринальные акценты в научной плоскости тоже, по всей видимости, стали идейным фактором, не позволившим рассматриваемой концепции в полной мере получить свое достойное развитие. И дело здесь, думается, не столько в возможной критической научной направленности (аргументированной критике) относительно подобного ряда правовых отношений (правовых отношений в области правотворчества) (той классической конструктивной научной критике, придающей осмысленность научному процессу, которую можно опровергнуть, к которой можно пытаться найти контраргументы и пр.), сколько в доминирующей общей правовой ментальности, не позволявшей ранее и не позволяющей в какой-то части до сих пор властный уровень социально-политической системы ставить в какие бы то ни было рамки, «измерять» складывающиеся на этом этаже социально-политической вертикали связи и отношения общими мерками правовых стандартов, нормативов, процедурных и процессуальных механизмов.

Безусловно, специфика правовых отношений в области правотворчества есть, она определяется теми властными полномочиями субъектов правового творчества, предполагающими их возможность создавать позитивное право (принимать его, изменять и отменять) и таким образом властно детерминировать правовое развитие государства. И эти полномочия в своем объеме все же «перевешивают» те правоприменительные задачи и действия, которые данные субъекты в силу своего юридического статуса обязаны осуществлять, в том числе реализуя правотворческие функции. Но это все же не означает (не должно означать), что данные субъекты не обязаны выполнять процедурно-процессуальные предписания, связанные с прохождением тех или иных стадий правотворческого процесса, правовые и юридико-технические правила, которые вытекают из законодательства, регламентирующего правотворческую деятельность.

Этот своеобразный дуализм статусно-дискреционного характера в сфере правотворчества обуславливает во многом научные позиции, констатирующие особенности правового положения субъектов, наделенных правотворческими полномочиями, а равно иных участников правотворческих процессов, известную специфику той системы отношений, которая складывалась между данными субъектами (Трофимов, 2012:566–567).

Так, анализируя феномен юридической процедуры как универсального правового явления, характерного для различных сфер правовой жизни, В.Н. Протасов подмечает ее обусловленность областью правовых отношений, реализации которых способствует (то же касается правотворческого отношения). При этом последнее характеризуется как «находящееся вне сферы общей, «массовой» реализации правовых норм», в рамках которого реализуется специфическое юридическое «право на правотворчество». Констатируется одновременно парадоксальность ситуации, где правотворчество, создавая юридические нормы, само оказывается «во власти» юридических норм (Protasov, 1991:8).

Противоречивость сложившегося научного контекста в данной плоскости в существенной степени и не позволяет выразить теоретико-практической моделью правотворческих отношений присущий ей потенциал, а область правотворчества, в свою очередь, так и остается во многом вне сферы стандартной правовой реализации, а значит возможно и вне рамок социально-правового контроля, что, по всей

видимости, вряд ли будет приемлемым с точки зрения задач формирования правового государства.

При подобном «неопределенном» статусе правотворческой области, и уж тем более если продолжать рассматривать правотворчество за пределами правовой реализации, не оценивать правотворческую деятельность в качестве предмета правового регулирования, то выстроить какой-либо «рабочий» правовой механизм правотворческой деятельности и понять, как он работает, не представляется возможным. К этим же выводам приходит и Б.В. Дрейшев, настаивая на необходимости разработки конструкции правотворческих отношений (Dreyshev, 1985:33).

Чтобы избежать выведения правотворческой деятельности за скобки правового регулирования, теряя над ней правовой и общественный контроль, к правотворческим отношениям необходимо применять те же правила, которые действуют в системе правоотношений иных сфер правового регулирования, выделяя затем соответствующие особенности.

Как и в других схожих случаях, *правоотношения в сфере правотворчества* являются непосредственной *формой реализации (применения)* лежащих в основе механизма правового регулирования *юридических норм*. По справедливому замечанию Н.Н. Вопленко: «Практическое действие правовой нормы влечет за собой возникновение, изменение или прекращение правовых связей между субъектами. И это позволяет заключить: правовое отношение – *есть норма права в действии*. Другими словами, правовое отношение есть специфически юридическая форма реализации нормы права» (Vorpenko, 2003:80).

Несмотря на обозначенную довольно специфическую доктринальную атмосферу, обращение к категории правотворческих отношений все же не могло не происходить, так как это прежде всего имело и имеет под собой объективную природу отношений в области правотворчества (наличие фактических отношений в этой области; Н.Н. Вопленко обоснованно подчеркивает: «...в основе любого правового отношения лежит фактическое отношение заинтересованных субъектов» (Vorpenko, 2003:77)), которые также должны предполагать соответствующие регуляторы, правила и порядок осуществления и пр. (Н.С. Соколова (Sokolova, 2007), В.В. Трофимов (Trofimov, 2010), В.Н. Самсонов, Е.Ф. Лукьянчикова (Samsonov, Lukuanchikova, 2012), Ю.Г. Арзамасов (Arzamasov, 2013), Д.С. Дерхо (Derkho, 2015), И.В. Куртыак (Kurtyak, 2012; Kurtyak, 2017a; Kurtyak, 2017b), Д.В. Осинцев, А.С. Домченко (Osintsev & Domchenko, 2019) и некоторые др.). Вместе с тем, как представляется, в целях достижения большей научной определенности в данном вопросе в настоящее время требуется более четкое и детальное описание рассматриваемого феномена правотворческих отношений, что включало бы в себя систематизацию признаков явления и их характеристику, определение категории правотворческих отношений (как отношений, подчиняющихся в целом стандартным (с определенной спецификой) юридическим правилам и схемам их реализации, а не как существующих вне общепринятого правового порядка юридически значимых отношений).

Пройдя в этом случае своего рода синтезированным индуктивно-дедуктивно-логическим путем к построению некой общей модели правовых отношений в сфере правотворчества, обозначим видение этой проблемы.

Во-первых, как известно, отношения, урегулированные правовыми нормами (Kechekyan, 1958:7), объективно перетекают в плоскость правовых отношений.

Правотворческая сфера, какой бы она ни казалась базовой и определяющей в структуре правовой системы, также не свободна от регламентации со стороны объективного права. В каждом (или практически каждом) современном (правовом) государстве есть законодательство (в широком смысле – массив источников (форм) права), которым в том числе регулируется правотворческая деятельность (это законодательство может быть кодифицированным, например, в виде общего закона о нормативных правовых актах государства¹), а может быть распределено по целому ряду актов нормативного характера различной иерархической принадлежности, регламентирующих соответствующие правотворческие процессы и т. п.). Наличие регулирующих правотворческую сферу актов уже своим фактом подтверждает, что отношения в этой области будут строиться не сами по себе, а в силу реализации (применения) норм предметно ориентированного позитивного права (назовем его – правотворческого права). Таким образом, мы имеем в этой части юридические основания правотворческих отношений.

Во-вторых, правоотношения складываются и возникают не только в силу наличия юридических оснований, но и в силу юридически значимых социальных фактов, всегда лежащих в основе отношений правовых. Если можно так выразиться, то «глобально» в структуре правотворчества таким определяющим юридически значимым фактом, который способен привести в действие всю систему правовых отношений в правотворчестве, может считаться факт выражения правотворческой инициативы, выступающей отправной точкой для процедур и процессов ее оформления и документального отражения сначала в проекте нормативного правового акта, а затем в случае его принятия и в самом нормативном правовом акте. Как мы знаем, современная правовая жизнь полна подобными инициативами (Redko, 2023), а значит возникающим правотворческим отношениям будет всегда «не счесть числа».

В-третьих, для инициации правотворческих отношений важен еще один компонент – наличие в правовой жизни тех субъектов, которые способны брать на себя ответственность за разработку и принятие нормативных правовых актов не только в силу властных полномочий (органы и должностные лица федеральной, региональной и муниципальной публичной власти), но и в силу, что называется, искренних побуждений делать жизнь в государстве лучше не только для самого государства (государственного аппарата), но и для общества (в данном случае мы говорим о структурах и институтах гражданского общества как таких субъектах «заинтересованного» правотворческого участия). Иными словами, должен быть соответствующий субъектный состав правотворческих отношений, обеспечивающих принятие, изменение или отмену нормативных правовых актов (Ivanov, 2022), своим наличием необходимым образом обуславливающий соответствующие связи между действующими субъектами права. Как отмечает Н.Н. Вопленко: «правовое отношение представляет собой реализованную в фактическом взаимодействии сторон связь между субъектами, урегулированную нормами права» (Voplenko, 2003:78).

В-четвертых, для правовых отношений важен объект, по поводу которого эти отношения могут складываться. В теории правовых отношений существуют разные точки зрения на объект правовых отношений (Bratus & Alekseev, 1960; Kuchinsky,

¹ Например, в Республике Беларусь принят и действует Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 31.07.2018. 2/2568.

2006). Думается, это вытекает не в последнюю очередь из того, к какому правоотраслевому направлению относится та или иная группа правовых отношений. Для частного права таким объектом выступает прежде всего имущество, поскольку именно оно здесь имеет преимущественное значение, составляя главный предмет интересов субъектов соответствующих правовых отношений. А вот для права публичного (к которому условно, полагаем, следует отнести и правотворческое) таким объектом может выступать сама деятельность (активность), осуществление которой обуславливает появление и ряда соответствующих субъектов права, способных эту деятельность осуществлять, и комплекса характерных связей и отношений. Для правотворческих отношений таким объектом, на наш взгляд, может выступать правотворческая активность – деятельность (действия) правотворческих субъектов по достижению соответствующих текущих и итоговых целей правового творчества.

В-пятых, в связи с вышесказанным помимо некоего иницирующего звена правовых отношений, любые правовые отношения могут иметь смысл, если перед ними (или в их природе) есть зримое целеполагание, есть четкая и ясная цель – зачем эти правоотношения необходимы, к чему они могут привести, какой от них может быть эффект (Orlov & Ekimov, 1968). У правотворческих отношений такая цель, безусловно, есть: создание и воспроизводство права. Ради этой итоговой цели работает весь правотворческий механизм, все его элементы и соответственно – все те субъекты правотворчества и социально-юридические связи, которые на достижение этой цели (через посредство многих промежуточных целей) рассчитаны.

Исходя из сказанного, постараемся сформулировать некую общую дефиницию правотворческих правовых отношений (учитывая и сложившийся научный опыт (прежде всего благодаря работам Б.В. Дрейшева), и некоторые собственные наработки в этой области науки).

Правообразующие (правотворческие) правоотношения – это основанные на нормах правотворческого права специфические по содержанию и характеру правовые отношения, связанные с разработкой, принятием и изданием правотворческими органами правовых актов различной формы, а также участием граждан и организаций в данном процессе посредством выражения волеизъявления относительно характера и содержания принимаемых правовых норм (Trofimov, 2011:28).

Правотворческие правовые отношения осуществляются по соответствующим юридическим правилам, возникают, изменяются и прекращаются в силу соответствующих юридических фактов, складываются между соответствующими субъектами в целях решения главной задачи, выполнения своего главного функционального предназначения – создание, преобразование, воспроизводство позитивного права.

Правотворческое право как нормативная юридическая основа правотворческих правоотношений

Раскрывая концепцию правотворческих правовых отношений, обратимся, прежде всего, к их нормативной юридической основе, наличие которой своим фактом подтверждает, что отношения (юридические связи и процессы), возникающие на этой базе, не могут не иметь правового характера и не могут не выступать формой реализации (применения) соответствующих правовых норм, опосредующих правотворческую деятельность.

О данном типе правовых норм – норм правотворческих – также, пожалуй, первым (или одним из первых) поставил вопрос в своих работах Б.В. Дрейшев. Характеризуя значение этих норм, автор отмечает, «нормам, регулирующим правотворческую деятельность, принадлежит важная роль в совершенствовании правовой системы. Именно с их помощью осуществляется регламентация „технологического“ процесса создания новых правовых норм, изменения или отмены действующих» (Dreyshev, 1976:26).

Совокупность (комплекс) этих норм составляет вполне специфическое нормативное образование, предметом которого выступают общественные отношения в сфере правового творчества (эти отношения «направлены на создание новых норм права (изменение или отмену действующих)») (Dreyshev, 1976:27). В этом смысле можно говорить об имеющей необходимое внутреннее единство правовой общности. Это позволяет считать данную совокупность правовых (правотворческих) норм вполне самостоятельным элементом системы права, как минимум ее целостным правовым институтом, который условно можно именовать как «*правотворческое право*», которое можно определить в качестве *особой системы правотворческих норм, регулирующих общественные отношения по поводу создания, изменения или отмены норм права*, представляющее собой формально организованную юридическую основу планомерно-рационального (правотворческого) способа правообразования (Трофимов, 2011).

Правотворческое право, выраженное системой нормативных правовых предписаний, выступает формально-юридической нормативной основой *правового опосредования* взаимодействий в правотворческой области, определяя правила поведения субъектов правотворческой активности, предписывая совершение тех или иных значимых правотворческих действий (Dreyshev, 1975).

Если говорить о российской правотворческой практике, то система источников правотворческого права довольно разнообразная и многоуровневая. Первое вытекает из того, что формировалась данная система источников (форм) правотворческого права на разных отрезках становления российской государственности, отсчитывая с начала 1990-гг., и пока еще не претерпела какой-либо целенаправленной систематизации, вплоть до кодификации в рамках единого законодательного акта. Многоуровневость правотворческой деятельности и форм ее нормативного обеспечения в свою очередь определяется тем, что российское государство имеет федеративное устройство (деление на субъекты Российской Федерации) и предполагает помимо этого существование относительно автономного уровня местного самоуправления.

Правовое регулирование правотворческих отношений на общефедеральном, региональном и муниципальном уровнях в Российской Федерации на базовой всеобщей основе определяется Конституцией Российской Федерации².

Федеральный законодательный процесс и складывающиеся в этой плоскости правотворческие (законотворческие) правоотношения регулируются также рядом подзаконных нормативных актов, прежде всего соответствующими регламентами – Регламентами Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ³.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144, 4 июля.

³ Постановление Государственной Думы РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.

Регламенты в российской правотворческой практике представляют собой правовые акты нормативного характера, с помощью которых опосредуются отношения, складывающиеся в процессе правотворчества (законотворчества), или правотворческие (законотворческие) отношения. Регламент – очень важный документ, должным образом организующий правотворческий процесс, а также довольно значимый элемент культуры правотворчества в рамках современного государства.

К названному можно добавить и то, что есть еще целый ряд документов, упорядочивающих и регламентирующих правотворческий процесс российского государства на данном этапе властной иерархии⁴.

Свое место в системе правотворческого права занимает нормативный правовой акт (закон), определяющий порядок опубликования и вступления в силу законодательных актов высшего органа законодательной власти в российском государстве – парламента Российской Федерации⁵ (нормирующий реализацию одной из важных стадий правотворческого процесса, имеющей первостепенное значение для повышения эффективности правоприменения (о чем уверенно и доказательно было сказано еще во времена советской юриспруденции (Pigolkin (ed.), 1968)).

Существенным и принципиальным дополнением в системе правового регулирования правотворческих отношений на федеральном уровне мог бы стать «Закон о нормативных правовых актах» или так называемый «Закон о законах», принятие которого в Российской Федерации все еще не состоялось и пока непонятно, состоится ли в перспективе, хотя были готовы и проекты (Khabrieva & Tikhomirov (ed.), 2019), да и «перьев» ученых-правоведов на этот счет стерто немало (Boshno, 2015).

Правотворческий процесс в сфере компетенции главы российского государства – Президента Российской Федерации и соответствующие правовые отношения в этой области регламентируются также целым рядом нормативных правовых актов, определяющих и порядок разработки и принятия указов и распоряжений Президента РФ, и отношения между участниками данных правотворческих процессов⁶.

Поскольку Правительство Российской Федерации и органы исполнительной власти федерального уровня принимают существенное число нормотворческих актов, правотворческое право современного российского государства включает в себя и данный компонент правовой регламентации правотворческой деятельности,

---

1998. № 7. Ст. 801; Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 6 февраля 1996 г. № 42-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 655.

⁴ См., например: Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2009 г. № 389 (ред. от 29.08.2020) «О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 2009. № 19. Ст. 2346; и др.

⁵ Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 8. Ст. 801.

⁶ См.: Распоряжение Президента РФ от 3 августа 1996 года № 413-рп «О порядке подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента Российской Федерации (с изменениями и дополнениями)» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 33. Ст. 3982; Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 1996 года № 638 «О порядке подготовки проектов указов, распоряжений Президента Российской Федерации, предусматривающих принятие постановлений, распоряжений Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2257.

правотворческой активности данного уровня общественных отношений (правотворческих правоотношений в системе федеральных органов исполнительной власти)⁷.

Региональный и муниципальный уровни правотворческих правоотношений опираются на нормативную правовую основу, выраженную как федеральными законами⁸, так и региональными и муниципальными актами, начиная с Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации и Уставов городов и иных муниципальных образований и продолжая специальными законами в этой области⁹. Причем по последнему элементу можно констатировать наличие факта так называемого опережающего правотворчества, когда при отсутствии на федеральном уровне закона о правотворческой деятельности (так называемого «Закона о законах»), в регионах уже приняты и действуют вполне цельные нормативные правовые акты, регулирующие все основные аспекты правотворческой деятельности в субъектах РФ¹⁰.

Таким образом, для правотворческих отношений в Российской Федерации сформирована довольно внушительная нормативная правовая основа, представленная нормативными правовыми актами разных уровней, определяемых федеративным устройством российского государства и наличием как государственной, так и муниципальной систем управления. Этот массив существующих документов, имеющих предмет правового регулирования, в том числе отношения в сфере правотворчества, можно вполне уверенно именовать правотворческим правом, которое конечно же нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании, не говоря о необходимости его осмысления, исследования и научного обоснования.

Объект, субъекты и содержание правотворческих правоотношений как формы реализации (применения) норм правотворческого права

Развивая концепцию правотворческих правоотношений, кратко остановимся в рамках настоящей статьи на вопросах об объекте, о субъектах и содержании данных отношений как выражении аспектов реализации (применения) норм правотворческого права.

⁷ Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. № 251. 2020, 9 ноября; Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 (ред. от 06.09.2021) «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313; Постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 (ред. от 01.02.2020) «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. № 171. 2005, 5 августа; и др.

⁸ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973; Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁹ См., например: Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 // Известия Башкортостана. 1994. № 3, 6 января; Устав (Основной закон) Тамбовской области Российской Федерации (принят Тамбовской областной Думой 30 ноября 1994 г.) // Тамбовская жизнь. 1994. № 233, 6 декабря; Устав города Тамбова (принят решением Тамбовской городской Думы от 4 мая 2005 г. № 704, зарегистрирован постановлением Тамбовской областной Думы от 20 мая 2005 г. № 1161) (с изм. и доп.) // Наш город Тамбов. 2005. № 22, 23 мая.

¹⁰ См., например: Закон Тамбовской области от 23 июня 2006 года № 51-3 «О правовых актах Тамбовской области». Принят Тамбовской областной думой 23 июня 2006 года (в ред. от 01 декабря 2021 г.) // Тамбовская жизнь. 2006. № 162–163, 7 июля.

Не углубляясь в дискуссионный пласт проблемы объекта правоотношений (на что выше уже обращали наше внимание), приведем классическое понимание данного компонента правовой реальности, которое было выработано отечественной теоретико-правовой наукой. Как характеризовал этот аспект С.С. Алексеев, *объект* правоотношения – это те явления (предметы) окружающего мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности (Алексеев, 1964:137). Объектом правотворческого отношения, соответственно, является все то, что находится вне субъективных прав и юридических обязанностей участников данных правоотношений.

По отношению к субъектам правового творчества таким внешним для них явлением, по поводу которого возникают соответствующие субъективные права и юридические обязанности данных субъектов, следует считать феномен правотворческой активности, комплекс тех правотворческих действий, которые субъекты правотворчества имеют право и вместе с тем обязаны осуществлять. В рамках системы правотворчества комплекс таких действий (комплекс моделей и стандартов правотворческих действий) во многом предзадан (выработан многовековой правотворческой практикой человечества, определен нормативными установлениями), и именно они выступают той «ценностью», к которой может приобщиться каждое новое поколение правотворцев и которая актуализируется с каждой новой ротацией уполномоченных на официальное (или даже неофициальное) правотворчество субъектов. В частности, к элементам комплекса правотворческих действий (юридически значимым проявлениям правотворческой деятельности) можно отнести, с одной стороны, такие стандартизированные правотворческие акции, как выражение правотворческой инициативы, участие в обсуждении проекта закона, голосование за подобный проект и т. п. (этими действиями предмечиваются преимущественно непосредственно субъективные права субъектов правотворчества), с другой стороны, такие нормативно обязательные действия, как проведение оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов, принятие на рассмотрение поправок (дополнений) к проектам нормативно-правовых актов, проведение антикоррупционной экспертизы подобных актов, их проектов и т. п. (этими правотворческими акциями предмечиваются в основном юридические обязанности субъектов правотворческих действий) (Trofimov, 2012).

В соответствии с законом (нормативным правовым актом) к числу *субъектов* правотворческих отношений могут относиться как субъекты индивидуального, так и коллективного характера. Первые субъекты правотворчества – граждане государства (российские граждане) и должностные лица, наделенные правотворческими полномочиями. Вторые – российский народ – главный источник власти в стране (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ), органы государственной и муниципальной публичной власти, социальные организации, институты гражданского общества.

Способностями (правомочиями) осуществлять те или иные юридически значимые правотворческие действия во многом определяется *правосубъектность* в сфере правотворчества. При этом последняя в зависимости от объема (спектра) таких правомочий может быть «полная» (предполагает у субъекта правового творчества максимально полную совокупность правовых возможностей осуществлять правотворческие действия, участвовать, по сути, в любых правотворческих отношениях). Также правосубъектность может быть «неполной» (открывает ограниченный спектр возможностей участия в правотворческой деятельности государства – как правило,

участвовать в отдельных правотворческих действиях, в том числе инициировать проект нормативного правового акта, участвовать в его обсуждении (публичном слушании), проводить экспертизу и пр.). Полная правотворческая правосубъектность, как правило, присутствует у органов публичной власти, неполная – у субъектов гражданского общества.

Разнообразные правомочия и обязанности субъекта правового творчества вытекают из соответствующих правотворческих норм, которыми регламентируется правотворческая активность. В силу реализации соответствующих субъективных правопроявлений (прав и обязанностей) совершаются необходимые в определенные моменты времени правотворческие действия, которыми, собственно, и поддерживается механизм создания правовых норм, производства права.

Содержанием правотворческих правовых отношений выступает совокупность субъективных прав и юридических обязанностей, отражающих «занятость» субъекта правотворчества в процессах правотворчества. Содержание правотворческих отношений в этом смысле есть основанное на реализации правотворческих правомочий и обязанностей фактическое поведение участников этих отношений, их правотворческая деятельность в соответствии с предусмотренными правовой нормой правами и обязанностями, т. е. их правомерная практическая реализация (Dreyshev, 1977:32–33, 36).

Если же иметь в виду, что нормы правотворческого права регламентируют как собственно правотворческую деятельность (правотворческие действия, связанные с разработкой, обсуждением и принятием (опубликованием) нормативных правовых актов), так и процедуру (процесс) ее осуществления, в правотворческом праве можно выделить *материальный* и *процессуальный* сегменты (первый отвечает за то, «что» делается в рамках правотворчества, второй – «как» осуществляется процесс правотворческих действий). Значит и отношения в сфере правотворчества имеют материальную и процессуальную природу. Правотворческие действия по поводу принимаемых документов нормативно-правового характера будут содержанием *материальных правотворческих отношений*. В свою очередь, материальные правотворческие отношения выступают содержанием *процессуальных правотворческих правоотношений*.

Динамика же правотворческих правоотношений во многом определяется стадийностью правотворчества, начиная от так называемой предправотворческой стадии (где на основе общегражданского «чутья» и / или научно-правовых исследований (теоретических и эмпирических) зарождаются правовые идеи, правовые замыслы, правовые проекты и правовые инициативы), проходя через стадии обсуждения и принятия в рамках соответствующих властных инстанций и завершая стадией опубликования нормативного правового акта.

Выводы

Таким образом, если подводить некоторые итоги проведенного рассмотрения проблемы правотворческих отношений как формы применения (реализации) права, можно сделать следующие выводы. Первое, научный анализ конструкции правотворческих отношений показал, что в системе властной правотворческой деятельности также могут складываться соответствующие правовые отношения, выражающие собой реализацию (применение) норм правотворческого права, которое регулирует

общественные отношения в сфере правотворчества государства, и это не какой-либо юридический парадокс, а объективная данность правовой жизни. Второе, введение в более активный научный оборот категории правотворческих правоотношений оправдано потребностью смотреть на правотворчество как деятельность, осуществляемую по определенным правилам и подчиняющуюся установленным нормативным требованиям и предписаниям, что будет выступать предпосылкой повышения качества правотворческих результатов. И, третье, это не направлено никоим образом на ограничение возможности творчества права соответствующими управомоченными субъектами, а наоборот – способствует обеспечению надлежащего порядка в организации правотворческого процесса.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1960) About the object of law and legal relations. In: Bratus, S.N. (ed.). *Questions of the general theory of Soviet law: collection of articles*. 284–308. (in Russian).
Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М., 1960. С. 284–308.
- Alekseev, S.S. (1964) *General theory of socialist law. Issue 2: Norms of law and legal relations*. Sverdlovsk, Sverdlovsk Law Institute publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2: Нормы права и правоотношения. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т. 1964. 226 с.
- Alekseev, S.S. (1982) *General theory of law*. Vol. 2. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. 359 с.
- Arzamasov, Yu.G. (2013) *Theory and practice of departmental rulemaking in Russia*. Moscow, YurLitinform Publ. (in Russian).
Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М. : Юрлитинформ, 2013. 480 с.
- Babaev, V.K. & Baranov, V.M. (1983) Reshetov, Y.S. The mechanism of legal realization in the conditions of developed socialism. Kazan, 1980. 167 p. *Soviet state and law*. (3), 145–146. (in Russian).
Бабаев В.К., Баранов В.М. Ю.С. Решетов. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. 167 с. // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 145–146.
- Boshno, S.V. (2015) Draft law on normative legal acts: the clash of lawmaking, theory and practice. *State and law*. (11), 14–23. (in Russian).
Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23.
- Derkho, D.S. (2015) Legal relations in the field of constitutional lawmaking: questions of theory. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. (17), 38–44. (in Russian).
Дерхо Д.С. Правоотношения в сфере конституционного правотворчества: вопросы теории // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 38–44.
- Dreyshev, V.V. (1975) Law-making relations in the Soviet state administration. *Pravovedenie*. (2), 54–61. (in Russian).
Дрейшев В.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении // Правоведение. 1975. № 2. С. 54–61.
- Dreyshev, V.V. (1976) Law-making norms in the system of Soviet law. *Pravovedenie*. (5), 25–31. (in Russian).
Дрейшев В.В. Правотворческие нормы в системе советского права // Правоведение. 1976. № 5. С. 25–31.

- Dreyshev, V.V. (1977) *Lawmaking in the Soviet state administration*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Дрейшев В.В. Правотворчество в советском государственном управлении. М. : Юрид. лит., 1977. 159 с.
- Dreyshev, V.V. (1978) *Law-making relations in the Soviet state administration*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University (in Russian).
Дрейшев В.В. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. 175 с.
- Dreyshev, V.V. (1985) Lawmaking and legal regulation. *Pravovedenie*. (1), 30–36. (in Russian).
Дрейшев В.В. Правотворчество и правовое регулирование // Правоведение. 1985. № 1. С. 30–36.
- Dyuryagin, I.Ya. (1977) Law enforcement relations as a kind of managerial relations. *Soviet State and Law*. (7), 46–54. (in Russian).
Дюрягин И.Я. Правоприменительные отношения как разновидность управленческих отношений // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 46–54.
- Galagan, I.A. & Vasilenko, A.V. (1986) Problems of the theory of law enforcement under Soviet legislation. *Pravovedenie*. (2), 57–61. (in Russian).
Галаган И.А., Василенко А.В. Проблемы теории правоприменения по советскому законодательству // Правоведение. 1986. № 2. С. 57–61.
- Galagan, I.A. & Vasilenko, A.V. (1998) On the problems of the theory of law enforcement relations. *State and law*. (3), 10–18. (in Russian).
Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3. С. 10–18.
- Gorshenev, V.M. (1972) *Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Горшнев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юрид. лит., 1972. 258 с.
- Grevtsov, Yu.I. (1981) *Problems of the theory of legal relations*. Leningrad, Publishing House of the Leningrad State University. (in Russian).
Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л. : ЛГУ, 1981. 83 с.
- Ivanov, R.L. (2022) Subjects of lawmaking: concept and types. *Herald of Omsk University. Series Law*. 19(2), 5–14. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19\(2\).5-14](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(2).5-14). EDN JQJUYC. (in Russian).
Иванов Р.Л. Субъекты правотворчества: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2022. Т. 19. № 2. С. 5–14. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19\(2\).5-14](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(2).5-14). EDN JQJUYC.
- Kechekyan, S.F. (1958) *Legal relations in a socialist society*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).
Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 187 с.
- Khabrieva, T.Ya. & Tikhomirov, Yu.A. (ed.). (2019) *On regulatory legal acts in the Russian Federation (initiative draft federal law)*. 5th ed., revised and expanded. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (in Russian).
О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. 88 с.
- Khalfina, R.O. (1974) *The general doctrine of legal relations*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. 351 с.

- Khvostov, V.M. (1905) *General theory of law. Elementary essay*. Moscow, University Printing House. (in Russian).
Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. М. : Университетская типография, 1905. 211 с.
- Kuchinsky, V.A. (2006) Objects of legal relations. *Socio-economic and legal studies*. (4), 21–34. (in Russian / in Belarusian).
Кучинский В.А. Объекты правовых отношений // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2006. № 4. С. 21–34.
- Kurtyak, I.V. (2012) Normative legal relations in the system of law-making. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (1), 56–62. (in Russian).
Куртяк И.В. Нормотворческие правоотношения в системе правотворчества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 56–62.
- Kurtyak, I.V. (2017a) *Normative relations in the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
Куртяк И.В. Нормотворческие отношения в МВД России. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. 213 с.
- Kurtyak, I.V. (2017b) Some questions of the mechanism of legal regulation of normative legal relations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (3), 17–20. (in Russian).
Куртяк И.В. Некоторые вопросы механизма правового регулирования нормотворческих правоотношений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 17–20.
- Muromtsev, S.A. (1879) *Definition and basic division of law*. Moscow, Printing house of A.I. Mamontov and Co. (in Russian).
Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М. : Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1879. 240 с.
- Orlov, O.N. & Ekimov, A.I. (1968) The goal in the norm of Soviet law. *Pravovedenie*. (5), 22–29. (in Russian).
Орлов О.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 22–29.
- Osintsev, D.V. & Domchenko, A.S. (2019) Administrative rulemaking: legal relationship or organizational and activity technology of functioning of a public administration body. *Russian Journal of Legal Studies*. 6(1(18)), 64–72. EDN PPHPOB. (in Russian).
Осинцев Д.В., Домченко А.С. Административное нормотворчество: правоотношение или организационно-деятельностная технология функционирования органа публичного управления // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1(18). С. 64–72. EDN PPHPOB.
- Pigolkin, A.S. (ed.). (1968) *Publication of regulations*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Опубликование нормативных актов / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Юрид. лит., 1968. 178 с.
- Protasov, V.N. (1991) *Legal procedure*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Протасов В.Н. Юридическая процедура. М. : Юрид. лит., 1991. 79 с.
- Redko, A.A. (2023) *Legal initiative in the mechanism of action of modern Russian law*. Abstract Doctor of Legal Sciences dissertation. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (in Russian).
Редько А.А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. 60 с.

- Reshetov, Y.S. (1980) *The mechanism of legal realization in the conditions of developed socialism*. Kazan, Publishing house of the Kazan University. (in Russian).
Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань : изд-во Казанского ун-та, 1980. 167 с.
- Reshetov, Y.S. (1989) *Implementation of the norms of Soviet law (system analysis)*. Kazan, Publishing House of the Kazan University. (in Russian).
Решетов Ю.С. Реализация норм советского права (системный анализ). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. 159 с.
- Samsonov, V.N. & Lukyanchikova, E.F. (2012) Features of normative relations of legislative (representative) public authorities of the subjects of the Russian Federation. *Scientific bulletin of Belgorod State University: Philosophy. Sociology. Law*. (8), 129–134. (in Russian).
Самсонов В.Н., Лукьянчикова Е.Ф. Особенности нормотворческих отношений законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Филология. Социология. Право. 2012. № 8. С. 129–134.
- Samusevich, A.G. (2022) *Theory and practice of law enforcement: A textbook*. Irkutsk, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia). (in Russian).
Самусевич А.Г. Теория и практика правоприменения : учебное пособие. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. 118 с.
- Samusevich, A.G. & Shutova, V.N. (2022) Problems of understanding constitutional law enforcement. *Leningrad Law Journal*. 4 (70), 84–98. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84 (in Russian).
Самусевич А.Г., Шутова В.Н. Проблемы понимания конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 4 (70). С. 84–98. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84
- Sokolova, N.S. (2007) Features of the legislative procedures of subjects of the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. (3), 10–16. EDN JVKTMD. (in Russian).
Соколова Н.С. Особенности правотворческих отношений субъектов Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2007. № 3. С. 10–16. EDN JVKTMD.
- Tikhomirov, Yu.A. (ed.). (2008) *Law enforcement: theory and practice*. Moscow, Formula prava Publ. (in Russian).
Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М. : Формула права, 2008. 432 с.
- Trofimov, V.V. (2010) Law-forming relations and legal responsibility: problems of theory and practice of implementation. *Constitutional and municipal law*. (4), 14–18. (in Russian).
Трофимов В.В. Правообразующие отношения и юридическая ответственность: проблемы теории и практики реализации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 14–18.
- Trofimov, V.V. (2011) Legal education in modern society: Theoretical and methodological aspect. Abstract Doctor of Legal Sciences dissertation. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics and Finance. (in Russian).
Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. 2011. 50 с.
- Trofimov, V.V. (2012) Law-making legal relations as a form of implementation of a planned and rational way of forming law: problems of theory and practice. *Legal technique*. (6), 566–577. EDN RCGGKX. (in Russian).
Трофимов В.В. Правотворческие правоотношения как форма осуществления планомерно-рационального способа формирования права: проблемы теории и практики // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 566–577. EDN RCGGKX.

- Voplenko, N.N. (2003) Legal relations: Concept and classification. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*. (6), 76–89. EDN MNKZWH. (in Russian).
Вопленко Н.Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2003. № 6. С. 76–89. EDN MNKZWH.
- Voplenko, N.N. (2004) *Legal relations*. Volgograd, Volgograd State University Publishing House. (in Russian).
Вопленко Н.Н. Правовые отношения. Волгоград : изд-во ВолГУ, 2004. 64 с.
- Yusupov, V.A. (1979) Dreyshev, B.V. Law-making relations in the Soviet state administration. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 1978. 176 p. *Pravovedenie*. (6), 88–89. EDN UCCORJ. (in Russian).
Юсупов В.А. Б.В. Дрейшев. Правотворческие отношения в советском государственном управлении. Изд-во Ленинградского ун-та, 1978, 176 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1979. № 6. С. 88–89. EDN UCCORJ.

Сведения об авторе:

Трофимов Василий Владиславович – доктор юридических наук, доцент, начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; 392000, Российская Федерация, Тамбовская область, город Тамбов, Интернациональная ул., д. 33
ORCID: 0000-0002-5039-7363; SPIN-код: 2555-5922
e-mail: iptgutv@mail.ru

About the author:

Vasily V. Trofimov – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Research Institute of State and Legal Studies, Full Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; city, 33 Internatsionalnaya str., Tambov, Tambov region, 392000, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5039-7363; SPIN-code: 2555-5922
e-mail: iptgutv@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-762-777>

EDN: HRGBRS

Научная статья / Research Article

Право на вид в России: история, законодательство и перспективы

П.Н. Андреева

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 andreeva.pln@gmail.com

Аннотация. Право на вид в России, имеющее свои корни в римском праве, остается недостаточно разработанным в современном российском законодательстве и юридической науке. Целью исследования – определение правового статуса права на вид, его особенностей, способов защиты и гарантий в Российской Федерации. Автор исследует исторические аспекты, законодательные основы права на вид и его эстетическую и экономическую составляющие. Используются диалектический подход, а также такие методы как формально-юридический, сравнение, анализ и другие. Выводы показывают, что действующее законодательство не предоставляет правовых гарантий на сохранение вида из окна, что подтверждается судебной практикой. Право на вид не имеет отдельного определения и не защищается специальными нормами в законодательстве РФ. Тем временем, актуальность вопросов, связанных с видовыми проблемами, растет с каждым днем. Это подтверждается растущим процессом урбанизации и застройки территорий. Сложившаяся ситуация в контексте реализации данного права указывает на наличие правовых пробелов, что затрудняет защиту интересов собственников. Автор приходит к выводу, что право на вид требует более детального изучения и законодательного регулирования для обеспечения его защиты в условиях современных реалий.

Ключевые слова: урбанизация, сервитут, негаторный иск, вид, право на вид, застройка территорий, способы защиты права, защита прав собственников, градостроительство

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 10 августа 2024 г.

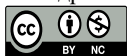
Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Андреева П.Н. Право на вид в России: история, законодательство и перспективы // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 762–777. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-762-777>

© Андреева П.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The right to a view in Russia: History, legislation and future prospects

Polina N. Andreeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 andreeva.pln@gmail.com

Abstract. The right to a view in Russia, rooted in Roman law, remains underdeveloped in contemporary Russian legislation and legal scholarship. The study aims to investigate the legal status of the right to a view, identifying its unique characteristics, methods of protection and guarantees in the Russian Federation. The author examines the historical aspects, the legislative framework surrounding this right, and its aesthetic and economic implications. A dialectical approach is employed alongside formal-legal methods, comparative analysis, and others. The findings indicate that current legislation lacks legal guarantees for preserving views from windows, as evidenced by judicial practice. The right to a view is neither explicitly defined nor protected by specific norms in Russian Law. Nonetheless, the relevance of issues related to views is increasing due to ongoing urbanization and territorial development. The current landscape reveals significant legal gaps that hinder the protection of property owners' interests. The author concludes that the right to a view necessitates further study and legislative regulation to ensure its protection in today's context.

Keywords: urbanisation, easement, negative claim, view, right to a view, territorial development, methods of protecting rights, protection of property owners' rights, urban development

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received: 10th August 2024

Article accepted: 15th October 2024

For citation:

Andreeva, P.N. (2024) The right to a view in Russia: History, legislation and future prospects. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 762–777. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-762-777>

Введение

Право на вид, как некоторые связанные с ним другие права, такие как право на свет (право на инсоляцию), не имеют достаточного освещения в современной юридической литературе. Тем не менее, нельзя умалять их значимость, особенно в условиях современного мира, характеризующегося непрерывной урбанизацией. Россия в 2023 г. занимает в рейтинге стран мира с высоким уровнем урбанизации 77 место с индексом 74,4¹. С процессом застройки территорий увеличивается количество недвижимых объектов, которые нередко «мешают» друг другу. Помимо увеличения численности населения на конкретной местности, транспорта, коммуникаций и пр., нововозведенные постройки нередко заслоняют собой другие объекты, например, жилые дома, детские сады, школы, больницы, парки и т.д. Таким образом, что эти объекты остаются с испорченным видом и в тени, лишаясь естественного солнечного света.

Известно, что роль вида особенно важна при формировании цен на недвижимость. Так, жилье с «роскошным» видом на море или горы будет стоить в разы дороже, чем аналогичная недвижимость с окнами на стену соседа. Эстетическая

¹ Урбанизация стран мира. Режим доступа: <https://visasam.ru/emigration/vybor/urbanizaciya-stran-mira.html> (дата обращения: 18.06.2024).

привлекательность архитектурного ландшафта и визуальная красота окружающих видов оказывают колоссальное влияние на имущественную сферу жизни общества. Осуществление и защита этого интереса невозможны вне адекватной правовой формы, а реализовать фактические потребности соседей здесь можно лишь в рамках правового отношения, предполагающего четкие правовые связи, субъективные права и обязанности (Ryabov, 2007). Однако четких законодательных разработок в данной области нет, что порождает большое количество вопросов, нарушения в области прав собственников и затрудняет судебные разбирательства.

Отметим, что научное сообщество все чаще упоминает о переизбытке прав, появившихся в последнее время в связи с развитием общества и городов. Действительно, общество и технологии не стоят на месте и право вместе с ними. Однако учитывая, что право на вид имеет глубокие исторические корни и возникло не как многие «новые» права под вехой цифровизации и информатизации, его нельзя «приписать» к эгиде прав нового поколения. Кроме того, стоит обратить особое внимание на проблемы, связанные с данным правом, поскольку их решение ждет не одно десятилетие, о чем пойдет речь далее.

Природа и понятие права на вид

Понятие «вид» имеет множество определений, одно из них наиболее подходящее контексту: вид – это местность, видимая взором². Понятие «право на вид» в отечественном законодательстве отсутствует, тем не менее оно имеет глубокие исторические корни и существует со времен римского права, которое выделяло городские сервитуты. Известно, что имеется множество классификаций сервитутов³. Например, *личные* (устанавливаются в отношении конкретного человека) и *предиальные* (устанавливаются в отношении участка). Также выделяют *сельские* и *городские* сервитуты. Сельские (*iura praediorum rusticorum*) устанавливались в пользу незастроенных (полевых) участков, а городские (*iura praediorum urbanorum*), в свою очередь, в пользу застроенных участков. Типичные городские сервитуты: право опереть постройку на стену соседа, право вделать балку в стену соседа, право света, право вида (т.е. чтобы сосед не закрывал вида постройкой) и т.д. (Kalinichev, 2007). Таким образом, городской сервитут мог запретить соседу строить высокий забор, сажать дерево близи окон или возводить слишком высокое здание, которое бы могло «перекрыть» вид соседа. В частности, известный римский юрист Гай (Гай. 2. 31; D. 8. 2. 2. 3; I. 2. 3. 1) относил к городским сервитутам:

- 1) право требовать, чтобы не были застроены окна (*s. ne luminibus officiator*);
- 2) право требовать, чтобы не был испорчен вид (*s. ne prospectui offendatur*);
- 3) право возведения строений не выше известной меры (*s. altius non tollendi*) (Krasnokutsky (eds.), 2004).

Сервитут обременяет собственника участка, устанавливая определенные ограничения, связанные с постройкой или насаждением на своей территории объектов или иных действий, способных оказать воздействие на другие (соседние) участки. Описание городских сервитутов Гаем весьма полно раскрывают содержание права

² Толковый словарь Ожегова. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B2%D0%B8%D0%B4> (дата обращения: 08.06.2024).

³ Подробнее о сервитутах см.: (Ulyanischev, 2000; Vlasenko, 2021; Shchennikova, 2022).

на вид, при этом включая в него не только требование о запрете порчи вида, но и о застройке окон и превышении высоты постройки.

Сервитут вида неоднократно упоминается в Дигестах Юстиниана (Титул II. О сервитутах городских имений) (Kofanov, 2008):

8.2.3. Ульпиан в 29-й книге «Комментариев к Сабину». Существует и сервитут, заключающийся в том, чтобы *не заслонялся вид*;

8.2.11. Ульпиан в 1-й книге «Об обязанностях консула». Кто хочет затемнить участок соседей или сделать что-либо вопреки пользе соседей, тот пусть знает, что он *должен придерживаться вида* и расположения прежних зданий;

8.2.12. Яволен в 4-й книге «Из Кассия». Строения, которые терпят сервитут не быть возведенными выше, могут иметь зеленые насаждения, превышающие эту высоту, но *если сервитут касается вида и те будут заслонять его, то они не могут их иметь*;

8.2.15. Ульпиан в 29-й книге «Комментариев к Сабину». При сервитутах о незаслонении окон и о ненанесении ущерба виду соблюдаются различные правила. Что касается вида, то в этом заключено большее (ограничение) – *чтобы его чем-то не заслоняли для (сохранения) более приятного и свободного вида*⁴.

Данные сервитуты тесно взаимосвязаны с правом на свет (право на инсоляцию)⁵, под которым понимается совокупность правомочий, принадлежащих конкретному субъекту права в возможности в должной мере пользоваться солнечным светом (Andreeva, 2022). Право на солнечный свет также исходит из римских сервитутов и непосредственно взаимосвязано с недвижимостью. Кроме того, заслонение вида другим объектом нередко одновременно портит вид и нарушает нормы инсоляции, которые обеспечивают попадание достаточного количества естественного солнечного света в помещение. Следует обозначить, что право на свет и на вид можно рассмотреть в контексте соседского права⁶.

Как уже отмечалось выше, понятия «право на вид» в современном российском законодательстве отсутствует, а ранее это определение никогда не вводилось. В юридической литературе не многие авторы предлагают интерпретации данному понятию. Например, В.В. Кулаковский считает, что под правом на вид понимается законный интерес, основанный на определенной экономической стоимости вида на городской или иной ландшафт, открывающийся с территории объекта недвижимости (Kulakowski, 2020:34). Нельзя не согласиться с тем, что право на вид представляет собой определенный *интерес* на конкретное *благо* (а именно на сохранение вида). А.В. Малько и В.В. Субочев предлагают следующее определение: *законный интерес* – это отраженная в объективном праве либо вытекающая из его общего смысла и в определенной степени гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом, а также в необходимых условиях обращаться за защитой к компетентным структурам – в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным (Malko et al., 2004:73). Подчеркнем, что законный интерес формируется не только на основе закона, но и *может исходить из его смысла*. Так, право на вид, не закрепленное формально в законодательстве и не имеющее четкого

⁴ Дигесты Юстиниана. Книга восьмая (пер. А.А. Григорьевой, И.С. Перетерского). Режим доступа: <https://rimpravo.ru/8-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Подробнее о праве на солнечный свет см.: (Vlasenko & Andreeva, 2019).

⁶ О современном российском соседском праве: (Emelkina & Syubaeva, 2021).

определения, исходит из смысла некоторых статей Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, а также иных законов, о чем пойдет речь далее. В этой связи можно сделать вывод о том, что с учетом специфики принятия нормативных правовых актов, законные интересы существуют вне зависимости от их буквального, формального закрепления в законах (Malein, 1980:30). Поскольку собственник недвижимого имущества заинтересован как минимум в сохранении его полезных свойств, то благоприятный вид, открывающийся из окон, будет также составлять определенный интерес, а в силу конституционного принципа защиты собственности указанный вид будет являться законным интересом (Kulakowski, 2020:34).

Итак, с учетом вышесказанного, под *правом на вид* предлагается понимать законный интерес, который включает в себя стремление собственника недвижимости на сохранение визуального доступа из конкретного объекта недвижимости на определенную местность.

Эстетические и экономические особенности права на вид

Право на вид или сохранение вида предполагает в себе большую эстетическую составляющую. Эстетическая оценка визуального восприятия является субъективной, скажем, один и тот же вид из окна людьми может восприниматься и интерпретироваться по-разному. Одному человеку вид может показаться обыденным, а другому этот же пейзаж покажется благоприятным. Но если вид из окна не выходит напрямую в окна соседа, промзону или свалку, то чаще всего люди готовы за это доплатить при покупке жилья или его аренды. Ученые сходятся во мнении, что вид из окна оказывает достаточно высокое воздействие на психику человека⁷. Здесь «работает» психологический момент – простор из окна и комфортный вид действуют положительно на психику человека, и наоборот, если вида нет, это вызывает негативные эмоции. «Невозможно просыпаться утром и видеть перед собой стену соседнего дома, это очень угнетает»⁸, – высказался один из интервьюируемых в рамках исследования о влиянии вида из окон на человека.

Нередки случаи, когда цена за квартиру или дом формируется от «вида из окна». Например, квартира с видом на храм Христа Спасителя стоит вдвое дороже точно такой же квартиры в том же доме⁹, отмечают эксперты, подсчитавшие реальную стоимость жилья с учетом «видовых» особенностей. Более того, аналитики обнаружили прямую зависимость между стоимостью вида из окон и степенью элитности жилья, чем лучше вид – тем элитнее и дороже жилье¹⁰. Как отмечает директор по информационной политике и PR компании Urban Group Яна Максимова, приятный пейзаж за

⁷ Американские ученые из клиники Майо университета штата Айова выяснили, что привлекательный вид из окна продлевает жизнь человека на пять-семь лет. См. подробнее: Вид из окна творит чудеса // Кубань сегодня, 13.01.2022. Режим доступа: <https://kubantoday.ru/vid-iz-okna-tvorit-chudesu/#:~:text=Люди%20чувствуют%20себя%20более%20здоровыми,человека%20на%20пять%20дцать%20лет> (дата обращения: 19.05.2024).

⁸ Жизнь удалась, когда окна выходят на Кремль // Известия. 1 июля 2004 г. Режим доступа: <https://iz.ru/581062/iuliia-ignateva/zhizn-udalas-kogda-okna-vykhodiat-na-kreml> (дата обращения: 09.06.2024).

⁹ Жизнь удалась, когда окна выходят на Кремль // Известия. 1 июля 2004 г. Режим доступа: <https://iz.ru/581062/iuliia-ignateva/zhizn-udalas-kogda-okna-vykhodiat-na-kreml> (дата обращения: 09.06.2024).

¹⁰ Жизнь удалась, когда окна выходят на Кремль // Известия. 1 июля 2004 г. Режим доступа: <https://iz.ru/581062/iuliia-ignateva/zhizn-udalas-kogda-okna-vykhodiat-na-kreml> (дата обращения: 09.06.2024).

окном может увеличить стоимость квадратного метра на 5–25 % в зависимости от месторасположения жилья и его категории¹¹.

Рыночная стоимость недвижимости зависима от многочисленных факторов, начиная от местоположения объекта, заканчивая его техническим оснащением, состоянием ремонта и пр. В этой связи вид из окна играет не последнюю роль при формировании рыночной стоимости жилища. Рыночная стоимость определяется на основании Федерального закона № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». В ст. 3 устанавливается рыночная стоимость объекта оценки – наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией¹². В определенных случаях возможно свести рыночную стоимость к кадастровой, например, в соответствии с п. 3 ст. 66 Земельного кодекса РФ установлено, что в случаях определения рыночной стоимости земельного участка кадастровая стоимость этого земельного участка устанавливается равной его рыночной стоимости в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной кадастровой оценке¹³. В качестве рыночной информации используются: цены сделок, предложения, спроса, сведения о рыночной стоимости объектов недвижимости в составе земель населенных пунктов, установленной в отчетах об оценке, коэффициенты, индексы и *иные показатели*, применяемые для определения рыночной стоимости объектов недвижимости. Именно в эти «иные показатели» и входит красивый вид, открывающийся с участка, как обстоятельство, увеличивающее/уменьшающее его цену (Orobinsky, 2011:120). Таким образом, можно регламентировать, что вид из окна имеет прямое влияние на формирование цены на недвижимость.

Приведем пример повышения стоимости на недвижимость, непосредственно связанную с видом из окна. Так, в Сан-Франциско городские власти потратили около \$ 34 миллионов на то, чтобы бывшую базу Военно-морских сил США превратить в парк. Уже через год цены на близлежащие участки возросли в несколько раз – до \$ 20–30 миллионов за гектар. За счет роста стоимости земли налоговые сборы муниципалитета с близлежащих территорий увеличились с \$ 20 миллионов до \$ 45 миллионов в год¹⁴.

Другой пример связан с «ухудшением» положения недвижимого объекта, связанного с потерей вида. Дело «Застроенный вид на горизонт» произошло в Германии¹⁵. Истцы приобрели недвижимость, но после передачи объекта застройщик возвел на смежном участке трехэтажное здание, что ухудшило вид с участка истцов. На основании этих обстоятельств истцы подали в суд требование о расторжении

¹¹ Видали виды: можно ли сохранить право на красивый пейзаж из окна? // Подмосковье сегодня. 25 июля 2017. Режим доступа: <https://mosregtoday.ru/news/econbiz/vidali-vidy-mozhno-li-sohranit-pravo-na-krasivuy-pejzazh-iz-okna/> (дата обращения: 19.06.2024).

¹² Федеральный закон № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями на 2 июля 2021 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 03.08.98, ст. 3813.

¹³ Земельный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 14 июля 2022 года) (редакция, действующая с 13 октября 2022 года) // Российская газета, № 211-212, 30.10.2001.

¹⁴ Жизнь удалась, когда окна выходят на Кремль // Известия. 1 июля 2004 г. Режим доступа: <https://iz.ru/581062/iuliia-ignateva/zhizn-udalas-kogda-okna-vykhodiat-na-kreml> (дата обращения: 09.06.2024).

¹⁵ OLG Frankfurt am Main, Urt. v. 12.11.2015, Az.: 3 U 4/14 (HI8821174) // Deutsches Anwalt Office Premium. Режим доступа: https://www.haufe.de/recht/deutsches-anwalt-office-premium/olg-frankfurt-am-main-urteil-vom-12112015-3-u-414_idesk_P117574_HI8821174.html (дата обращения: 19.06.2024).

договора и возврате уплаченной суммы. Окружной суд удовлетворил основные требования, а Высший суд земли Гессен подтвердил правомерность требований истцов из-за нарушения их права на обещанный вид, основываясь на рекламе и описании объекта. Подробнее это дело и другие кейсы, связанные с правом на вид в Германии, рассмотрены в трудах Ю.А. Волочай (Volochai, 2018).

Итак, необходимо признать, что поскольку наличие благоприятного вида из окна прямо влияет на стоимость недвижимого имущества, то право на такой вид следует считать одной из неотъемлемых характеристик недвижимого имущества, определяющих его экономическую сущность (Naletov, 2024). Парадокс ситуации заключается в том, что вид зачастую выступает решающим фактором в принятии решения потенциального покупателя о приобретении или отказе от покупки определенной недвижимости, в то время как правовые гарантии вида остаются «в тени» законодательства.

Законодательное регулирование права на вид

Понятия «вид из окна» или «право на вид» в законодательстве Российской Федерации отсутствует. Кроме того, не существует ни разделов, ни глав, специально посвященных данному вопросу ни в одном из имеющихся законов РФ. В этой связи можно констатировать, что законодательство о праве на вид мало разработано и нуждается в «реабилитации».

Учитывая сущность и природу права на вид, о чем шла речь выше, можно заключить, что оно неотделимо от права собственности. Право собственности гарантируется Конституцией РФ в п. 2 ст. 8 (признание и защита разных форм собственности), ст. 35 (охрана права частной собственности; возможность иметь имущество в собственности; ограничение только по решению суда; гарантия права наследования)¹⁶.

Законодательной подпорой праву на вид служит Гражданский кодекс РФ. В соответствии со ст. 274 Гражданского кодекса РФ «Право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут)» устанавливается, что собственник недвижимого имущества вправе требовать от собственника соседнего земельного участка предоставления права ограниченного пользования соседним участком¹⁷ или иначе говоря – сервитута. В п. 3 уточняется, что сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка и подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество¹⁸. При этом такое соглашение, если оно достигнуто, должно иметь правовую форму, а именно установленную законом форму регистрации. Если же к соглашению прийти не удалось, или собственник соседнего участка отказал в требованиях об установлении сервитута, такие споры передаются в суд, что также установлено п. 3 ст. 274 ГК РФ.

¹⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1–453) (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301.

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1–453) (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301.

Следует отметить, что некоторые исследователи приходят к выводу о том, что ГК РФ не может «защитить» право на вид через сервитут. Так, А.А. Рябов считает, что на такие блага, как вид на природу или архитектуру, расположенные *за пределами* земельного участка, конструкция сервитута не может быть применена, поскольку такой обязательный признак сервитута, как пользование *чужой* недвижимостью и ее свойствами, здесь отсутствует (Ryabov, 2007). В Дигестах Юстиниана (Помпоний в 33-й книге «Комментариев к Сабину», 8.1.15.1.) также можно проследить эту мысль: «Природа сервитута не в том, чтобы кто-либо произвел какое-либо действие, например уничтожил зеленые насаждения или *предоставил более приятный вид* на окружающую участок соседа местность, или расцветивал его как свой, но в том, чтобы лицо допускало что-либо или не делало чего-либо»¹⁹. Действительно для того, чтобы сервитут «работал», необходимо внести соответствующие изменения в законодательство, ориентируясь на предложенную римским правом разновидность городских сервитутов, которые признавали сервитут вида. Важность и необходимость внедрения понятия «сервитут вида» как самостоятельного вида сервитута обосновывают и современные исследователи²⁰, подчеркивая, что он связан с признаком земельного права – единства судьбы земельного участка и объекта недвижимости (Vasyuchkova & Voronjev, 2023).

Негаторный иск дает возможность собственнику требовать от собственника другого соседнего участка устранить препятствия, например, надстройку дома, загораживающую вид из окна. Данное требование установлено в ст. 304 ГК РФ: «собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения»²¹. Отметим, что в отличие от сервитута, который устанавливается по соглашению сторон (и не всегда это соглашение может быть достигнуто), для негаторного иска это не требуется. Также не только собственник участка имеет возможность защитить свое право на вид с помощью негаторного иска, но и законный владелец, что установлено ст. 305 ГК РФ. Соответственно, если у владельца нет законных оснований владения участком (он не является собственником или законным владельцем), то он не может защитить право на вид с помощью негаторного иска.

Обратим внимание на некоторые особенности использования негаторного иска. Использование данного иска на земельных участках весьма распространенное явление ввиду относительно простого определения «нарушителя» – соседа. Применение негаторного иска в случае с многоквартирными домами, как правило, подразумевает устранение препятствий в пользовании общим имуществом (например, лестница, коридор, подъезд, крыша и т.п.). Однако встает вопрос – каким образом возможно применить негаторный иск соседу, если речь идет о защите права на вид? Дело в том, что чаще всего в городской среде вид «перекрывают» многоэтажные постройки, строительство которых не связано с конкретным соседом. Из этого следует, что претензия о нарушении сохранности вида адресуется застройщику соседнего дома или иному лицу, возводящему постройку.

¹⁹ Дигесты Юстиниана. Книга восьмая (пер. А.А. Григорьевой, И.С. Перетерского). Режим доступа: <https://rimpravo.ru/8-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0> (дата обращения: 01.06.2024).

²⁰ Представляется необходимым включить в ГК РФ положения содержания отдельных видов сервитутов, таких как, сервитут вида и отрицательный сервитут (Gindaleeva & Krivelskaya, 2024:313).

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1–453) (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301.

Анализируя законодательство, связанное с правом на вид, нельзя оставить без внимания Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с п. 2 ст. 21 указанного закона по требованию участника долевого строительства застройщик обязан представить для ознакомления документы, в частности проектную документацию, включающую в себя все внесенные в нее изменения²². Таким образом, *застройщик обязан уведомить покупателя о планах застройки территории*, в том числе вблизи окон приобретаемой квартиры. Если данная информация не была получена покупателем до заключения договора (а эти факторы могут влиять на принятие решение о покупке недвижимости) – тогда застройщик нарушил соответствующее положение закона и в этой связи можно обратиться в суд за защитой своего права. Такое же требование устанавливает ст. 10 Закона «О защите прав потребителей»: «Изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора»²³.

Право на вид может быть защищено Федеральным законом «О рекламе». В соответствии с п. 2 ст. 38 «Лица, права и интересы которых нарушены в результате распространения ненадлежащей рекламы, вправе обращаться в установленном порядке в суд или арбитражный суд, в том числе с исками о возмещении убытков, включая упущенную выгоду, о возмещении вреда, причиненного здоровью физических лиц и (или) имуществу физических или юридических лиц, о компенсации морального вреда, о публичном опровержении недостоверной рекламы (контррекламе)». Таким образом, если застройщики «завлекают» потенциальных покупателей красивым видом из окна, но после покупки недвижимости и ее строительства оказывается, что реклама была ложью или сильно «приукрашена», то покупатель имеет право обратиться в суд с соответствующим иском. Кроме того, в такой ситуации можно применить подп. 2 п. 2 ст. 178 ГК РФ «сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматриваются как существенные»²⁴. Например, продажа недвижимости с красивым видом по высокой стоимости, при этом продавец заверяет покупателя, что вид из окна перекрыт не будет. Однако после завершения сделки покупатель узнает о начале строительства по соседству нового объекта. Так, если бы покупатель заранее знал о том, что его вид будет перекрыт нововозведенной постройкой – он бы не купил соответствующую недвижимость. Подобные дела достаточно часто встречаются в судебной практике²⁵.

²² Федеральный закон № 214-ФЗ Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (с изменениями на 8 августа 2024 года) (редакция, действующая с 8 сентября 2024 года) // Российская газета, № 292, 31.12.2004.

²³ Закон РФ № 2300-10 о защите прав потребителей (в редакции Федерального закона от 9 января 1996 года № 2-ФЗ) (с изменениями на 8 августа 2024 года) // Российская газета, № 80, 07.04.92.

²⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1–453) (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301.

²⁵ Например, Определение Верховного суда РФ от 10 мая 2016 г. по Делу №5-КГ16-47. Режим доступа: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 02.06.2024); Решение Федерального верховного суда Германии в 1993 г. (Дело «Таунус»). BGH, Urt. v. 14.01.1993, Az.: IX ZR 206/91. Режим доступа: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BGH&Datum=14.01.1993&Aktenzeichen=IX%20ZR%20206/91> (дата обращения: 09.06.2024); RG, 05.10.1939 – V 87/39, RGZ 161, 330 (Дело

Как упоминалось ранее, право на вид тесно связано с правом на свет (инсоляцию). Нередко нарушение инсоляционных нормативов сопровождается порчей благоприятного вида. Чаще всего это вызвано застройкой территорий вокруг объекта. В первую очередь, следует обратиться к СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» от 28 января 2021 г.²⁶, который регламентирует требования к инсоляции зданий и сооружений. Так, если у нововозведенного объекта будут нарушения в области инсоляции, то возможно подать иск на защиту своего права на свет и дополнительно заявить о нарушении права на вид.

Итак, теория права на вид в Российской Федерации недостаточно разработана, поскольку в законодательстве одновременно отсутствует его четкое понимание и регламентация. В этом смысле правовая основа права на вид требует серьезной доработки, особенно в части его эффективной защиты. При этом несмотря на то, что право на вид нераздельно с правом собственности, можно сделать вывод о том, что *приобретение недвижимости не подразумевает правовых гарантий на вид, то есть не дает право собственности на вид.*

Правовая защита права на вид

Ситуации, при которых вид из окна ухудшается, являются достаточно распространенными. В условиях урбанизации городов защита эстетически привлекательного вида из окон становится все более затруднительной. Уникальность правового статуса вида в России заключается в том, что четкого закрепления «права на вид» в тексте закона нет, но способы его защиты есть. Однако в действительности существующие способы защиты трудно применимы и часто не приводят к ожидаемым результатам. Тем ни менее, их наличие уже предполагает правовую поддержку.

Выше речь шла о *сервитуте вида*, однако автор приходит к выводу, что в настоящее время в России его нельзя признать действующим способом защиты права. Также ранее шла речь о *негативном иске*, который возможно отнести к способам защиты права на вид.

Основной проблемой при защите права на вид является возникновение убытков, связанных со строительством нового объекта недвижимости. Особенно убытки заметны в том случае, если вид из окна был одним из способов заработка денежных средств. Так, заселяясь в гостиницу, клиент доплачивает отдельную сумму денег за комнату с видом на море или видом на парк. Гостиницы у первой линии моря, как правило, имеют повышенный спрос не только из-за близости моря в пешей доступности, но и из-за «шикарного» вида открывающегося из окна номера. Теперь представим, что гостиница смещается на вторую линию, поскольку перед ней построили другой объект. Большая часть окон с видом на море перекрывается другим зданием. В таком случае гостиница терпит реальные убытки в связи с потерей значительного

«Venusberg-Fall») // Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/9/9/delo_o_krasivom_vede_zavereniya_i_garantii_v_tretem_rejxe (дата обращения: 09.06.2024).

²⁶ Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» (с изменениями на 30 декабря 2022 года) СанПиН 1.2.3685-21 Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 03.02.2021, № 0001202102030022 (дата обращения: 04.06.2024).

количества комнат с видом на море. Возникает закономерный вопрос – *можно ли возместить эти убытки и защитить право на вид?*

Для взыскания убытков необходимо провести *повторную кадастровую оценку земельного участка*, вид которого был изменен. Разница между первичной кадастровой оценкой (с хорошим видом) и вторичной (с измененным видом) – понесенные убытки в связи с постройкой нового объекта недвижимости. Поскольку речь идет о реальных убытках, в силу вступает п. 3.ст. 209 ГК РФ «Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом, осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и *не нарушает прав и законных интересов других лиц*»²⁷, кроме того, аналогичная норма предусмотрена п. 2 ст. 36 Конституции РФ.

Одним из способов является *предупреждение потенциального нарушения права на вид*. Так, покупая недвижимость, необходимо тщательно изучить документы – проект планировки территории и генплан. Однако этот способ не всегда эффективен. Во-первых, даже при наличии проекта планировки и генплана в них могут быть внесены изменения. Нередки случаи, когда застройщики меняют план застройки микрорайона. Во-вторых, не все города имеют соответствующие документы.

Другой способ защиты права на вид – *заверение в письменной форме от застройщика*, подтверждающее план градостроительной деятельности и расположение объектов вблизи ваших окон. Типовая форма договора, как правило, не предусматривает положения о виде из окна, а в законе нет указаний на то, чтобы это условие в договоре было обязательным. Более того, в договор не включается даже описание характеристик местности. В этой связи получение от застройщика письменного заверения, в котором будет указано, что вид является значимым фактором приобретения жилья, будет эффективной гарантией права на вид. Однако применение такой формы защиты права крайне затруднительно, поскольку застройщики редко соглашаются дать подобные документы.

Другим вариантом защиты права на свет будет являться *включение соответствующих условий в договор* купли-продажи или долевого участия. Как отмечалось, вид из окна в большей степени является эстетическим фактором, а поэтому и субъективным, в этой связи при нарушении данных условий договора сложно доказать, что «потерял» вид и насколько он был благоприятным. Для обозначения и придания «виду» материальной формы стоит обратиться к экспертам, которые могут оценить рыночную стоимость конкретного жилья, а также зафиксировать подробные сведения о виде из окна. Если нарушение договора все же произойдет, то компенсировать ущерб будет возможно только при наличии соответствующих доказательств. Тем не менее, как отмечают в одном из журналов: «ни одно заключение эксперта, даже если вы его получите, суд не примет, так как вид из окна – это субъективная характеристика, а не объективная»²⁸.

«Известия» проводили небольшое исследование и обнаружили, что вся реклама дорогих новостроек на уличных щитах имеет нечто общее: первое и зачастую единственное, что обещают рекламодатели, – роскошный вид из окна²⁹. Однако это

²⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1–453) (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301.

²⁸ Купил квартиру с красивым видом, а его застроили // Т-Банк. 27 сентября 2018 года. Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/ask/problemu-belyh-ludei/> (дата обращения: 20.06.2024).

²⁹ Жизнь удалась, когда окна выходят на Кремль // Известия. 1 июля 2004 г. Режим доступа: <https://iz.ru/581062/iulii-ignateva/zhizn-udalas-kogda-okna-vykhodiat-na-kreml> (дата обращения: 09.06.2024).

обещание не так просто сдержать, поэтому вопрос вида «до» и «после» полной застройки территории является крайне актуальным. Зачастую застройщики привлекают потенциальных покупателей рекламой и обещанием «шикарного» вида из окна. Как было отмечено ранее, *если реклама была ненадлежащей, то лицо вправе обратиться в суд* на основании п. 2 ст. 38 Федерального закона «О рекламе». Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», если объект долевого строительства построен с отступлениями от условий договора или требований закона, участник долевого строительства по своему выбору вправе потребовать от застройщика:

- 1) безвозмездного устранения недостатков в разумный срок;
- 2) соразмерного уменьшения цены договора;
- 3) возмещения своих расходов на устранение недостатков³⁰.

Вид из окна невозможно исправить своими силами, поэтому единственным вариантом остается *соразмерное уменьшение цены договора*. Однако при этом необходимо доказать, каким образом изменилась цена квартиры в связи с изменением ее вида, что является непростой задачей.

Гарантией сохранения вида является покупка недвижимости по соседству с особо охраняемыми территориями, на которых застройка невозможна в соответствии со ст. 95 Земельного кодекса РФ:

- на землях государственных природных заповедников, в том числе биосферных, национальных парков, природных парков, государственных природных заказников, памятников природы, дендрологических парков и ботанических садов, включающих в себя особо ценные экологические системы и объекты, ради сохранения которых создавалась особо охраняемая природная территория, *запрещается деятельность, не связанная с сохранением и изучением природных комплексов и объектов* и не предусмотренная федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации³¹. Таким образом, вид на данные территории «защищен» законом в той части, что застройка на них невозможна. Более того, такие территории, как правило, занимают достаточное количество площади, что предполагает наличие хорошего вида, если окна будут выходить на соответствующие природные объекты. ЗК РФ в указанной статье также *запрещает и изменение целевого назначения данных земель*, что также является гарантией сохранения вида.

Для защиты права на вид могут быть применены *административные иски*. Чаще всего подобные иски подаются в сопряжении с другими нарушениями (например, инсоляции зданий и т.п.).

Судебная практика³², связанная с правом на вид, не многочисленна ввиду отсутствия четкого законодательного регулирования в этой сфере. Одно из значимых решений в этой области было вынесено Верховным судом РФ. Верховный суд РФ

³⁰ Федеральный закон № 214-ФЗ Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (с изменениями на 8 августа 2024 года) (редакция, действующая с 8 сентября 2024 года) // Российская газета, № 292, 31.12.2004.

³¹ Земельный кодекс Российской Федерации // Российская газета, № 211-212, 30.10.2001.

³² Подробнее о судебной практике, связанной с видом из окна см.: (Medvedev, 2021); (Volochnai, 2018); (Naletov, 2024) и отдельными вопросами о недвижимости (Lepekhn & Ivanova, 2024).

в Определении от 10 мая 2016 г. отменил постановления судов первой и апелляционных инстанций в части отказа в удовлетворении иска о компенсации морального вреда, взыскании штрафа и судебных расходов. Истица требовала заменить объект долевого строительства на равнозначный и взыскать компенсацию из-за отсутствия информации о газорегуляторном пункте, расположенном слишком близко к ее квартире. Дело в том, что общество при заключении договора участия в долевом строительстве не довело до ее сведения информацию о возможности наличия в объекте долевого строительства существенного недостатка, заключающегося в расположении газорегуляторного пункта шкафного типа (ГРПШ) на расстоянии менее метра от окна, названного выше объекта³³. Верховный суд подтвердил, что в соответствии с Законом «О защите прав потребителей» и Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» застройщик обязан предоставлять полную информацию о строящихся объектах, включая изменения, влияющие на решение покупателя.

Тем ни менее, анализируя вышеприведенное дело, суды обращают внимание только на «материальные» моменты, то есть исключительное соответствие требований нормам закона. При этом ни один из судов не обратил внимание на ухудшение вида из окна в связи с постройкой объекта ГРПШ. Истица подчеркивает, что информация о газорегуляторном пункте была бы важна при покупке объекта долевого строительства с точки зрения испорченного вида.

Еще одна проблема, вытекающая из вышеуказанного дела – застройка территорий часто происходит с участием не одного застройщика, а нескольких. Это усложняет процесс и в целом действие законов «О защите прав потребителей» и «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» становится невозможным. Поскольку покупатель заключает договор с одним конкретным застройщиком, то и правоотношения появляются исключительно между ними. Если вид из окна испорчен в связи с постройкой объектов от другого застройщика, то указанные законы в этой части здесь не применимы. В действительности, если жилье отвечает всем требованиям закона – дом введен в эксплуатацию, требования к освещенности, вентиляции и прочее не нарушены, то доказать в суде «испорченный внешний вид из окна» без других нарушений, как это было отмечено в деле выше, практически невозможно.

Доказать нарушение права на вид в суде – особенно сложная задача ввиду отсутствия четких понятий в законодательстве и существенных доктринальных разработок по данному вопросу. Даже при наличии документов, подтверждающих намерение покупателя купить недвижимость именно с определенным видом, сложно доказать *размер вреда*, поскольку вид из окна – субъективный фактор.

Суды не признают благоприятный вид из окна самостоятельным правом и не предоставляют судебную защиту на основании нарушения только этого права (Naletov, 2024). «Судебный спор по вопросу, связанному с ухудшением вида, в 99 % случаев заведомо обречен на поражение», заявляет Алексей Силкин из юридической

³³ Определение Верховного суда РФ от 10 мая 2016 г. по Делу № 5-КГ16-47. Режим доступа: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 02.06.2024).

компаний³⁴. В этой связи при нарушении права на вид и обращении в суд истцы, как правило, доказывают нарушение права собственности и требуют в этой связи компенсацию. Однако, по-существу, нарушения права собственности как такового здесь не было. Габариты квартиры остаются теми же, ее функциональность не меняется. Кроме того, вид, который был приобретен собственником, не отражается в правовых документах, о чем шла речь выше, что не позволяет в суде доказать его утрату.

Заключение

Итак, право на вид – это сложное понятие, возникшее во времена римского права и имеющее взаимосвязь с другими правами. В настоящее время в Российской Федерации в законодательстве отсутствует определение права на вид, а правовые нормы, касающиеся данного права, не всегда способны эффективно его защитить. Как показывает судебная практика, право на вид в судебном порядке возможно защитить в случае нарушения других прав и/или положений договора, но не как самостоятельного права. В этой связи остро стоит вопрос о правовых гарантиях права на вид.

Особая сложность права на вид вытекает из его субъективной природы. Вид – это нечто нематериальное, оцениваемое субъективно, но при этом крайне влияющее на рыночную стоимость недвижимости. В этой связи эстетическая составляющая права на вид имеет важнейшее значение в процессе застройки территорий.

В настоящий момент отсутствие достаточного правового регулирования в данной сфере приводит к тому, что покупка недвижимости не гарантирует сохранение благоприятного вида из окна. А недостаток доктринальных исследований создает неблагоприятные условия для дальнейшего развития правового регулирования в данной области. Для решения выявленных проблем, в первую очередь, необходима разработка законодательных норм в данной области: введение понятия «право на вид», способов защиты данного права. Существенную роль в поддержании прав на вид может сыграть изменение типового договора купли-продажи и установление в нем обязательных условий о характеристике недвижимости с учетом видовых особенностей (ландшафт, описание местности и т.п.). Предлагается ввести обязанность для застройщиков об уведомлении покупателей об изменениях в планах застройки, которые могут привести к изменению вида.

Таким образом, комплексный подход, учитывающий как социальные, так и экологические аспекты законодательного регулирования права на вид, позволят создать более безопасную правовую среду для собственников и в целом повысить качество городской жизни.

References / Список литературы

- Andreeva, P.N. (2022) *The right of the individual to insolation: monograph*. Moscow, Norma: INFRA-M Publ. (in Russian).
Андреева П.Н. Право личности на инсоляцию : монография. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022. 160 с.

---

³⁴ Новостройки: реально ли получить компенсацию за испорченный вид из окна // Индикаторы рынка недвижимости. Режим доступа: <https://www.inm.ru/articles/41255.html> (дата обращения: 20.06.2024).

- Gindaleeva, R.V. & Krivelskaya, O.V. (2024) On the need to reform servitude relations in modern Russian legislation. *Education and Law*. (7), 310–314. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-7-310-314> (in Russian).
Гиндалеева Р.В., Кривельская О.В. К вопросу о необходимости реформирования сервитутных отношений в современном российском законодательстве // *Образование и право*. 2024. №7. С. 310–314. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-7-310-314>
- Emelkina, I.A. & Syubaeva, Y.D. (2021) *Restrictions on the right of ownership of land plots in the interests of neighbours (neighbour's right) in the civil law of Russia and in foreign legal orders: monograph*. Emelkina, I.A. (ed.). Moscow, Justitsinform Publ. (in Russian).
Емелькина И.А., Сябаева Ю.Д. Ограничения права собственности на земельные участки в интересах соседей (соседское право) в гражданском праве России и в зарубежных правовых порядках : монография; под ред. И.А. Емелькиной. М. : Юстицинформ, 2021. 328 с.
- Kalinichev, A.V. (2007) *Land easement in Russian legislation: Candidate of Legal Sciences dissertation*. Moscow. (in Russian).
Калиничев А.В. Земельный сервитут в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 189 с.
- Kofanov, L.L. (eds.). (2008) *Justinian's Digests*. Translated from the Latin; 2nd edition, revised. Vol. II. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2008. Т. II. 820 с.
- Krasnokutsky, V.A., Novitsky, I.B. & Peretersky, I.S. (eds.). (2004) *Roman Private Law: Textbook*. Moscow, Yurist Publ. (in Russian).
Римское частное право: учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М. : Юристъ, 2004. 787 с.
- Kulakowski, V.V. (2020) The right to a view: problems of legal regulation and defence. *Property relations in the Russian Federation*. 7(226), 33–39. (in Russian).
Кулаковский В.В. Право на вид: проблемы юридической регламентации и защиты // *Имущественные отношения в РФ*. 2020. № 7 (226). С. 33–39.
- Lepexhin, I.A. & Ivanova, A.V. (2024) Actual issues of judicial protection of rights to immovable property. *Agrarian and Land Law*. 4 (232), 258–261. (in Russian).
Лепехин И.А., Иванова А.В. Актуальные вопросы судебной защиты прав на недвижимое имущество // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 4 (232). С. 258–261.
- Malein, N.S. (1980) Interest protected by law. *Soviet State and Law*. (1), 20–30. (in Russian).
Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес // *Советское государство и право*. 1980. № 1. С. 20–30.
- Malko, A.V. & Subochev, V.V. (2004) *Legitimate interests as a legal category*. Associated Juridical Centre, RAS. Saratov branch. Institute of State and Law. Saint Petersburg Juridical Centre Press Publ. (in Russian).
Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория / Ассоц. «Юрид. центр», РАН. Сарат. фил. Ин-та гос-ва и права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 357 с.
- Medvedev, I.R. (2021) Problems of judicial practice on the right to a view. *Arbitration and Civil Procedure*. (9), 14–18. (in Russian).
Медведев И.Р. Проблемы судебной практики о праве на вид // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 9. С. 14–18.
- Naletov, M.A. (2024) The right to a view in the judicial practice of the Russian Federation. *Actual directions of development of branches of law in the conditions of new reality: materials of the II All-Russian scientific-practical conference*. Moscow, December 06, 2023. Moscow, S.Y. Witte MU Publishing House Publ. pp. 459–463. (in Russian).
Налётов М.А. Право на вид в судебной практике РФ // *Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности : материалы II Всерос. научно-практич. конференции*, Москва, 06 декабря 2023 года. М. : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 459–463.

- Orobinsky, V. (2011) The right to a view. *Problems of law enforcement*. 10 (417), 117–120. (in Russian).
Оробинский В. Право на вид // Проблемы правоприменения. 2011. 10 (417). С. 117–120.
- Ryabov, A.A. (2007) Negative servitudes and servitude of a kind in Russian civil law. *Journal of Russian Law*. (5), 67–75. (in Russian).
Рябов А.А. Отрицательные сервитуты и сервитут вида в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 67–75.
- Shchennikova, L. (2022) Property law in the reflection of foreign Civil Law. *State and Law*. (12), 145–151. <https://doi.org/10.31857/S102694520020674-2> (in Russian).
Щенникова Л. В. Вещное право в отражении зарубежной цивилистики // Государство и право. 2022. № 12. С. 145–151. <https://doi.org/10.31857/S102694520020674-2>
- Ulyanischev, V.G. 2000. *Roman Law*. Textbook. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia. (in Russian).
Ульянищев В.Г. Римское право: учебное пособие. М. : Российский университет дружбы народов, 2000. 165 с.
- Vasyuchkova, O.A. & Voronjev A.S. (2023) Servitude of a kind: concept and signs taking into account the conceptual feature of the unity of the fate of the land plot and real estate object. *Jurist*. (9), 52–57. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-52-57> (in Russian).
Васючкова О.А., Вороньев А.С. Сервитут вида: понятие и признаки с учетом концептуального признака единства судьбы земельного участка и объекта недвижимости // Юрист. 2023. № 9. С. 52–57. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-9-52-57>
- Vlasenko, V.N. (2021) To the question of the legal nature of public servitude for certain purposes. *Civilistics: law and process*. 1(13), 69–74. EDN MWHNYC. (in Russian).
Власенко В.Н. К вопросу о правовой природе публичного сервитута в отдельных целях // Цивилистика: право и процесс. 2021. №1(13) С. 69–74. EDN MWHNYC.
- Vlasenko, N.A., Andreeva, P.N. (2019). The right to insolation in the system of human rights (on the example of the Russian Federation). *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 12(11), 2097–2106. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0526>
- Volochai, Y.A. (2018) Protection of the right to the view, opening from an immovable thing (in the aspect of comparison of the law Russia and Germany). *Vestnik Civil Law*. 2 (18), 75–96. (in Russian).
Волочай Ю.А. Защита права на вид, открывающийся с недвижимой вещи (в аспекте сравнения права России и Германии) // Вестник гражданского права. 2018. № 2 (18). С. 75–96.

Сведения об авторе:

Андреева Полина Николаевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-9017-0481

e-mail: andreeva.pln@gmail.com

About the author:

Polina N. Andreeva – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9017-0481

e-mail: andreeva.pln@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-778-797>

EDN: HRUCMM

Научная статья / Research Article

Пересматривая юридический позитивизм: концепция юридического рассуждения Г. Харта 1958 г. в прочтении Дж. Постемы

С.Н. Касаткин

Самарский государственный экономический университет, г. Самара,
Российская Федерация
 kasatka_s@bk.ru

Аннотация. О «гарвардской» концепции юридического рассуждения 1958 г. британского философа и правоведа Герберта Харта, рассмотренной в контексте ее оригинального прочтения, предложенного в наши дни американским правоведом и историком правовой мысли, Джеральдом Постемой. Согласно последнему, концепция Харта, маркируемая как «позитивизм установленного значения», представляется единством, с одной стороны, утверждения о резком различии типов аргументации в сферах «ядра» и «полутени» (лингвистически опосредованных ясных и спорных случаях правоприменения), с другой – сведения права и юридического рассуждения к «ядру» правил, их установленному языковому значению. Целью является анализ трактовки Постемы в «сквозной» перспективе развития взглядов Харта на правовую неопределенность и судебное решение. Актуальность темы обусловлена необходимостью более объемной и взвешенной реконструкции теории Харта, парадигмальной для современного позитивизма и англоязычной юриспруденции, на фоне дискуссионности и узости ее оценок, а равно авторитетностью трактовки Постемы, открывающей новые ракурсы в осмыслении творчества британского правоведа. Исследование использует различные, прежде всего герменевтические, методы и опирается, помимо работы Постемы, на доступный сегодня корпус сочинений Харта и репрезентативную биографическую и научную литературу. Как результат в статье рассматриваются исторические условия создания очерка 1958 г., присущая ему доктрина судебного рассуждения, дается характеристика и оценка истолкования этой доктрины Постемой. В качестве выводов в статье признается стимулирующая роль прочтения и переописания Постемой доктрины 1958 г., однако его ключевые утверждения (включая понимание Хартом природы правовой неопределенности и судебного выбора, вменение ему «позитивизма установленного значения» и доктрины господства права) видятся спорными / необоснованными.

Ключевые слова: Г.Л.А. Харт, Дж. Постема, юридический позитивизм, юридическое рассуждение, правовая неопределенность, судебское усмотрение, границы права, право и язык, логика в праве, господство права

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 19 января 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

© Касаткин С.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Касаткин С.Н. Пересматривая юридический позитивизм: концепция юридического рассуждения Г. Харта 1958 г. в прочтении Дж. Постемы // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 4. С. 778–797. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-778-797>

**Revisiting legal positivism:
H. Hart’s 1958 conception of legal reasoning
in the lens of G. Postema**

Sergei N. Kasatkin

Samara State University of Economics, *Samara, Russian Federation*

 kasatka_s@bk.ru

Abstract. The article explores the 1958 “Harvard” conception of legal reasoning presented by the British philosopher and jurist Herbert Hart, within the context of a contemporary reinterpretation by American jurist and historian of legal thought, Gerald Postema. Postema’s interpretation, labeling Hart’s view as “settled-meaning positivism”, posits it as a unity that encompasses both the delineation of distinct types of argumentation in the realms of “core” and “penumbra” (linguistically mediated clear and controversial cases of law enforcement) and the reduction of law and legal reasoning to the “core” of rules and their established linguistic meanings. The article aims to analyze Postema’s perspective in the broader context of the evolution of Hart’s views on legal indeterminacy and judicial decision-making. The relevance of this topic lies in the necessity for a more comprehensive and balanced reconstruction of Hart’s theory, which is paradigmatic for modern positivism and Anglophone jurisprudence, in the light of the contentious and narrow character of its assessments. The authority of the Postema’s interpretation, seen as providing new insights into the work of the British jurist, adds to the relevance of this analysis. The research uses diverse, primarily hermeneutical, methods, drawing from Postema’s paper and the available body of Hart’s writings, as well as the representative biographical and scientific literature. The article examines the historical context of the 1958 essay’s creation and the doctrine of judicial reasoning contained within it. Ultimately, while recognizing the stimulating role of Postema’s re-description of the 1958 doctrine, the article finds some of its key assertions (including Hart’s understanding of the nature of legal indeterminacy and judicial choice, the attribution of “settle-meaning positivism”, and a doctrine of the rule of law) to be contentious or unwarranted.

Key words: H.L.A. Hart, G. Postema, legal positivism, legal reasoning, legal indeterminacy, judicial discretion, limits of law, law and language, logic in law, the rule of law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 19th January 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Kasatkin, S.N. (2024) Revisiting legal positivism: H. Hart’s 1958 conception of legal reasoning in the lens of G. Postema. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 778–797. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-778-797>

Введение

Настоящая статья посвящена проблематике интеллектуальной правовой истории и имеет двоякий предмет исследования. С одной стороны, это концепция права, правовой неопределенности и судебного усмотрения выдающегося

британского философа и правоведа, профессора Оксфорда, Герберта Л.А. Харта, сформулированная им в очерке «Позитивизм и разделение права и морали» 1958 г. (Hart, 1958) и ставшая впоследствии частью его знакового спора с профессором Гарварда и приверженцем юснатурализма Лоном Фуллером (Fuller, 1958). С другой стороны, это оригинальная трактовка данной концепции, предложенная в наши дни известным американским правоведом и историком правовой мысли Джеральдом Постемой (Postema, 2010).

Избранная тема может представлять ценность в качестве идейно-исторического формата обсуждения философских / доктринальных начал судебной аргументации, выступающей значимым компонентом практики современных государств и требующей осмысления. Вместе с тем ключевой интерес статьи связан с «картографией» англо-американской мысли второй половины XX – начала XXI вв. и прежде всего с дискуссиями о надлежащем понимании и оценке здесь творческого наследия Герберта Харта, определившего не только современный облик юридического позитивизма, но во многом и основания, методологию и язык послевоенной англоязычной юриспруденции. С этих позиций актуальность предлагаемого исследования обусловлена, среди прочего, следующими обстоятельствами.

Во-первых, на фоне масштабности фигуры Г. Харта восприятие его правовой теории и особенно теории судебного рассуждения носит, так или иначе, усеченный характер, базируясь в первую очередь на главном труде автора, «Понятии права» 1961 г. (Hart, 1961), и на его трактовках в последующих спорах в англо-американской философии права (прежде всего в рамках полемики, инициированной Рональдом Дворкином (Dworkin, 1978; Dworkin, 1986)) (см.: Cohen, 1984; Marmor, 2005; Postema, 2011:341 ff.; Spaak & Mindus (eds.) (eds.), 2021:675 ff.). Отсюда важной исследовательской задачей является более объемная и взвешенная историческая реконструкция взглядов британского правоведа, которая опирается на доступный сегодня запас его работ, а также на их «сквозное» прочтение, раскрывающее более широкую и разнородную систему идей автора, изменчивую траекторию их развития.

Во-вторых, в рамках указанной идейно-исторической реконструкции взглядов Г. Харта центрируемый в статье очерк 1958 г. играет особую роль. Он примечателен не только как маркер этапа, прямо предшествующего базовому трактату 1961 г., впервые заявляя многие тезисы и аргументы, «сквозные» для авторской теории права и судебного рассуждения. Очерк обнаруживает важное – и недооцененное в литературе (Shaw, 2013) – влияние на Г. Харта юридической школы Гарварда с ее подходами, оппозиционными установкам британского аналитика-позитивиста, – влияние, обусловившее, с одной стороны, оформление канона его теории в диалоге английской и американской правоведаческих традиций, с другой – их синтез, включающий целый ряд потенциальных (в том числе не избранных автором) путей развития (Lacey, 2013). Теоретизируя здесь в границах альтернативного социального и академического поля, Г. Харт отходит от привычного для себя философско-аналитического обсуждения права и судопроизводства, связывая решение концептуальных проблем с исторической, институциональной и морально-политической аргументацией (Lacey, 2008:1061, и др.; Shaw, 2013:724, и др.). Как следствие, текст 1958 г. оказывается несводимым лишь к статусу более ранней и краткой версии трактата 1961 г., являясь уникальным для всего творчества британского правоведа и заслуживая самостоятельного исследования.

В этом контексте, в-третьих, крайне значимым видится «прочтение» доктрины Г. Харта 1958 г., предложенное Джеральдом Постемой (Postema, 2010). Принадлежа

одному из наиболее авторитетных сегодня историков англоязычной философско-правовой мысли, данная трактовка сочетает внимание к деталям анализируемого текста и учет широкой перспективы работ Г. Харта, вводя новые «доопределения» его позиций гарвардского периода. Среди прочего Дж. Постема, с одной стороны, идет вразрез с традиционным воззрением о содержательной близости подходов 1958 и 1961 гг. (см.: Vix, 1993:29, и др.; Lacey, 2004:179 ff.; Marmor, 2005:95 ff.), фиксируя разницу в их «диагностике» правовой неопределенности и судебного выбора. С другой стороны, он увязывает концепцию судебного рассуждения Г. Харта с пониманием им права, морали и языка и квалифицируя ее в качестве «позитивизма установленного значения» (с вмененным ему разделением аргументов в ясных и пограничных случаях, а также сведением права и юридического рассуждения к сфере четкой языковой / официальной регламентации). Как следствие, даже несмотря на спорность целого ряда положений трактовка Дж. Постемы выступает ценным, интеллектуально стимулирующим источником по теме: она позволяет иначе, и более объемно, взглянуть на систему и траекторию развития представлений Г. Харта о праве и юридическом рассуждении, а равно обеспечивает их реактуализацию (и проблематизацию) в контексте современных полемик о границах правовой системы, природе нормативного регулирования и наилучших форматах воплощения идеала господства права.

Названные обстоятельства обусловили задачи и структуру исследования. В первой части статьи рассматриваются особенности гарвардского периода в творчестве Герберта Харта, сформировавшие уникальный контекст создания им очерка 1958 г., фиксируются основные позиции очерка по вопросам судебного рассуждения. Вторая часть статьи суммирует описательные и критические элементы в трактовке доктрины 1958 г. Джеральдом Постемой. Третья ее часть предлагает развернутый критический анализ данной трактовки, затрагивающий как понимание Г. Хартом природы неопределенности и усмотрения в праве (взаимосвязи здесь нормативности, логики и языка), так и вменение ему «позитивизма установленного значения» и доктрины господства права, с особым акцентом на экспликации (проблемных) интерпретативных установок Дж. Постемы, подрывающих состоятельность ряда ключевых его толкований и выводов.

Гарвардский период творчества Герберта Харта и его очерк «Позитивизм и разделение права и морали» (1958)

Концепция британского философа и правоведа, профессора Оксфордского университета, Герберта Харта часто рассматривается в качестве парадигмальной для современного юридического позитивизма и одной из базовых для сегодняшней англоязычной философии права в целом (Spaak & Mindus (eds.), 2021:301 ff.). Опираясь на идеи философского анализа языка (Дж.Л. Остин, Л. Витгенштейн и др.), она вводит теоретически и методологически обновленную версию классической аналитической юриспруденции (Sugarman, 2005:271 ff.; MacCormick, 2008:23–30; Lacey, 2004:112 ff.). Как известно, Г. Харт отвергает прежние позитивистские истолкования права через подкрепленные силой приказы суверена, не способные, по его мнению, объяснить нормативную природу права (редуцируя его к простым, «внешним» эмпирическим фактам) и сложность его институциональной организации. Автор отталкивается от «герменевтической» модели социального правила, которое объединяет

как «внешний аспект» – наличие в обществе единообразной поведенческой практики, так и «внутренний» аспект – принятие практики ее участниками в качестве образца своего поведения и основания оценки поведения других, применения мер ответственности. Он также подчеркивает отсутствие у юридических правил единой структуры («условие – санкция»), разницу их регулятивных функций и уровней (возложение обязанностей или наделение правами, адресация к гражданам или к должностным лицам и пр.). В этой перспективе Г. Харт представляет право в качестве системы первичных и вторичных правил: норм первого и второго порядков. К последним, помимо правил изменения (правотворчества) и судебного решения (правоприменения), относится основополагающее правило распознавания¹, которое, проявляясь в согласованной практике / конвенции должностных лиц, устанавливает критерии действительности в системе, обеспечивая то, что юридические правила определяются по своему формальному, институциональному статусу, а не по своим достоинствам или содержанию. Сказанное обуславливает – весьма умеренную – трактовку Г. Хартом позитивизма как прежде всего тезиса об отсутствии необходимой понятийной связи между юридической действительностью и моральной ценностью, одновременно признающую иные пересечения морали и права (историческое взаимовлияние, общие правила и принципы, возможная инкорпорация правом моральных ценностей и обязанность судей им следовать, необходимый для общества «минимум естественного права» и т. п.). Важным дополнением концепции автора является и рассматриваемый далее тезис о (лингвистически опосредованной) невозможности исчерпывающей юридической регламентации: признание, наряду с ясными, пограничных случаев, где отсутствует единственно верный юридический ответ и где суд должен выбрать один из исходов, т.е. применить усмотрение (Hart, 1961; MacCormick, 2008; Postema, 2011:261 ff.).

Будучи наиболее компактно и системно выраженными в базовом трактате автора, «Понятие права» 1961 г., эти и другие характерные позиции Г. Харта имеют более раннюю датировку, получая оформление в его заметках, учебных курсах, выступлениях и публикациях 1950-х гг. Одним из ключевых этапов такого пути стал период пребывания Г. Харта в качестве приглашенного профессора в Гарварде (1956–1957 гг.), являвшемся тогда центром юридической мысли США.

Как отмечается в биографической литературе, данный период оказал огромное стимулирующее воздействие на британского мыслителя, погрузив его в насыщенную культурно-интеллектуальную и академическую атмосферу, значительно отличающуюся от Оксфорда. Это касается и приоритета здесь правоведения перед философией, и интерактивных форм проведения занятий, а главное – глубинных расхождений в подходах Г. Харта и гарвардской (в целом американской) юриспруденции: если исследования Г. Харта базировались на скрупулезном, философски нагруженном понятийном анализе юридического языка, то типичным для его

¹ Используемый здесь вариант перевода английского выражения «*rule of recognition*» видится, при прочих равных, более предпочтительным в сравнении с его традиционным переводом как «правила признания». Последний, с одной стороны, менее четок в отражении важной функции данного правила в теории Г. Харта – идентификации (узнавания, распознавания) юридических правил, связанной с институционализацией критериев действительности в правовой системе и, тем самым, с ограничением соответствующих правил от иных социальных стандартов. С другой стороны, он пересекается с русскоязычным переводом другого важного для Г. Харта термина «*acceptance*», имеющего иной смысл и призванного отразить признание или принятие социальных правил участниками коммуникации с «внутренней точки зрения» (см.: Hart, 1961:56 ff.).

американских коллег было неприятие философской автономизации правоправедения (трактуемой в качестве узкой версии правовой теории) и следующее из этого неприятие юридического позитивизма, ассоциируемого с концептуализмом и формализмом (Sebok, 1995). Так, почетный декан, Роско Паунд (Pound, 1941), олицетворявший дух юриспруденции в Гарварде, отстаивал социологическую теорию права, тесно связанную с социальными науками и сосредоточенную на разнообразных функциях права в обществе. Его взгляды находили продолжение у влиятельной в Гарварде школы юридического процесса (Генри Харт, Альберт Сакс и др. (Hart, Sacks, 1994)), нацеленной на анализ реального правоприменения в противовес его абстрактно-теоретическим (позитивистским) концептуализациям. Оппозиционной Г. Харту также являлась авторитетная доктрина Лона Фуллера (Fuller, 1940), активного сторонника естественно-правовой теории «внутренней» / процедурной морали права (Sugarman, 2005:278–281; Lacey, 2004:179–202; Lacey, 2013:637–641; Shaw, 2013:676–689).

Существенной спецификой обладала и интеллектуальная повестка американской юриспруденции, традиционно сосредоточенная на вопросах судопроизводства и обхождения со сложными судебными делами (Hart, 1957:955–959; Hart, 1958:615; Hart, 1983:123–125). Одна из центральных дискуссий в Гарварде того времени касалась проблем совместимости, с одной стороны, широкой правовой неопределенности и судейского усмотрения, провозглашенных движением американских «реалистов» (О.У. Холмс, К. Льюэллин², Дж. Фрэнк и т.п.), с другой – фундаментальных идей и институтов господства права. Так, объектом критики реалистов выступало учение формализма, ассоциируемое с трактовкой права как «закрытой системы» стандартов, содержащей ответы на все юридические вопросы, а деятельности судьи – как выведения таких ответов для частных случаев «автоматически» или посредством логических процедур. Как показывали реалисты, правила не могут учесть всех обстоятельств дела, допускают разные толкования, а потому имеют лишь подчиненное значение в аргументации либо выступают частью официальной риторики и оправдания решений задним числом. По их мнению, судьи реагируют не на (писанные) правила, а на конкретные фактические ситуации, действуя сообразно принятым в их сообществе стереотипам и установкам, в чем и состоит их роль как «социальных инженеров», ориентированных на продвижение, разграничение и защиту социальных интересов и ценностей (MacCormick, 2008:153–157; Spaak & Mindus (eds.), 2021:80 ff.; Postema, 2011:81 ff.). Реалисты, однако, не предложили какой-либо теории, способной направлять или ограничивать судейский выбор, тем самым проблематизируя его совместимость с идеалами «правления права, а не людей». На этот вызов и стремилась ответить гарвардская школа юридического процесса. Принимая тезис о неопределенности, ее представители допускали симбиоз усмотрения и господства права при условии, что юридические решения принимаются ответственными судьями разумным образом, с учетом своей институциональной позиции по отношению к иным подразделениям государственной власти, и сопровождаются письменной экспликацией своего обоснования, которое должно отражать

² Вопреки сложившейся в отечественной литературе традиции, более предпочтительным видится перевод фамилии американского правоведа – «*Llewellyn*» – не как «Левеллин» или «Ллевеллин», а как «Льюэллин». Последнее не только соответствует принятому произношению этой фамилии в англоязычном (в том числе научном) обороте, но и прямо вытекает из правил чтения буквосочетания «ew» (ср., например: Исаак Ньютон (*Isaak Newton*), Льюис Кэрролл (*Lewis Carroll*) и т.д.).

профессиональное искусство, рационализм и мудрость судейского корпуса, т.е. то, чему общественность может доверять (Hart, Sacks, 1994; Shaw, 2013:668, и др.).

Изложенные проблемы и взгляды получают прямое отражение в построениях Г. Харта. Находясь в альтернативной для себя социальной и идейно-полемической среде, он по-новому осмысливает и аргументирует прежние позиции. Это касается и одного из знаковых событий гарвардского периода – почетной «холмсовской лекции» Г. Харта по теме «Позитивизм и разделение права и морали» (1957), опубликованной в 1958 г. как очерк в журнале «Harvard Law Review» (Hart, 1958) вместе с критическим ответом Л. Фуллера (Fuller, 1958) и заложившей основу знаменитой в англо-американской мысли XX века полемики двух правоведов (Lacey, 2008:1059 ff.; Spaak & Mindus (eds.), 2021:71–74). Учитывая антипозитивистский тренд в гарвардском (и в целом американском) сообществе, Г. Харт обращается здесь к обоснованию «позитивистского» тезиса о разделении права и морали – отсутствии необходимой концептуальной связи между юридической действительностью и моральной ценностью, а также важности разделения вопросов о том, что такое право, и о том, должно ли ему следовать (Hart, 1958:959 ff.). Данный тезис раскрывается автором через разбор целого ряда полемически значимых тем: состоятельности наследия классической аналитической юриспруденции, теоретических следствий опыта нацистского государства, необходимости моральных оснований правовой системы, определения минимума естественных прав, познаваемости правовых ценностей и пр.

Затрагивает обоснование Г. Харта и «специфически американскую» критику разделительного тезиса, инициированную вызовом реализма формализму (Hart, 1958: 606) – критику, анализируемую в разделе III очерка 1958 г. и прямо связанную с предметом настоящей статьи. Ключевые позиции данного раздела можно изложить следующим образом.

Во-первых, как минимум отчасти, Г. Харт признает ценность вызова реалистов в адрес логико-дедуктивных моделей юридического рассуждения. По его мнению, он обнаруживает значимую для правопознания особенность человеческого языка и мысли – существование, наряду с ясными, спорных (нормативно неисчерпанных) случаев словоупотребления, т.е. наличие как «ядра установленного значения», так и «полутени неопределенности», порождающей необходимость для лиц, применяющих юридические правила с подобной терминологией, «принять ответственное решение» об их применимости в конкретных случаях (Hart, 1958:607 ff.).

Во-вторых, Г. Харт разделяет негативную оценку «ошибки формализма» как «слепых» судебных решений в ситуациях полутени и подчеркивает важность для судей осознания здесь неопределенности юридических правил и необходимости разумного выбора (Hart, 1958:607–608, 610–611).

В-третьих, возражая реалистам, автор отмечает некорректность в понимании и применении ими «ошибки формализма». С одной стороны, таковую нельзя отождествлять с «чрезмерным использованием» логики или аналитических средств: будучи формальной связью переменных, логика не затрагивает сердцевину судебного рассуждения – толкование терминов и квалификацию частных случаев. С другой стороны, «ошибку формализма» нельзя распространять на аналитическую юриспруденцию Дж. Остина и Дж. Бенета (по сути, на все учение юспозитивизма), а равно на большинство случаев судебной практики, когда не устраивающие критиков «слепые» решения на деле принимаются по отличным ценностным /политическим (например, консервативным) основаниям (Hart, 1958:608–611).

Наконец, в-четвертых, Г. Харт показывает, что само по себе признание правовой неопределенности и судьейского выбора не подрывает тезиса о разделении права и морали. По его мнению, судьи вполне могут использовать социально-политические, моральные и т.п. доводы в полутени, однако вводимый на этой основе пересмотр понятия юридического правила через включение в него социальных целей, которые задают его применение в спорных случаях и образуют тем самым столь же важную часть права, лучше отвергнуть. Такой взгляд, с одной стороны, предлагает более «таинственную» картину того, что можно изложить яснее, указывая на «неисправимую неполноту» права, преодолимую через апеллирующий к целям разумный выбор, с другой – размывает саму идею ядра установленного значения юридических правил, образующего право в его «наиболее важном» смысле и необходимого для нормативного руководства и коммуникации (Hart, 1958:612–615).

Именно эти положения очерка 1958 г. во многом предвосхитили и составили основу «срединной» между формализмом и реализмом концепции правовой неопределенности и судьейского усмотрения Г. Харта 1961 г. (Hart, 1961:147, и др.; см.: Hart, 1983:125 ff.) как части его «канонической» позитивистской теории права (MacCormick, 2008:153–167; Schauer, 2008:1112–1115, и др.; Postema, 2011:321–325; Marmor, 2005:95 ff.; Vix, 1993:7–35) и важного элемента западной юриспруденции второй половины XX – начала XXI вв. И именно к этим положениям автора прежде всего обращается в своем анализе современный американский правовед и историк англоязычной правовой мысли, Джеральд Постема.

Концепция Г. Харта 1958 г. глазами Дж. Постемы

Итак, в истолковании американского исследователя, в очерке 1958 г. – как и в «Понятии права» (1961) – Г. Харт стремится не заявить теорию юридического рассуждения, но извлечь ресурсы из базовых и широко признанных черт понятия права для корректуры ошибочных трактовок процесса юридического рассуждения, побудивших ряд американских правоведов к глубокому скептицизму относительно его разумности и цельности (Postema, 2010: 259). Согласно Дж. Постеме, отчасти разделяя критику реалистами формалистской юриспруденции и судопроизводства, Г. Харт переосмысливает ее основания, вводя ее более умеренную характеристику / формулировку (Postema, 2010: 260). Во-первых, он предлагает «аналитическую рамку» для обсуждаемых реалистами проблем — таковые связываются с лингвистически обусловленной внутренней особенностью правил, когда «ядро» их устоявшегося значения окружено «полутенью» неопределенности. При этом способы применения правил различны: присущий полутени элемент выбора и решения в сфере ядра отсутствует. Во-вторых, Г. Харт диагностирует причины необходимости решения и выбора в области полутени: они состоят в «логическом разрыве» между общими суждениями и частными случаями. В-третьих, он указывает на преодолимость такого разрыва с помощью рациональной аргументации, которая направляет выбор в полутени, но не устраняет его. В-четвертых, автор признает, что это предполагает критерий оценки обоснования как разумного (хоть и не окончательного), связывая таковой с соображениями о том, каким должно быть рассматриваемое правило (как оно должно быть урегулировано) (Postema, 2010:261–262).

В свете сказанного, продолжает Дж. Постема, Г. Харт стремится одновременно ограничить скептический вызов реалистов и дать на него ответ. Так, с одной

стороны, Г. Харт оспаривает вывод из признания проблем полутени тезиса о неустранимой произвольности судебного рассуждения. Он отстаивает необходимость для права ядра установленного применения, без которого невозможны ни характерная для правового регулирования инструментальность правил, ни их требуемое постижение и использование в сообществе (Postema, 2010: 263–264). Кроме того, он подчеркивает, что даже в области полутени выбор также направляется разумом (пусть и в отличной от ядра форме – через аналогию с прошлыми делами, когерентность признанным принципам и пр.), часто выступая обоснованным развитием правила с учетом различных присутствующих в праве доводов (Postema, 2010: 264). С другой стороны, Г. Харт выступает против склонности умеренных реалистов распространять черты полутени на всю судебную аргументацию, отвергая «приглашение» включать в правило цели и политические ориентиры, используемые в решении дел его пограничного применения и провозглашаемые, по их важности, столь же правомочными считаться правом, сколь и фиксированное ядро юридических правил. Апеллируя к ясности и тезису разделения, он настаивает, что, во-первых, тип рассуждения в области ядра резко отличается от аналога, доступного в полутени, и что, во-вторых, право ограничено ядром установленного значения, а юридическое рассуждение тем самым – аргументацией в сфере ядра. По Г. Харту, разграничение позитивистами

типов обоснования позволяет четче выразить истины реализма, а разделение ими права сущего и должного подразумевает, что твердое ядро установленного значения есть право в наиболее важном смысле, ибо без него понятие правил, руководящих решениями судов, абсурдно (Postema, 2010:266–267). Данная концепция и маркируется Дж. Постемой как «позитивизм установленного значения» (Postema, 2010:267).

Анализ Г. Харта 1958 г. оценивается Дж. Постемой критически.

Во-первых, по мнению исследователя, в 1958 г. – в отличие от «Понятия права» (1961) – британский правовед дает неподходящую диагностику проблем полутени и необходимого здесь выбора.

Прежде всего Дж. Постема отмечает узость описания Г. Хартом источника неопределенности правил лишь в терминах языковой коммуникации: правила могут быть лингвистическими, понятийными или практическими, вытекать из примера или четко выраженного суждения. Отсюда более плодотворным критик считает (альтернативный) анализ 1961 г., где проблемы полутени ассоциируются с неустранимой смутностью правил и схожих явлений (обычаев, прецедентов, примеров), обусловленной не внутренними недостатками языка, а нашим относительным незнанием фактов и относительной неопределенностью цели (Postema, 2010:261–263).

Между тем более серьезный изъян диагностики 1958 г. Дж. Постема видит в увязывании Г. Хартом проблем полутени и усмотрения с «молчанием» логики о том, как классифицировать индивидуальные случаи, т.е. с ее неспособностью решить известную кантовскую проблему суждения – преодолеть разрыв общего и частного. Согласно критике таковой действительно не преодолевается логикой (а равно большей детализацией правил, обращением к иным стандартам и пр.), требуя акта суждения, чтобы принять конкретный эмпирический факт – всегда в ряде аспектов выходящий за рамки релевантного понятия или правила – как пример последних. Однако, подчеркивает исследователь, этот разрыв пронизывает мышление, присутствуя и в полутени, и в ядре правил, что не позволяет Г. Харту адекватно объяснить выбор в судебной аргументации в пограничных случаях (Postema, 2010:262–263).

Во-вторых, Дж. Постема оспаривает (реалистскую) риторику «выбора», используемую Г. Хартом в описании рассуждения в области полутени. Для Г. Харта такая риторика акцентирует наличие здесь множества близких по привлекательности альтернатив, когда содержащиеся в праве доводы, ограничивая, не предопределяют судьейский выбор. Однако, замечает Дж. Постема, она одновременно скрывает то, что решения в полутени основываются на аргументации, а должностные лица подчиняются (нормативным) требованиям ответственного суждения и принятия решений. По его мнению, лучшим описанием разногласий между разумными судьями будет констатация того, что после добросовестного и исчерпывающего исследования они пришли к конфликтующим суждениям, основанным на аргументах – суждениям, за которые они несут ответственность (Postema, 2010: 264–266).

В-третьих, и в-главных, Дж. Постема отвергает обоснованность заявленного Г. Хартом в 1958 г. «позитивизма установленного значения». По мысли критика, довод ясности требует отличать рассуждения в ядре и в полутени, а равно ограничивать право и юридическую аргументацию сферой ядра только если соответствующие (характеризующие их) утверждения верны. Точно также абстрактно верный тезис о разделении права сущего и должного не позволяет определить, состоит ли право из фиксированных правил или включает спорные соображения, вне содержательной теории о его природе (делающей разделительный тезис излишним) (Postema, 2010:267).

Согласно исследователю, в основании критики Г. Хартом реализма в 1958 г. подразумевается альтернативный и более плодотворный аргумент, исходящий из посылки о том, что главная задача права – руководство человеческим поведением посредством общих правил, и выводящий из этого необходимость четкой идентификации права и юридического рассуждения (Postema, 2010: 267). Между тем, подчеркивает Дж. Постема, это также аргумент *non sequitur*, недостаточный для сведения последних к ядру правил и, к тому же, антиномичный в своих практических следствиях для правового регулирования: балансировки его предсказуемости, разумности и эффективности в ограничении государственной власти (Postema, 2010:267–270). Отсюда важная исходная посылка Г. Харта нуждается в развитии / дополнении через раскрытие (в логике очерка 1958 г.) присущей праву особой техники нормативного руководства либо (в духе трактовки Г. Харта Л. Фуллером) через анализ следствий идеала господства права для нашего понимания права и юридической аргументации (Postema, 2010:270).

Однако, заключает Дж. Постема, движение по этому пути уводит от «позитивизма установленного значения» ближе к юриспруденции «*common law*» с ее восприятием права не как набора дискретных правил, но как дисциплины публичного практического рассуждения, предоставляющей рамки и форум для критического исследования и авторитетного определения публичных норм (Postema, 2010:271).

С этих позиций, с одной стороны, взгляд Г. Харта скрывает важные черты нормативно-правового руководства: для минимальной эффективности последнего право должно быть публичным, системным, дискурсивным и аргументативным, в том числе стремиться не пресечь, а подчинить разногласия дисциплинированной практике публичного рассуждения, укорененного в корпусе решений, правил, сводов и конвенций политического сообщества (Postema, 2010:271–275). С другой стороны, такой взгляд менее соответствует идее господства права, т.е. концептуализации права как особого способа осуществления политической власти, который

обеспечивает защиту от произвола чужой воли. По Дж. Постеме, господство права требует наличия, во-первых, ясных и общедоступных норм как эффективного руководства и основания для поведения граждан и должностных лиц, во-вторых, надежных публичных структур взаимной подотчетности / ответственности, когда обоснованность действий должностных лиц доступна оспариванию на публичном форуме через рациональную делиберативную аргументацию, затрагивающую не только соответствие действий конкретной правовой норме, но и само понимание и силу этой нормы в общем корпусе права. Структурированное сообразно требованиям обоснованности и подотчетности юридическое рассуждение противится резкому разведению типов аргументации в ядре и в полутени и не может ограничиваться лишь случаями, четко урегулированными правом (Postema, 2010:275–279).

Прочтение Дж. Постемы: критический анализ

Предложенное Джеральдом Постемой прочтение очерка Герберта Харта 1958 г. представляет собой оригинальное и продуманное истолкование взглядов британского правоведа, образующее значимое дополнение к дискуссиям о понимании и оценке его творческого наследия и пути.

Прежде всего Дж. Постема заявляет весомую альтернативную версию становления концепции правовой неопределенности и судебного решения Г. Харта: тогда как традиционно совокупность идей «Понятия права» полагается во многом сформированной на момент холмсовой лекции автора в Гарварде (Sugarman, 2005:281), а изложенная в очерке 1958 г. доктрина юридического рассуждения мыслится как более ранняя, краткая, но содержательно схожая формулировка более известного и классического учения об «открытой текстуре» 1961 г. (Lacey, 2013:645; Vix, 1993:29), Дж. Постема выявляет значимые различия в подходах британского правоведа 1958 и 1961 гг. Кроме того, исследователь вводит оригинальные «доопределения» концепции Г. Харта 1958 г. и, так или иначе, 1961 г. (связанные прежде всего с идеей «позитивизма установленного значения»), важные с точки зрения их включения в современные полемики в англо-американской и в целом западной философии права (о полномочиях судьи по использованию доводов морали, о содержании верховного правила распознавания и границах правовой системы, о методологии понимания права и т.д. (Cohen, 1984; Vix, 1993:27 ff.; Schauer, 2006; Spaak & Mindus (eds.), 2021:443 ff., 487 ff., 676 ff., и др.)), открывающие новые ракурсы их обсуждения. Наконец, на этой основе Дж. Постема вносит свой вклад в интенсификацию направления оценки и критики учения Г. Харта, акцентирующего идеи нормативного руководства и господства права (см.: Fuller, 1958:632 ff.; Raz, 1995:210–237, и др.; Raz, 1979:210–228, и др.; Schauer, 2008; и др.), оспаривая в такой перспективе аргументы данного учения, намечая возможные пути его преобразований.

Вместе с тем, хотя прочтение Г. Харта Дж. Постемой и имеет опору в очерке 1958 г., целый ряд утверждений исследователя представляются не вполне ясными и / или обоснованными и нуждаются в (критическом) комментарии.

Во-первых, реконструируя взгляды Г. Харта на правовую неопределенность и юридическое рассуждение, Дж. Постема неоднократно «дистраивает» их в контексте иных произведений мыслителя, что значимо для понимания общей траектории развития теории британского правоведа, а равно вполне уместно и даже необходимо, учитывая ограниченность целей и объема соответствующего раздела очерка 1958 г.

(Hart, 1958:959, 606–608, и др.). Однако, вне прояснения интерпретативных установок исследователя (в частности, того, когда выраженную в тексте позицию следует считать достаточно полной / «законченной», а когда – требующей содержательного переопределения в свете иных работ автора), его трактовки зачастую кажутся избирательными. Так, с одной стороны, на фоне лишь пунктирно прописанной в очерке 1958 г. идеи рациональности усмотрения в спорных случаях, Дж. Постема дает ее блестящую реконструкцию на базе системного анализа сочинений Г. Харта (Postema, 2010:261, 264–266) (причем во многом совпадающую с ее развернутым изложением в прямо предшествующей очерку гарвардской заметке автора «Усмотрение» 1956 г., найденной и опубликованной уже после выхода в свет работы исследователя (см.: Hart, 2013; MacCormick, 2008:159 ff.; Shaw, 2013:693 ff.)). С другой стороны, также сравнительно краткие (и не вполне последовательные) суждения Г. Харта о причинах неопределенности и выбора в области полутени трактуются Дж. Постемой как «полноценные» позиции, которые — без пояснений — осмысливаются им обособленно от иных, более эксплицитных работ британского правоведа, противопоставляются последним (см.: Postema, 2010:262–263, и др.).

Во-вторых, в продолжение сказанного вызывает вопросы данное Дж. Постемой истолкование взглядов Г. Харта на правовую неопределенность, когда ее узкая, глубоко лингвистическая концептуализация 1958 г. противопоставляется ее взвешенной диагностике 1961 г., связанной с природой регулирования посредством правил, восходящей к границам предвидения фактов и установления целей регулирования в будущем (Postema, 2010:262–263).

Вопреки Дж. Постеме, в отсутствие свидетельств обратного, более убедительным (и даже «естественным») здесь видится «консервативное» или «умеренное» толкование соответствующих фрагментов очерка 1958 г., исходящее из презюмируемой целостности взглядов Г. Харта и их поступательного развития, что оправдывается прочтением отдельных работ мыслителя в хронологически последовательной и «сквозной» перспективе, в общем контексте его творчества. При таком ракурсе у Г. Харта обнаруживается концепция более сложной системы источников неопределенности – концепция, вытекающая из общефилософских начал подхода автора (того же обоснования «открытой текстуры» у Ф. Вайсмана (Waismann, 1951; Hart, 1961:128; Hart, 1983:274–275) и представленная в различных его работах (в том числе предшествующих холмсовой лекции 1957 г.) (Hart, 2013; Hart, 1961:124–136; Hart, 1983:103–108, и др.). Здесь можно выделить несколько групп факторов неопределенности (полагаемых Г. Хартом в единстве, а не в оппозиции друг с другом (см.: Hart, 1961:124–136). С одной стороны, это особенности крайне сложного, изменчивого мира и ограниченность возможностей его познания людьми (Hart, 2013:661–662; Hart, 1961:128; Hart, 1983:103, 269–270, 274–275; Hart, 2016:465), с другой – это специфика языка (предполагающего конвенциональную, социальную, нормативную связь знаков и референтов, оборотов и ситуаций), который в условиях меняющейся действительности, даже для его знатоков, обнаруживает неопределенность в нетипичных, непредвиденных обстоятельствах (Hart, 1955:258–260; Hart, 1957:968 ff.; Hart, 1961:24 ff.; Hart, 1983:103, 274–275). В качестве дополнительного фактора следует также назвать потребность в разумном нормативном регулировании: его организация в свете заявленных выше условий находится в напряжении с заведомой жесткой фиксацией значений языковых терминов / правил и нуждается в сохранении возможностей их рационального доопределения в новых условиях (Hart, 1956:658 ff.;

Hart, 1958:608, и др.; Hart, 1961:128 ff.; Hart, 1983:104–105, 270–271). Все эти факторы с необходимостью детерминируют функционирование права как социального явления и института, задавая параметры правовой неопределенности и способов обхождения с нею (Hart, 1956:655, 663–664; Hart, 1961:130–134). Таким образом, в связи с наблюдениями Дж. Постемы, можно признать специфику / акценты конкретного избранного Г. Хартом способа выражения позиции в очерке 1958 г. в отличие от трактата 1961 г. или иных работ, однако говорить здесь о смене британским мыслителем своего подхода к объяснению источников правовой неопределенности вряд ли обоснованно.

В-третьих, схожую реакцию вызывает приписывание Дж. Постемой Г. Харту в 1958 г. – дефектной – доктрины судейского выбора в полутени как «кантианского» суждения, преодолевающего разрыв общего правила и частного случая и порождаемого молчанием логики о квалификации частных, а также противопоставление этой доктрины подходу автора 1961 г. (Postema, 2010:262–263). В изложении Г. Хартом своей позиции в разделе III очерка 1958 г. действительно можно усмотреть элементы непоследовательности. При этом, наряду с наблюдением Дж. Постемы (менее очевидным, учитывая, что обсуждаемый тезис Г. Харта адресован роли логики в судопроизводстве в целом (Hart, 1958:610)), таковая скорее обнаруживается в описании правоведом нетипичных случаев, где судейский выбор *prima facie* выводится из неспособности фактов назвать свою юридическую квалификацию (Hart, 1958:607), или же в его одновременных заявлениях о непригодности и недостаточности логической дедукции для (модели) судебного решения (Hart, 1958:607–608). Однако, даже несмотря на это, прочтение Дж. Постемы – возможно, распространяющееся на Г. Харта идеи ряда обсуждаемых им реалистов (см.: Postema, 2011:111–118) – остается спорным с точки зрения текста 1958 г., а равно неубедительным в общей перспективе творчества британского правоведа.

Прежде всего, обсуждая и в очерке 1958 г., и в других своих работах вопросы правовой неопределенности и судебного решения, Г. Харт отталкивается не от «кантианской» проблемы и модели суждения, а скорее от круга проблем, проистекающих из отношений знака и референта, термина / правила и ситуации (см.: Vix, 1993:7 ff.; Marmor, 2005:96 ff.). Сообразно установкам лингво-аналитической философии, автор исходит из отсутствия между ними какой-либо «объективной» связи (неоднократно заявляя как об отсутствии самонаименования фактов, так и о непредопределении правилом своего применения (Hart, 1955:258; Hart, 1958:607; Hart, 1961:126; Hart, 1983:106)): эта связь задана социальной конвенцией, практикой употребления в сообществе. Наличие подобной конвенции фиксирует значение юридического правила и обеспечивает его беспроблемное применение (риторика «выбора», а также «разрыва» общего и частного здесь не используется, отвергается), а отсутствие конвенции как раз и порождает спорные случаи, требующие усмотрения (Hart, 1955:258–260; Hart, 1957:968; Hart, 1961:126; Hart, 1983:106).

По отношению к изложенной доктрине заявления Г. Харта 1958 г. о логике в судебной аргументации носят подчиненный, частный характер и также являются типичными для работ автора до и после анализируемого очерка. Г. Харт скептически относится к логической интерпретации судебного рассуждения, причем и в ясных, и в пограничных случаях (см.: Marmor, 2005:97–98): как отмечалось, логика мыслится им лишь как формальная связь переменных, не имеющая отношения к – центральному здесь – установлению значений и квалификации частных (Hart, 1955:259;

Hart, 1957:955–957; Hart, 1958:610–611; Hart, 1983:99–105, 130). Обращение же британского правоведа в 1958 г. к теме логики, вопреки Дж. Постеме, мотивировано не признанием ее «молчания» в качестве эксклюзивной причины неопределенности и выбора в полутени, но критикой реалистского вызова формулизму, оспаривающего логико-дедуктивное описание судебного решения. Позиция Г. Харта в 1958 г. и далее состоит в том, что судебская «ошибка формализма» заключается не в пресловутом «злоупотреблении» логикой, а в «слепых» решениях в области полутени, когда от судьи требуется осознанный и ответственный выбор (Hart, 1958:610–611, 614–615; Hart, 1983:104–105, 130–132, 152–153).

В-четвертых, в общетеоретическом плане можно отчасти согласиться с Дж. Постемой в неудачности – ограниченных коннотациях – употребляемой Г. Хартом терминологии «выбора» для описания официальных решений в полутени, не акцентирующей институциональную необходимость и практику их рациональной аргументации.

Вместе с тем нападки Дж. Постемы здесь видятся чрезмерными. В противовес пространным формулировкам критика терминология выбора емко передает суть позиции Г. Харта (неизбежность усмотрения в спорных случаях). Кроме того, она сопровождается замечаниями о разумности дискреционного выбора, его заданности правом (Hart, 1955:261–262; Hart, 1956:658, и др.; Hart, 1958:608, 611, и др.; Hart, 1983:7, 106–108, 132, 134, и др.; Hart, 2016:465, 467; Hart, 1994:237 ff.), утверждая в иных оборотах ряд значимых для Дж. Постемы тезисов (см.: Postema: 2011:323–324). Наконец, акцентируемые критиком идеи нормативного статуса и следствий дискреционных актов вовсе не обязательно отрицаются Г. Хартом (его риторикой), по сути, признаются им (см.: MacCormick, 2008:159 ff.) и, в любом случае, видятся совместимыми с его общей трактовкой судебного решения. Вопрос полноты теории автора при реконструкции его взглядов должен обсуждаться с учетом принципа историзма: Г. Харт рассуждает в заданном историческом контексте, полемизируя с конкретными идейно-историческими оппонентами (реализмом и формализмом), в дискуссии с которыми его аргументация представляется достаточной для заявления уместной и обоснованной позиции (доктрины умеренной правовой неопределенности и судебского усмотрения).

В-пятых, интеллектуально стимулирующей, но довольно дискуссионной видится – перекликающаяся с трактовками Л. Фуллера (Fuller, 1958), Р. Дворкина (Dworkin, 1978:14–130; Dworkin, 1986:114–150), Дж. Раза (Cohen, 1984:73–87; Raz, 1979:53–77, 180–209; Raz, 1995:326–340) и др. – формализация Дж. Постемой доктрины Г. Харта 1958 г. и далее как единства двух тезисов: с одной стороны, утверждения о резком отличии типов аргументации в сферах ядра и полутени, с другой – сведения права и юридического рассуждения к ядру / установленному значению правил (Postema, 2010:267).

Касательно первого тезиса британский правоведа действительно разграничивает судебное рассуждение в ясных и в пограничных случаях, притом, что «резкость» их дифференциации – вопрос оценки, заданной избранным фокусом, критериями (отсюда терминология самого Дж. Постемы не кажется вполне конкретной / удачной). Г. Харт действительно разделяет ситуации ядра и полутени (Hart, 2013:653; Hart, 1958:614; см.: Marmor, 2005:95 ff.; Schauer, 2008:1109 ff.), однако, судя по всему, не заявляет о строгости проводимых здесь границ, допуская разную степень проблемности в спорных вопросах (Hart, 1983:107, 134, и др.; ср.: Raz, 1979:73–74, 182, и др.).

Главное же, что оба типа ситуаций традиционно (как минимум, в работах этого периода) рассматриваются им в рамках общей модели юридического решения как применения правила к конкретному случаю, и дискреционное суждение в полутени — это не прямо противоположный таковому образец (в том числе неограниченного) правотворчества, а прежде всего образец правоприменения, осуществляемый, однако, в особых, нетипичных обстоятельствах с недостаточным руководством конвенций и необходимо дополняемый иными аргументативными ресурсами (Hart, 1955:253–255; Hart, 1956:658, 661 ff.; см.: Hart, 2016:465 ff.; Hart, 1994:272 ff.). Обращение к социально-политическим целям как способ решения дел в полутени, резко контрастирующий с «механическим» применением правил в ясных случаях, не является для Г. Харта базовым или универсальным и скорее акцентируется им в 1958 г. в силу предмета дискуссии, заданного особенностями американской правовой системы и повесткой гарвардской юриспруденции того времени.

Более сложным для оценки видится второй тезис, квалифицирующий понимание Г. Хартом границ права и юридического рассуждения.

Прежде всего, как кажется, в очерке 1958 г. (как и в большинстве других сочинений автора данного периода) отсутствует прямая редукция права к установленному значению юридических стандартов. Вопреки толкованию Дж. Постемы Г. Харт утверждает, что ядро правил составляет право лишь в «наиболее важном смысле» («*centrally important sense*»), его не следует уравнивать с целевыми аргументами, которые используются в решении спорных дел и предлагаются для включения в понятие правила (и, по сути, в понятие права в целом) (Hart, 1958:614) — здесь нет противопоставления ядра правил их периферии, «деюридизации» последней. Г. Харт не заявляет позиции о строгих границах права и, *prima facie*, вообще не ставит перед собой подобного вопроса (не мыслит в используемых критиком терминах).

Для однозначности выводов Дж. Постемы недостаточно и методологии «решительного прочтения» очерка 1958 г., претендующего на лучшее понимание самого автора в свете целостности его творчества, верности его началам — понимание, которое отлично от выраженной позиции автора, но с которым, после личного (воображаемого) диалога, он бы предположительно согласился (Forsberg, Conant, 2013:158; см.: Dworkin, 1986:59 ff.). Как представляется, при таком прочтении текст 1958 г. также допускает различные интерпретации (а вопрос Дж. Постемы о границах права, вполне возможно, вызвал бы у «гарвардского» Г. Харта некоторое замешательство). Трактовка исследователя, судя по всему, и вполне обоснованно, отталкивается от фундаментального для Г. Харта тезиса о разделимости — требования четкого разграничения права и морали, что на уровне судебного решения ассоциируется с разведением, с одной стороны, жесткого ядра действующих юридических правил, с другой — целей и политических ориентиров как используемых в полутени стандартов должного (Hart, 1958:612–615). Однако, в противовес Дж. Постеме, можно также дать иное «решительное» прочтение, как кажется, более соответствующее духу общеправового и философско-правового подхода британского мыслителя, его теоретическим позициям и форме их выражения. Так, модель языка как реальной речевой практики, принятая Г. Хартом за основу концептуализации права, подразумевает социальный / конвенциональный тип связи слова и ситуации, невозможность ее исчерпывающего нормативного урегулирования, а также бесчисленные случаи смутности, многозначности, логической неунифицированности словоупотребления — теория, вмещающая ему строгие границы, будет произвольной и составит «противоречие фактам» (см.: Hart, 1983:22 ff., 274–275; Hart, 1957:968–971; Hart,

1961:5–6, 13–17). Сообразно этому право будет пониматься автором как «семья понятий» (по аналогии с системой элементов деятельности (Hart, 1961:16)), а также описываться как «союз» правил (Hart, 1961:79 ff.), которые, в свою очередь, осознанно не сводятся им лишь к ясно установленным (либо категоричным (Dworkin, 1978:24, и др.)) стандартам и могут включать различную по масштабу сферу «открытой текстуры», оставаясь при этом «правилами» (см.: Hart, 1955:254; Hart, 2013: 656 ff.; Hart, 1961:132, 139, и др.; Hart, 1994:262–263). Симптоматично, что в тексте 1958 г. Г. Харт говорит не столько о «неполноте» (Hart, 1958:612, 614) или даже «пробельности» права, сколько именно о его смутности, открытости, о связанной с ним неуверенности / неопределенности, о сочетании в нем «жесткого ядра установленного значения» и «полутени спорных случаев» (Hart, 1958:606–615). (На этом фоне смена риторики в более поздних работах автора (Hart, 2016:462, и др.; Hart, 1994:252–254, 272 ff.) может *inter alia* указывать на изменение его взглядов в русле их последующих интерпретаций и критики (см.: Dworkin, 1978:14–130; Cohen, 1984; Vix, 1993:27–35; Postema, 2011:341 ff.).

Сказанное тем более верно в отношении понимания Г. Хартом юридического рассуждения: при имеющейся разнице в возможной / надлежащей аргументации в обстоятельствах ядра и полутени, он (в отличие, например, от позитивистской доктрины Дж. Раза (Raz, 1979:53–77, 180–209; Raz, 1995:326–340)) нигде не заявляет, что в первом случае имеет место юридическое рассуждение, а во втором – нет. Как представляется, даже в рамках апологии разделительного тезиса в 1958 г. Г. Харт не проводит столь строгих границ между правом и моралью, как это изложено у Дж. Постемы. Более того, «сквозным» для творчества автора выступает понимание судейского выбора / усмотрения как урегулирования проблемных случаев в свете случаев ясных, иначе говоря, как формы рационального продолжения и развития действующего права (через апелляцию к имеющимся, но недостаточно упорядоченным здесь аналогиям, общим началам, допущениям и т.д.) (Hart, 1955:261–262; Hart, 2013:661 ff.; Hart, 1983:7, 106–108, и др.; Hart, 2016:467; Hart, 1994:237 ff.; см.: Postema, 2010:264–266). Подобный тип обоснования – к слову, весьма близкий гарвардской школе юридического процесса (Shaw, 2013: 710 ff.) – действительно можно считать «выходом за пределы права», но, как кажется, эта формулировка неверно передает идею, которую стремился выразить Г. Харт. Наконец, в контексте концепции автора актам с различным дискреционным обоснованием (включая социальные цели и политические ориентиры, идеологические установки, моральное должное, стандарты рациональности, языка, толкования и пр.), по-видимому, приписывается такой же правовой / официальный статус, какой, *ceteris paribus*, признается автором за «слепыми» решениями судей-формалистов (Hart, 1958:612).

С этих позиций «решительное» прочтение Г. Харта Дж. Постемой, будучи возможным и имея свои основания, видится менее согласующимся с доктриной 1958 г.: скорее оно выступает попыткой изложить эту доктрину на языке более поздних правовых теорий или даже попыткой приписать британскому правоведу позицию в современных спорах в англо-американской юриспруденции.

В-шестых, вне зависимости от признания описанной трактовки Дж. Постемой доктрины Г. Харта 1958 г., отдельного комментария требует уместность использования здесь ярлыка «позитивизм установленного значения» (Postema, 2010:267).

Возможные главные доводы против подобного словоупотребления связаны с традиционным пониманием статуса юридико-позитивистской теории. Так, в работах 1958 г., 1961 г. и далее (за исключением ряда поздних своих текстов (Hart,

2016; Hart, 1994)) Г. Харт ассоциирует позитивизм прежде всего с тезисом об отсутствии необходимой связи права и морали, выражающимся в концептуальной различимости юридической действительности и моральной ценности (Hart, 1958:959 ff.; Hart, 1961:185–186 и др.). Иначе говоря, позитивизм обсуждается им именно в качестве теории (понятия или природы) права, а не теории судебного решения. Подобный подход часто воспроизводится и среди авторитетных последователей Г. Харта (Дж. Раза, Дж. Колмана и др.), вдобавок настаивающих на отсутствии между данными типами теоретизирования какой-либо необходимой связи (Raz, 1979:34–52; Raz, 2009:47–87; Coleman, 2002). Сказанное также согласуется с утверждениями о периферийности для Г. Харта вопросов судебного решения (Lacey, 2004:158 и др.; Schauer, 2006:874 ff.), включая дискуссионную оценку Дж. Постемы, который усматривает в текстах мыслителя 1958 и 1961 гг. не попытку создания собственной доктрины юридического рассуждения, но лишь корректуру ошибочных истолкований последнего с точки зрения общего понятия права (Postema, 2010:259; см.: Postema, 2011:322, 325).

Вместе с тем, помимо того, что отмеченный статус позитивизма остается предметом дебатов (в том числе в лагере самих позитивистов) (Spaak & Mindus (eds.), 2021), словоупотребление Дж. Постемы также имеет основания, обеспечивая более широкую перспективу осмысления доктрины британского правоведа. С одной стороны, Г. Харт сам объединяет проблематику права и судопроизводства, обращаясь в 1958 г. к трактовкам юридического рассуждения в рамках апологии разграничения права и морали, что демонстрирует – возможно, лучше, чем в трактате 1961 г. – важные взаимосвязи между позитивистским кредо автора и иными элементами его правовой теории (Schauer, 2006:874–877; Lacey, 2008:1061 ff.). В дальнейшем такие взаимосвязи позволяют «позднему» Г. Харту (вслед за Р. Дворкином (Dworkin, 1978:17, и др.) и др.) расширить предметное содержание – систему тезисов – своего позитивистского учения, в том числе за счет «тезиса усмотрения» (Hart, 2016:462, и др.). С другой стороны, на фоне споров об охвате позитивизмом вопросов судебного решения, квалификация Дж. Постемы, по сути, имеет иную направленность – она связывает позитивистское учение Г. Харта о праве с его лингво-философскими взглядами: естественные пределы языка обуславливают здесь пограничье юридической регламентации, а ядро установленных значений обеспечивает само существование социальных правил, возможность и ясность правовой коммуникации, регулирования толкования, суда, тем самым формируя основу их «объективного», морально-нейтрального описания (проекта аналитической юриспруденции). Все это, как представляется, показывает эвристическую ценность введенного Дж. Постемой – и весьма емкого – термина «позитивизм установленного значения» для характеристики теории Г. Харта (при учете заявленных ранее оговорок о спорности прочтения критиком очерка 1958 г. и возможности / предпочтительности его альтернативных истолкований).

Наконец, в-седьмых, приведенные выше возражения против трактовки Дж. Постемой доктрины 1958 г. затрагивают и его оценку доводов Г. Харта в пользу своего подхода, их дополнение / развитие (Postema, 2010:271–279).

Как отмечалось, если доктрине 1958 г. и допустимо приписывать «резкий» контраст аргументации в ядре и в полутени, здесь вряд ли с очевидностью утверждается сведение права и юридического рассуждения к сфере установленных нормативных значений: скорее доводы ясности и делимости (при ограниченности их силы

(Postema, 2010:266–267)) имеют иной объект обоснования. То же верно и в отношении более фундаментального и «плодотворного» аргумента Г. Харта (Postema, 2010:267) – концепции нормативного / правового регулирования с описанной ранее умеренной трактовкой (не)определенности (Hart, 1958:607, 615, и др.): в противовес выводам Дж. Постемы (близким здесь Дж. Разу (Raz, 1979:34–52)), характерное для права руководство посредством общих правил предполагает функционально достаточную, а не исчерпывающую четкость в их идентификации (см.: Coleman, 2002; Hart, 1994:351–352).

Далее, можно поддержать Дж. Постему в развитии аргумента нормативного руководства, важном в свете полемики в современной англо-американской юриспруденции (см.: Fuller, 1958; Dworkin, 1978; Raz, 1995:210–237; Schauer, 2008; и др.). Вопрос, однако, состоит в том, насколько вводимое критиком — в духе Л. Фуллера (Fuller, 1958:632 ff.) — «нормативное» прочтение доктрины 1958 г. как элемента теории / идеала господства права адекватно методологическому статусу построений Г. Харта.

Так, с самого начала своего пути как правоведа Г. Харт заявляет приверженность традициям аналитической юриспруденции как обособленного исследования базовых правовых понятий, предлагая при этом ее реформу в духе идей лингво-аналитической философии (Hart, 1955; Hart, 1957; Hart, 1983:1–6, 271 ff.; Sugarman, 2005:290 ff.). Соответственно, в своих работах до и после 1958 г. он стремится выстроить общую, описательную / понятийную и ценностно-нейтральную теорию права (Hart, 1961:v; Hart, 1994:239–244). На этом фоне очерк 1958 г. действительно специфичен, отстаивая не только интеллектуальную, но и моральную ценность тезиса о концептуальном разделении права и морали, а также вводя практические, этико-политические и, по сути, нормативные аргументы в пользу позитивистской / аналитической методологии определения правовых понятий (Lacey, 2008; Schauer, 2008; Zipursky, 2008). Как представляется, биографически, это тесно связано с контекстом гарвардской (американской) юриспруденции, где Г. Харт-аналитик в своих построениях должен был так или иначе учитывать взгляды «аудитории», скептической в отношении концептуализма, сосредоточенной на проблемах судопроизводства и действующей для их решения ценностно-телеологический и социально-институциональный инструментарий (Lacey, 2013:637 ff.; Shaw, 2013:676 ff.; Spaak & Mindus (eds.), 2021:71–74). Сказанное верно и для трактовки Г. Хартом вопросов судебного рассуждения в разделе III очерка 1958 г.: в основном аналитическая теория автора, описывающая вызов реализма, дополняется здесь имеющими нормативную коннотацию тезисом о необходимости рациональных и ответственных решений в полутени и доводами о лучшем объяснении использования судьей социально-политических целей и ориентиров. К таковым прочтение Дж. Постемы, по сути, добавляет еще один нормативный элемент, связанный с (лингвистически опосредованным) установлением границ правовой системы и его следствиями для регулирования, судопроизводства и продвижения господства права. Таким образом, отмеченный культурно-интеллектуальный контекст формулировки и восприятия концепции Г. Харта 1958 г., используемые здесь практические, этико-политические аргументы, вполне оправдывают избранную Дж. Постемой линию по истолкованию и развитию / критике соответствующей теории судебного рассуждения как нормативной.

Между тем, как представляется, подобная интерпретация взглядов Г. Харта 1958 г. должна иметь ограниченный характер. Даже формулируя нормативные

доводы, британский мыслитель не разрабатывает полноценную теорию или идеал господства права (особенно в рамках доктрины юридического рассуждения) и, насколько известно, не ставит перед собой подобной цели (Marmor, 2005:105). Данная интерпретация может считаться теоретически и практически плодотворной, конкурентноспособной (Schauer, 2008; Zipursky, 2008; MacCormick, 2008:158 ff.), а для кого-то – и единственно оправданной (Dworkin, 1986:87 ff.), однако, она вряд ли будет «аутентичной» в отношении рассмотренных построений Герберта Харта.

Выводы

Проанализированная в статье работа Джеральда Постемы – это оригинальное, интеллектуально стимулирующее «прочтение» классической концепции права и юридического рассуждения Г. Харта 1958 г., выявляющее связи и нюансы во взглядах мыслителя, важные в обсуждении и оценке его творчества, а также в уточнении общей «карты» современного англо-американского позитивизма и его дебатов с подходами реализма, интерпретативизма, естественного права и пр. Вместе с тем в ряде значимых моментов такое прочтение представляется непроясненным в своих допущениях и / или необоснованным в содержательной и методологической реконструкции учения британского правоведа (с точки зрения как текста 1958 г., так и «сквозной» перспективы его работ), включая базовую для Дж. Постемы и полемически насыщенную идею «юридического позитивизма установленного значения».

References / Список литературы

- Bix, B. (1993) *Law, Language, and Legal Determinacy*. Oxford, Clarendon Press.
- Cohen, M. (ed.). (1984) *Ronald Dworkin and Contemporary Jurisprudence*. Totowa, Nj., Rowman & Allenheld.
- Coleman, J.L. (2002) Negative and Positive Positivism. In: *Markets, Morals, and the Law*. Oxford, Oxford University Press, pp. 3–27.
- Dworkin, R. (1978) *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, Ma., Harvard University Press.
- Dworkin, R. (1986) *Law's Empire*. Cambridge, Ma., Harvard University Press.
- Forsberg, N., Conant, J. (2013) Interview. From positivist rabbi to resolute reader: James Conant in Conversation with Niklas Forsberg, Part 1. *Nordic Wittgenstein Review*. 2(1), 131–160. Doi:10.1515/nwr.2013.2.1.131
- Fuller, L. (1940) *The Law in Quest of Itself*. Chicago, The Foundation Press, Inc.
- Fuller, L. (1958) Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart. *Harvard Law Review*. 71(4), 630–672.
- Hart, H.L.A. (1955) Theory and Definition in Jurisprudence. *Proceedings of the Aristotelian Society*. (29), 239–264.
- Hart, H.L.A. (1957) Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer. *University of Pennsylvania Law Review*. (105), 953–975.
- Hart, H.L.A. (1958) Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*. 71(4), 593–629.
- Hart, H.L.A. (1961) *The Concept of Law*. Oxford, Clarendon Press.
- Hart, H.L.A. (1983) *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, Clarendon Press.
- Hart, H.L.A. (1994) Postscript. In: Hart, H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, pp. 238–276.
- Hart, H.L.A. (2013) Discretion. *Harvard Law Review*. 127(2), 662–665.
- Hart, H.L.A. (2016) The New Challenge to Legal Positivism (1979). *Oxford Journal of Legal Studies*. 36(3), 459–475. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqw021>

- Hart, H.M., jr., Sacks, A.M. (1994) *The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law*. Westbury, Ny., Foundation Press.
- Lacey, N. (2004) *A Life of H.L.A. Hart: The Nightmare and The Noble Dream*. Oxford; New York, Oxford University Press.
- Lacey, N. (2008) Philosophy, political morality and history: Explaining the enduring resonance of the Hart-Fuller debate. *New York University Law Review*. 83(4), 1059–1087.
- Lacey, N. (2013) The Path Not Taken: H.L.A. Hart's Harvard Essay on Discretion. *Harvard Law Review*. 127(2), 636–651.
- MacCormick, N. (2008) *H.L.A. Hart*. 2nd ed. Stanford, Ca., Stanford University Press.
- Marmor, A. (2005) *Interpretation and Legal Theory*. 2nd ed. Oxford; Portland, Or., Hart Publ.
- Postema, G. (2010) Positivism and the Separation of Realists from their Scepticism. Normative Guidance, the Rule of Law and Legal Reasoning. In: Cane, P. (ed.). *The Hart–Fuller Debate in the Twenty-First Century*. Oxford; Portland, Or., Hart Publ., pp. 259–279.
- Postema, G. (2011) *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 11. Dordrecht, Springer.
- Pound, R. (1941) My Philosophy of Law. In: *My Philosophy of Law: Credos of Sixteen American Scholars*. Boston, Boston Law Book Co., pp. 247–262.
- Raz, J. (1979) *The Authority of Law*. Oxford; New York, Oxford University Press.
- Raz, J. (1995) *Ethics in the Public Domain*. Rev. ed. Oxford, Clarendon Press.
- Raz, J. (2009) *Between Authority and Interpretation*. Oxford; New York, Oxford University Press.
- Schauer, F. (2006) (Re)Taking Hart. *Harvard Law Review*. 119(3), 852–883.
- Schauer, F. (2008) A Critical Guide to Vehicles in the Park. *New York University Law Review*. (83), 1109–1134.
- Sebok, A.J. (1995) Misunderstanding Positivism. *Michigan Law Review*. (93), 2054–2132.
- Shaw, G.C. (2013) H.L.A. Hart's Lost Essay: 'Discretion' and the Legal Process School. *Harvard Law Review*. (127), 666–727.
- Spaak, T. & Mindus, P. (eds.). (2021) *Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Sugarman, D. (2005) Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman. *Journal of Law and Society*. 32(2), 267–293. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6478.2005.00324.x>
- Waismann, F. (1951) Verifiability. In: Flew A. (ed.). *Logic and Language. The First Series*. Oxford, Basil Blackwell, pp. 117–144.
- Zipursky, B. (2008) Practical Positivism versus Practical Perfectionism: The Hart-Fuller Debate at Fifty. *New York University Law Review*. (83), 1170–1212.

Сведения об авторе:

Касаткин Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и философии, Самарский государственный экономический университет; 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

ORCID: 0000-0001-5541-9181; SPIN-код: 6195-5396

e-mail: kasatka_s@bk.ru

About the author:

Sergei N. Kasatkin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Theory of Law and Philosophy Department, Samara State University of Economics; 141 Soviet Army str., Samara, 443090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5541-9181; SPIN-code: 6195-5396

e-mail: kasatka_s@bk.ru

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО

CIVIL AND LABOR LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-798-816>

EDN: HSEQYX

Научная статья / Research Article

Позиции Международной организации труда в отношении ограничений в сфере труда

Л.Г. Джиджавадзе

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль,
Российская Федерация

 levandzhidzhavadze@yandex.ru

Аннотация. Ограничения в трудовом праве занимают значительную часть в содержании актов Международной организации труда и выступают необходимым инструментом регулирования трудовых отношений как на международном, так и на национальном уровне. В условиях глобализации, информатизации и развития нетипичных форм занятости ограничения являются своеобразной гарантией защиты прав работника и обеспечения стабильности в регулировании трудовых отношений. В своем докладе Комитет экспертов МОТ в 2023 г. обратил внимание на проблемные моменты, связанные с несоответствием положений российского законодательства международным нормам Конвенций МОТ № 81, 87, 98, 100, 111. С использованием формально-юридического и сравнительно-правового методов проводится подробный анализ ограничений, связанных с профсоюзным представительством, правом работника на забастовку, запретом сексуального домогательства и защитой от психологического насилия, проблемами обеспечения гендерного и расового равенства в сфере труда, с деятельностью инспекций труда. Исследуется опыт зарубежных стран (Франции, Индии, Венгрии, Финляндии, Швеции, США, Великобритании и ФРГ) по данным проблемам и предлагаются пути совершенствования российского трудового законодательства с целью приведения его в соответствие с актами МОТ. Кроме этого, на основе системного анализа правотворческой и правоприменительной практики МОТ выводится толкование понятия «ограничение в трудовом праве». Новизна данной работы также заключается в том, что используется комплексный подход к анализу трудовых ограничений как в международной, так и в национальных правовых системах государств. Существующие ранее исследования носили фрагментарный характер и не делали акцента на рассмотрение ограничений в трудовом праве.

Ключевые слова: ограничения в трудовом праве, Международная организация труда, психологическое насилие, сексуальное домогательство, дискриминация, гендерное равенство, инспекция труда, антипрофсоюзная дискриминация, забастовка

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Джиджавадзе Л.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 04 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Джиджавадзе Л.Г. Позиции Международной организации труда в отношении ограничений в сфере труда // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 4. С. 798–816. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-798-816>

International Labor Organization's stance on work-related restrictions

Levan G. Dzhidzhavadze

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

levandzhidzhavadze@yandex.ru

Abstract. Restrictions in labor law constitute a significant component of the content of the acts of the International Labor Organization's regulatory framework, serving as vital instruments for governing labor relations at both the international and national levels. Particularly in the context of globalization, digitalization and proliferation of non-standard employment arrangements, these restrictions play a crucial role in safeguarding employee rights and maintaining stability in labor regulation. In 2023 report of the ILO Committee of Experts highlighted issues concerning the misalignment of Russian legislation with the international norms outlined in ILO Conventions Nos. 81, 87, 98, 100, and 111. Employing formal legal and comparative legal methodologies, this report conducts a comprehensive analysis of restrictions pertaining to trade union representation, the right to strike, prevention of sexual harassment and protection from mobbing, challenges related to gender and racial equality in the labor sphere and the operations of labor inspections. The study delves into the experiences of various foreign countries (France, India, Hungary, Finland, Sweden, USA, Great Britain, and Germany) in addressing these issues, and proposes strategies for enhancing Russian labor legislation to align with ILO conventions. Furthermore, through a systematic examination of law-making and law enforcement practices of the ILO, it provides a refined interpretation of the concept of "restriction in labor law". The novelty of this work also lies in its integrated approach, analyzing labor and legal restrictions within the international and national legal systems of states. This study fills a gap left by previous fragmented research efforts that did not specifically address restrictions in labor law.

Key words: restrictions in labor law, International Labor Organization, mobbing, sexual harassment, discrimination, gender equality, labor inspection, anti-union discrimination, strike

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 04th November 2023

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Dzhidzhavadze, L.G. (2024) International Labor Organization's stance on work-related restrictions. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 798–816. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-798-816>

Введение

Деятельность Международной организации труда (МОТ) связана с ограничениями. МОТ изначально создавалась для ограничения работодательской власти и защиты прав работника. Так, данный вывод следует из анализа целей деятельности

МОТ, закрепленных в преамбуле Устава¹ Международной организации труда 1919 г. Такие цели, как «регламентация рабочего времени», «установление максимальной продолжительности рабочего дня и рабочей недели», «гарантии заработной платы» и др. предусматривают реализацию путем регламентации трудовых ограничений. Доказательством этого является и тот факт, что первые конвенции МОТ напрямую касались вопросов ограничений в трудовом праве, среди них, например: Конвенция Международной организации труда № 1 «Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю» (Вашингтон, 29.10.1919)², Конвенция Международной организации труда № 3 «О труде женщин до и после родов» (Вашингтон, 29.10.1919)³ и др.

На 111-й Международной конференции труда Генеральный директор МОТ провозгласил в качестве первоочередной цели МОТ на текущем этапе развития истории построение «социальной справедливости» через решение таких задач, как повышение гарантий занятости для молодых специалистов в целях предотвращения перехода их в число мигрантов, обеспечение равенства возможностей, обеспечение более четкого соблюдения прав человека и трудовых прав в процессе развития торговли и другое⁴. Реализация поставленной цели невозможна без применения механизма «ограничение–гарантия».

Большинство ограничений в рамках МОТ устанавливаются в интересах работников как более слабой стороны трудовых отношений. Однако в правовых актах МОТ можно встретить и ограничения прав работника (например, ограничение права на забастовку), а также ограничения, устанавливаемые в интересах представительных органов работника и работодателя (например, запрет роспуска профсоюзов), а также органов государственной власти по контролю и надзору в сфере труда (например, ограничение права работодателя в виде обязанности обеспечить беспрепятственный доступ на территорию для инспекторов труда). В задачу моего исследования будет входить не приведение примеров ограничений, а обращение внимания на проблемные моменты взаимодействия международной и российской системы трудового права.

Россия, оставаясь активным участником МОТ, ратифицируя ее конвенции, связывает себя определенными обязательствами. Значительное число правовых актов МОТ прямо или косвенно касается трудовых ограничений. Международное трудовое право тесно связано с национальным, поэтому в целях совершенствования российского законодательства, его гармонизации с международным правом необходимо проанализировать, какие противоречия существуют между правовыми актами

¹ Устав Международной организации труда (принят в 1919 г.) (с изм. и доп.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключ. СССР вып. XVI. М., 1957. Ст. 657.

² Конвенция Международной организации труда № 1 «Об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю» (Заключена в Вашингтоне, 29.10.1919–27.01.2020) // Конвенции и рекомендации МОТ, Женева, 1991 год.

³ Конвенция № 3 Международной организации труда «О труде женщин до и после родов» (Заключена в г. Вашингтоне 29.10.1919–27.01.1920) // Конвенции и рекомендации, принятые международной Конференцией Труда, том I, 1919–1956 г.

⁴ Генеральный директор МОТ призвал «развернуть ход истории в сторону социальной справедливости». Режим доступа: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_885508/lang--ru/index.htm (дата обращения: 25.10.2023).

МОТ и российским трудовым законодательством по вопросу ограничений в трудовом праве, дать им правовую оценку, а также выяснить, какую трактовку дает МОТ понятию «ограничение в трудовом праве».

В целях внесения методологической ясности необходимо подчеркнуть, что под ограничением в рамках данной статьи понимается «специальный прием юридической техники, представляющий собой закрепленные в законах или иных источниках права, а также в правоприменительных актах пределы поведения, влекущие сужение правомочий субъекта» (Dzhidzhavadze, 2023). Ввиду ограничения объема научной статьи останавливаться на данном вопросе подробно не представляется возможным, в связи с чем укажем, что особенностями ограничений в трудовом праве является: а) построение ограничений в трудовом праве с учетом согласования интересов работников, работодателей, их представителей и государства. Наличие бинарной пары «гарантия–ограничение», смысл которой заключается в том, что ограничения для одной из сторон трудовых и производных от них отношений является гарантией для другой; б) наличие трех уровней установления трудовых ограничений (нормативно-правового, коллективно-договорного (локального) и индивидуально-договорного), но в отношении работника (как наименее защищенной стороны трудового отношения) с соблюдением принципа *in favorem*; в) особый субъектный состав трудовых ограничений; г) направленность ограничений преимущественно на работодателя; д) наличие особых целей закрепления ограничений.

Ограничение права на забастовку и права на членство в международных организациях

Проанализировав отчет Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций (далее – Комитет) за 2023 г.⁵ (Report of the Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations), мы можем подчеркнуть следующие моменты.

1) Первый аспект касается противоречия положений российского законодательства и Конвенции № 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» (Freedom of Association and Protection of the Right to Organise Convention, 1948 (№ 87))⁶ (далее – Конвенция МОТ № 87).

Во-первых, по мнению Комитета, в российском праве установлены необоснованные и чрезмерные ограничения для деятельности профсоюзов работников и представительных органов работодателей, признаваемых иностранными агентами, а именно возможность их ликвидации или исключения из реестра по ст. 32 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁷. Это противоречит ст. 2–4 Конвенции МОТ № 87. Также частое проведение внеплановых

⁵ Сессии Международной конференции труда. 109-я сессия, 2021 г. Отчет IV «Формирование навыков и обучение на протяжении всей жизни для будущей работы». Режим доступа: <https://ethicalmarketingnews.com/ilo-releases-2023-report-of-the-committee-of-experts-on-the-application-of-conventions-and-recommendations> (дата обращения: 25.10.2023).

⁶ Конвенция № 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» (Freedom of Association and Protection of the Right to Organise Convention, 1948 (№ 87)) (принята в г. Сан-Франциско 09.07.1948 на 31-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 145.

проверок может затруднить деятельность профсоюза работников или представительного органа работодателей. В данном случае нарушается право на членство в международных организациях. Представляется, что в условиях напряженной международной обстановки усиленный контроль России за деятельностью иностранных агентов является обоснованным. Но при этом необходимо соблюдать баланс ввиду того, что приостановка деятельности представительных органов не должна сказываться на эффективности защиты прав.

Во-вторых, Комитет обращает внимание на неоправданное ограничение права на забастовку для: а) государственных и муниципальных служащих гражданской службы; б) работников железнодорожного транспорта. По мнению Комитета, в данном случае нарушаются положения ст. 3 Конвенции МОТ № 87. Напрямую в ней право на забастовку не закрепляется, однако толкование права на забастовку и допустимые пределы его ограничения выработаны практикой контрольных органов МОТ, а также деятельностью Комитета по свободе объединений (далее – КСО). Как подчеркивают Н.Л. Лютов и Е.С. Герасимова, толкование международных правовых норм часто выходит за пределы содержания актов МОТ (Lyutov & Gerasimova, 2015). Несмотря на положения, выработанные органами МОТ в течение длительной международной практики, многие члены МОТ продолжают вводить дополнительные ограничения права на забастовку в своих национальных законах (Gerasimova & Kolganova, 2016). Согласно п. 541 Freedom of association – Digest of decisions and principles of the Freedom of Association Committee of the Governing Body of the ILO. Fifth (revised) edition, 2006⁸ (далее – сборник решений и принципов КСО) забастовки запрещены в 2 случаях: а) для госслужащих, осуществляющих властные полномочия от имени государства; б) для работников жизненно важных служб, прерывание которых может поставить под угрозу жизнь, личную безопасность или здоровье всего населения или его части.

Начнем рассмотрение с государственных гражданских служащих и муниципальных служащих. Что касается ограничений права первой категории лиц, то аргументом Российской Федерации является тот факт, что их деятельность обеспечивает функционирование государства, так как они осуществляют полномочия от имени государства. Напрямую запрет забастовок для служащих государственной гражданской службы не содержится в ст. 413 ТК РФ⁹, что дает повод для размышлений. Так, ряд ученых считают, что такой запрет существует согласно ч. 2 ст. 413 ТК РФ во взаимосвязи с п. 15 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹⁰ (далее – ФЗ № 79). Запрет прекращать исполнение должностных полномочий в целях урегулирования служебного спора рассматривается как запрет забастовок. Другая группа ученых считает, что служебный спор и коллективный трудовой спор – разные понятия, в связи

⁸ ILO. Freedom of Association Digest of Decisions and Principles of the Freedom of Association Committee of the Governing Body of the ILO. Geneva, 2006 (Свобода ассоциации – сборник решений и принципов Комитета по свободе ассоциации Руководящего органа МОТ. Пятое (пересмотренное) издание, 2006). Режим доступа: http://www.ilo.org/global/standards/applying-and-promoting-international-labour-standards/committee-on-freedom-of-association/WCMS_090632/lang--en/index.htm (дата обращения: 25.10.2023).

⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

¹⁰ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

с чем, ограничений на забастовку служащих нет (Minnigulova, 2010). Если брать исторический аспект вопроса, то в ранее действовавшем Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации»¹¹ напрямую было установлено ограничение права на забастовку для всех видов государственных служащих. Сейчас же законодатель напрямую закрепил запрет лишь для правоохранительной и военной службы, умолчав при этом о гражданской службе. Это может быть аргументом к тому, что для государственных гражданских служащих безусловного запрета нет.

Если провести лингвистический анализ, то в ФЗ № 79 в п. 15 ч. 1 ст. 17 используется понятие «служебный спор». Далее в этом нормативном акте раскрывается лишь понятие «индивидуальный служебный спор» в ст. 69. О возможности коллективных служебных споров законодатель просто умолчал. В данном случае наблюдается дефект юридической техники ввиду того, что законодатель не раскрывает понятие «служебный спор», а упоминает лишь об отдельном его виде. Если проанализировать понятия «служебный спор» и «индивидуальный служебный спор» с точки зрения законов формальной логики, то понятно, что они соотносятся как целое и часть. Следовательно, данный аргумент можно использовать как обоснование запрета забастовок для служащих государственной гражданской службы, ввиду того, что понятие «служебный спор» включает категорию «коллективный служебный спор». Более грамотно поступил законодатель в ст. 72 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹², закрепив запрет коллективных служебных споров. Хотя в этом случае дублировать положение не требовалось, потому что ограничение права на забастовку в правоохранительных органах закреплено в ТК РФ. Судебной практики о забастовках госслужащих государственной гражданской службы не имеется. Из всего этого следует, что в Российской Федерации существует запрет забастовок для государственных гражданских служащих (это подтверждается формально-логическим, лингвистическим анализом законодательства, а также отсутствием прецедентов). В целях прекращения дискуссий законодателю следует закрепить соответствующее положение в ТК РФ, как было раньше, или устранить дефекты юридической техники в ФЗ № 79, конкретизировав, что речь идет и о коллективных служебных спорах. Что касается муниципальных служащих, то у них в п. 14 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О муниципальной службе в Российской Федерации»¹³ четко установлен запрет прекращать несение службы в целях урегулирования трудовых споров.

Комитет считает полный запрет права служащих на забастовку неоправданным и предлагает поделить категории работников на несколько видов, выделив категорию служащих, непосредственно осуществляющих полномочия от государства, которым будет установлен абсолютный запрет. А за служащими, от которых непосредственно не зависит реализация функций государства (например, делопроизводители,

¹¹ Федеральный закон от 31.07.1995 № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу) (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1995. № 31.

¹² Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I), ст. 7020.

¹³ Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2007. № 10, ст. 1152.

бухгалтеры), право на забастовку сохранить. Позиция МОТ представляется разумной и является «золотой серединой». Данное предложение-рекомендация была сообщена России Комитетом еще в 2018 г.¹⁴, но изменения до сих пор внесены не были.

Стоит признать, что аналогичное противоречие имеется и в законодательстве ФРГ, которое также запрещает забастовку для госслужащих. Федеральный конституционный суд ФРГ, подчеркивая правильность подхода национального законодателя, обратил внимание, что разделение госслужащих на категории («суверенных» (непосредственно осуществляющих полномочия власти и не имеющих право на забастовку) и «карьерных» (например, учителей и иных «низших» служащих, которые имеют право на забастовку)), которые предлагаются международными нормами, является затруднительным. По какому критерию проводить «водораздел»? Кроме этого, по мнению судебных органов ФРГ, баланс достигается тем, что госслужащие могут защитить свои права в суде или через профсоюзы (Jacobs & Payandeh, 2020). Реализация положений МОТ в Российской Федерации может столкнуться с аналогичными проблемами деления госслужащих на категории.

Более либеральный подход к ограничению права на забастовку сложился в Венгрии. В ней осуществлена попытка реализации положений конвенций МОТ. Так, все государственные служащие в целях регулирования права на забастовку разделены на 4 категории: а) армия и полиция, национальная гвардия (правоохранительная и военная служба); б) госслужащие государственных органов, кроме налоговой службы (государственные гражданские служащие); в) государственные служащие (учителя, госслужба в широком смысле слова); г) работники компаний, принадлежащих государству (понятие государственной службы в широком смысле) (Melypataki & Toth, 2023). Так, в соответствии с п. 3 параграфа 2 Закона Венгрии «О забастовках» для первой категории устанавливается абсолютный запрет на забастовку, для двух остальных она допускается, но с определенными ограничениями. Так, учителя и работники государственных фирм имеют право на забастовку при обеспечении предоставления необходимого минимума общественных и государственных услуг (Jacob, Prugberger & Zaccaria, 2016). Государственным гражданским служащим предоставлено право на забастовку с учетом особых правил, содержащихся в соглашении между правительством и профсоюзами. То есть регулирование вопроса о порядке проведения забастовки для государственных гражданских служащих осуществляется на социально-партнерском уровне. Представляется, что одним из ограничителей останется необходимость обеспечения нормального функционирования государственного органа. Такой способ приведения норм национального законодательства по вопросу забастовок в соответствие с международным правом достоин внимания. О каком бы государстве ни шла речь, должен соблюдаться баланс между интересами государства-работодателя и работников (государственными служащими) (Cohen & Matee, 2015).

Перейдем теперь к анализу ограничения права на забастовку для работников железнодорожного транспорта. Согласно ч. 2 ст. 26 Федерального закона от

¹⁴ Observation (CEACR) – adopted 2018, published 108th ILC session (2019) (Конвенция 1958 года о дискриминации в области труда и занятий (№ 111) – общее замечание, публикация 2019 года). Режим доступа: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:13100:0::NO::P13100_COMMENT_ID,P11110_COUNTRY_ID,P11110_COUNTRY_NAME,P11110_COMMENT_YEAR:3960669,102884,Russian%20Federation,2018 (дата обращения: 25.10.2023).

10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»¹⁵ забастовка запрещена для «работников железнодорожного транспорта общего пользования, деятельность которых связана с движением поездов, маневровой работой, а также с обслуживанием пассажиров, грузоотправителей (отправителей) и грузополучателей (получателей) на железнодорожном транспорте общего пользования и перечень профессий которых определяется федеральным законом». Комитет предлагает определить «минимум работ», при обеспечении выполнения которых забастовка будет разрешаться. Правительство РФ настаивает, что железнодорожный транспорт связан с обороной страны, и послабления недопустимы. На что Комитет замечает, что в соответствии с п. 587 Сборника решений и принципов КСО железнодорожный транспорт не является «основной службой», обеспечивающей оборону и безопасность страны. Под основной службой в международном законодательстве понимаются службы, остановка деятельности которых создает угрозу жизни, здоровью и безопасности всего населения или его части (Mikhaýlenko & Zaitseva, 2016). Представляется, что доля разумных размышлений в положениях МОТ имеется. Не во всех случаях для обеспечения бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта необходим полный комплекс работ. Аргумент Правительства РФ, касающийся обороны страны, вызывает вопрос. Ведь доводом законодателя в ч. 2 ст. 413 ТК РФ при ограничении права на забастовку для работников железнодорожного транспорта, если она создает угрозу для обороны страны, является необходимость обеспечения жизнедеятельности населения. Ключевым фактором является необходимость обеспечения жизнедеятельности населения. Формулировка ч. 2 ст. 413 ТК РФ носит расплывчатый характер, отдавая фактически решение вопроса в руки правоприменителя. Судебная практика по данной категории дел необширная. Так, например, 23.11.2007 Московский городской суд признал объявленную Российским профсоюзом локомотивных бригад железнодорожников забастовку незаконной¹⁶, т.к. запрещены забастовки на железнодорожном транспорте. 19.08.2008 Мещанский районный суд г. Москвы признал забастовку незаконной, а увольнение работника в связи с нарушением трудовой дисциплины – законным, указав при этом, что прекращение работы привело к задержкам и создало угрозу для жизни пассажиров.

Получается, что в российском законодательстве право работников на забастовку ограничено в большей степени, чем это предусматривается Конвенцией МОТ № 87 и международной практикой деятельности органов МОТ. Представляется, что необходимо внести изменения в ТК РФ в соответствии с предложениями Комитета. Здесь всплывает проблема отсутствия эффективного механизма исполнения решений МОТ и обеспечения соблюдения конвенций и иных правовых актов МОТ, о чем неоднократно подчеркивали ученые (Gusov & Lyutov, 2014; Lushnikov & Lushnikova, 2015).

¹⁵ Федеральный закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2003. № 2, ст. 169.

¹⁶ Сегодня Московский городской суд удовлетворил иск ОАО «РЖД» о признании незаконной забастовки, назначенной на 28 ноября профсоюзом локомотивных бригад железнодорожников (РПЛБЖ). Режим доступа: <https://company.rzd.ru/ru/9397/page/104069?id=29687> (дата обращения: 25.10.2023).

Ограничение права на ведение коллективных переговоров и антипрофсоюзная дискриминация

Второй аспект связан с реализацией положений Конвенции № 98 Международной организации труда «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров»¹⁷ (далее – Конвенция МОТ № 98). Одна из проблем, которую отмечает Комитет, это – противоречие положений ст. 4 Конвенции № 98 и ст. 31 ТК РФ в части представления интересов работников иным представительным органом, состав которого может включать лиц, не входящих в профсоюз. По мнению Комитета, нарушается право работников на ведение коллективных переговоров ввиду того, что прямой контакт между предприятием и работниками отсутствует. Правительство РФ считает, что это факультативный способ, применимый лишь в особых случаях (при отсутствии профсоюза, или если профсоюз объединяет не более 50%). Представляется, что российский законодатель сгладил противоречие положением ч. 2 ст. 31 ТК РФ о том, что первичный орган профсоюзной организации не лишен права по представлению интересов даже при наличии иного представительного органа.

Еще одна проблема, на которую обращает внимание Комитет – это антипрофсоюзная дискриминация. Согласно данным, содержащимся в деле №2758¹⁸, по жалобе, поданной в отношении РФ, основными нарушениями являются: физическое нападение на лидеров профсоюза, отказ в предоставлении льгот членам профсоюза, акты антипрофсоюзной дискриминации, незаконное вмешательство в дела профсоюзов и др. По мнению МОТ, у России отсутствует действенный механизм защиты членов профсоюза от дискриминации, что не совсем соответствует ст. 1, 2, 3 Конвенции МОТ № 98. Так, предлагается: а) учредить специализированный орган, направленный на защиту прав профсоюзов (эти полномочия могут быть переданы и существующему органу); б) провести обучение органов и судов по вопросам свободы ассоциаций. Хотя и не внесены изменения в законодательство РФ, но Правительство РФ не исключает возможность сотрудничества с МОТ по данному вопросу. Проблемой контроля динамики выполнения Правительством РФ своих обещаний является отсутствие статистических данных нарушения прав профсоюзов и антипрофсоюзной дискриминации в частности. Из отчетов Российской Федерации следует, что законопроект о внесении изменений все еще находится на стадии разработки¹⁹. Получается, что Комитет ведет речь о незаконном ограничении права на организацию. В современных реалиях основными формами антипрофсоюзной дискриминации остаются: угроза привлечения к дисциплинарной ответственности и угроза увольнения, как его разновидность, а также словесные угрозы работодателя о том, что «он не даст спокойно работать», и иные способы морального давления

¹⁷ Конвенция № 98 Международной организации труда «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров» (принята в г. Женеве 01.07.1949 на 32-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые МКТ 1919-66 гг., Женева, 1983.

¹⁸ Case № 2758 (Russian Federation) – Complaint date: 20-JAN-10 (Дело № 2758 (Российская Федерация) – Дата подачи жалобы: 20-10 января) // Электронный ресурс МОТ. Режим доступа: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:50001:0::NO:50001:P50001_COMPLAINT_FILE_ID:2897753 (дата обращения 25.10.2023).

¹⁹ Effect given to the recommendations of the committee and the Governing Body – Report No 375, June 2015 (Выполнение рекомендаций комитета и Руководящего органа – Отчет № 375, июнь 2015 г. // Электронный ресурс МОТ. Режим доступа: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:50002:0::NO:50002:P50002_COMPLAINT_TEXT_ID:3241297 (дата обращения: 25.10.2023).

(Gerasimova, Ostrovskaya & Bizyukov, 2018). Проанализировав судебную практику, можно подчеркнуть, как работнику трудно доказать, что на него оказывалось давление из-за его профсоюзной деятельности. Так, например, в соответствии с решением Ленинского районного суда от 03.10.2017 по делу № 2-2878/2017²⁰ суд не усмотрел в действиях работодателя антипрофсоюзную дискриминацию. Работница О.Б. Кириченко утверждала, что ее незаконно уволили в связи с сокращением численности штата. Она считала, что это связано с ее выступлением на Приморской краевой профсоюзной конференции работников по жизнеобеспечению, в ходе которого она высказывала критику в адрес Михайловского филиала. Работница также указывала, что не только ее, но и других активистов подвергли сокращению. Однако суд признал необоснованным отказ Общероссийского профессионального Союза работников в даче согласия на увольнение. Еще согласно решению Арсеньевского городского суда Приморского края от 30.07.2020 по гражданскому делу № 2-510/2020²¹ истцу было отказано в удовлетворении иска о признании приказа об увольнении незаконным и о восстановлении на работе. Истец ссылаясь на то, что на него оказывалось давление с целью выхода из профсоюза. В адрес истца началось моральное давление в виде переложения его полномочий, отстранения от совещаний, устных жалоб. Истец был принципиальным, поэтому работодателю пришлось его подвести под сокращение. Доказать эти обстоятельства истец не смог. Свидетельские показания суд посчитал недостаточными и требовал документальное подтверждение.

Таким образом, мы видим, что необходимо усовершенствовать механизм защиты от антипрофсоюзной дискриминации. В этом плане рекомендации Комитета выглядят небезосновательными.

Очередной блок связан с соблюдением Конвенции Международной организации труда № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий»²² (далее – Конвенция МОТ № 111). Первая проблема касается дефектов юридической техники, в части отсутствия дефиниции понятия «убеждения» (ст. 3 и 64 ТК РФ), в то время как в ст. 1 Конвенции МОТ № 111 используется термин «политические убеждения». Кроме того, отсутствуют нормы, запрещающие косвенную дискриминацию. Данные положения напрямую не являются трудовыми ограничениями, но поскольку дискриминация является незаконным ограничением, то корректировка законодательства в этой сфере окажет положительное влияние на защиту прав работников.

Моббинг и сексуальное домогательство на рабочем месте

Еще одной проблемой в данном блоке является отсутствие в российском законодательстве норм, защищающих от сексуального домогательства на работе.

²⁰ Решение Ленинского районного суда от 03.10.2017 по делу № 2-2878/2017 // Электронный ресурс ГАС РФ «Правосудие». Режим доступа: [https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=1_59c099029e9abf07a0e65b588534ef07&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=1_59c099029e9abf07a0e65b588534ef07&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 25.10.2023).

²¹ Решение Арсеньевского городского суда Приморского края от 30.07.2020 по гражданскому делу № 2-510/2020 // Электронный ресурс ГАС РФ «Правосудие». Режим доступа: [https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=1_67885af100971b11dabcf5e43024bb66&shard=Все%20дела%20\(новое\)&from=p&r=](https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=1_67885af100971b11dabcf5e43024bb66&shard=Все%20дела%20(новое)&from=p&r=) (дата обращения: 25.10.2023).

²² Конвенция Международной организации труда № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключ. СССР вып. XXII. М., 1967.

Усиление ответственности за диффамацию пугает жертв насилия обращаться в суд за защитой прав ввиду того, что в отношении них самих может начаться уголовное преследование (CEDAW/C/RUS/CO/9, 30 November 2021, paragraphs 24, 36 and 38)²³. Защита от сексуального насилия на рабочем месте нормами уголовного права и в рассмотрении дел в рамках уголовного судопроизводства является недостаточной по следующим причинам: а) для состава уголовной ответственности по ст. 133 УК РФ²⁴ требуется наличие многих признаков, которые при насилии на рабочем месте могут отсутствовать; б) уголовное право не охватывает весь спектр поведения при сексуальном домогательстве на рабочем месте; в) в рамках уголовного судопроизводства затруднено рассмотрение дел о сексуальном насилии на рабочем месте ввиду деликатности вопроса, высокого бремени доказывания.

Комитет настоятельно рекомендует внести следующие изменения в российское трудовое законодательство: а) закрепить определение и запрет сексуального домогательства на рабочем месте как за вознаграждение, так и во «враждебной среде» при приеме на работу (параграф 789, 792 Общего обзора основополагающих конвенций за 2012 год (далее – Общий обзор))²⁵; б) закрепить надлежащие превентивные и исправительные меры.

Проанализировав позицию МОТ по сексуальному домогательству, видится необходимость ее дополнить следующими аспектами:

а) Латентный характер данных правонарушений обуславливается не только страхом жертвы перед уголовным преследованием. В делах о сексуальном домогательстве на рабочем месте существует, так называемая, «культура молчания», обусловленная страхом потерять работу. Об этом свидетельствуют социологические данные опроса женщин в европейских странах, которые показали, что из 4000 опрошенных женщин 16 % скрыли факт сексуального насилия на рабочем месте²⁶. Во Франции, в соответствии с отчетом 2017 г., 40 % обратившихся в правоохранительные органы в связи с сексуальным домогательством были подвергнуты дисциплинарным взысканиям или уволены по сокращению штата²⁷. Некоторые работодатели даже в трудовой договор включают условия о неразглашении, что является незаконным (США, Великобритания) (Vaugh, 2023). Согласно глобальному отчету МОТ по делам о насилии на рабочем месте (Experiences of violence and harassment at work: A global first survey²⁸), который был сформирован на основе опроса респондентов из различных государств-членов МОТ (со стороны РФ число опрошенных составило 2001 человек), в 2022 г. основными барьерами для раскрытия информации о насилии со стороны жертв являются: «отсутствие доверия к полиции», «считают

²³ CEDAW/C/RUS/CO/9, 30 November 2021: Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин – заключительные замечания по девятому периодическому докладу Российской Федерации // Электронный ресурс ООН. Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/documents/concluding-observations/cedawcrusco9-concluding-observations> (дата обращения: 25.10.2023).

²⁴ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

²⁵ Общий обзор 2012 (фундаментальные конвенции МОТ). Режим доступа: https://www.ilo.org/global/standards/WCMS_125798/lang--en/index.htm (дата обращения: 25.10.2023).

²⁶ Trust, YWs. It's (Still) a rich man's world: inequality 100 years after votes for women. Report No. Report Number. Place Published: Institution. 2018.

²⁷ Rubin, AJ. 'Revolt' in France against sexual harassment hits cultural resistance // The New York Times. 2017.

²⁸ Experiences of violence and harassment at work: A global first survey, Geneva: ILO, 2022 // https://www.ilo.org/global/publications/WCMS_863095/lang--en/index.htm (дата обращения: 25.10.2023).

обращение пустой тратой времени», «опасения за свою репутацию», «страх наказания», «отсутствие представлений о способах защиты своих прав».

б) Сексуальное домогательство является всего одной из форм проявлений моральных и физических издевательств на работе. Необходимо расширить предложения МОТ в части необходимости правовой регламентации и защиты не только от сексуального домогательства, но и от моббинга.

Заслуживает внимания исследование Rayner and Hoel (Rayner & Hoel, 1997), которое разделило издевательства на работе на следующие типы: 1) угроза профессиональному профилю (принижение общественного мнения, публичное унижение на рабочем месте и обвинение в недостатке усилий); 2) угроза личному статусу (принижение со ссылкой на возраст, личные жалобы и недооценка); 3) изоляция (сокрытие информации, физическая или социальная изоляция и профилактика, доступ к возможностям); 4) загруженность (недостижимые по времени сроки и неоправданное давление); 5) декоординированность (неспособность выделить время на второстепенные задачи, повторяющиеся подсказки и напоминания об ошибках и отречении). Сразу подчеркнем, что данная классификация является не единственной, но уже она демонстрирует, что моббинг не исчерпывается сексуальным домогательством.

в) Представляется, что отсутствие соответствующих норм в ТК РФ приводит к возникновению на практике незаконных ограничений прав работника, выражающееся в посягательстве на его половую неприкосновенность и моральное здоровье. Комитет, внося рекомендации, не предложил конкретных способов борьбы и формулировок. Обратимся к передовому опыту зарубежных стран и к основным положениям теории. В зарубежной литературе предлагается в борьбе с моббингом («издевательством») на рабочем месте выделить 3 группы профилактических мер: 1) меры превентивного характера, направленные на предотвращение вредных явлений и последствий, снижающие риск их появления; 2) меры, направленные на «обращение вспять» негативных последствий, замедление их развития; 3) меры, направленные на восстановление нарушенных прав (Michailidou & Mavromoustaki, 2023). Необходимо подчеркнуть, что предложенный подход является комплексным способом борьбы с «моббингом» на рабочем месте. Однако недостатком данной классификации является тот момент, что их автор выделяет стадии, но не приводит конкретные примеры мер, которые можно нормативно закрепить в трудовом или ином отраслевом законодательстве. В связи с этим необходимо обратиться к законодательству зарубежных стран.

Рассмотрим законодательство Франции с точки зрения исследуемого нами вопроса:

А) В ст. L1152-1 Трудового кодекса Франции²⁹ закрепляются ограничения в форме императивной нормы о запрете осуществления морального давления на работника с целью ухудшения его условий труда, причинения вреда профессиональной карьере и нарушения его психологического здоровья.

Б) Психологическое преследование и акт сексуального насилия закрепляется в качестве основания привлечения к дисциплинарной ответственности (ст. L1152-5,

---

²⁹ Code du travail – Légifrance. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006072050/LEGISCTA000006160706/#LEGISC_TA000006160706 (дата обращения: 25.10.2023).

L1153-6) (в данном случае механизм «ограничение-гарантия» обеспечивает защиту от морального преследования со стороны сотрудника).

В) Действия, совершенные под воздействием морального преследования, недействительны (ст. L1152-3).

Г) Запрет осуществления сексуального домогательства (при этом в Трудовом кодексе Франции дается дефиниция данному понятию, в том числе путем перечисления ситуаций, подпадающих под него (ст. L1153-1)).

Д) В теории выделяется еще группа ограничений, направленная на применение специальных мер по гуманизации и облагораживанию производственной среды (Kiselev, 1999; Vanioerek & Vanioerek, 1996).

Индийское законодательство не отстает от европейского, а в некоторых аспектах даже опережает. В Индии действует специальный закон № 14 «Sexual Harassment of Women at Workplace (Prevention, Prohibition and Redressal) Act, 2013» (далее – Закон Индии о сексуальных домогательствах к женщинам на рабочем месте) (Banoo, 2020). В данном нормативно-правовом акте закреплён ряд важных моментов:

А) Сфера действия его по кругу лиц распространяется не только на субъектов трудового права, но и на лиц, нанятых по договору подряда, причем независимо от признания данных отношений трудовыми. Получается, что он действует и на лиц, нанятых по гражданско-правовому договору.

Б) Закрепляется дефиниция *«сексуальное домогательство на рабочем месте» – это любое нежелательное поведение, обусловленное сексуальными мотивами, а именно: физический контакт, заигрывания или требования сексуальных услуг, которые могут затронуть достоинство женщины и создать для нее пугающую, враждебную или оскорбительную обстановку.* Такая широкая трактовка позволяет охватить все формы проявления сексуального домогательства на рабочем месте.

В) Закон закрепляет меры профилактики (Agrawat, Haridas & Raghavendra, 2023), которые до установления их в законе были выработаны Верховным судом по делу Вишакхи и получили название «руководящие принципы Вишакхи». Меры борьбы с сексуальным насилием предусматривают: 1) обязанность работодателя создать внутренний комитет по рассмотрению жалоб на сексуальное домогательство (состав комитета должен включать хотя бы одного внешнего члена, разбирающегося в вопросах по данным правонарушениям); 2) обязанность работодателя разработать политику борьбы с сексуальным домогательством; 3) проведение просветительской деятельности по данному вопросу; 4) немедленное применение санкций к правонарушителям, в том числе в рамках дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения; 5) поддержка жертвы путем предоставления ей психологической помощи и отгулов; 6) высокие штрафы для работодателей и иные санкции вплоть до лишения лицензии на осуществление деятельности.

Таким образом, представляется убедительной необходимость корректировки российского трудового законодательства в части закрепления положений, посвященных борьбе с моббингом в целом и с сексуальным домогательством в частности, путем рецепции передовых мер зарубежного законодательства, среди которых создание специального органа по рассмотрению данной категории дел, закрепление дефинитивных положений, установление санкций превентивного характера как для правонарушителей, так и для работодателей и т.д.

Проблема гендерной и расовой дискриминации в сфере труда

Следующая проблема связана с ограничением права женщин на равные возможности в сфере труда и выбор профессий. Как показывают научные исследования (Huang & Huang, 2022), гендерная дискриминация на рабочем месте проявляется в следующих аспектах: а) необоснованный разрыв в оплате труда, проблема которого была рассмотрена выше в рамках анализа Конвенции МОТ №100; б) усложнение продвижения по карьерной лестнице путем установления более строгих требований и увеличения числа этапов; в) лишение женщин доступа к обучению на рабочем месте; г) усложнение трудоустройства путем сегрегации, ограничения доступа женщин к определенным профессиям. Именно на 4-й аспект гендерной дискриминации обращает внимание МОТ, анализируя российское законодательство. Комитет подчеркивает, что Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (ред. от 13.05.2021) «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин»³⁰ излишне ограничивает труд женщин в некоторых сферах не по объективным причинам, а по стереотипным представлениям о возможностях женщин. Согласно параграфу 839 Общего обзора ограничение применения труда женщин, не являющихся беременными и не кормящих грудью, противоречит гендерному равенству возможностей и обращений, а также создает юридические барьеры для поступления на высокооплачиваемую работу. Данное ограничение может устанавливаться только при наличии цели «подлинной защиты», подтвержденной оценкой рисков и имеющей научное обоснование. Комитет, в целях снятия полного запрета на занятость женщин в отдельных отраслях, предлагает: а) осуществлять дополнительную профессиональную подготовку для женщин, б) обеспечить им доступ к высшему образованию, в) обеспечивать дополнительные меры защиты в необходимых случаях.

Комитет также подчеркивает, что дискриминационным ограничением в сфере труда на практике подвергается народ «рома» и мигранты с Центральной Азии и лица неславянского происхождения. При этом зачатки проблемы с формированием стереотипного правосознания берут начало с детства, когда представителей вышеуказанных национальностей в школе отделяют от основного массива детей, формируя о них негативное представление.

Ограничение прав женщин в области оплаты труда

Нижеследующая проблема касается гендерного ограничения прав женщин в области оплаты труда, которое противоречит положениям ст. 1–4 Конвенции Международной организации труда № 100 «О равном вознаграждении»³¹ (далее – Конвенция МОТ № 100). Комитет подчеркивает, что в РФ существует гендерный разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами, обусловленный стереотипными

³⁰ Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (ред. от 13.05.2021) «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» // Электронный ресурс Официального интернет-портала правовой информации. Режим доступа: www.pravo.gov.ru, 15.08.2019, № 0001201908150010 (дата обращения: 25.10.2023).

³¹ Конвенция Международной организации труда № 100 «О равном вознаграждении». Заключена в г. Женеве 29.06.1951 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией Труда, 1919–66 гг., Женева: Международное бюро труда, 1983.

представлениями о способностях женщины и их роли в семье. Гендерный разрыв в почасовой оплате менеджеров составляет 31,6 % к 2019 г. Еще это проявляется в сегрегации по месту работы как горизонтальной, так и вертикальной. Так, доля женщин в управленческих должностях в разы меньше, чем мужчин. По профессиональным сферам также существуют различия. Большинство лиц женского пола сосредоточены в сфере образования (79,9 %) и гостиничного обслуживания (66 %). Проблема гендерного разрыва в оплате труда характерна не только для России, но и для развитых европейских государств. Так, аналогичная проблема существует во Франции, где, как свидетельствуют научные и социологические исследования, на 2023 г. государство занимает одну из низших позиций в рейтинге по вопросу равенства оплаты труда (Caudill, Farruggia, Sonnenholzner, Stobbe & Wirsching, 2023). Примером государств, успешно реализующих международные нормы трудового права о гендерном равенстве, в том числе в области оплаты труда, выступают Финляндия и Швеция. Здесь в целях достижения гендерного равенства, используется специальная политика, включающая: а) квотирование необходимой доли женщин в отдельных секторах экономики (Golovinov & Golovinova, 2022); б) возложение обязанности на работодателя по обеспечению определенной доли женщин в компании; в) закрепление система премий и бонусных стимулов для выравнивания положения женщин; г) создание специальных фондов, финансируемых сторонами социального партнерства (ярким примером является фонд гендерного равенства, созданный в Швеции в 2007 г., «Gender Equality Pot» (Erikson, 2021). Важно обратить внимание, что скандинавские страны добились успеха в обеспечении гендерного равенства в оплате труда путем активного ведения коллективных переговоров между представителями работников, представителями работодателей и государством. Благодаря социальному диалогу стороны выработали эффективный механизм, описанный выше. Из этого следует, что проблема равенства оплаты труда в России должна решаться комплексными мерами, включающими в себя как правовые, так и экономические и политические инструменты.

Ограничения в деятельности инспекции труда

Еще один аспект отчета Комитета связан с ограничениями в области деятельности инспекции труда, которые не полностью соответствуют Конвенции 1947 г. № 81 Международной организации труда «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (далее – Конвенция МОТ № 81)³². Первое противоречие связано с тем, что акты инспекторов труда с приложением предписания об устранении нарушения и постановления о наложении штрафа и иные обязательные акты признаются незаконными, так как инспекторы не вправе разрешать индивидуальный трудовой спор, который в соответствии со ст. 381 ТК РФ они не вправе рассматривать. Такая практика приобрела частый характер. Это противоречит ст. 7, 17, 18 Конвенции МОТ № 81.

Кроме этого, ограничены полномочия инспекции труда по проведению внеплановых проверок конкретными основаниями, что противоречит ст. 12 Конвенции МОТ № 81. По собственной инициативе инспектор внеплановые проверки

³² Конвенция № 81 Международной организации труда «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (принята в г. Женеве 11.07.1947 на 30-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией Труда 1919–1956, Том I.

проводить не может. Комитет требует расширить компетенцию инспекторов по проведению внеплановых проверок и проверок без уведомления.

Также Комитет подчеркивает, что необходимо еще систематическое уведомление инспекции обо всех несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваниях. Своевременное получение информации будет улучшать планирование деятельности и способствовать улучшению эффективности надзора. Данные предложения вытекают из ст. 16 Конвенции МОТ № 81. В рамках действующего российского законодательства инспекции труда уведомляются об острых профессиональных заболеваниях в соответствии с приказом Министерства здравоохранения от 28.05.2001 № 176 «О совершенствовании системы расследования и учета профессиональных заболеваний в Российской Федерации»³³, о групповом несчастном случае, тяжелом несчастном случае и несчастном случае со смертельным исходом согласно ст. 228.1 ТК РФ и ч. 3 ст. 230.1 ТК РФ.

Представляется, что в целях совершенствования деятельности инспекции труда необходимо внести соответствующие изменения в российское законодательство, отменив ряд трудовправовых ограничений. Одновременно с расширением полномочий инспекторов труда необходимо повысить уровень их правовой подготовки, которая по данным МОТ на данный момент является не совсем удовлетворительной, что приводит к ошибкам, возникающим на практике (Kovačević, 2022).

Заключение

Напрямую понятие «ограничения в трудовом праве» в конвенциях и правовых позициях МОТ не закрепляется. Путем смыслового толкования нормативно-правовых актов МОТ, отчетов Комитета о соблюдении конвенций, а также обзоров решений органов можно выявить, что под ограничениями в трудовом праве МОТ понимает:

а) *ограничение как предъявление дополнительных требований*. Этот смысл вытекает из анализа правового статуса профсоюзов, являющихся иностранными агентами;

б) *ограничение как санкция по применению «мер принуждения»*. Это следует из того, что Комитет рассматривает ликвидацию НКО (профсоюза, являющегося иностранным агентом) и исключение ее из реестра в качестве ограничений, сюда же относится повышенная юридическая ответственность инспекторов труд за нарушение ограничений;

в) *ограничение как запрет (лишение права)*, что следует из анализа комментариев Комитета относительно лишения госслужащих и работников железнодорожного транспорта права на забастовку. Это же касается лишения права женщин на доступ к определенным профессиям и др.;

г) *ограничение как дискриминация*. Здесь необходимо сделать оговорку о том, что в этом случае идет речь как о незаконных ограничениях, возникающих на практике (гендерный разрыв в оплате труда), так и о нормативно-правовых ограничениях, законность которых ставится под сомнение ввиду дискриминационного характера

³³ Приказ Министерства здравоохранения от 28.05.2001 № 176 «О совершенствовании системы расследования и учета профессиональных заболеваний в Российской Федерации» // Российская газета. 10.08.2021. № 153-154.

(гендерные ограничения по доступу к определенным профессиям, связанные со стереотипными представлениями);

д) *ограничение как закрытый перечень оснований для совершения юридически значимых действий*. Данный смысл вытекает из правовых позиций Комитета относительно ограничений на проведение внеплановых проверок инспекторами труда.

По субъектному составу трудовые ограничения, по мнению МОТ, устанавливаются в отношении работника, профсоюза, и государственных органов. Ограничения прав работодателей анализу не подвергались.

Таким образом, проанализировав нормативно-правовые акты, судебную практику, научные труды:

1) мы установили, что в целях совершенствования российского законодательства и приведения его в соответствие с конвенциями МОТ, опираясь на выводы, приведенные в Докладе комитета экспертов МОТ, целесообразным представляется внести изменения по вопросу ограничений в трудовом праве, а именно:

а) расширить права на забастовку государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, работников железнодорожного транспорта;

б) усовершенствовать профсоюзное законодательство в целях борьбы с нарушением прав членов профсоюзов, в том числе с антипрофсоюзной дискриминацией;

в) закрепить запрет сексуального насилия (домогательства) на рабочем месте и меры защиты от него;

г) расширить полномочия инспекции труда путем снятия отдельных трудовых ограничений, связанных с правом на проведение плановых и внеплановых проверок;

д) пересмотреть ряд дифференцированных, по мнению российского законодателя, ограничений, носящих неоднозначный, дискриминационный характер (снятие ограничений на доступ женщин к отдельным профессиям и иным дискриминационным элементам относительно оплаты труда и т.д.). Также важным направлением остается борьба с фактической дискриминацией по национальному признаку.

2) мы пришли к выводу о наличии проблемы исполнения решений и соблюдение конвенций МОТ ее участниками. Необходимо усовершенствовать механизм контроля за исполнением нормативно-правовых актов МОТ.

3) путем смыслового толкования мы установили, что под ограничениями в трудовом праве МОТ понимает:

а) дополнительные требования (обязанности);

б) запрет (лишение права);

в) санкции в виде мер принуждения, в частности юридической ответственности;

г) ограничение перечня оснований совершения юридически значимых действий;

д) нормативные положения, носящие дискриминационный характер и фактическую дискриминацию;

е) иные нарушения прав.

References / Список литературы

Agrawat, P., Haridas D.S. & Raghavendra G. (2023) Sexual harassment at workplace: a study on the policies and preventive measures. *Russian Law Journal*. XI(2), 269–278. <https://doi.org/10.52783/rlj.v11i2s.586>

- Banoo, S. (2020) The Sexual Harassment of Women at Workplace (Prevention, Prohibition and Redressal) Act, 2013-Legislative Commentary. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3697540>
- Caudill, C., Farruggia, A., Sonnenholzner, L., Stobbe, S. & Wirsching, K. (2023) The Gender Pay Gap in France. In: *The Strategic Management of Place at Work*. pp. 175–193. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29463-1_9
- Cohen, T. & Matee, L. (2015) Public Servants' right to strike in Lesotho, Botswana and South Africa – A Comparative Study. *Potchefstroom Electronic Law Journal/Potchefstroomse Elektroniese Regsblad*. 17(4), 1630–1658. <https://doi.org/10.4314/pelj.v17i4.12>
- Dzhidzhavadze, L. (2023) Labor law restrictions: the essence, species diversity, place in the system of labor law regulation mechanism. *Demidov Law Journal*. 13(2), 186–197. (in Russian).
Джиджавадзе Л.Г. Трудоправовые ограничения: сущность, видовое разнообразие, место в системе механизма трудового регулирования // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 2. С. 186–197.
- Erikson J. (2021) A special fund for gender equality? Institutional constraints and gendered consequences in Swedish collective bargaining. *Gender Work Organ.* 28(4), 1379–1397. <https://doi.org/10.1111/gwao.12645>
- Huang, Chiung-Hui & Huang, Ing-Chung (2022) Women's Gender Discrimination Difference in Workplace. *International Journal of Human Resource Studies*. 12(2), 101–111. doi:10.5296/ijhrs.v12i2.19539
- Gerasimova, E.S. & Kolganova, S.G. (2016) The right to strike in the law of the International Labour Organization: recognition crisis? *Right. Journal of the Higher School of Economics*. (4), 184–197. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.184.197> (in Russian).
Герасимова Е.С., Колганова С.Г. Право на забастовку в праве Международной организации труда: кризис признания? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 184–197. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.184.197
- Gerasimova, E. S., Ostrovskaya, Yu. E. & Bizyukov, P. V. (2018) *Freedom of association in modern Russia: practice, problems, experience of protection*. Moscow, Center for Social and Labor Rights. (in Russian).
Герасимова Е.С., Островская Ю.Е., Бизюков П.В. Свобода объединения в современной России: практика, проблемы, опыт защиты. М. : Центр социально-трудовых прав, 2018. 148 с.
- Golovinov A.V. & Golovinova Yu. V. (2022) Mechanisms for ensuring gender equality in Finland and Sweden. *Russian-Asian Legal Journal*. (2), 56–59. [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)2.10](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)2.10) (in Russian).
Головинов А.В., Головинова Ю.В. Механизмы обеспечения гендерного равенства в Финляндии и Швеции // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 2. С. 56–59. https://doi.org/10.14258/ralj(2022)2.10
- Gusov, K.N. & Lyutov, N.L. (2014). *International labor law: textbook* / K.N. Gusov, N.L. Lyutov. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Гусов К. Н., Лютов Н.Л. Международное трудовое право: учебник / К.Н. Гусов, Н.Л. Лютов. М. : Проспект, 2014. 592 с.
- Jacob, N., Prugberger, T. & Zaccaria, M. L. (2016) Arbeitnehmerrechtsschutz bei den Unternehmens-, Betriebs-, und Betriebsabteilungsüberganges und damit zusammenhängende Arbeitgeberrechtsnachfolgerung'. In: *Az európai munkajog vázéata/Abriss des EuropäischenArbeitsrechts*. Lícium-Ar. pp. 243-256.
- Jacobs, M. & Payandeh M. (2020) The Ban on Strike Action by Career Civil Servants under the German Basic Law: How the Federal Constitutional Court Constitutionally Immunized the German Legal Order Against the European Convention on Human Rights. *German Law Journal*. (21), 223–239. <https://doi.org/10.1017/glj.2020.11>
- Kiselev, I.Ya. (1999) *Comparative and international labor law: textbook for universities*. Moscow, Delo Publ. (in Russian).

- Киселев И.Я.* Сравнительное и международное трудовое право: учебник для вузов. М. : Дело, 1999. 725 с.
- Kovačević, L.M. (2022) Delotvornost radnog zakonodavstva i uloga inspekcije rada u svetlu standarda Međunarodne organizacije rada. *Strani pravni život*. god. LXVI, br. 1. <https://doi.org/10.5937/spz66-36661>
- Lushnikov, A.M. & Lushnikova, M.V. (2015) *Labor protection and labor control (supervision): a scientific and practical manual*. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Лушников А.М., Лушникова М.В. Охрана труда и трудовправовой контроль (надзор): научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2015. 248 с.
- Lyutov, N.L. & Gerasimova, E.S. (2015). *International labor standards and Russian labor legislation*. Moscow: Center for Social and Labor Rights. (in Russian).
Лютов, Н.Л., Герасимова Е.С. Международные трудовые стандарты и российское трудовое законодательство: монография. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Центр социально-трудовых прав, 2015. 190 с.
- Michailidou, E.M. & Mavromoustaki O. (2023) Workplace Harassment and Bullying. *International Journal of Advances in Engineering and Management (IJAEM)*, 5(6), 908–913. <https://doi.org/10.35629/5252-0506908913>
- Melypataki, G. & Toth, H. (2023) Right to strike in civil service – collisions between national and international law in the mirror of the German and Hungarian law. In: *Jogi kihívások és válaszok a XXI. Században*. Publisher: Miskolci Egyetem, Állam- és Jogtudományi Kar. pp. 42–55.
- Mikhaylenko, I.A. & Zaitseva L.V. (2016) On the question of the expediency of restricting the right to strike of certain categories of workers. *Symbol of Science*. (3), 189–191. (in Russian).
Михайленко И.А., Зайцева Л.В. К вопросу о целесообразности ограничения права на забастовку отдельных категорий работников // Символ науки. 2016. № 3. С. 189–191.
- Minnigulova, D.B. (2010) The right to strike by state civil servants of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: Theory and practice*. 4(22), 21–23. (in Russian).
Миннигулова Д.Б. Право на забастовку государственными гражданскими служащими Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 4(22). С. 21–23.
- Rayner, Ch. & Hoel, H. (1997) A summary review of literature relating to workplace bullying. *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 7(3), 181–191. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1298\(199706\)7:3<181::AID-CASP416>3.0.CO;2-Y](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1298(199706)7:3<181::AID-CASP416>3.0.CO;2-Y)
- Vaniorek, L. & Vaniorek, A. (1996) Mobbing: when work becomes hell: trans. from German Moscow, Interexpert, Knowledge / Knowledge Publ. (in Russian).
Ваниорек Л., Ваниорек А. Моббинг: когда работа становится адом: пер. с нем. М. : Интерэксперт : Нолидж / Knowledge, 1996. 165 с.
- Waugh, C. (2023) Workplace Harassment. In: Ali, P. & Rogers, M.M. (eds.). *Gender-Based Violence: A Comprehensive Guide*. Springer, Cham. pp. 455–470. https://doi.org/10.1007/978-3-031-05640-6_33

Сведения об авторе:

Джиджавадзе Леван Гияевич – ассистент кафедры трудового и финансового права, аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; 150000, Российская Федерация, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

ORCID: 0000-0002-3745-5397, SPIN-код: 8207-8096

e-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru

About the author:

Levan G. Dzhidzhavadze – Assistant of the Department of Labor and Financial Law, postgraduate student, P.G. Demidov Yaroslavl State University; 14 Sovetskaya str., Yaroslavl, Yaroslavl Region, 150000, Russian Federation,

ORCID: 0000-0002-3745-5397, SPIN-code: 8207-8096

e-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-817-827>

EDN: HWYKWO

Научная статья / Research Article

Признаки и классификация нематериальных благ

В.В. Кресс✉

Арбитражный суд Московского округа, г. Москва, Российская Федерация

✉f05.vkress@arbitr.ru

Аннотация. Анализируются законодательные и доктринальные признаки нематериальных благ: неотчуждаемость и непередаваемость, проблема отсутствия экономического содержания, нематериальный характер, принадлежность гражданину от рождения или в силу закона. Отмечено, что для характеристики таких благ законодатель использует термин «нематериальные», не раскрывая его смысла, что в доктрине привело к дискуссии о его содержательном наполнении: речь идет о его форме (то есть невозможности овеществленного воплощения блага) или же о невозможности оценки блага в деньгах. Автор поддерживает позицию тех ученых, которые раскрывают понятие «нематериальный» с позиции формы объекта. Установлено, что в научной доктрине такой основополагающий признак нематериальных благ, как отсутствие вещественного содержания, неоднократно подвергался сомнению. Однако данный признак является одним из неоспоримых. Поддерживаются выводы о возможности денежной оценки деловой репутации, поскольку они основаны на нормах действующего законодательства, прямо допускающих возмездную передачу для использования другим лицом деловой репутации субъекта. Сделан вывод о том, что признак отсутствия экономического содержания не является универсальным, применимым ко всем перечисленным в ст. 150 ГК РФ нематериальным благам. Кроме того, обоснование возможности денежной оценки ряда нематериальных благ ставит под сомнение один из их законодательных признаков – непередаваемость. Принимая во внимание, что некоторые нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, предложена авторская классификация нематериальных благ, в основу которой положен критерий оборотоспособности.

Ключевые слова: признаки нематериальных благ, классификация нематериальных благ, нематериальный характер, имущественный характер, экономическое содержание, денежная оценка, деловая репутация, имя гражданина

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 7 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Кресс В.В. Признаки и классификация нематериальных благ // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 817–827. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-817-827>

© Кресс В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Characteristics and classification of intangible assets

Vyacheslav V. Kress✉

Arbitration Court of the Moscow District, *Moscow, Russian Federation*

✉f05.vkress@arbitr.ru

Abstract. The article analyses legislative and doctrinal characteristics of intangible goods: inalienability and non-transferability, the problem of lack of economic substance, intangible nature, belonging to a citizen from birth or by virtue of law. It is noted that to characterise such benefits the legislator uses the term ‘intangible’ without disclosing its meaning, which in the doctrine has led to a discussion about its content: it is about its form (i.e. the impossibility of embodied embodiment of the benefit) or the impossibility of valuation of the benefit in money. The author supports the position of those scientists who disclose the concept of ‘intangible’ from the position of the form of the object. It has been established that in scientific doctrine such a fundamental feature of intangible goods as the absence of material content has been repeatedly subjected to doubt. However, this feature is one of the indisputable ones. The conclusions about the possibility of monetary valuation of business reputation are supported, as they are based on the norms of the current legislation, which expressly allow for the reimbursable transfer of business reputation of a subject for use by another person. It is concluded that the sign of absence of economic content is not universal, applicable to all intangible goods listed in Article 150 of the Civil Code of the Russian Federation. In addition, the justification of the possibility of monetary valuation of a number of intangible goods calls into question one of their legislative features – non-transferability. Taking into account that some intangible goods can be the object of civil-law transactions, the author's classification of intangible goods, based on the criterion of negotiability, is proposed.

Key words: signs of intangible goods, classification of intangible goods, intangible character, property character, economic content, de-negative evaluation, business reputation, citizen's name

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 07th August 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Kress, V.V. (2024) Characteristics and classification of intangible assets. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 817–827. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-817-827>

Введение. Признаки нематериальных благ

В отечественной науке гражданского права период интенсивного развития переживает институт нематериальных (неимущественных) благ. Центром научных исследований являются вопросы праворегулирования нематериальных благ граждан и особенно юридических лиц, например институт деловой репутации. В системном видении данная проблема юридической наукой не исследовалась вообще.

Открытый перечень нематериальных благ, перечисленных в ст. 150 ГК РФ, позволяет сделать вывод об особой актуальности их квалификационных признаков, с помощью которых можно однозначно отнести те или иные явления объективной действительности к нематериальным благам. Исходя из этого в каждом конкретном случае перед законодателем ставится вопрос о существовании объективно самостоятельного нематериального блага, требующего специальной регламентации.

Так, например, согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ целью его принятия является «обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну», в силу чего в научной доктрине персональные данные относят к разновидности нематериальных благ, направленных на защиту неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны (Maleina, 2010). Однако, на наш взгляд, данный вывод не столь однозначен.

Отметим, что законодатель поддержал два признака нематериальных благ из всех предложенных в научной литературе – их неотчуждаемость и нематериальный характер².

К вытекающим из содержания ст. 150 ГК РФ двум основополагающим признакам нематериальных благ (их неотчуждаемость и непередаваемость), на которые указывают исследователи (Ulbashev, 2019), в доктрине традиционно добавляют еще два – неимущественный (нематериальный) характер нематериальных благ и принадлежность гражданину от рождения или в силу закона. Перечисленные признаки поддержаны и судебной практикой. Так, в одном из своих постановлений Федеральный арбитражный суд Московского округа перечислил признаки нематериальных благ: отсутствие имущественного содержания, невозможность оценки в денежном выражении, неразрывная связь с личностью носителя, что означает невозможность их отчуждения или иной передачи другим лицам ни по каким основаниям, то есть неспособность быть объектами гражданского оборота³.

Рассмотрим отдельные позиции учёных более обстоятельно.

С точки зрения М.Н. Малеиной, нематериальный характер личных неимущественных прав проявляется в отсутствии их экономического содержания, в силу чего не представляется возможным дать точную денежную оценку нематериальных благ, ибо для них нехарактерна возмездность (Maleina, 2010).

Иного мнения придерживается Н.Д. Егоров, рассматривающий нематериальные блага как прежде всего предметы идеального мира, в силу нематериального характера которых их невозможно ощущать (Tolstoy (ed.), 2013:372). Вместе с тем большинство ученых считают, что содержание признака нематериальности составляют

¹ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451.

² Такие доктринальные признаки, как индивидуализация личности и переменность их содержания (Tolstoy (ed.), 2013:372), на наш взгляд, не нашли отражения в законодательстве, поскольку из всего перечня нематериальных благ, перечисленных в ст. 150 ГК РФ, лишь немногие действительно индивидуализируют личность (к таким нематериальным благам можно, пожалуй, отнести только имя, честь, достоинство и деловую репутацию). Иные блага не позволяют отграничить одного человека от другого. Что касается такого предложенного в доктрине признака, как переменность содержания нематериальных благ (Temnikova, 2006:6–7), считаем, законодатель не придавал ему значения по причине того, что данный критерий не имеет правового значения при охране и защите нематериальных благ. Закономерно не нашли поддержки у отечественного законодателя и такие признаки, как общая направленность на обеспечение существования личности, наличие объективной потребности в них человека, которые не являются отличительными чертами исключительно нематериальных благ, а могут характеризовать также и материальные блага. Подробнее см.: Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс». 2015. Так, в первую очередь на обеспечение существования и удовлетворения потребностей человека направлены жилое помещение, предметы одежды и быта и т.д.

³ Постановление ФАС Московского округа от 19.11.2008 № КГ-А40/8332-08 по делу № А40-26824/07-27-240 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

оба элемента: как невещественная форма, так и отсутствие какой бы то ни было стоимостной оценки⁴.

Мы считаем возможным поддержать позицию тех ученых, которые раскрывают понятие «нематериальный» с позиции формы объекта. В этой связи понятие «нематериальный» применительно к благам противопоставляется законодателем именно материальным объектам, имеющим вещественную форму, иными словами, материальное (вещественное) противопоставляется духовному. На это указывает и правоприменительная практика⁵. Кроме того, недопустимо в одном термине смешивать два разных признака.

О содержании нематериальных благ

Интересно отметить, что в научной доктрине один из основополагающих признаков нематериальных благ – отсутствие вещественного содержания – неоднократно подвергался сомнению. В частности, учеными было высказано предположение о материальном характере таких благ, как, например, здоровье, определяемое как целостность организма человека, и окружающая среда (Dyubko, 2015:10, 39). Материальное воплощение имеют такие блага, как жизнь и здоровье; внешний облик, голос проявляются в теле человека как в материальном объекте, поскольку «названные в литературе и законодательстве нематериальные блага, кроме имени и псевдонима, не являются продуктом духовной деятельности и потому не могут считаться «предметами нематериального (идеального) мира», как считает Н.Д. Егоров» (Nokhrina, 2013:151).

Критично оценивает материальность духовных благ и И.В. Бакаева, по ее словам, употребление понятий «жизнь», «здоровье», «деловая репутация» «лишь отчасти касается духовных благ и преимущественно они затрагивают материальную основу человеческого бытия. В этом смысле не природа благ, а их аксиологическая интерпретация, осознание личной и социальной ценности позволяют отнести их к нематериальным благам» (Baкаeva, 2012).

На наш взгляд, подобные рассуждения не выдерживают критики. Нематериальные блага, безусловно, всегда связаны с их носителем – человеком. Возможно,

⁴ Так, выделяя специфические черты нематериальных благ, С.П. Гришаев говорит об отсутствии «экономического (материального) содержания: указанный вид благ представляет собой ценности, относящиеся к духовной сфере и имеющие идеальную природу. Они не подлежат стоимостной оценке как товар и не попадают под понятие «имущество»» Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс». 2015.; Т.А. Фадеева при рассмотрении признаков нематериальных благ отождествляет понятия «материальный» и «имущественный» (Sergeev & Tolstoy (eds.), 2005:378). Таким же образом трактуют признаки нематериальных благ В.С. Витко и Е.А. Цатурян (Vitko & Tsaturyan, 2012), Е.Г. Дюбко (Dyubko, 2015:10, 39) и др.

⁵ В частности, в письме Рособразования от 22.10.2007 № 13342/16-03-09 «О разъяснении норм Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ применительно к отношениям, связанным с арендой имущества» указано: «В обязательствах об оказании услуг результат деятельности исполнителя носит нематериальный характер, не имеет вещественного содержания. Само оказание услуг создает желаемый результат исполнения договора. Блага, предоставляемые исполнителем заказчику на основании договора возмездного оказания услуг, представляют собой непосредственно деятельность или действия, а не вещи. При этом нематериальная услуга неотделима от личности исполнителя, так как потребляется заказчиком в процессе ее оказания, то есть деятельности исполнителя» (см.: Официальные документы в образовании. 2007. № 33. С. 67–70).

конечно, предположить, что именно через человека как субъекта права нематериальные блага получают материальную основу человеческого бытия. Однако нематериальность базируется на свойствах визуализации и отражаемости наблюдаемого мира. Даже если человек будет смотреться в зеркало, он не визуализирует здоровье или деловую репутацию, свое отражение в зеркале, свой облик он сможет только образно связать с такими нематериальными благами, поскольку нельзя отрицать, что нематериальные блага влияют на формирование человека как персоны, что тем не менее не влияет на нематериальный (овеществленный) характер таких благ.

Таким образом, одним из неоспоримых, на наш взгляд, признаков нематериальных благ является их невещественный характер.

Экономическое содержание

Отсутствие экономического содержания нематериальных благ, по нашему мнению, выступает отдельным самостоятельным их признаком, который означает невозможность их точной денежной оценки. Следствием этого подхода является отрицание оборотоспособности всех нематериальных благ.

Вместе с тем в научной доктрине данный признак неоднократно ставился под сомнение в отношении деловой репутации лица (Rozhkova (ed.), 2015). Более того, по мнению Т.А. Фадеевой, многие нематериальные блага изначально предназначены для включения в гражданский оборот в целях извлечения прибыли (Tolstoy & Sergeeva (eds.), 1996:272). В обоснование данного вывода в научной литературе делается отсылка к зарубежным правовым порядкам, в которых деловая репутация рассматривается как экономически ценный объект, являющийся нередко основным имущественным активом компании (Rozhkova (ed.), 2015). Примечательно, что в России деловая репутация долгое время являлась также реальным активом, отражаемым в финансовой отчетности⁶.

Данная позиция заслуживает поддержки. Действительно, в современных условиях развития деловых связей и гражданского оборота в целом такие нематериальные блага, как репутация и личные качества, приобретают все большее значение. Их влияние на конечный результат деятельности физического или юридического лица сложно переоценить, их нарушение может повлечь существенные экономические потери для обладателя, поскольку распространение не соответствующих действительности сведений, оскорбляющих честь, достоинство и деловую репутацию субъекта гражданского оборота, приведет к оттоку клиентов и контрагентов.

Вместе с тем, критикуя указанную позицию, Е.Г. Дюбко отмечает, что такое влияние нарушения нематериальных благ на экономическое положение субъекта не умаляет присущего этим благам свойства нематериальности: сущность этих благ изначально нематериальна, они не имеют вещественного воплощения и не могут быть измерены в каких-либо единицах (Dyubko, 2015). На наш взгляд, в данном случае допущена подмена понятий. Признак нематериальности, как мы уже отмечали,

---

⁶ Согласно ст. 4 утратившего силу Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов (ПБУ 14/2007)», утвержденного приказом Министерства финансов РФ от 27.12.2007 № 153н, деловая репутация подлежала учету в составе нематериальных активов, под которыми подразумевались активы, имеющие стоимость, но не имеющие натуральной вещественной формы, не являющиеся физическими объектами. Характерно, что в указанном Положении была также установлена и методика ее расчета (см.: Российская газета. 2008. № 22).

характеризует исключительно форму объекта права, в то время как стоимостная оценка представляет собой самостоятельный, не связанный с предыдущим признак.

Стоит отметить, что доктринальные выводы о возможности денежной оценки деловой репутации основаны на нормах действующего законодательства, которые прямо допускают возмездную передачу деловой репутации субъекта для использования другим лицом. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 1027 ГК РФ договор коммерческой концессии предусматривает использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя. Очевидно, что в таком контексте деловая репутация, включаемая в объект сделки в составе комплекса передаваемых прав, приобретает имущественный характер⁷.

Деловая репутация может также выступать объектом договора простого товарищества: п. 1 ст. 1042 ГК РФ определяет, что товарищ может внести вклад в виде не только денег, иного имущества, но и в виде профессиональных и иных знаний, навыков и умений, а также в виде деловой репутации и деловых связей. Очевидно, что внесение деловой репутации в качестве вклада априори предполагает ее денежную оценку.

В числе нематериальных объектов, перечисленных в ст. 150 ГК РФ, признаком оборотоспособности и, как следствие, денежной оценки обладает имя, а также псевдоним физического лица, которые, согласно п. 4 ст. 19 ГК РФ, могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой, предпринимательской или иной экономической деятельности перечисленными в законе способами.

Примечательно, что еще дореволюционные ученые не видели противоречий в том, что имя само по себе может стать объектом сделки. Такая позиция, в частности, отражена в трудах М.М. Агаркова, по мнению которого заключению сделки в отношении имени физического лица не препятствует его неотчуждаемость (Agarkov, 2012:195). В советский период законодательно была установлена возможность заключения сделок с иным нематериальным благом – изображением человека (ст. 514 ГК РСФСР 1964 г.), а к настоящему времени сложилось несколько научных направлений, объясняющих объект сделки по использованию имени физического лица⁸.

⁷ Как справедливо в этой связи отмечает А.О. Эрделевский, «деловая репутация гражданина обладает двойственной правовой природой – она указывается в законе в числе нематериальных благ и в то же время способна являться объектом денежной оценки в отношениях между любыми лицами (ст. 1042 ГК), а также объектом использования по договору с участием коммерческих организаций и граждан-предпринимателей (ст. 1027 ГК)» (Эрделевский А. О правовой природе деловой репутации // СПС КонсультантПлюс. 2017). В результате ученый называет деловую репутацию гражданина особым нематериальным благом, которая с точки зрения классификации объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, относится не только к нематериальным благам, но и «к составу имущества в широком смысле в виде иного имущества в той мере, в какой деловая репутация может допускать ее денежную оценку» (Эрделевский А. О правовой природе деловой репутации // СПС КонсультантПлюс. 2017). Более того, А.О. Эрделевский не признает деловую репутацию юридического лица в качестве нематериального блага в смысле ст. 150 ГК РФ.

⁸ Одно из научных направлений непосредственным объектом сделки признает само нематериальное благо – имя. Представители другого направления полагают, что имя гражданина неотчуждаемо, что, однако, не исключает возможности передавать право на его использование третьим лицам. Так, А.Е. Шерстобитов разграничивает неотделимые от личности носителя личные блага и личные права, которые их охраняют. Поэтому если первые не являются оборотоспособными, то вторые в ряде случаев могут использоваться в гражданском обороте. Использование личных прав, в том числе права на имя, может стать предметом договора между правообладателем и пользователем, который строится по модели лицензионного. Еще одно направление предлагает уточнить понятие нематериальных благ

На современном этапе возможность коммерциализации использования некоторых нематериальных благ отражает мировую тенденцию коммодификации, то есть постепенного преобразования в товар различных аспектов человеческой жизни (Radin, 1996; Napsó, 2020:35; Fishman, 2019:7). Как отмечают В. Колосов и М. Шварц, в иностранной доктрине допускается использование в коммерческих целях элементов индивидуальности личности (имени, голоса, изображения). Более того, по их словам, право на изображение может передаваться на основании лицензии (как исключительной, так и неисключительной). Такая передача обусловлена тем, что внешность и образ создаются самим человеком, следовательно, имеют цену (Kolosov & Schwartz, 2008:10).

Отечественный законодатель легализовал сделки с именем и псевдонимом гражданина только в 2012 г., однако и до этого в отечественной практике такие сделки уже получили распространение⁹. Как справедливо отмечает Т.С. Яценко, ссылаясь на зарубежный опыт коммерциализации имени¹⁰, «в активизации оборота человеческих имен может быть заинтересован широкий круг лиц: сами правообладатели, иные субъекты, желающие, например, продвигать свой товар на рынке через использование положительных ассоциаций, возникающих у потребителей в связи с конкретным человеком, его именем и образом, и др.» (Yatsenko, 2022).

С учетом изложенного мы приходим к выводу о том, что признак отсутствия экономического содержания не является универсальным, применимым ко всем перечисленным в ст. 150 ГК РФ нематериальным благам. Кроме того, обоснование возможности денежной оценки ряда нематериальных благ также ставит под сомнение один из их законодательных признаков – непередаваемость. Отметим, что, установив возможность использования третьими лицами деловой репутации, имени и псевдонима гражданина, законодатель не внес уточняющих данный момент изменений в ст. 150 ГК РФ, что приводит к неопределенности в применении соответствующих норм.

Вместе с тем установленная в законе возможность предоставления временно или на неограниченный срок третьим лицам некоторых нематериальных благ не означает, что такие блага также отчуждаемы: нематериальные блага являются индивидуализирующими характеристиками конкретного субъекта, в силу их нематериального характера образуют с ним неразрывную связь, которая не утрачивается даже после смерти человека¹¹.

с учетом легализации сделок с отдельными их видами и выработать новую концепцию, объясняющую возможность вовлечения данных благ в гражданский оборот. Так, А.И. Савельев отмечает «постепенное движение от личных нематериальных благ к имуществу особого рода» (более подробно об этом см.: (Yatsenko, 2022)).

⁹ Чаще всего они заключались по поводу использования в рекламе имен и образов известных людей – певцов, актеров, спортсменов. Распространение подобных сделок даже привело к появлению новых терминов – «имиджевые права спортсменов», «исключительное право на использование имиджа» (Yatsenko, 2022).

¹⁰ Например, ежегодный доход от использования имени Мэрилин Монро составляет около 27 млн долл. в год (Shebanova, 2018).

¹¹ В соответствии с абз. 3 п. 2 ст. 150 ГК РФ в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами.

Оборотоспособность

В соответствии со ст. 150 ГК РФ нематериальные блага принадлежат гражданину от рождения или в силу закона. Материальные блага, принадлежащие гражданину от рождения, свидетельствуют об их естественно-правовой природе, в свою очередь, нематериальные блага «в силу закона» признаны и получают охрану законодательством (Sitdikova, 2015). Стоит отметить, что такое деление является одним из критериев (основание возникновения нематериального блага), предложенных в научной доктрине классификаций нематериальных благ¹². Не останавливаясь подробно на их анализе, отметим, что в решении данного вопроса следует исходить из особенностей установления правового режима нематериальных благ. В первую очередь гражданское законодательство регулирует имущественные отношения, особое внимание уделяя гражданскому обороту.

Принимая во внимание, что некоторые нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, считаем возможным использовать критерий оборотоспособности и предложить классифицировать перечисленные в ст. 150 ГК РФ нематериальные блага на имеющие имущественное содержание и не имеющее такового. К первой группе предлагаем отнести деловую репутацию, имя (псевдоним) гражданина, его изображение. Их характеризуют следующие отличительные признаки: 1) возможность денежной оценки; 2) ограниченная оборотоспособность – при установленных в законе условиях нематериальные блага могут быть объектом гражданско-правовых сделок. По остаточному принципу иные нематериальные блага составляют вторую группу нематериальных благ, которым присущи признаки отсутствия экономического содержания и непередаваемости. При этом общими (универсальными) признаками нематериальных благ являются: 1) приобретение от рождения или в силу закона; 2) невещественный характер; 3) неотчуждаемость.

Таким образом, одна из особенностей предлагаемой нами классификации состоит в ее динамичности, что обусловлено развитием общества и признанием особой ценности человека, а также наблюдаемой тенденцией постепенного вовлечения в гражданский оборот отдельных нематериальных благ¹³.

---

¹² В отечественных публикациях предложены различные критерии классификации нематериальных благ, но они посвящены отдельным категориям таких благ, а также во многом не соответствуют теории классификации. В частности, Т.В. Трофимова выдвигает идею ценностного подхода при систематизации личных неимущественных прав и нематериальных благ. Некоторые авторы предлагают классифицировать нематериальные блага как блага, имеющие «биологическое начало (жизнь, здоровье, внешний облик), и блага, имеющие социальное начало (честь, достоинство, деловая репутация, имя, личная неприкосновенность, тайна частной жизни и др.)» (Nesterov, 2020). А.Х. Ульбашев считает, что «всякое личное право имеет своей целью (1) обеспечение индивидуальной свободы (человеческой «самости», индивидуальности); защиту (2) достоинства личности и/или (3) физической и социальной неприкосновенности. По мнению ученого, практическое предназначение подобной систематизации нематериальных благ состоит в том, что данная классификация позволяет сконструировать единое понятие субъективного личного права, выявить регулятивное значение личных прав, а также в случае обнаружения возможного пробела в праве ответить на вопрос, является ли соответствующее благо объектом личных прав или нет» (Ulbashev, 2019).

¹³ В специальной литературе в этой связи подчеркивается, что нелегитимность рыночного обмена отдельных благ обусловлена, как правило, не спецификой их природы, а культурной интерпретацией. Поэтому благо способно стать предметом оборота, если его признает в качестве товара общество. Как результат, с изменением социальных предпочтений в обществе разные блага могут превращаться

Заключение

В завершение отметим следующее. Нематериальные блага противопоставляются законодателем материальным объектам, имеющим вещественную форму. Признак отсутствия экономического (имущественного) содержания не является универсальным, применимым ко всем перечисленным в статье 150 ГК РФ нематериальным благам.

При установленных в законе условиях нематериальные блага могут выступать объектом гражданско-правовых сделок, в связи с чем в основу классификации нематериальных благ как объектов гражданских прав предложен критерий их оборотоспособности.

References / Список литературы

- Agarkov, M.M. (2012) The right to a name. In: *Selected works on civil law*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Агарков М.М. Право на имя // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 томах. М. : Статут, 2012. Т. 1. 428 с.
- Bakaeva, I.V. (2012) Concept and characteristics of intangible benefit: legislation, theory and practice. *Laws of Russia: Experience, analysis, practice*. (4), 9–13. EDN OYJUUN. (in Russian).
Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 9–13. EDN OYJUUN.
- Berdysheva, E.S. (2012) From Criticism to Analytics: Commodification of Vital Goods as a Current Research Problem in the New Economic Sociology. *Economic Sociology*. 13(1), 67–84. (in Russian).
Бердышева Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 1. С. 67–84.
- Dyubko, E.G. (2015) *Intangible assets and personal non-property rights of citizens and legal entities: theoretical and practical problems of their protection: Candidate of Legal Sciences dissertation*. Moscow. (in Russian).
Дюбка Е.Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 183 с.
- Fishman, L.G. (2019) Commodification as factor of moral and political progress. *The Journal of political theory, political philosophy and sociology of politics politeia*. 2(93), 6–27. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-93-2-6-27> (in Russian).
Фишман Л.Г. Коммодификация как фактор морального и политического прогресса // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 2(93). С. 6–27. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-93-2-6-27>
- Kolosov, V. & Schwartz, M. (2008) The right to an image in Russian law taking into account foreign experience. *Intellectual property. Copyright and related rights*. (3), 38–46. EDN TSCORT. (in Russian).
Колосов В. Шварц М. Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 3. С. 38–46. EDN TSCORT.

в товар или утрачивать данное качество. С этой точки зрения неотчуждаемость блага становится условным свойством: «товары могут легко обмениваться на рынке и в это же время отсылать к неотчуждаемому и несоизмеримому» (Berdysheva, 2012:70, 74, 76).

- Maleina, M.N. (2010) The right to privacy and inviolability of personal data. *Journal of Russian Law*. (11), 18–28. (in Russian).
Малеина М.Н. Право на тайну и неприкосновенность персональных данных // Журнал российского права. 2010. № 11. С. 18–28.
- Napso, M.D. (2020) Commodification as a modern type of rationality. *Narodnoe obrazovanie*. 3(1480), 35–40. EDN SPQAHW. (in Russian).
Нансо М.Д. Коммодификация как современный тип // Народное образование. 2020. № 3(1480). С. 35–40. EDN SPQAHW.
- Nesterov, A.V. (2020) Legal category of intangible (existing) goods and their systematization. *Journal of Russian Law*. (3), 19–30. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.027> (in Russian).
Нестеров А.В. Правовая категория нематериальных (существующих) благ и их систематизация // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 19–30. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.027>
- Nokhrina, M.L. (2013) Concept and characteristics of intangible assets: legislation and civilistic science. *Pravovedeniye*. 5 (310), 143–160. (in Russian).
Нохрина М.Л. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство и цивилистическая наука // Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 143–160.
- Radin, M.J. (1996) *Contested commodities: The trouble with trade in sex, children, body parts, and other things*. Cambridge, Harvard University Press.
- Rozhkova, M.A. (ed.). (2015) *Protection of business reputation in cases of its defamation or unlawful use (in the sphere of commercial relations): scientific and practical manual*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений) : научно-практическое пособие ; под общ. ред. М.А. Рожковой. М. : Статут, 2015. 268 с.
- Temnikova, N.A. (2006) *Implementation and protection of personal non-property rights of a child in family law of Russia: Abstract of Candidate of Legal Sciences dissertation*. Ekaterinburg, Ural state legal academy. (in Russian).
Темникова Н.А. Реализация и защита личных неимущественных прав ребенка в семейном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, Ур. гос. юрид. акад., 2006. 27 с.
- Sergeev, A.P. & Tolstoy, Yu.K. (eds.). (2005) *Tolstoy Civil law: textbook*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Гражданское право: учебник: в 3 томах / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М. : Проспект, 2005. Т. 1. 776 с.
- Shebanova, N.A. (2018) *"Fashionable" law: monograph*. Moscow, Norma; INFRA-M Publ. (in Russian).
Шебанова Н.А. «Модное» право: монография. М. : Норма; ИНФРА-М, 2018. 174 с.
- Sitdikova, L.B. (2015) Conditions of use responsibility for causing intangible harm. *Russian justice*. (11), 11–14. EDN UNLDXT. (in Russian).
Ситдикова Л.Б. Условия применения ответственности за причинения нематериального вреда // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 11–14. EDN UNLDXT.
- Tolstoy, Yu.K. & Sergeeva, A.P. (eds.). (1996) *Civil law*. Part 1. Saint Petersburg, Teis Publ. (in Russian).
Гражданское право ; под. ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Санкт-Петербург : Теис, Ч. 1. 1996. 550 с.
- Tolstoy, Yu.K. (ed.). (2013) *Civil law: Textbook*. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Гражданское право: учебник: в 3 томах / под ред. Ю.К. Толстого. М. : Проспект, 2013. Т. 1. 777 с.
- Ulbashiev, A.Kh. (2019) *General doctrine of personal rights*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. М. : Статут, 2019. 255 с.

Vitko, V.S. & Tsaturyan, E.A. (2012) *Legal nature of outsourcing and outstaffing agreements*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).

Витко В.С. Цатурян Е.А. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга. М. : Статут, 2012. 128 с.

Yatsenko, T.S. (2022) The name of an individual as the subject of a transaction: From criticism to recognition in civil law. *Bulletin of Civil Law*. 22(3), 118–144. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-3-118-144> (in Russian).

Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 3. С. 118–144. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-3-118-144>

Сведения об авторе:

Кресс Вячеслав Викторович – кандидат юридических наук, председатель, Арбитражный суд Московского округа; 127994, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-4, ул. Селезневская, д. 9

e-mail: f05.vkress@arbitr.ru

About author:

Vyacheslav V. Kress – Candidate of Legal Sciences, Chairman, Arbitration Court of the Moscow District; 9 Seleznevskaya str., GSP-4, Moscow, 127994, Russian Federation

e-mail: f05.vkress@arbitr.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-828-840>
EDN: ICDZIE

Научная статья / Research Article

Административная преюдиция и принцип Non bis in idem

В.А. Маслов

Уральский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, г. Екатеринбург, Российская Федерация
[✉vmaslov-lex@yandex.ru](mailto:vmaslov-lex@yandex.ru)

Аннотация. Административная преюдиция как законодательный конструкт, позволяющий привлекать к уголовной ответственности за факт повторного совершения административного правонарушения, уже длительный период времени находится под самым пристальным вниманием ученых. Данное внимание предопределено доктринальными диаметрально противоположными точками зрения по вопросу допустимости использования административной преюдиции как способа криминализации. Наличие существенных и, безусловно, заслуживающих внимание аргументов как противников, так и сторонников криминализации повторного факта совершения административного правонарушения не предполагает возможность их комплексного рассмотрения в рамках одной публикации, как следствие, представляется обоснованной попытка оценки отдельных, в той или иной степени значимых доводов ученых, одним из которых выступает соотношение административной преюдиции с общеправовым принципом с многовековой историей Non bis in idem. Цель исследования: оценка административной преюдиции в контексте принципа Non bis in idem. В основу методологии исследования положен диалектический материализм. Применялись как общенаучные (системно-структурный и формально-логический, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез), так и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Результаты: оснований считать, что, конструируя нормы с административной преюдицией отечественный законодатель нарушает положения принципа Non bis in idem, нет, поскольку расширительное толкование исследуемого принципа (предполагающее недопустимость учета факта ранее совершенных правонарушений при совершении правонарушений в последующем) стоит признать необоснованным. Последовательное отстаивание идеи несоответствия административной преюдиции принципу Non bis in idem должно с неизбежностью приводить сторонников данной точки зрения к необходимости оспаривания ряда других устоявшихся институтов и норм, предполагающих учет допоступного (в том числе противоправного)

© Маслов В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

поведения, в первую очередь – рецидива и судимости, по существу, также предполагающих учет «опасного состояния личности».

Ключевые слова: публично-правовая ответственность, двойная ответственность, уголовная ответственность, административная ответственность, уголовно-правовая политика, криминализация, общественная опасность, судимость, рецидив, сопряженность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 22 января 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Маслов В.А. Административная преюдиция и принцип Non bis in idem // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 4. С. 828–840. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-828-840>

Administrative prejudice and the principle of Non bis in idem

Willie A. Maslov

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, *Ekaterinburg, Russian Federation*

 vmaslov-lex@yandex.ru

Abstract. The concept of administrative prejudice, which enables the imposition of criminal liability for repeated commission of an administrative offense, has been the subject of sustained scrutiny among scholars. This attention is driven by starkly contrasting doctrinal viewpoints on the appropriateness of utilizing administrative prejudice as a method of criminalization. Given the substantial and noteworthy arguments presented by both opponents and detractors of the criminalizing repeated administrative offenses, it is impractical to comprehensively address them in a single publication. Hence, it is justifiable to endeavor to evaluate key arguments put forth by scholars, including their linkage between administrative prejudice and the longstanding legal principle of non bis in idem. The aim of this study is to assess administrative prejudice within the framework of the principle of non bis in idem. The research methodology is rooted in dialectical materialism, employing both general scientific (system-structural, formal-logical, inductive and deductive, analysis and synthesis) and specific (formal-legal, comparative-legal) methods. The findings indicate that the domestic legislator does not appear to contravene the tenets of the non bis in idem principle by enacting norms involving administrative prejudice. A generous interpretation of this principle, which precludes taking into account prior offenses when addressing subsequent ones, is deemed unwarranted. Steadfastly holding that administrative prejudice is compatible with the principle of non bis in idem should logically necessitate proponents of this position to challenge several other established institutions and norms that require consideration of pre-criminal conduct, particularly recidivism and criminal record, essentially entailing an assessment of the “dangerous state of the individual”.

Key words: public legal liability, double liability, criminal liability, administrative liability, criminal law policy, criminalization, public danger, criminal record, relapse, conjugacy

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 22th January 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Maslov, W.A. (2024) Administrative prejudice and the principle of Non bis in idem. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 828–840. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-828-840>

Введение

Небезосновательным будет утверждение о том, что вопросам административной преюдиции в уголовно-правовой науке и практике уделяется последние годы самое пристальное внимание. Данное внимание предопределено «возрождением» данного способа криминализации в отечественном уголовном законодательстве спустя 13 лет его отсутствия и существенным расширением составов Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ или уголовный закон), сконструированных по принципу административной преюдиции, на фоне непрекращающихся дискуссий относительно принципиальной возможности использования данного механизма в уголовно-правовой политике. Оценкам данного законодательного подхода посвящено множество публикаций ученых, содержащих существенные заслуживающие внимания доводы pro et contra. Ввиду ограниченности объемов публикации, не пытаясь ответить на ключевой вопрос о допустимости криминализации факта повторного совершения первоначально административно наказуемого деяния, видится обоснованным проанализировать один из дискутируемых аргументов – соответствие административной преюдиции известному с незапамятных времен принципу Non bis in idem. Исходя из поставленной цели на основе краткого исторического экскурса предлагается раскрыть современное закрепление принципа Non bis in idem в международном и российском праве, после чего найти некие «точки соприкосновения» обозначенного принципа и административной преюдиции.

Non bis in idem: краткий исторический экскурс, современное закрепление в международном и российском праве

История анализируемого принципа ведется со времен Римской империи и связывается с Дигестами Юстиниана 533 года н.э. (Ponomareva, 2019:83), в которых он звучал как «nemo debet bis vexari pro una et eadem causa», приблизительно переводимое как «никто не должен быть подвергнут двойному наказанию за одно и то же преступление». Отметим, что исследования последних лет используют также формулировку «Ne bis in idem»² (Leite, 2022), однако, ввиду общепризнанности, в наименовании и по тексту данной публикации принцип будет именоваться «Non bis in idem».

Общепризнанность данного принципа подтверждается закреплением: в Конвенции защите прав человека и основных свобод³, ст. 4 которой указывает на недопустимость повторного осуждения или наказания в уголовном порядке в рамках

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

² Leite I.F. Ne bis in idem. Comentário da Convenção Europeia dos Direitos do Homem e dos Protocolos Adicionais. UCP. 2019, pp. 2443–2515.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)).

юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое лицо уже было оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства; в Международном пакте о гражданских и политических правах⁴, ст. 14 которого гласит, что никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны; в ряде других признанных на международном уровне фундаментальных правовых документах.

Данные нормативные положения имплементированы и в национальном законодательстве ряда государств, в том числе Российской Федерации. Так, согласно ст. 50 Конституции Российской Федерации никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Логичным видится закрепление данного принципа на отраслевом уровне – в УК РФ, ст. 6 которого говорит нам о том, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ), ч. 5 ст. 4.1 которого указывает на то, что никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение.

С учетом правовой исторической преемственности видится обоснованным отождествлять случаи критики в адрес несоблюдения при конструировании норм с административной преюдицией указанным положениям УК РФ / Конституции РФ (Gavrilov, 2020:36) международным нормам с критикой непосредственно принципа *Non bis in idem* (Н.А. Лопашенко (Lopashenko, 2011:68), Д.В. Шемякин (Shemyakin, 2015:46)), что и легло в основу настоящей публикации.

Итак, дословный перевод принципа *Non bis in idem* – «не дважды за одно и то же», что, с точки зрения юриспруденции, толкуется как недопустимость двойной ответственности за один юридический факт – правонарушение. По существу, данное положение – некая гарантия для субъектов правоотношений (чаще всего – для правонарушителей, в том числе лиц, совершивших гражданско-правовой деликт; реже – для участников налоговых, бюджетных и т.п. правоотношений), презюмирующая, что, будучи единожды привлеченным к ответственности за свои деяния, они могут быть уверены в том, что повторно за данные факты их привлекать не будут. Оговоримся, что из данного правила есть исключения, связанные со случаями, когда осуществляется пересмотр дела ввиду обнаружения нового факта или существенного недостатка, повлиявшего на процедуру первого, о чем говорят как зарубежные исследователи (Ungurean, 2021), так и Конституционный Суд РФ, указывающий на то, что «требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу в связи с появлением новых или вновь открывшихся обстоятельств или при обнаружении существенных нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильному разрешению дела»⁶).

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Российская газета. № 106. 20.05.2005.

При этом важно понимать, что указанный принцип отнюдь не означает недопустимость привлечения за одно правонарушение к нескольким видам ответственности, что, как представляется, не требует доказательств, поскольку корректная правовая оценка достаточного количества преступлений включает параллельное решение вопроса о возмещении причиненного вреда в гражданско-правовом порядке. Налицо отличия в характере правоограничений: с одной стороны – карательный, с другой стороны – компенсационный характер.

Подтверждение нашим словам можно найти и в публикациях зарубежных авторов. Так, европейские исследователи отмечают что ввиду отличий в характере охраняемых общественных отношений (или в «социальных ценностях» (Xavier, 2021:149)) не является нарушением принципа *Non bis in idem* одновременное привлечение к дисциплинарной и уголовной ответственности (Dumitrache, 2011); дисциплинарной и уголовной, а также гражданско-правовой и уголовной (Gradinaru, 2012:441); равным образом, как и повторное судебное преследование в рамках гражданско-правовой конфискации ввиду «некарательного характера» (Bikelis, 2020:48).

Иное дело – ответственность публично-правовая, в связи с чем стоит помнить, что право административных правонарушений (административно-деликтное право) и уголовное право достаточно специфические отрасли права, одной из особенностей которых является их направленность на защиту схожих, охраняемых нормами прав и свобод, посредством недвусмысленного указания на деяния, совершение которых влечет различные (подчас достаточно существенные) правоограничения для виновных. Об акценте в рассматриваемом нами принципе именно на однократности *карательной (публично-правовой)* ответственности за правонарушение неоднократно отмечал и Конституционный Суд РФ⁷, говорили и отечественные (Gubernatorova, Timofeev & Pinchuk, 2022:54), и зарубежные ученые. Так, испанские исследователи, отмечая, со ссылкой на решения Конституционного суда, недопустимость повторного рассмотрения дела ни в административном ни в уголовном порядке, если по нему уже было вынесено решение ранее (Cabrera-Delgado, 2014:22), равно как европейские исследователи, критикующие доктрину уголовного права и законодательство Румынии, предусматривающие возможность применения за одно и то же деяние как уголовного, так и административного наказания (Gorunescu, 2011:174).

В данном случае стоит отметить, что вышеуказанная норма Конституции России, концентрирующаяся исключительно на недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление (что дает основание ученым характеризовать принцип как моноотраслевой (Nobel, 2022:13), не регламентируя возможность повторного привлечения за иные, вредные для общества деяния, к примеру – административные правонарушения, видится достаточно дискуссионной. Несколько более корректным было бы раскрытие исследуемого нами принципа в ст. 50 Конституции РФ как недопустимость повторного привлечения к *публично-правовой* ответственности за одно и то же деяние.

Но и здесь (в публично-правовых отраслях) не все так просто, поскольку даже «внутри» одной отрасли далеко не всегда очевидны границы действия принципа *Non bis in idem*. Примером может служить небезызвестное решение Конституционного

⁷ К примеру, Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2021 № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 1.5, части 1 статьи 2.1, части 1 статьи 15.6, пункта 1 части 1, части 3 статьи 28.1 и примечания к этой статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Н.Н. Корецкой» // Российская газета. № 113. 26.05.2021.

Суда РФ⁸, согласно которому неоднократное совершение дисциплинарных проступков само по себе не может служить основанием для увольнения со службы в том случае, когда за каждый из проступков лицо было привлечено к дисциплинарной ответственности. Как известно, последующие нормативные положения, отмеченные в указанном документе, свидетельствуют о том, что окончательное решение должно приниматься аттестационной комиссией, которая вполне правомочна осуществить «повторный» учет фактов неоднократных нарушений дисциплины. Таким образом, ключевой интересующий нас вопрос – «допустимо ли в отсутствие очередного дисциплинарного проступка, руководствуясь лишь совокупностью ранее совершенных, правовая оценка которым уже была дана, налагать очередное взыскание?» остался без ответа.

Неоднозначно стоит оценивать и разъяснения Верховного Суда РФ, периодически раскрывающего для нижестоящих инстанций термин «сопряженность». К примеру, указание на то, что убийство, совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует квалифицировать по совокупности с соответствующими статьями УК РФ (п. 13 Постановления пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1⁹), с завидной регулярностью критикуемое учеными (к примеру, Артеменко Н.В. и Шимбарева Н.Г. (Artemenko & Shimbareva, 2023), Краев Д.Ю. (Kraev, 2023), Сидорова Е.З. и Иванова А.Л. (Sidorova & Ivanova, 2021)), поскольку предполагается все тот же двойной учет одного факта. Безусловно ситуацию назвать предельно очевидной с учетом положений принципа *Non bis in idem* нельзя, поскольку речь идет о *единственной* правовой оценке преступной деятельности, однако, стоит признать, что требуют отдельного самого пристального внимания вопросы так называемой «сопряженности» в уголовном законе, как, впрочем, и вопросы формирования предикатных преступлений, особенно с учетом декларируемой авторами возможности учета *уже получившего* правовую оценку – «предшествующего» преступления (Ashin, 2010:252), правовой оценки реальной и идеальной совокупности, особенно в контексте проблем разграничения административной и уголовной ответственности (Arzamastsev, 2022:33) и составов «с учтенной совокупностью» (Bunin, 2022:69).

Признавая, что отраслевое законодательство (указанные чуть выше нормы УК РФ и КоАП РФ) запрещает неоднократное привлечение к ответственности за одно деяние, запрещенное *либо* уголовным законом, *либо* КоАП РФ, стоит подчеркнуть, что, как ни парадоксально, но отечественная правовая система *централизованно* нормативно не исключает возможности привлечения к ответственности дважды за один факт если противоправность данного факта будет определена как в УК РФ, так и в КоАП РФ.

Безусловно данный тезис требует пояснений, поскольку всем известны и положения о таком обстоятельстве, исключающем производство по делу об административном правонарушении как постановление о возбуждении уголовного дела (п. 7 ст. 24.5 КоАП РФ), и положения об обратной силе уголовного закона (ст. 10

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева» // Российская газета. № 71. 03.04.2013.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. № 24. 09.02.1999.

УК РФ), что важно, если представить ситуацию что деяние, за которое лицо было привлечено к административной ответственности, было криминализовано и возникает вопрос о его повторном привлечении. Однако мы говорим об отсутствии *специализированной* нормы которая бы однозначно указывала на то, что лица единожды подвергшиеся лишениям в рамках административного законодательства не подлежат повторному – уголовному преследованию за данные действия.

Таким образом, стоит признать, что современное нормативное закрепление в отечественной правовой системе принципа *Non bis in idem* несколько отличается от его «классического» понимания.

Причин здесь несколько, но ключевая видится в том, что не всем государствам и в настоящее время свойственно деление противоправных деяний на преступления и проступки с соответствующей дифференциацией законодательства и созданием обособленных кодифицированных нормативно-правовых актов.

Вместе с тем, поскольку отечественная правовая система построена на принципах континентальной (романо-германской) правовой семьи, видится уместным говорить о необходимости недвусмысленного нормативного определения основополагающих начал, известных еще древним римлянам, и предполагающим одну ответственность за одно деяние.

Как уже было отмечено, наиболее корректным видится корректировка основного закона России в части указания на недопустимость двойного привлечения к публично-правовой ответственности, равно как последующая корректировка отраслевого законодательства.

С учетом изложенного, определившись в общих чертах с сущностью принципа *Non bis in idem* в международном и российском праве, стоит перейти к вопросу административной преюдиции в той части в какой данные явления «соприкасаются».

Non bis in idem и административная преюдиция

Интересно, что опыт использования административной преюдиции отечественным законодателем составляет более ста лет, поскольку первая норма (ст. 79), построенная интересующим нас образом, появилась в УК РСФСР 1922 года¹⁰. На момент появления УК РСФСР 1960¹¹ года подобных норм насчитывалось 6, а на момент утраты его юридической силы уже 25.

Однако же говорить о наличии существенного наработанного опыта использования данного способа криминализации, и уж тем более доказанной эффективности, не приходится по той простой причине, что принятие УК РФ ознаменовалось отказом от использования административной преюдиции, и вплоть до 2009 года повторность, по общему правилу, не образовывала составов преступления.

Сразу оговоримся, что нормы, предполагающие значимость административной наказуемости как условие (или одно из условий) для привлечения к ответственности были и до 2009 года, подтверждение чему – нормы, предполагающие различные виды неоднократного (систематического) противоправного поведения. В качестве примера отметим ст. 117 УК РФ, предусматривающую ответственность за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения в том числе побоев (ст. 6.1.1. КоАП РФ); ст. 154 УК РФ, предусматривающую

¹⁰ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 15. ст. 153.

¹¹ Утвержден ВС РСФСР 27.10.1960 // Свод законов РСФСР. т. 8. с. 497.

ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей при условии совершения их неоднократно или из корыстных побуждений (как известно, ст. 5.37. КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью).

Сущность административной преюдиции как способа конструирования состава преступления (либо же способа криминализации) состоит в признании уголовно наказуемым факта повторного совершения деяния, однократное совершение которого, либо совершение «за рамками» исчисления срока административной наказуемости, является административным правонарушением.

Нарушение принципа *Non bis in idem* ученые видят в том, что лицо, будучи единожды привлеченным к административной ответственности, при совершении аналогичного деяния повторно привлекается уже не к административной, а к уголовной ответственности, хотя значимые (с точки зрения общественной опасности) отличия в характере его действий отсутствуют. Именно факт повторности ставится «во главу угла» при аргументации необходимости прибегнуть к более жестким мерам воздействия – уголовному наказанию и судимости. Таким образом, исследователи, опираясь на буквальное (в их понимании) толкование принципа, отмечают что подобный повторный «учет» первоначального факта совершения правонарушения недопустим (к примеру, точка зрения Н. Лопашенко (Golovko, et al., 2017)).

Здесь необходимо сделать важное уточнение, поскольку толкование по объему традиционно классифицируется на буквальное, ограничительное и расширительное. При этом общепризнано требование к правоприменителю стремиться именно к буквальному толкованию. В то же время специфика норм-принципов состоит в несколько большей абстракции содержащихся в них предписаний. Толкование данных норм всегда сопряжено с риском «выйти» за пределы буквы закона и руководствоваться его духом. Если добавить к сказанному многовековую историю, межотраслевой и международный характер принципа *Non bis in idem*, становится очевидным еще одна причина дискуссионности корректного воплощения его положений в жизнь. С учетом изложенного можно предположить, что данные авторы в действительности толкуют принцип не буквально, а расширительно.

Иной точки зрения придерживаются авторы, отмечающие, что принцип *Non bis in idem* не нарушается нормами с административной преюдицией (к примеру, точка зрения Л. Головки (Golovko, et al., 2017), А.В. Иванчина (Ivanchin, 2017:51)), поскольку лицо привлекается к ответственности за *новый* факт.

Доводы *pro et contra* в данном случае нам понятны, однако представляется, что чаша весов с учетом требований целесообразности и необходимости упорядочения общественных отношений нормами права, что мы признаем первоочередной целью правового регулирования (в том числе таких отраслей, как уголовное и административное право), должна склоняться в сторону признания отсутствия нарушения принципа *Non bis in idem* нормами с административной преюдицией.

Аргументируем нашу точку зрения следующими доводами.

Во-первых, некорректно толковать рассматриваемый нами принцип как безусловное требование о недопустимости учета факта привлечения к ответственности *в дальнейшем* при повторяющемся аналогичном поведении. Смеем предположить, что римские юристы вкладывали в принцип много более простую, уже отмеченную нами идею, что деяние (правонарушение или преступление) должно влечь однократную правовую оценку со стороны государства. Повторный пересмотр

данного факта и его новая правовая оценка (в части наложения новых обременений) недопустимы.

Административная преюдиция зиждется на оценке *нового* факта объективной действительности – деяния лица, которое, несмотря на примененные к нему меры административной репрессии, снова преступило черту закона, и, хотя совершило равным образом аналогичные действия, факт повторности свидетельствует о недостаточности применимых к нему первоначальных мер, и речь уже идет о законе уголовном.

Во-вторых, осознавая, что данная дискуссия явно выходит за рамки данной публикации, отметим, что фактический учет ранее совершенных *преступных* деяний практикуется в уголовном законодательстве с незапамятных времен, в том числе и в настоящее время. Достаточно наглядным видится институт рецидива как легальное и легитимное средство учета первоначального преступного поведения при совершении новых преступлений.

Сущностное сравнение административной преюдиции и институтов судимости и рецидива однозначно позволяет констатировать схожую правовую природу, выражающуюся в учете предыдущего факта при разрешении факта нового. Сознательно отбросив отличия, стоит признать, что и в том и в другом случае правовое значение имеет «состояние лица» – либо оно было ранее судимо, либо было ранее привлечено к административной ответственности.

Если мы говорим, что не возымевшие должного эффекта меры в рамках привлечения к уголовной ответственности должны быть скорректированы с учетом положений о рецидиве, то стоит ответить и на вопрос «почему отсутствие желаемого эффекта от назначения административного наказания не может быть основанием для выбора иных мер воздействия?» Все мы понимаем, что иные (относительно административных) меры, отличающиеся большей строгостью – это меры уголовные.

Как следствие – стоит задать еще один закономерный вопрос – если не оспаривается, что институты судимости и рецидива, прямо закрепляющие необходимость учета «состояния лица», противоречат принципу *Non bis in idem* (причем стоит признать, что правовые последствия признания рецидива для виновного чрезвычайно существенны), то почему дискутируется противоречие принципу *Non bis in idem* административной преюдицией?

Безусловно можно найти сторонников точки зрения, что институт судимости противоречит рассматриваемому нами принципу и в судебском сообществе¹² и отечественной доктрине (Korneev, 2021:143) и у зарубежных исследователей (Cabrera-Paredes, 2011:92), однако говорить о сопоставимости по масштабам с дискуссией об административной преюдиции явно не приходится.

Деятельность законодателя в этой части также не позволяет выявить однозначное понимание уместности (неуместности) учета первоначальных фактов преступной деятельности при последующем преступном поведении, поскольку за несколько

---

¹² Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации В. Витрука. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Российская газета. № 61. 02.04.2003.

лет (2003 год¹³) до активного «возрождения» административной преюдиции из уголовного закона были исключены нормы о неоднократности («повторности»), аргументацией чему как раз выступало требование о недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление.

Неизбежно рассмотрение заявленной нами проблемы должно было и привело к одному из краеугольных камней всей уголовно-правовой науки – вопросу общественной опасности в той его части, в какой разнятся на протяжении десятилетий точки зрения о ее содержательном наполнении. Речь в данном случае о дискуссии относительно принципиальной допустимости признания общественно опасным (что аксиоматично является обязательным условием криминализации) «состояния лица» (или «теории опасного состояния личности»), в противовес учению о необходимости учета исключительно существа совершаемого им деяния. Ставшее афоризмом в доктрине уголовно права высказывание о том, что сто кошек никогда не станут тигром, как ничто лучше иллюстрирует указанную нами проблему.

Признавая концептуальный характер затронутой проблемы, скажем лишь то, что фактический учет доприступного поведения (в том числе факты привлечения к тому или иному виду ответственности) как обстоятельство, характеризующее личность правонарушителя, необходим правоприменителю исходя из требований индивидуализации мер репрессии. Данные обстоятельства должны и будут восприниматься судом (если мы говорим об ответственности уголовной) при выборе наиболее соответствующих характеру и степени общественной опасности содеянного (*и лица*) мер воздействия.

Прежде чем переходить к выводам отметим точку зрения Конституционного суда Российской Федерации, который, разрешая вопрос соотношения ст. 212.1 УК РФ с принципом *Non bis in idem*, указал на отсутствие противоречий, отметив, что основанием привлечения к уголовной ответственности в таких случаях является только такое нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, которое совершено лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности по статье 20.2 КоАП Российской Федерации более двух раз в течение ста восьмидесяти дней, в пределах срока, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию за указанные административные правонарушения и лишь при условии, что за инкриминируемое ему деяние это лицо *не было подвергнуто* [курсив автора] административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное данной статьей¹⁴.

С учетом колоссальной значимости решений Конституционного Суда Российской Федерации для уголовно-правовых правоотношений данное постановление без преувеличения можно считать ключевым в вопросе признания соответствия законодательного подхода по криминализации деяний посредством административной преюдиции положениям основного закона страны. По-своему закономерно то, что данные разъяснения судебной инстанции послужили очередным «триггером» для доктринального осмысления целесообразности административной преюдиции в уголовном праве.

¹³ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 252. 16.12.2003.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Российская газета. № 41. 28.02.2017.

Заключение

Во-первых, известный со времен Римской империи и активно используемый в международном праве принцип *Non bis in idem* закреплен в отечественном законодательстве с акцентом на правоотношения, связанные с преступлением и судимостью (согласно Конституции РФ), хотя мог бы (и должен) охватывать по меньшей мере все публично-правовые правоотношения.

Отсутствие в положениях основного закона страны межотраслевой составляющей во многом предопределяет доктринальную и правоприменительную дискуссию по ряду вопросов, в том числе в части допустимости использования административной преюдиции в уголовно-правовой политике России.

Во-вторых, в контексте принципа *Non bis in idem* требуют самого пристального внимания конструкции уголовного закона, предполагающие «сопряженность», предикативные преступления, вопросы правовой оценки реальной и идеальной совокупности, составы «с учтенной совокупностью».

В-третьих, обращает на себя внимание некоторая непоследовательность законодателя в части исключения из уголовного закона норм, предполагающих неоднократность («повторность») с одновременным расширением практики конструирования норм посредством административной преюдиции.

В-четвертых, оснований считать, что конструирование норм с административной преюдицией отечественный законодатель нарушает положения принципа *Non bis in idem* нет, поскольку расширительное толкование исследуемого принципа (предполагающее недопустимость учета факта ранее совершенных правонарушений при совершении правонарушений в последующем) стоит признать необоснованным. Последовательное отстаивание идеи несоответствия административной преюдиции принципу *Non bis in idem* должно с неизбежностью приводить сторонников данной точки зрения к необходимости оспаривания ряда других устоявшихся институтов и норм, предполагающих учет допоступного (в том числе противоправного) поведения, в первую очередь – рецидива и судимости, по существу также принимающим во внимание «опасное состояние личности».

References / Список литературы

- Artemenko, N.V. & Shimbareva, N.G. (2023) Qualification of associated murders: How can the contradiction be resolved? *Russian Judge*. (8), 31–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-8-31-35>. EDN FMYVCR. (in Russian).
Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Квалификация сопряженных убийств: как можно устранить противоречие? // Российский судья. 2023. № 8. С. 31–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2023-8-31-35>. EDN FMYVCR.
- Arzamastsev, M.V. (2022) Principle non bis in idem in the differentiation between administrative and criminal responsibility. *Journal of Constitutional Justice*. (3), 29–33. <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2022-3-29-33> (in Russian).
Арзамасцев М.В. Принцип non bis in idem при разграничении административной и уголовной ответственности // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 3. С. 29–33. <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2022-3-29-33>
- Ashin, D.A. (2010) Types of predicate crimes in Russian criminal law. *Actual Problems of Russian Law*. 3(16), 251–261. (in Russian).
Ашин Д.А. Виды предикатных преступлений в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3(16). С. 251–261.

- Bikelis, S. (2020) Repeated proceedings against suspected illicit wealth – justifiable protection of public interest or violation of human rights? *Kriminologijos Studijos*. (8), 38–56. <https://doi.org/10.15388/CrimLithuan.2020.8.2>
- Bunin, O.Yu. (2022) The problem of double liability in criminal law: Legislative and law enforcement aspects. *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notariat*. 4(67), 69–72. EDN GZFRXW. (in Russian).
Бунин О.Ю. Проблема двойной ответственности в уголовном праве: законодательный и правоприменительный аспекты // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 4(67). С. 69–72. EDN GZFRXW.
- Cabrera-Delgado, J.M. (2014) Duplicidad sancionadora en el ámbito administrativo y penal. *Avances En Supervisión Educativa*. (22), 1–11. <https://doi.org/10.23824/ase.v0i22.52>
- Cabrera-Paredes, R. (2011) La reincidencia vulnera el “non bis in idem”. *Ciencia amazónica (Iquitos)*. 1(1), 81–91. <https://doi.org/10.22386/ca.v1i1.9>
- Dumitrache, Ș. (2011) Some considerations on disciplinary liability overlapping criminal liability // *Juridical Tribune*. 1(2), 186–193.
- Gavrilov, B.Ya. (2020) On the restoration of a criminal offense in Russian criminal law: The role and impact on the development of the crime situation. In: *Crime in Russia: current state and development trends: collection of scientific works*. Moscow, FGKU “VNII MIA of Russia”. (in Russian).
Гаврилов Б.Я. О восстановлении в российском уголовном праве уголовного проступка: роль и влияние на развитие криминогенной ситуации // Преступность в России: современное состояние и тенденции развития : сборник научных трудов. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020. 166 с.
- Golovko, L., Korobeev, A., Lopashenko, N., Pashin S., Reznik, G., Bogush, G., Esakov, G. (2017) Administrative prejudice in criminal law: The case of Ildar Dadin. *Zakon*. (2), 21–29. (in Russian).
Головко Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богущ Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.
- Gradinaru, N. (2012) One cannot be tried for the same deed twice. *Challenges of the knowledge society*. (2), 439–446.
- Gubernatorova, E., Timofeev, E. & Pinchuk, A. (2022) Double liability as an intersectoral problem: some issues of application in practice. *Jurilinguistics*. 26(37). 53–59. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2709](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2709) (in Russian).
Губернаторова Э., Тимофеев Е., Пинчук А. Двойная ответственность как межотраслевая проблема: некоторые вопросы применения на практике // Юрислингвистика. 2022. № 26(37). С. 53–59. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2709](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2709)
- Gorunescu, M. (2011) Considerations about overlapping criminal and administrative liability for the same offense. *Challenges of the knowledge society*. (1), 169–175.
- Ivanchin, A.V. (2017) On the benefits of the reasonable use of administrative prejudice in criminal law (in connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017 No. 2-P). *Criminal Law*. (4), 50–53. EDN YMIIOH. (in Russian).
Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53. EDN YMIIOH.
- Korneev, S.A. (2021) Prolongation of state coercion in relation to a person with a criminal record, in the context of the principle of non bis in idem. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. (3), 139–147. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.03.P.139> (in Russian).
Корнеев С.А. Пролонгация государственного принуждения в отношении лица, имеющего судимость, в контексте принципа non bis in idem // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2021. № 3. С. 139–147. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.03.P.139>

- Kraev, D.Yu. (2023) Qualification of murder for the purpose of concealing or facilitating the commission of another related crime (clauses “c”, “h”, “j” of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code). *Legality*. (2), 37–42. (in Russian).
Краев Д.Ю. Квалификация убийства с целью сокрытия или облегчения совершения другого сопряженного с ним преступления (пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК) // Законность. 2023. № 2. С. 37–42.
- Leite, I.F. (2022) Breves apontamentos sobre o «ne (idem) bis in idem» e o caso julgado penal. In: *Estudos em Homenagem ao Professor Doutor Américo Taipa de Carvalho*. Universidade Católica Portuguesa, Porto.
- Lopashenko, N.A. (2011) Say no to administrative prejudice in criminal law! *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 3(23), 64–71. EDN НВУЖБР. (in Russian).
Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3(23). С. 64–71. EDN НВУЖБР.
- Nobel, A.R. (2022) Implementation of the non bis in idem principle when bringing to public legal liability. *Actual Problems of Russian Law*. 17(3), 11–18. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.011-018> (in Russian).
Нобель А.Р. Реализация принципа non bis in idem при привлечении к публично-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 11–18. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.011-018>
- Ponomareva, V.V. (2019) Ne bis in idem: rule or principle of Roman law? *Scientific component*. 4(4), 75–84. https://doi.org/10.51980/2686-939X_2019_4_75 (in Russian).
Пономарева В.В. Ne bis in idem: правило или принцип римского права? // Научный компонент. 2019. № 4(4). С. 75–84. https://doi.org/10.51980/2686-939X_2019_4_75
- Shemyakin, D.V. (2015) Problematic issues of the use of administrative prejudice in criminal law. *Russian investigator*. (15), 45–47. (in Russian).
Шемякин Д.В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45–47.
- Sidorova, E.Z. & Ivanova, A.L. (2021) On some problems of multiplicity of crimes in Russian criminal law. *Russian Legal Journal*. 2(137), 115–125. https://doi.org/10.34076/20713797_2021_2_115 (in Russian).
Сидорова Е.З., Иванова А.Л. О некоторых проблемах множественности преступлений в российском уголовном праве // Российский юридический журнал. 2021. № 2(137). С. 115–125. https://doi.org/10.34076/20713797_2021_2_115
- Ungurean, I. (2021) Dreptul de a nu fi urmărit, judecat sau pedepsit de mai multe ori „Non bis in idem”. Available at: SSRN. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3823014>
- Xavier, V. (2023) Processo de responsabilização de pessoas jurídicas // *Revista de defesa da concorrência*. 11(1), 149–168 <https://doi.org/10.52896/rdc.v11i1.1023>

Сведения об авторе:

Маслов Вилли Андреевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

ORCID: 0000-0001-5539-5220; SPIN-код: 6598-1292

e-mail: vmaslov-lex@yandex.ru

About the author:

Willie A. Maslov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; Российская Федерация, 66 Корепина str., Ekaterinburg, 620057, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5539-5220; SPIN-code: 6598-1292

e-mail: vmaslov-lex@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-841-855>

EDN: IEBZEZ

Научная статья / Research Article

О справедливости досудебного производства по уголовному делу

А.С. Холоимова , Р.В. Гребенев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 vasilenko-as@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная проблематика принципа справедливости в контексте практической работы следователей и дознавателей, анализ проходит путем всестороннего и глубокого исследования термина «справедливость» и его генезиса. Отражены различные подходы видных теоретиков и практиков, представляющих разные научные отрасли, такие как философия, социология, психология и т.п. Авторы проводят различные параллели с действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством пошагово выверяя их соотношение с понятием «справедливость» через призму философско-правового анализа правовых норм, что позволяет делать конкретные выводы, основанные на изучении значительного объема трудов разных научных деятелей. Делается акцент на участников досудебного производства и мнения правоприменителей, для более конкретного выстраивания объективной картины восприятия отраженных в статье тезисов.

Ключевые слова: право, идея справедливости, философия, досудебное производство, уголовный закон, уголовно процессуальный закон, генезис справедливости

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Холоимова А.С.* – написание части «Генезис восприятия идеи справедливости» и «Справедливость уголовного судопроизводства»; *Гребенев Р.В.* – написание части «О справедливости в досудебном уголовном процессе»; равный вклад авторов внесен в разработку концепции исследования, сбор, обработку материалов, написание введения и заключения, вычитку и оформление всего текста.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2024 г.

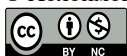
Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Холоимова А.С., Гребенев Р.В. О справедливости досудебного производства по уголовному делу // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-841-855>

© Холоимова А.С., Гребенев Р.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Fairness of Pre-trial Proceedings in a Criminal Case

Alexandra S. Kholoimova^{ID}✉, Roman V. Grebenev^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉vasilenko-as@rudn.ru

Abstract. The article examines the topical issues surrounding the principle of justice in the context of the practical work of investigators and interrogators. The analysis is conducted through a comprehensive and in-depth study of the term “justice” and its origins and evolution. The article presents various perspectives from prominent theorists and practitioners across different scientific disciplines, such as philosophy, sociology, psychology, etc. The authors draw parallels with existing criminal and criminal procedure legislation, systematically assessing their relevance to the concept of justice through a philosophical and legal analysis of legal norms. This approach enables specific conclusions to be drawn based on an extensive and monumental study of the works of various scholars. The paper delves into the perspectives of participants in pre-trial proceedings and the viewpoints of law enforcement officials to construct a more precise understanding of the theses presented in the article.

Key words: law, the concept of justice, philosophy, pre-trial proceedings, criminal law, criminal procedural law, origins and development of justice

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Kholoimova A.S.* wrote the sections “The origin and development of the perception of justice” and “The Fairness of Criminal Proceedings”; *Grebenev R.V.* authored the section “On Justice in Pre-Trial Criminal Proceedings”. Both authors equally contributed to the development of the research concept, the collection and processing of materials, and the writing of the introduction and conclusion. They also shared responsibilities for proofreading and designing the entire text.

Received: 18th April 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Kholoimova, A.S., Grebenev, R.V. (2024) The Fairness of Pre-trial Proceedings in a Criminal Case. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 841–855. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-841-855>

Введение

Учитывая специфику работы следственных подразделений и органов дознания, которые обладают правом проводить предварительное расследование по возбужденному уголовному делу, формулирование понятия справедливости представляется в значительной степени актуальной. В тот момент, когда вышеотраженные лица осуществляют свою работу, только и исключительно опираясь на действующее законодательство, допустимым видится выдвижение тезиса о реализации идеи справедливости.

Для анализа практики и теории справедливого досудебного производства в Российской Федерации необходимо детально подойти к вопросу процессуального положения лиц, реализующих процедуру расследования преступления.

Досудебное производство представляется как динамичная, позитивная, правовая конфронтация стороны защиты и обвинения, которые определенно находятся по разные «стороны баррикад» и склонны считать императивной истинной исключительно свою позицию.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет, что состязательность есть фундамент уголовного судопроизводства, в которое также входит досудебное производство по возбужденным уголовным делам.

Подобное положение, несомненно, точно проявляется при анализе нормативной базы. Так, например, в п. 55 ст. 5 УПК РФ говорится о том, что лица, осуществляющие отправление досудебного производства, имеют отношение к стороне обвинения и их роль базируется на всестороннем понимании сути произошедшего с целью установления лица, виновного в совершении преступления.

Именно при проведении параллели между теорией и практикой проявления справедливости досудебного производства через призму состязательности стороны защиты и стороны обвинения принцип справедливости может быть выделен как актуальный аспект, требующий тонкого анализа.

Некоторые теоретики права склонны рассматривать назначение досудебного производства как механизм, не соответствующий идее справедливости (Derishev, 2005). Данный тезис имеет место быть в силу того, что понятие справедливости есть философская вариативная константа, поддающаяся разной трактовке, так, например, один деятель права считает справедливым то или иное явление, другой же воспринимает позицию своего визави как диаметрально противоположную.

Генезис восприятия идеи справедливости

Справедливость – мультинаучное понятие, оно формируется на протяжении всей истории человечества и трансформируется вслед за обществом. Люди всегда стремятся к достижению справедливости, каждому отдельно взятому индивиду безусловно хочется, чтоб в отношении него справедливость восторжествовала. Но как он видит эту справедливость, а далее ее торжество? Так же, как и правду. По-своему. Справедливость в сознании отдельного человека часто расходится с пониманием справедливости в отраслевом, научном смысле, будь то право, экономика, социология или психология...

Именно поэтому, прежде чем переходить к рассуждениям относительно справедливости в уголовном судопроизводстве, следует последовательно подготовиться и начать с анализа исторического формирования понятия справедливости.

Исследователи, занимающиеся данной проблематикой, выделяют несколько этапов трансформации представления о справедливости.

Так, в период Античности идее справедливости не противоречило неравенство людей, однако справедливым признавалось пропорциональное воздаяние за каждое как позитивное (работа), так и негативное деяние (правонарушение).

Аристотель рассуждал о таких формах справедливости, как уравнивающая, в соответствии с которой происходит равное распределение благ, и распределяющая, в соответствии с которой благо может быть получено в зависимости от социального статуса, способностей и талантов (Maryukhnich, 2016).

В период средневековья рассуждения о справедливости часто приобретали теологический окрас, в частности согласно точке зрения Августина обоснование строгости наказания, возрастающей вслед за опасностью и тяжестью совершенного деяния, обосновывается идеей о том, что правонарушитель уменьшает присутствие Бога на Земле и через жестокость наказания происходит работа над этой ошибкой, несправедливостью (Bulgakov & Bulgakova, 2020).

В эпоху нового времени интерес представляют работы И. Канта, где справедливость классифицируется на карающую и распределительную. Естественно, чувствуется иной, более глубокий подход, чем был в античное время; речь идет о распределении заслуженного конкретным человеком. Карательная справедливость направлена на определение меры наказания в соответствии с причиненным злом, а распределительная направлена на определение воздаяния соразмерного заслуге. Именно справедливость рассматривается Кантом как нормативное основание принимаемых законов и добродетели лица, наделенного властью (Kirsanova, 2011).

Выделяют также еще период новейшего времени, однако в нем сложно выделить определенную, главенствующую концепцию понимания справедливости. Вместе с тем представляет интерес формирование понимания справедливости с именно правовой точки зрения. Мы уже отмечали выше мультинаучность идеи справедливости и, по сути, весь раздел речь шла о философском ее понимании, сводящемся к предусмотренному или заслуженному воздаянию.

Если говорить о социально-психологическом подходе, то следует выделить справедливость в процессе взаимодействия, и справедливость его результата, т.е. следует говорить о дистрибутивной и процессуальной функциях справедливости (Mikhel, 2023).

Сразу отметим крайне важное различие, имеющееся в юриспруденции и психологии: в разрешении конфликта в рамках работы с психологом речь идет о субъективном восприятии справедливости (как процесса, так и результата) «здесь и теперь», т.е. именно между участниками этого конфликта, и именно с учетом их индивидуальных особенностей и обстоятельств; в разрешении конфликта криминального, т.е. в рамках судопроизводства, справедливость воспринимается как достижение заслуженного результата при помощи честного и объективного процесса (Tyler, 2000).

Основоположниками теории «объективной процедурной справедливости» выступили психологи Дж. Тибо и Л. Уолкер, сформулировавшие идею о предпочтительности разрешения конфликта таким образом, чтобы конфликтующие стороны имели возможность контролировать процесс, а принятие итогового решения осуществлялось беспристрастной третьей стороной (Thibaut & Walker, 1978).

В продолжение этой теории были выделены: совершенная процедурная справедливость, под которой понимается Божий суд; уголовный суд воспринимается как образец несовершенной процессуальной справедливости, при которой определен критерий честности результата, но отсутствует идеальная процедура его достижения; выделяется также чистая процедурная справедливость, при которой достигнутый результат справедлив, независимо от его вида, только если процедура была осуществлена надлежащим образом. Отличным примером является блокчейн, часто позиционируемый как политический институт, обеспечивающий справедливость решений путем голосования на основе чистой процедуры (Matveev, 2018).

Интерес представляет мнение Д. Ллойда, который, соотнеся идеи справедливости и права, сформулировал следующие тезисы: о необходимости правил реагирования на специфические ситуации со специфическими участниками; о всеобщности этих правил, т.е. специфический участник должен быть под юрисдикцией этого правила; о беспристрастности этих правил (Lloyd, 1966).

На сегодняшний день можно выделить три основных подхода к определению соотношения права и справедливости. Во-первых, ряд ученых воспринимают

справедливость как самостоятельную категорию и отстаивают точку зрения, согласно которой некое положение не может одновременно относиться к категории «справедливость» и к категории «право». Согласно этому подходу справедливость, заключенная нормативно, есть право.

Второй подход сводится к умозаключениям, согласно которым справедливость – это универсальная идея, распространяющаяся на все сферы общественной жизни. Однако, будучи самостоятельной категорией, справедливость является основой права.

Наконец, третий подход выражается в восприятии справедливости как наиважнейшей части права – его основополагающим принципом (Bulgakov & Bulgakova, 2020).

Справедливость уголовного судопроизводства

Очень содержательный анализ проделан Шмаревым А.И. в статье «Нужен ли принцип справедливости в уголовном процессе России?», где автором систематизированы воззрения современных ученых относительно справедливости как принципа уголовного судопроизводства. Рассмотрены разные взгляды относительно понимания справедливости именно под призмой уголовного процесса, а также ее выражения в процессуальных нормах и необходимости закрепления отдельного принципа (Shmarev, 2020).

Так, согласно проведенной систематизации знаний, в целом имеются разные научные мнения, согласно которым правовой принцип:

- должен быть закреплён нормативно и определять фундаментальные основы (Makarova & Yanin, 2003; Grinenko, 2000);
- может быть закреплён отдельным положением в законе, но также имеет место проявлять себя как некая общая система норм отрасли (Dobrovolskaya, 1971);
- может также являть себя как идею формально не зафиксированную, а негласно презюмированную согласно идеям демократии и права (Aleksandrov, 2003).

В настоящее время УПК РФ не содержит отдельной нормы о принципе справедливости, хотя принципам уголовного судопроизводства уделено достаточно внимания в тексте кодекса, что свидетельствует об особом внимании законодателя к формулированию фундаментальных правил уголовного судопроизводства.

Решая вопрос о необходимости принципа справедливости в уголовном процессе, важно исходить из критерия фундаментальности принципа права.

Несомненно, фундаментальность любого принципа в отличие от предписаний более частного характера базируется на том, что принцип есть та основа, на которой базируется юридическая система норм права в целом, а в силу того, что идея справедливости лежит в основе любого решения, относимо допускать идею справедливости как базовый конструкт права, без которого функционирование правовой системы не представляется возможным. Вместе с тем справедливость, как стало очевидно в результате исследования, трактуется участниками по-разному, и в силу этого надлежит более углублено поработать над формулированием фундаментального принципа уголовно-процессуального права, так как в настоящее время социальные отношения и общая конъюнктура, по нашему мнению, не способствует правовому закреплению принципа справедливости в уголовно-процессуальном праве.

Стоит особо обратить внимание на то, что в науке не прекращается дискуссия о необходимости определения принципа справедливости в уголовном судопроизводстве и его закреплении. Сформировались разные представления о том, как должна быть воплощена в жизнь эта идея:

- справедливость объединяет в себе деятельность по закону и совести направленную на установление объективной истины путем принятия мотивированных решений на основе установленных по делу фактов (Нажимов, 1989);

- справедливость воспринимается как цель или назначение процесса (Alimov, Gromov & Zeynalova, 2002; Antonov, 2003);

- справедливость определяется через призму законности, воспринимается как соблюдение предписанных правил (Vozgov, 2005);

- справедливость как принцип должна быть закреплена, но определение только предстоит разработать.

В чем же проявляется справедливость в уголовном процессе и нужен ли отдельный принцип?

Если обратиться к праву уголовному, можно заметить интересный тезис относительно воздаяния лицу по делам его, что значит наказание есть соразмерно характеру и степени общественной опасности преступления. Самое что ни на есть воплощение идеи справедливости, все по заслугам. При этом важно помнить о предусмотренной дифференциации наказаний в зависимости от особенностей совершенного преступления и личности преступника – еще одном проявлении идеи справедливости в уголовном законе (Brilev, 2017).

Еще одним немаловажным проявлением идеи справедливости служит возможность учитывать наличие или отсутствие смягчающих или отягчающих ответственность обстоятельств, тем самым как бы еще больше откалибровать принятое решение под конкретную ситуацию, упрочив справедливость его принятия (Tagizade, 2011).

Однако нередко высказывается тезис о том, что вынесенное решение может быть обоснованным и законным, но с точки зрения *общественного мнения* несправедливым.

Эту же мысль встречаем у профессора Х.И. Гаджиева: «гарантия справедливого судебного разбирательства относится к разряду процессуальных, призванных обеспечить процессуальную справедливость, а не справедливость, ориентированную на конкретный результат, и вынести решение, основанное на истинных фактах и правильном применении закона» (Gadjiev, 2022).

Нам видится, что мнение профессора Х.И. Гаджиева укладывается в идею несовершенной процессуальной справедливости. Напомним, что основной постулат теории процессуальной справедливости заключается в разрешении конфликта таким образом, чтобы конфликтующие стороны имели возможность контролировать процесс, а принятие итогового решения осуществлялось беспристрастной третьей стороной; при этом, если придерживаться разнovidности, нужно отметить, что определен критерий честности результата, но отсутствует идеальная процедура его достижения.

Категорически не согласен с мнением профессора Х.И. Гаджиева профессор Ю.И. Ляхов, акцентирующий в своих трудах фокус на справедливость, которая обеспечивает разумность приговора и всего разбирательства. Профессор Ляхов считает, что «содержанием принципа справедливого судебного разбирательства является

соответствие процессуального решения или процессуального действия сущности уголовного процесса, то есть направленности его на установление действительно виновного в совершении преступления, а при установлении виновного справедливое определение последствий этого». С точки зрения аксиологии такое возможно только на Божием суде (Lyakhov, 2022).

Думается, что в словах «...не справедливость, ориентированную на конкретный результат...» как раз подразумевается то самое общественное мнение, с точки зрения которого результат не отвечает справедливости, и как раз соблюдение процессуальной справедливости неизбежно приведет к принятию максимально справедливого решения там и тогда, где и когда оно принимается.

Отечественный УПК при его всестороннем анализе на предмет корреляции норм, их логичности и относимости позволяет сформировать четкое представление, что данный нормативно-правовой акт регулирует в достаточной степени справедливо и полно весь процесс уголовного судопроизводства, а также процессуальное положение его субъектов. Представляется, что в настоящее время УПК предусмотрены наиболее честные «правила игры», которые вообще возможны в рамках осуществления деятельности по расследованию и рассмотрению совершенного преступления, поскольку в нем:

- имеются четкие положения, затрагивающие права субъектов, имеются как их права, так и обязанности;
- полномочия лиц, осуществляющих досудебное производство, строго закреплены с целью всестороннего и полного справедливого разбирательства;
- имеется четкое неподконтрольное дистанцирование сторон;
- разработана многоступенчатая система проверки итогового решения;
- провозглашена презумпция невиновности;
- предусмотрена бесплатная помощь защитников и переводчиков.

Можно рассуждать о несоблюдении предписанных правил, но это говорит о нечестности и как следствие несправедливости конкретных лиц, а не закона в целом. В этой связи видится, что процесс как бы пропитан идеей справедливости. Кодекс представляет собой конкретную инструкцию «как справедливо расследовать преступления», он доступен каждому, не представляет собой какого-то тайного знания.

С учетом вышесказанного мы приходим к выводу об отсутствии необходимости отдельного законодательного закрепления принципа справедливости в уголовном судопроизводстве.

О справедливости в досудебном уголовном процессе

Довольно распространенный аргумент о несправедливости досудебного уголовного судопроизводства часто строится на теории заведомо проигрышного положения физического лица, вступающего в противостояние с государством (с точки зрения досудебного процесса).

Особого внимания при исследовании вопроса реализации справедливости в досудебном производстве заслуживают положения УПК РФ, раскрывающие права и обязанности подозреваемых и обвиняемых. Так, в ст. 16 и ст. 50 УПК РФ имеется четкое описание прав и обязанностей лиц, имеющих процессуальный статус. Надзор за правильным применением вышеописанных правовых положений также позволяет

утвердиться в важности идеи справедливости. Помимо прочего позволяет реализовать справедливое разбирательство и обязательное участие защитника. Законодатель регламентирует императивность его присутствия в норме ст. 51 УПК РФ.

Но стоит учитывать и особое мышление людей, далеких от уголовно-процессуальной деятельности. Часто это обстоятельство не мешает людям считать себя экспертами, в том числе и в уголовном процессе, т.е. мы опять сталкиваемся с тем, что несправедливость воплощается именно в общественном восприятии. Вот что говорят представители профессионального сообщества адвокатов: «Сорок лет назад, когда пришла в адвокатуру, на первой лекции мне сказали, что довольных работой адвокатов не будет. Если вы будете десять лет защищать, а потом будет вынесен оправдательный приговор, доверитель подумает: „Что ты делал десять лет, когда и так очевидно, что я невиновен? Это оправдание должно было произойти десять лет назад“. Если у доверителя будет результат – наказание ниже низшего и т.д., он будет говорить: „А почему меня не оправдали?“. Если будет результат – отсрочка исполнения наказания, он тоже не будет доволен, не ждите.

Как отметила президент ФПА РФ, каждый доверитель сталкивается с ситуацией, когда внутренне считает, что должен победить в данном конкретном случае. Это психология тех, кто оказался там.

«Когда я стала заведовать кафедрой адвокатуры, мы сделали опросы в ИВС, тюрьмах. Мы провели шесть исследований. Результаты оказались очень разными. Скажу совершенно фантастическую вещь: наши доверители, которым оказывают помощь по назначению – а все говорят, что адвокаты плохо ее оказывают – адвокатами довольны. Когда они платят деньги, они думают: „А за что, если все то же самое мне может сделать адвокат по назначению“. И тогда у доверителя возникает разрыв между ожиданиями и тем, что произошло в реальности. Мы провели опрос в 14 странах через адвокатов и их доверителей. Ни в одной стране нет такого высокого процента удовлетворенности. Мы с вами на первом месте», – отметила Светлана Володина. – может добавить? Как аргумент, опровергающий настроенность адвоката на сотрудничество со следователем. Часть обычных обывателей воспринимают адвоката как равного соперника следователя, со схожими возможностями, которые он не хочет использовать, так как работает по назначению. Не понимают при этом основного его назначения в досудебном процессе – следить за соблюдением права доверителя, а не проводить «параллельное расследование»¹.

Дополнительно развивая тезис о всесторонней возможности обеспечения справедливости, допустимо сделать отсылку к возможности у субъекта досудебного производства заявить обоснованный отвод следователю или дознавателю, предусмотрев это в нормах ст. ст. 61–67 УПК РФ, что также представляет возможность обеспечить свое право на справедливое разбирательство.

Фактически анализируя вышеприведенные нормы права, можно заключить, что в случае, если следователь деструктивно заинтересован в разбирательстве и его интерес явно препятствует расследованию, то он подлежит отводу (Borisov, 2010).

Относительно должностных обязанностей следователя стоит обратить внимание, что их перечень регулируется законодателем, в ч. 2 ст. 38 УПК РФ содержатся положения, уполномочивающие следователя возбуждать и принимать к своему

¹ Совместная работа по решению важных общих задач // Сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/sovместnaya-rabota-po-resheniyu-vazhnykh-obshchikh-zadach/> (дата обращения: 15.03.2024).

производству уголовные дела, проводить следственные действия и самостоятельно как независимая процессуальная единица вести ход расследования. В п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ также говорится, что следователь имеет право осуществлять иные полномочия, которые предусматриваются действующим уголовно-процессуальным законодательством.

В работах многих теоретиков права встречается тезис о том, что, реализуя положения УПК РФ, следователь ставит первостепенной целью изблечить лицо в совершении преступления, рассматривая смягчающие обстоятельства менее досконально. Однако в данном случае допустимо оппонировать, отсылая к ст. 73 УПК РФ, согласно положениям данной нормы права, предмет доказывания четко описан, туда же входит сбор материала, который дает информационный пласт о личности обвиняемого с целью включения данных положений в обвинительное заключение для отражения возможности смягчения наказания, как, например. наличие детей, возмещение вреда, содействие следствию, раскаяние и т.п.).

Помимо прочего, отсылая к вопросу отправления справедливости, лицо, имеющее процессуальный статус следователя и дознавателя при производстве предварительного расследования по уголовному делу может воспользоваться нормой, отраженной в ст. 88 УПК РФ. Согласно данной статье доказательство может быть признано недопустимым, воля следователя и дознавателя может вытекать из самого факта обнаружения данного доказательства, так и по ходатайству лица, имеющего процессуальный статус. Доказательство, которое признано недопустимым, вноситься в обвинительное заключение не будет, что напрямую свидетельствует о применении в практической работе идей справедливого разбирательства.

Целью отправления досудебного производства является всестороннее и беспристрастное разбирательство с установлением исчерпывающей истины, которая подтверждается путем совокупности полученной криминалистически-релевантной информации², отраженной в протоколах следственных действий и иных доказательствах.

Принимая во внимание, что производство по уголовным делам осуществляют следователи и дознаватели (в некоторых случаях в составе следственной группы при расследовании уголовных дел, представляющих особую сложность), именно следователь и дознаватель как лица, имеющие особый процессуальный статус, помимо расследования преступления должны сделать это объективно, беспристрастно и всесторонне, то есть разрешить вопросы, стоящие перед ними в рамках расследования уголовных дел.

Лица, уполномоченные осуществлять предварительное следствие, довольно часто получают ходатайства в рамках главы 15 ст. ст. 119–122 УПК РФ от представителей стороны защиты, такие ходатайства направлены на проведение дополнительных процедур для более детального разбирательства по уголовному делу с целью установления важной информации, позволяющей всесторонне расследовать уголовное дело. Так, например, самыми частыми ходатайствами со стороны защиты являются заявления о допросе в качестве свидетелей лиц, имеющих информацию о совершенном преступлении или характеризующий материал на подзащитного, также

---

² Ахмадуллин А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования как принцип уголовного процесса // Портал «Мудрый Юрист». Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/5766-vsostonnost-polnota-obektivnost-predvaritelnogo-rassledovaniya-princip-ugolovnogogo> (дата обращения: 15.03.2024).

зачастую в ходатайствах защита просит о проведении экспертиз. Иллюстрируя применение вышеуказанных тезисов на практике, можно рассмотреть пример, когда у следователя имеется вещественное доказательство в виде записей с камер видеонаблюдения, где предварительно запечатлен подозреваемый, однако защите ходатайствовала в рамках ст. 159 УПК РФ о проведении портретной экспертизы с целью установления фактического присутствия индивидуально определенного лица на рассматриваемой видеозаписи. При подобном взаимодействии следствия и защиты ярко отражается принцип справедливости, так как уголовное дело рассматривается без обвинительного уклона и преследует цель детально и всесторонне разобратся по конкретному обстоятельству.

Анализируя справедливость через призму права, стоит обратить внимание на Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». В данном постановлении КС РФ разъясняет ст. 15 УПК РФ в контексте обязательства органов предварительного расследования устанавливать абсолютно все обстоятельства совершенного преступления соблюдая права субъектов досудебного производства в соответствии с Конституцией РФ и федеральным законодательством. Данное постановление раскрывает принцип законности и справедливости деятельности лиц при отправлении досудебного производства через призму соблюдения прав и свобод и защиты лица от незаконного обвинения.

Согласно положениям главы 6 и ст. 38 ст. 41 УПК РФ дознаватель и следователь возбуждают и расследуют уголовные дела, т.е. являются самостоятельной единицей, выступающей на стороне обвинения. Данная позиция частично обнаруживается при анализе Постановления Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации», где также отражено что возбуждение уголовного дела и представление стороны обвинения есть обязанность органов предварительного расследования.

Необходимо сделать акцент на том, что следователь и дознаватель хоть и являются сторонами обвинения, но в их прямую обязанность входит всецелое установление картины произошедших событий с целью действительного установления лиц, причастных к совершению преступления.

В данном контексте термины «сопоставительность» и «справедливость» представляются взаимодополняющими, так как обеспечивают реализацию прав и свобод человека через призму справедливой конфронтации.

Практический вопрос реализации принципа справедливости субъектами досудебного производства на стадии предварительного расследования может быть раскрыт нижеописанными примерами.

В производстве следователя следственного отделения находится уголовное дело, возбужденное в отношении конкретно определенного физического лица по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 288 УК РФ, в рамках проведения следствия сторона защиты заявила ходатайство в порядке, предусмотренном ст. 120 УПК РФ, где просила приобщить к материалам уголовного дела дополнительный,

характеризующий материал на подозреваемого, который отражал его высокие моральные качества, социальную значимость для общества. Следовательно, рассмотрев ходатайство в рамках ст. 121–122 УПК РФ, вынес решение об удовлетворении ходатайства и приобщении его к материалам уголовного дела, и в итоге данная информация попала в материалы обвинительного заключения и была также рассмотрена в суде, что несомненно повлияло на вынесение справедливого решения.

Вторым примером, иллюстрирующим проявление справедливости через призыв досудебного производства, стоит привести уголовное дело, возбужденное по факту совершения преступления по ч. 2 ст. 159 УК РФ в отношении группы лиц. Задержанные в рамках ОРМ подозреваемые изъявили желание возместить материальный и моральный ущерб потерпевшему. После возмещения вреда сторона защиты ходатайствовала о приобщении к материалам уголовного дела расписки потерпевшего о возмещении материального и морального вреда в полном объеме, также в данной расписке потерпевший указывал, что хотел бы, чтобы судья справедливо оценил факт раскаяния обвиняемых и добровольное возмещение ими материального и морального вреда, что также было рассмотрено и оценено судом при назначении наказания.

Идея справедливости деятельности следователя отражается в ст. 38 УПК РФ. Рассматривая ходатайства в двух вышеприведенных примерах, следователь имел полное право отказать в удовлетворении заявленных требований, так как в силу закона следователь сам определяет ход расследования и, реализуя данные законом полномочия, имеет право принимать в рамках следствия разные процессуальные решения, в том числе отказывать в удовлетворении ходатайств.

Стоит обратить внимание в рамках судебной практики на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами РФ уголовного наказания», так, например ВС РФ в контексте справедливости высказывается, что суды должны подходить к разрешению каждого уголовного дела индивидуально и принимать все меры для обеспечения справедливости наказания. Справедливость в рамках досудебного производства напрямую влияет на решение суда, ведь сам процесс сбора всей информации, которую будет изучать и анализировать суд, сыграет ключевую роль в вынесении решения.

Реализуя отправленную справедливости на практике также, относимо и допустимо отметить приоритетную роль субъектов досудебного производства, непосредственно осуществляющих производство по уголовному делу, так как, реализуя свои полномочия, следователь и дознаватель обязаны установить истину по делу и досконально проанализировать все факты, установленные в уголовном деле, следуя алгоритмам всестороннего и пристального изучения всех аспектов, что в идеальной совокупности как раз и является фундаментальной основой принципа справедливости в досудебном производстве.

Собирая доказательную базу в порядке 74–74 УПК РФ, следует ориентироваться не на уклон обвинительного характера, а также устанавливая смягчающие обстоятельства совершения преступления.

Идея справедливости красной нитью проходит через деятельность лиц, уполномоченных осуществлять досудебное производство по возбужденному уголовному делу путем реализации положений закона и должностных инструкций с целью изобличения лица, совершившего преступление, и исключение возможности привлечения к ответственности невиновного лица.

В случае если следователь и дознаватель при производстве по уголовному делу проводит следственные действия и направляет ход расследования только и исключительно с обвинительным уклоном, это становится серьезной проблемой для всего общества, так как происходит подмена понятия правоохранительного органа в целом. Односторонний взгляд на проблему провоцирует стагнацию в следственной тактике и всегда будет вызывать ряд дискуссионных вопросов относительно сущности самой правоохранительной системы ввиду пренебрежения современным методом работы через призму справедливого разбирательства.

Глобально активное пренебрежение принципом справедливости приводит к изменению роли правосудия с правозащитного на карательное в исключительном смысле понимания данного определения, так как основная цель – изобличение лица любым способом, не исключая и противозаконные методы. Такой подход не является правовым и гуманным.

Позитивная конфронтация стороны защиты и стороны обвинения в рамках досудебного производства служит дополнительным катализатором проявления справедливости, ведь именно в споре рождается истина (Avdeeva & Tsarebulev, 2020).

Заключение

Учитывая все приведенные теоретико-практические тезисы, проанализировав мнения ученых и философов, авторы приходят к выводу о том, что идея справедливости, хотя прямо и не находит своего отражения в действующем УПК РФ, но в то же время красной нитью проходит через него, реализуя себя в каждой конкретной норме права и в каждом из принципов, отраженных в УПК РФ. Справедливое разбирательство по уголовному делу возможно только и исключительно при неукоснительном соблюдении всех установленных в законе требований. Прямой необходимости закрепления в УПК РФ принципа справедливости авторам видится непервостепенной проблематикой, в силу того что юридическая герменевтика понятие принципа справедливости позволяет толковать по-разному. Основой отправления справедливости должно служить не формальное закрепление принципа, а фактическая реализация законности и относимости применения норм права в рамках отправления досудебного производства.

Справедливость досудебного производства в уголовном процессе РФ в данный момент формального закрепления не требует также в силу того, что истина может быть как процедурной, так и объективной. В то же время этико-правовая терминология требует дальнейшей научной разработки для уяснения всех моментов, влияющих на справедливость и ее восприятия как в досудебном производстве в целом, так и конкретно его субъектами.

References / Список литературы

- Aleksandrov, A.S. (2003) Principles of criminal procedure. *Law studies*. 5(250), 162–178. EDN TKSQKB. (in Russian).
Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5(250). С. 162–178. EDN TKSQKB.
- Alimov, T.T., Gromov, N.A. & Zeynalova, L.M. (2002) The concept and system of principles of criminal procedure under current legislation. *Investigator*. (11), 15–18. EDN TJWMYD. (in Russian).

- Алимов Т.Т., Громов Н.А., Зейналова Л.М.* Понятие и система принципов уголовного процесса по действующему законодательству // *Следователь*. 2002. № 11. С. 15–18. EDN TJWMYD.
- Antonov, I.A. (2003) Moral and legal criteria of criminal procedure activity of investigators. Saint Petersburg, Legal Center Press, Publ. (in Russian).
Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей = Moral and legal criteria of criminal procedure activity of investigators. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 234 с.
- Avdeeva, A.D. & Tsarebulev, Ya.Yu. (2020) On the issue of the implementation of the principle of adversarial nature of the parties in pre-trial proceedings in a criminal case. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 3–2(42). С. 108–111. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10271> (in Russian).
Авдеева А.Д., Царебулев Я.Ю. К вопросу о реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве по уголовному делу // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3–2(42). С. 108–111. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10271>
- Borisov, S.A. (2010) Principles of competitiveness and comprehensive, complete and objective investigation of the circumstances of the case: problems of combination in pre-trial proceedings in the legislation of the Russian Federation and foreign countries. *Bulletin of Samara State University*. 5(79), 244–250. (in Russian).
Борисов С.А. Принципы состязательности и всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела: проблемы сочетания на досудебном производстве в законодательстве РФ и зарубежных государств // Вестник СамГУ. 2010. № 5(79). С. 244–250.
- Bozrov, V.M. (2005) On the issue of justice in criminal proceedings. *A Russian judge*. (4), 15–18. EDN OKBSJR. (in Russian).
Бозров В.М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. № 4. С. 15–18. EDN OKBSJR.
- Brilev, V.V. (2017) Realization of the principle of justice in penal law. In: Usmanov, R.M. (ed.). *Actual problems of the state and law at the present stage: Collection of scientific articles based on the materials of the VI Republican scientific and practical conference dedicated to the Lawyer's Day*. Sterlitamak, 3th December 2017. Vol. VI. Sterlitamak, Sterlitamak branch of the Bashkir State University. pp. 112–115. (in Russian).
Брылев В.В. Реализация принципа справедливости в уголовном праве // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. науч. статей по материалам VI Республиканской науч.-практ. конференции, посв. Дню юриста, Стерлитамак, 3 декабря 2017 года / отв. ред. Р.М. Усманова. Том Выпуск VI. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2017. С. 112–115. EDN XVVBTV.
- Bulgakov, V.V. & Bulgakova, D.V. (2020) The idea of justice in philosophy and its manifestation in law. *Socio-Political Sciences*. 10(3), 49–55. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55> (in Russian).
Булгаков В.В., Булгакова Д.В. Идея справедливости в философии и ее проявление в праве // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 3. С. 49–55. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-3-49-55>
- Derishev, Yu.V. (2005) Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional legal structure: Abstract of the Doctor of Legal Sciences dissertation. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (in Russian).
Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, Ом. акад. МВД РФ. 2005. 51 с.

- Dobrovolskaya, T.N. (1971) Principles of the Soviet criminal procedure. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ. (in Russian).
Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М. : Юрид. лит., 1971. 199 с.
- Grinenko, A.V. (2000) The system of principles and the aim of criminal proceedings. *Pravovedenie*. 6(233), 179–192. (in Russian).
Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 6(233). С. 179–192. EDN TLUGZN.
- Gadjiev, Kh. I. (2022) The right to fair trial. *Russian Justice* (5), 75–80. https://doi.org/10.52433/01316761_2022_05_75 (in Russian).
Гаджиев Х.И. Право на справедливое судебное разбирательство // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 75–80. https://doi.org/10.52433/01316761_2022_05_75
- Lloyd, D. (1966) *The idea of law*. Baltimore, Penguin Books.
- Kirsanova, O.V. (2011) Justice and law in the ethical views of I. Kant and G.V.F. Hegel. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*. (4), 137–142. EDN ОРКУРЛ.
Кирсанова О.В. Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 137–142. EDN ОРКУРЛ.
- Lyakhov, Yu.A. (2022) The principle of fairness of judicial proceedings in criminal proceedings. *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*. 9(3), 102–105. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-3-15> (in Russian).
Ляхов Ю.А. Принцип справедливости судебного разбирательства в уголовном процессе // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 3. С. 102–105. <https://doi.org/10.18522/2313-6138-2022-9-3-15>
- Makarova, Z.V. & Yanin, M.G. (2003) Appeal of procedural actions and decisions in the system of principles of criminal proceedings. In: *Topical issues of criminal procedure in modern Russia: Interuniversity collection of scientific papers*. Ufa, RIO Bashkir State University. Available at: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20033/02.htm> [Accessed 16th Apryl 2024]. (in Russian).
Макарова З.В., Янин М.Г. Обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России : межвуз. сб. науч. тр. Уфа : РИО БашГУ, 2003. Режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.ru> (дата обращения: 16.04.2024).
- Maryukhnich, M.T. (2016) Conception of justice in the philosophical tradition of antiquity. *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*. (2), 92–98. EDN YOBUBB. (in Russian).
Марюхнич М.Т. Концепция справедливости в философской традиции Античности // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 92–98. EDN YOBUBB.
- Matveev, P.E. (2018) *Topical issues of axiology*. In two books. Vladimir, Vladimir state university publishing house. (in Russian).
Матвеев П.Е. Аксиология Ч. 2 : Актуальные проблемы аксиологии. Владимир : ВлГУ, 2018. 251 с.
- Mikhel, D.E. (2023) Theoretical and practical aspects of the theory of procedural justice in social psychology and legal conflictology (based on the study of the conflict and the legal forms of its resolution). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. (1), 13–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-13-21> (in Russian).
Михель Д.Е. Теоретические и практические аспекты теории процессуальной справедливости в социальной психологии и юридической конфликтологии (на основе изучения конфликта и юридических форм его разрешения) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1. С. 13–21. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-13-21>
- Nazhimov, V.P. (1989) Fairness as the principle of implementation justice and the most important property of sentencing in the USSR. In: *The principle of fairness in the implementation of*

- justice in criminal cases: Interuniversity thematic collection of scientific papers, Kaliningrad, Kaliningrad State University. pp. 3–12. (in Russian).
- Нажимов В.П.* (1989) Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР. Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам : межвуз. темат. сб. науч. тр. Калининград : КГУ, 1989. С. 3–12.
- Shmarev, A.I. (2020) Is the principle of justice needed in Russia's criminal process? *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 3(15), 234–243. <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10074> (in Russian).
- Шмарев А.И.* Нужен ли принцип справедливости в уголовном процессе России? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3(15). С. 234–243. <https://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10074>
- Tagizade, A.D. (2011) The principle of justice and legality in the philosophy of law. *Humanities and social sciences*. (6), 80–89. EDN RBNXXH. (in Russian).
- Тагизаде А.Д.* Принцип справедливости и законности в философии права // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 80–89. EDN RBNXXH.
- Thibaut, J. & Walker, L. (1978) A theory of procedure. *California Law Review*. (66), 541–566.
- Tyler, T.R. (2000) Social Justice: Outcome and Procedure. *International Journal of Psychology*, 35(2), 117–118.

Сведения об авторах:

Холоимова (Василенко) Александра Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-4029-8502; SPIN-код: 9897-7556

e-mail: vasilenko-as@rudn.ru

Гребнев Роман Вячеславович – ассистент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0003-4626-6250; SPIN-код: 4632-6993

e-mail: grebenev_rv@pfur.ru

About the authors:

Alexandra S. Kholoimova (Vasilenko) – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4029-8502; SPIN-code: 9897-7556

e-mail: vasilenko-as@rudn.ru

Roman V. Grebenev – Assistant of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0003-4626-6250; SPIN-code: 4632-6993

e-mail: grebenev_rv@pfur.ru

БИОЭТИКА И ПРАВО BIOETHICS AND LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-856-874>
EDN: IFVDCI

Научная статья / Research Article

Конституционно-правовые гарантии защиты медицинской информации уязвимых лиц

Н.М. Колосова^{1,2}, В.Э. Мамедова^{1,2}

¹Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

²Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

kolosova-law@mail.ru

Аннотация. В исследовании ставится вопрос о теоретическом осмыслении практических проблем, возникающих при защите медицинской информации лиц, страдающих психическими расстройствами, несовершеннолетних и заключенных. Установлены дополнительные риски неправомерного доступа к ней третьих лиц. Скорректировано доктринальное обоснование особенностей защиты медицинской информации. На основе анализа существующих подходов к понятию и классификации конституционно-правовых гарантий предложено выделить основные, конкретные и дополнительные гарантии защиты медицинской информации. Используемые научные методы анализа, синтеза, систематизации и классификации позволили определить особенности каждой из указанных категорий гарантий, что направлено на повышение их эффективности. Особое внимание в статье уделено конституционно-правовым гарантиям противодействия неправомерному доступу к медицинской информации третьих лиц, что направлено на беспрепятственную реализацию иных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: конституционно-правовые гарантии, медицинское право, медицинская информация, уничтожение информации, право на доступ к медицинской информации, электронная карта пациента, медицинские права несовершеннолетних, медицинские права заключенных

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта «Концептуализация системы гарантий защиты персонализированной информации человека при проведении медицинской диагностики и исследований» № 24-28-00794.

© Колосова Н.М., Мамедова В.Э., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 24 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Колосова Н.М., Мамедова В.Э. Конституционно-правовые гарантии защиты медицинской информации уязвимых лиц // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 4. С. 856–874. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-856-874>

Constitutional and legal guarantees for the protection of medical information of vulnerable persons

Nina M. Kolosova^{1,2}, Vladislava E. Mamedova^{1,2}

¹The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²Samara University, Samara, Russian Federation

kolosova-law@mail.ru

Abstract. Theoretical aspects concerning the safeguarding of medical information pertaining to individuals with mental disorders, minors and prisoners are expored in this article. The heightened risks of unauthorized access to such information by external parties have been identified, promoting a doctrinal reevaluation of the protective measures. Through the analysis of prevailing approaches to constitutional and legal guarantees, the article proposes a phramework for delineating primary, specific, and auxiliary measures for ensuring the protection of medical information. Employing the scientific methods of analysis, synthesis, systematization and classification, the article discerns the particular attributes of each category of guarantees, aiming to enhance their effecacy. Notably, emphasis is placed on constitutional and legal provisions aimed at preventing unlawful access to medical information by external entities.

Key words: constitutional guarantees, medical law, medical information, data erasure, right to access medical information, electronic health record, medical rights of minors, medical rights of prisoners

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Undivided co-authorship.

Funding. The study received support from the Russian Science Foundation under research project No. 24-28-00794, titled Conceptualization of the System of Guarantees for the Protection of Personalized Human Information During Medical Diagnostics and Research.

Received: 24th June 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Kolosova, N.M., Mamedova, V.E. (2024) Constitutional and legal guarantees for the protection of medical information of vulnerable persons. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 856–874. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-856-874>

Введение

Несмотря на достаточное количество научных трудов, посвященных изучению конституционно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина, их анализ применительно к обороту медицинской информации практически отсутствует, что обуславливает актуальность настоящего исследования. В условиях стремительного

развития новых информационных технологий, во многом значительно опережающего соответствующие изменения нормативного регулирования, значимость такого анализа многократно возрастает.

Обеспечение защиты медицинской информации требует формирования совокупности правовых гарантий, системообразующим ядром которой предлагаем признать конституционно-правовые гарантии. Последние в свою очередь определяют развитие и взаимодействие технических, судебных, организационных и иных гарантий защиты медицинской информации¹.

Многоаспектность процедур, осуществляемых в отношении медицинской информации, включающих ее хранение, создание, распространение, копирование, блокировку, корректировку, уничтожение, ознакомление и др., обуславливает целесообразность исследования каждой из них в качестве самостоятельной. В отношении таких процедур необходимо установить специфические правила, нарушение которых следует признать неправомерным и влекущим соразмерные неблагоприятные последствия.

В предмет настоящего исследования будет включено только право на доступ к медицинской информации третьих лиц. Такой выбор обусловлен основополагающим характером указанного права в исследуемых отношениях: доступ к медицинской информации первичен по отношению к значительному числу указанных выше процедур (распространение, копирование, блокировка и т.д.), поскольку их осуществление фактически невозможно без реализации права на доступ.

При этом правоотношения с усложненным субъектным составом (включающие третьих лиц) создают дополнительные риски неправомерного использования медицинской информации.

В частности, распространение отдельных медицинских сведений, полученных посредством злоупотребления правом на доступ, может оказать негативное воздействие на все сферы жизнедеятельности человека: ограничить его трудовые и образовательные права при получении тех или иных сведений работодателем и учебным заведением (в частности об обращениях за психиатрической помощью); опорочить его честь и достоинство (например, при распространении информации о наличии социально опасных заболеваниях, таких как гепатит С либо ВИЧ); наконец, стать предметом преступления (шантажа, мошенничество и т.д.).

Особенно важной представляется проблема формирования дополнительных гарантий, направленных на защиту медицинской информации несовершеннолетних; лиц, страдающих психическими расстройствами, и лиц, заключенных под стражу, отбывающих наказание в виде лишения свободы, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел (далее – заключенные). Именно они по разным причинам ограничены в свободе самостоятельного выбора способов защиты своих прав, включая информационные. Указанный аспект проблемы будет приоритетным в настоящем исследовании.

Теоретические подходы к пониманию конституционно-правовых гарантий медицинской информации

Несмотря на то, что понятие конституционно-правовых гарантий не является новым для публично-правовых наук, его содержание до настоящего времени

¹ См., напр.: (Vinokurova & Pashnina, 2022; Lyutov, 2021; Pashentsev & Zaloilo (eds.), 2022) и др.

остается дискуссионным. Так, различные ученые определяют конституционно-правовые гарантии как средства (Malakhov & Lanova, 2018; Loshkarev, 2009:9), условия (Nikitina, 2021) и способы (Ivanov, 2016), факторы (Lyashenko, 2012:106) и т.д.

Следует отметить, что с точки зрения русского языка способ представляет собой алгоритм, поэтапный план действий, в то время как средство – это конкретный прием, направленный на достижение определенной цели². На основании изложенного считаем, что конституционно-правовые гарантии следует рассматривать скорее как средство, т.е. конкретный прием. Раскрытие их содержания через термины «алгоритм» и «план» представляется затруднительным.

Дискуссионным в литературе является и вопрос о целях установления конституционно-правовых гарантий. Ряд авторов при исследовании указанной сферы ставят акцент на гарантированности закрепления (существования, наличности) соответствующих прав и свобод человека и гражданина (Kachur, 2017; Ivakina, 2016; Kivel, 2014). Другие рассуждают о гарантиях реализации и защиты таких прав (Sabaeva, 2014; Tatarintseva, 2015; Malakhov & Lanova, 2018).

Следует признать, что обе точки зрения подтверждаются развернутой аргументацией и во многом дополняют друг друга. В связи с чем считаем, что допустимо выделять три группы конституционно-правовых гарантий: гарантии прав, их реализации и защиты.

При такой классификации к конституционно-правовым гарантиям прав в сфере оборота медицинской информации следует, в частности, отнести правовые нормы, закрепляющие запрет на неправомерный доступ к третьим лицам к такой информации. Конституционно-правовыми гарантиями реализации прав будут, например, выступать нормы, учреждающие организационную и технологическую систему, направленную на осуществление указанных прав; закрепляющие компетенцию ответственных должностей лиц; определяющие порядок проведения процедур взаимодействия с медицинской информацией. В свою очередь, юридическую ответственность следует отнести к гарантиям защиты прав. Указанные виды гарантий имеют разную цель, но в рамках исследования следует учитывать их взаимное влияние.

Таким образом, конституционно-правовые гарантии защиты медицинской информации – это конкретизированные в нормативных правовых актах средства, применение которых направлено на закрепление, реализацию и защиту соответствующих информационных прав и свобод.

Отметим еще один дискуссионный аспект в рамках исследуемой темы. Ряд ученых при классификации конституционно-правовых гарантий выделяют общие и специальные (Vitruk, 2010: 319–320).

К первым, к примеру, относят нормы-принципы Конституции Российской Федерации, в частности признающие Российскую Федерацию демократическим, правовым государством. Однако, по нашему мнению, общие гарантии при таком их понимании, по сути, совпадают с условиями реализации прав, при этом их влияние на информационные права и свободы в сфере медицины весьма опосредовано. Вместе с тем недопустимо преуменьшать значимость таких условий, так как их отсутствие может привести к фактической невозможности защиты медицинской информации.

---

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.

Конституционно-правовые гарантии защиты медицинской информации предлагаем разделить на основные, конкретные и дополнительные. Критерием такого рода классификации является роль соответствующего вида гарантий.

Под основными гарантиями следует понимать правовые средства, направленные на обеспечение всего массива информационных прав, в том числе в рамках медицинских правоотношениях. В частности, к ним следует отнести часть 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующую право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; а так же часть 2 статьи 24 Конституции Российской Федерации, согласно которой органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

Таким образом, основные гарантии, закрепленные в Конституции Российской Федерации, создают необходимые нормативные основы для защиты любой информации как объекта правового регулирования и находят дальнейшее развитие в российском законодательстве. Необходимо отметить, что при таком понимании основные гарантии непосредственно являются средством реализации информационных прав в сфере медицины, что нехарактерно для предлагаемых в литературе общих конституционно-правовых гарантий (условий) прав и свобод человека и гражданина.

Под конкретными гарантиями предлагаем понимать правовые средства, предусмотренные медицинским и иным отраслевым законодательством, учитывающие специфику соответствующей сферы правоотношений. К ним, в частности, следует отнести нормы, устанавливающие режим врачебной тайны.

Дополнительные гарантии следует рассматривать как правовые средства, направленные на защиту особых видов медицинской информации, в частности типологизированную по категориям пациентов. Среди пациентов следует выделять лиц, нуждающихся в специальной защите, так называемых уязвимых лиц, к которым следует отнести психически больных пациентов, несовершеннолетних граждан и лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Медицинская информация таких пациентов признается так называемой «чувствительной информацией», защита которой требует дополнительных мер.

Дополнительные гарантии защиты медицинской информации о психическом здоровье человека

Особый статус имеет информация о психическом здоровье человека, так как проблемы в этой области могут создать препятствия для реализации иных прав и свобод. Например, наличие психического заболевания у гражданина создает ему трудности при трудоустройстве или оформлении опекуна. Кроме того, такого рода информация существенно влияет на авторитет человека, его достоинство и положение в социуме. Порой общественное сознание негативно воспринимает информацию о наличии психического заболевания у члена коллектива. Отсюда особую важность приобретает необходимость четких процедур порядка хранения, учета такого рода медицинской информации. Названный правовой режим наряду с институтом юридической ответственности следует признать дополнительными гарантиями защиты медицинской информации такого рода.

Действующая нормативная база предусматривает две карты, содержащие индивидуальную медицинскую информацию в психиатрических и наркологических учреждениях³.

Первая – карта обратившегося за психиатрической (наркологической) помощью – содержит сведения о динамике наблюдения (п. 11), диагнозе (п. 16), причинах прекращения наблюдения (п. 26). Согласно Инструкции по заполнению указанной карты последняя «содержит основные сведения о больном и является формализованным документом, предназначенным для амбулаторного наблюдения и контроля посещений больных психическими и наркологическими расстройствами»⁴, по истечении года закрытые карты сдаются в архив. Согласно письму Минздрава России от 07.12.2015 № 13-2/1538 «О сроках хранения медицинской документации» указанная карта хранится 25 лет⁵.

Вторая форма – статистическая карта выбывшего из психиатрического (наркологического) стационара – содержит сведения о диагнозе (п. 21), порядке поступления (п.17), видах принудительного лечения (п. 28) и др. Указанная карта используется для годовых отчетов и хранится 10 лет⁶.

Таким образом, указанная документация – это один из основных источников медицинской информации, содержание которой составляет врачебную тайну. Она сопровождает процесс оказания медицинской помощи каждого пациента индивидуально и отражает информацию о самом пациенте, диагнозе, условиях, видах, сроках оказания медицинской помощи.

Наряду с индивидуальной существует общая база данных, защищенность которой также важна, но эта тематика выходит за рамки задач настоящего исследования.

Особый научный интерес представляет электронная карта, введение которой способствует оптимизации деятельности медицинских организаций. Создается возможность сохранения информации без ограничения временем, так как отсутствует необходимость уничтожения бумажных носителей медицинской информации в связи с ограниченностью объема памяти бумажных карт пациентов. Контроль за деятельностью медицинского персонала становится более доступным и эффективным. Однако электронные карты пациента приводят к возникновению новых рисков неправомерного доступа к персонифицированной медицинской информации третьим лицам. Для минимизации такого рода рисков юридических гарантий порой бывает недостаточно. Необходимо блокировать доступ к этой информации третьих лиц, применяя современные технологии. Однако следует признать, что в настоящее время обеспечить абсолютную защиту информации, содержащейся в электронных

³ См.: Приказ Минздрава России от 31 декабря 2002 года № 420 «Об утверждении форм первичной медицинской документации для психиатрических и наркологических учреждений». Режим доступа: <https://base.garant.ru/4178883/> (дата обращения: 05.03.2024).

⁴ См.: Инструкция по заполнению формы № 030-1/у-02 «Карта обратившегося за психиатрической (наркологической) помощью» (приложение № 3), утв. Приказом Минздрава России от 31 декабря 2002 года № 420 «Об утверждении форм первичной медицинской документации для психиатрических и наркологических учреждений». Режим доступа: <https://base.garant.ru/4178883/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/> (дата обращения: 05.03.2024).

⁵ См.: Письмо Минздрава России от 07.12.2015 № 13-2/1538 «О сроках хранения медицинской документации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71201736/> (дата обращения: 05.03.2024).

⁶ См.: Письмо Минздрава России от 07.12.2015 № 13-2/1538 «О сроках хранения медицинской документации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71201736/> (дата обращения: 05.03.2024).

картах, невозможно. Зарубежной практике известны случаи неправомерного распространения всего объема данных электронной медицинской базы государства (Республика Казахстан) в сети «Интернет»⁷. Такого рода риски недопустимы применительно к информации лиц, обладающих психическими расстройствами. В связи с чем полагаем, что использование информационных технологий в отношении данной информации следует допускать после их достаточной апробации в других медицинских сферах.

До этого момента допустимо установить переходный период, в течение которого электронной обработке следует подвергать только диагноз и общие сведения о пациенте при условии их обезличивания. Детализированную информацию, в том числе записи бесед с пациентом, следует хранить на бумажных носителях.

Таким образом, будет минимизирована возможность несанкционированного доступа третьих лиц к информации лиц, страдающих психическими расстройствами.

Дополнительные гарантии защиты медицинской информации несовершеннолетних пациентов

Основным вопросом в сфере защиты медицинской информации несовершеннолетних является вопрос о возрасте, с которого их следует признать субъектами, способными принимать самостоятельные решения, связанные со здоровьем.

Действующее законодательство в качестве дифференциации статуса несовершеннолетних в медицинских правоотношениях использует два возрастных значения: 15 лет (16 лет для больных наркоманией) (далее, под возрастом 15 лет мы также будем понимать, в том числе возраст 16 лет для больных наркоманией) и 18 лет.

До наступления возраста 15 лет все правомочия в сфере медицинских отношений реализует законный представитель несовершеннолетнего. С 15 лет несовершеннолетний имеет право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него, а также право на получение наравне с законным представителем информацию о состоянии своего здоровья. Действовавшее до 2020 г. регулирование не предоставляло законным представителям право на ознакомление с медицинской информацией, связанной с пациентами старше 15 лет.

Данное положение до настоящего времени остается дискуссионным. Сторонники действующего регулирования указывают на существовавшую ранее коллизия между содержанием ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), требующей от родителей заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей и невозможностью родителей детей в возрасте от 15 до 18 лет свободно знакомиться с медицинской информацией об их здоровье. Кроме того, некоторые авторы предлагают внести взаимосвязанные изменения в положения об информационном добровольном согласии на медицинское вмешательство и исключить возможность его предоставления несовершеннолетними гражданами, передав это полномочие законным представителям (Drobnyazko, 2023; Pavlova, 2015). Такая необходимость, в частности, обосновывается возможностью прохождения несовершеннолетними гормональной терапии и совершения

⁷ По материалам Международного круглого стола «Конституционно-правовые гарантии защиты медицинской информации» (4.06.2024 г., ИЗИСП, Москва); доклад Башимова М.С. «Ответственность медицинских работников за достоверность медицинской информации».

иных медицинских вмешательств в целях последующего изменения пола без уведомления об этом законных представителей.

Сторонники идеи о расширении свободы несовершеннолетних в вопросах здравоохранения небезосновательно отмечают, что порой вмешательство родителей в обозначенные вопросы является излишним и способно причинить несовершеннолетним психологический дискомфорт и травму (Pavlov, 2017; Pavlov, 2019; Predeina, 2020). Так, не имея возможности самостоятельно обратиться к врачу либо опасаясь того, что его медицинская информация будет сообщена родителю, несовершеннолетний может скрывать от всех свои проблемы со здоровьем, заниматься самолечением и затягивать процесс выздоровления. Неизбежность сообщения медицинской информации родителям может стать причиной самовольного ухода несовершеннолетнего из дома, причинения вреда здоровью вплоть до суицида⁸.

Установление баланса публичных интересов общества и государства в обеспечении должного уровня здоровья населения и частных интересов отдельного лица, в том числе несовершеннолетнего, в автономном решении вопросов, входящих в сферу личной жизни и тем более врачебной тайны, требует максимального обоснованного подхода и должно учитывать все многообразие жизненных ситуаций.

К сожалению, вопреки указанным выше предписаниям ч. 1 ст. 63 СК РФ не все родители должным образом исполняют свои родительские обязанности.

За последние пять лет фиксируется рост числа преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в частности сексуального характера (Goncharova et al., 2023:19). Однако, по данным Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ, более половины преступлений против несовершеннолетних совершается их родителями: в 2021 г. 57,5 % от общего числа преступлений против несовершеннолетних 2022 г. – 58,2%; по 2023 г. статистика в настоящее время не представлена⁹. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, каждое 11 преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних совершается законным представителем¹⁰.

Преступления и иные правонарушения – это крайний случай нарушения родительских обязанностей, которому нередко могут предшествовать иные злоупотребления, оказывающие негативное воздействие на здоровье несовершеннолетних. Причины таких злоупотреблений родительскими правами разнообразны: те или иные представления родителей о допустимых методах воспитания, включая физические наказания, лишение пищи и питья и т.д.; их религиозные и идеологические воззрения; индифферентное отношение родителей к своим обязанностям. Зависимость детей от родителей может предостеречь их от своевременного обращения в медицинскую организацию. В связи с этим представление о том, что родители могут использовать свои правомочия в медицинской сфере исключительно в интересах несовершеннолетних, несколько преувеличено, в то время как лишение несовершеннолетних старшей возрастной группы возможности самостоятельно защищать свои

⁸ В Госдуме предупредили о рисках из-за отмены врачебной тайны для подростков. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/06/06/v-gosdume-predupredili-o-riskah-iz-za-otmeny-vrachebnoj-tajny-dlia-podrostkov.html#code>. (дата обращения: 05.03.2024).

⁹ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. С 235. Режим доступа: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/245> (дата обращения: 03.03.2024).

¹⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. С 235. Режим доступа: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/245> (дата обращения: 03.03.2024).

права, в том числе от недобросовестного поведения родителя, представляется необоснованным.

Необходимо отметить, что возраст, с которого несовершеннолетнего следует считать достаточно автономным для принятия решений в медицинской сфере, тоже является дискуссионным (Predeina, 2020).

Очевидным является некоторое разночтение в подходах гражданского, семейного и медицинского законодательства к вопросам возникновения отраслевой дееспособности несовершеннолетних граждан. Многие авторы указывают на возможность возникновения коллизий в связи с такими разночтениями (Predeina & Kukina, 2018; Burdo & Garanina, 2014).

Так, например, согласно положениям СК РФ по достижении 14 лет несовершеннолетний вправе самостоятельно обращаться в суд за защитой своих прав, а также требовать отмены усыновления. В свою очередь над детьми младше 14 лет устанавливается опека, а старше – попечительство. В соответствии с гражданским законодательством несовершеннолетие в возрасте с 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях. Кроме того, достижение четырнадцатилетнего возраста является основанием приобретения паспорта гражданином Российской Федерации. Таким образом, значительный массив действующего законодательства рассматривает несовершеннолетнего старше 14 лет в качестве автономного участника достаточно значимых отношений.

Российскому законодательству также известен другой юридически значимый возраст несовершеннолетних – 16 лет. Гражданское законодательство предусматривает возможность эмансипации лиц, достигших 16-летнего возраста. Семейное законодательство допускает вступление в брак по достижении 16 лет при наличии уважительных причин, а также указывает на возможность самостоятельного осуществления ими родительских прав в случае рождения ребенка.

В связи с указанными выше положениями установление демаркационной возрастной линии в сфере медицинских правоотношений на отметке 15 лет представляется непоследовательным.

Обращаясь к истории вопроса, отметим, что действовавший ранее Закон СССР от 19.12.1969 № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» определял шестнадцатилетний возраст в качестве момента, с наступлением которого несовершеннолетний мог самостоятельно давать согласие на хирургическое и иное сложное вмешательство, использование в отношении него не допущенных к всеобщему применению методов. Впервые обязательность информирования родителей о здоровье несовершеннолетних была закреплена в 1995 г. без указания на возраст. Возраст 15 лет в качестве юридически значимого в медицинских правоотношениях был впервые установлен «Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1).

Отметим, что специфика данных отношений, требующая отхода от общепринятых в российской правовой системе положений о дееспособности несовершеннолетних, не является очевидной. Какие-либо научные обоснования такого исключения в юридической и медицинской литературе отсутствуют.

Обращаясь к зарубежным источникам, отметим, что ряд исследователей и практикующих педиатров допускают получение информированного добровольного согласия от детей в возрасте старше 7 лет в целях их нравственного и интеллектуального развития (Unguru, Coppes & Kamani, 2008; Wendler, 2006; Scott, Fowler &

Caulfield, 2019)¹¹. Проводимые в 1980-х гг. исследования свидетельствуют о возможности принятия самостоятельных аргументированных решений детьми в середине подросткового возраста (McCabe, 1996; Weithorn & Campbell, 1982). В этот период Верховный суд штата Теннесси США в деле *Cardwell v Bechtol* использовал так называемое «правило семерок»: до 14 лет действует презумпция отсутствия у детей способности принимать самостоятельные решения в медицинской сфере, но в возрасте с 7 до 14 лет она может быть опровергнута соответствующими доказательствами; в возрасте старше 14 лет действует презумпция способности принятия детьми самостоятельных решений, но она может быть опровергнута (Katz & Webb, 2016).

Кроме того, в литературе отмечается расширение прав несовершеннолетних на дачу информационного добровольного согласия на медицинское вмешательство в связи с заболеваниями венерологического, дерматологического, гинекологического и т.д. профилей. При этом данный факт объясняется скорее не психологической готовностью несовершеннолетних принимать решения в указанных сферах, а обеспокоенностью медицинского сообщества рисками сокрытия информации и, соответственно, несвоевременного лечения таких заболеваний несовершеннолетними (Katz & Webb, 2016).

В связи с указанным выше полагаем допустимым предложить следующую концепцию дополнительных гарантий прав несовершеннолетних на защиту их медицинской информации, направленную на учет интересов как родителей, так и детей; а также воспринявшую существующие правовые традиции.

В основе нашей концепции лежит идея категоризации медицинской информации. Полагаем допустимым закрепить две категории медицинской информации несовершеннолетних пациентов: ординарную и особую.

В число особой информации следует включать сведения, представляющие угрозу жизни несовершеннолетнего, а также вопросы, имеющие высокую значимость как с медицинской, так и социальной точки зрения. В частности, такая информация может включать сведения о социально значимых и представляющих опасность для окружающих заболеваниях; о необходимости проведения отдельных хирургических вмешательств; об обращении несовершеннолетнего в медицинскую организацию по вопросам искусственного прерывания беременности, изменения пола и т.д. Такая информация должна подлежать обязательному сообщению законному представителю несовершеннолетнего любого возраста. При этом целесообразно дополнительно исследовать вопрос о самостоятельной даче несовершеннолетним информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, ассоциированное с особой медицинской информацией. Допустимо предусмотреть дачу такого согласия только в присутствии законного представителя.

Информация, не подходящая под критерии особой, является ординарной, в отношении которой предлагаем внедрить подход поэтапного расширения свободы детей и ограничения прав родителей. Исходя из идеи гармонизации отраслей российского права в качестве реперных точек, предлагаем избрать возраст 14 и 16 лет с возможностью его корректировки для отдельных групп пациентов, в частности больных наркоманией.

---

¹¹ См.: Informed consent, parental permission, and assent in pediatric practice. Committee on Bioethics, American Academy of Pediatrics. Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/7838658/>. Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16574878/> (дата обращения: 08.03.2024) и др.

В отношении несовершеннолетних младше 14 лет допустимо распространить принятый российским законодательством подход о реализации их прав посредством участия законного представителя. Таким образом, информирование законного представителя несовершеннолетнего младше 14 лет обязательно в полном объеме, дача информированного добровольного согласия таким несовершеннолетним недопустима.

В отношении несовершеннолетних в возрасте с 14 до 16 лет возможно предоставление ординарной медицинской информации их законным представителям по запросу последних. Соответственно, допускается самостоятельная дача информированного добровольного согласия такими несовершеннолетними по вопросам, связанным с ординарными медицинскими сведениями.

С 16 до 18 лет ординарная медицинская информация в рамках нашей концепции подлежит предоставлению законным представителям только с согласия несовершеннолетнего, которое может предоставляться однократно на всю информацию соответствующего вида.

Полагаем, что такого рода категоризация медицинской информации, во-первых, наделит несовершеннолетних, у которых сложились недоверительные отношения с законными представителями, возможностью свободно обратиться за медицинской помощью. Во-вторых, создаются условия для участия в медицинских правоотношениях ребенка родителей, поддерживающих доверительные отношения с несовершеннолетним. В-третьих, предоставляет значимые возможности законным представителям для исполнения обязанностей, закрепленных СК РФ.

Дополнительные гарантии защиты медицинской информации заключенных

Рассмотрим следующую категорию граждан, защита медицинской информации которых также требует дополнительных гарантий: лица, заключенные под стражу, отбывающие наказание в виде лишения свободы, содержащиеся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел.

С одной стороны, на данную категорию пациентов распространяется общее требование ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» о сохранении врачебной тайны. С другой стороны, действующее специальное законодательство не содержит дополнительных гарантий ее обеспечения. Так, Приказ МВД РФ № 1115, Минздрава РФ № 475 от 31.12.1999¹² (далее – Приказ № 1115), регулирующий порядок оказания медицинской помощи заключенным, не использует понятие «врачебная тайна». Приказ Минюста России от 28.12.2017 № 285 (далее – Приказ № 285) упоминает о необходимости сохранения врачебной тайны трижды, однако лишь в связи с ситуациями, требующими передачи медицинской информации и документации между медицинскими организациями, их подразделениями и работниками. Постановление Правительства РФ от 28.12.2012 № 1466¹³ упоминает о необходимости соблюдения

¹² Приказ МВД РФ № 1115, Минздрава РФ № 475 от 31.12.1999 «Об утверждении Инструкции о порядке медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 13.03.2000. № 11.

¹³ Постановление Правительства РФ от 28.12.2012 № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций

требований законодательства Российской Федерации в области персональных данных в аналогичных случаях.

Анализ нормативной правовой базы позволил выделить ряд положений, которые снижают общий уровень гарантий защиты медицинской информации заключенных.

Так, действующее законодательство определяет условия, в которых заключенный вынужден сообщать информацию медицинского характера должностному лицу, не являющемуся врачом¹⁴. В частности, согласно Приказу № 1115 в случае поступления лица в изолятор временного содержания в период отсутствия медицинского работника дежурный опрашивает поступившего о состоянии его здоровья (п. 10). Согласно Приказу № 285 заключенные в целях получения необходимой медицинской помощи должны записаться в соответствующий журнал, который ведет начальник отряда (п. 33).

Кроме того, фактически медицинская помощь нередко оказывается заключенным в присутствии третьих лиц (работников уголовно-исправительной системы), что, как правило, аргументируется необходимостью обеспечения безопасности медицинских работников (Pavlenko, 2009:122). Так, согласно п. 19 Приказа № 1115 медицинская помощь лицам, содержащимся в изоляторе временного содержания, оказывается медицинскими работниками учреждений государственной системы здравоохранения только в сопровождении дежурного. В свою очередь значительная часть заключенных должны прибывать на прием к медицинскому работнику в сопровождении сотрудников учреждения уголовно-исполнительной системы (п. 34 Приказа № 285).

Наконец, установление отличных от общих норм питания для отдельных групп больных (ВИЧ-инфекция, туберкулез, сахарный диабет) вне зависимости от мест их пребывания¹⁵, т.е. не только при их стационарном/амбулаторном лечении, делает сохранение такого рода врачебной тайны практически невозможным.

С организационной точки зрения сохранение врачебной тайны в условиях нахождения большого количества людей в замкнутом пространстве также представляется затруднительным. В таких условиях любое изменение состояния здоровья становится очевидным для окружающих. При этом наличие отдельных видов заболеваний у заключенного может негативно сказаться на формировании им социальных связей с другими заключенными, вплоть до возможного причинения ему вреда жизни и здоровью, а также суицида.

Отметим, что действовавший ранее Приказ Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005 г.¹⁶ (далее – Приказ № 640) значительное внимание уделял вопросам сохранения врачебной тайны заключенных и содержал хоть

при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» // Собрание законодательства РФ. 07.01.2013. № 1. Ст. 61.

¹⁴ См.: 29th General report of the CPT European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment // Council of Europe. 1 January – 31 December 2019. P. 25.

¹⁵ Приложение № 5 к приказу Минюста России от 17.09.2018 №189 «Об установлении повышенных норм питания, рационов питания и норм замены одних продуктов питания другими, применяемых при организации питания осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71954592/> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁶ Приказ Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005 «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 46. 14.11.2005.

и разрозненный, но в то же время достаточно широкий перечень дополнительных гарантий защиты медицинской информации заключенных.

На основании анализа положений Приказа № 640 в контексте их сравнения с действующим регулированием полагаем целесообразным включение ряда из них в современную нормативную правовую базу.

Во-первых, Приказ № 640 указывал, что факт обращения заключенного за оказанием медицинской помощи, а также сведения о состоянии его здоровья составляют врачебную тайну (п. 27). В настоящее время такая формулировка являлась бы повторением положений вышестоящих актов и с точки зрения юридической техники была бы избыточной. Однако следует учитывать тот факт, что как медицинские, так и иные сотрудники, работающие в уголовно-исправительной системе, подвержены определенной профессиональной деформации, одним из проявлений которой является стремление исполнять предписания непосредственного начальника и ведомственные инструкции. В связи с этим закрепление в акте соответствующего министерства положения о сохранении врачебной тайны заключенных, например, в качестве одной из целей деятельности медицинского подразделения внутри системы уголовно-исполнительной системы, могло бы способствовать защите медицинской информации заключенных. Кроме того, в отношении отдельных групп больных (ВИЧ-инфекция, туберкулез и т.д.) целесообразно дополнительное текстовое закрепление положений о недопустимости разглашения соответствующей медицинской информации.

Во-вторых, Приказ № 640 закреплял отдельные требования к хранению медицинской документации. Так, медицинские карты больных заключенных подлежали хранению в запираемых на ключ шкафах, а листки временной нетрудоспособности – в сейфах. Отсутствие такого положения в настоящее время не означает, что практика хранения медицинской документации кардинально изменилась. Хранение медицинской документации в запираемых шкафах фактически обеспечивает защиту информации от двух факторов, как от неправомерного доступа к ней третьих лиц, так и от доступа заключенных, стремящихся либо уничтожить такую информацию, либо внести в нее недостоверные сведения. Последний фактор обуславливает сохранение достаточно высокого уровня защиты медицинской документации.

Отдельного внимания заслуживает положение Приказа № 640, согласно которому при направлении заключенного в медицинскую организацию за пределами места его содержания амбулаторная карта выдается сопровождающему лицу. В случае если такое лицо не является медицинским работником, амбулаторная карта передается способом, не позволяющим ознакомиться с содержащейся в ней информацией (например, заклеенный конверт). Определенно такое положение закрепляет дополнительные гарантии защиты медицинской информации заключенных и должно распространяться на все случаи взаимодействия с медицинской документацией лиц, не являющихся медицинскими работниками.

В то же время развитие современных технологий приводит к внедрению информационных медицинских систем и электронных медицинских карт. Этот факт требует от медицинских работников, занятых в учреждениях уголовно-исправительной системы, соблюдения в своей деятельности всех требований по защите персонализированной медицинской информации, установленных общим регулированием данной сферы. В первую очередь, следует уделять внимание вопросам неправомерного доступа к медицинским информационным системам лиц, не являющихся медицинскими работниками.

В-третьих, Приказ № 640 предусматривал возможность обращения заключенного к медицинскому работнику не только посредством записи в журнал приема, который ведет сотрудник уголовно-исполнительной системы, но и непосредственно в ходе ежедневного обхода камер. Практика обращения к медицинскому персоналу через сотрудников уголовно-исполнительной системы является достаточно спорной¹⁷, поскольку может приводить к сокрытию такими сотрудниками заболеваний заключенных, в т.ч. в связи с личной неприязнью, стремлением ухудшить положение конкретного заключенного.

Возможность непосредственного обращения заключенного к медицинскому работнику является одной из наиболее важных гарантий как защиты врачебной тайны, так и самого права заключенного на медицинскую помощь¹⁸. Так, некоторые зарубежные страны допускают конфиденциальное обращение заключенного к медицинскому персоналу посредством направления обращения в запечатанном конверте¹⁹. Считаем допустимым использовать аналогичную практику в России. Таким образом, следует наделять заключенных правом обратиться к медицинским работникам устно в ходе ежедневного обхода, а также письменно на условиях конфиденциальности медицинской информации, в том числе непосредственно передав сообщение в руки медицинского работника.

В-четвертых, как уже было отмечено выше, в настоящее время практически все заключенные пребывают на прием к врачу в сопровождении сотрудника уголовно-исполнительной системы. Согласно Приказу № 640 лица, содержащиеся в следственных изоляторах, исправительных колониях особого режима и тюрьмах, направлялись на прием к врачу индивидуально или группами 3–5 человек в сопровождении сотрудников уголовно-исполнительной системы. Остальные заключенные направлялись на прием самостоятельно.

Поскольку уголовно-исполнительная система направлена на достижение специфических целей (исполнение наказания и др.), вопросы обеспечения перемещений заключенных по территории соответствующих учреждений должны в первую очередь обеспечивать эти цели. В связи с чем сопровождение всех заключенных сотрудниками уголовно-исполнительной системы на прием к медицинским работникам следует признать допустимым.

Оказание медицинской помощи в специально оборудованных для этого местах соответствует требованиям сохранения врачебной тайны и обеспечения должного уровня медицинской помощи.

Отметим в данной части, что вне зависимости от индивидуальной или группой формы препровождения заключенных к медицинским работникам, медицинский прием должен проводиться индивидуально. Проведение медицинского приема заключенных в группах недопустимо.

В-пятых, Приказ № 640 допускал присутствие третьих лиц на медицинском приеме в случаях необходимости обеспечения безопасности медицинского работника. При этом решение о присутствии третьих лиц принимал медицинский

---

¹⁷ Organization and management of health care in prison. Guidelines // Council of Europe. 2019. P. 19.

¹⁸ См.: Recommendation No. R (98) 7 Concerning the Ethical and Organisational Aspects of Health Care in Prison // Council of Europe. Apr. 8, 1998. Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/instree/coecrecr98-7.html> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁹ A manual for health-care workers and other prison staff with responsibility for prisoners' well-being. Council of Europe. November 2014 Printed at the Council of Europe. P. 12.

работник, заключенный имел право письменно зафиксировать свое несогласие с таким присутствием. Считаем такое регулирование оптимальным.

По общему правилу, медицинский прием должен проводиться в отсутствие третьих лиц. Сотрудники уголовно-исполнительной системы должны находиться за пределами зоны слышимости и видимости происходящего в кабинете врача.

Поскольку задача обеспечения личной безопасности медицинских работников также является приоритетной, ее решение возможно двумя способами. Как было указано выше, медицинский работник должен иметь право проводить медицинский прием в присутствии сотрудников уголовно-исполнительной системы. В случае принятия медицинским работником решения о проведении приема без участия немедицинских работников у него должна быть возможность их экстренного вызова. В этих целях целесообразно оборудовать медицинские части системой экстренного оповещения.

Таким образом, действующая в России нормативная база обеспечивает сравнительно низкий уровень гарантий врачебной тайны заключенных. При этом особое положение данной группы граждан, заключающееся в невозможности самостоятельной реализации большинства правомочий в рамках медицинских правоотношений, требует наиболее взвешенного подхода к регулированию оказания медицинской помощи таких граждан. Предложенные выше дополнительные гарантии способны оказать позитивное воздействие на правоотношения, связанные с защитой медицинской информации заключенных. Однако специфика их содержания, выражающаяся в длительном совместном пребывании людей в закрытом пространстве, обуславливает высокие риски раскрытия врачебной тайны. В связи с чем данная сфера требует продолжения научных изысканий.

Заключение

Таким образом, конституционно-правовые гарантии защиты медицинской информации предлагаем понимать как конкретизированные в нормативных правовых актах средства, применение которых направлено на закрепление, реализацию и защиту соответствующих информационных прав и свобод. Разновидностями указанных гарантий являются: основные, конкретные и дополнительные.

В рамках предложенной авторами системы гарантий защиты медицинской информации выделение дополнительных позволяет минимизировать риски нарушения информационных прав в сфере медицины уязвимых категорий субъектов, а именно несовершеннолетних, лиц, страдающих психическими расстройствами и заключенных.

В целях недопущения неправомерного распространения особого рода чувствительной информации – о психическом здоровье пациента – полагаем целесообразным внедрять использование информационных технологий в данную сферу после их успешной апробации в других сферах медицины. До этого момента, по мнению авторов, допустимо установить т.н. переходный период, в течение которого электронной обработке следует подвергать только диагноз и общие сведения о пациенте при условии их обезличивания. Иная информация должна храниться на бумажных носителях.

Медицинскую информацию несовершеннолетних лиц авторы предлагают классифицировать на ординарную и особую. Законные представители как лица,

ответственные за жизнь и здоровье ребенка, должны иметь возможность ознакомиться с особой медицинской информацией несовершеннолетнего до достижения им возраста 18 лет. В отношении ординарной информации предлагается внедрить подход поэтапного расширения свободы несовершеннолетних и ограничения прав их законных представителей. В качестве реперных точек предлагается избрать возраст 14 и 16 лет с возможностью его корректировки для отдельных групп пациентов, в частности больных наркоманией.

В рамках исследования авторами сформулированы дополнительные гарантии, исключающие необоснованное предоставление доступа третьим лицам к медицинской информации заключенных, в частности указывается на недопустимость проведения их медицинского осмотра в присутствии третьих лиц, за исключением случаев необходимости обеспечения безопасности; а также обосновывается необходимость предоставления им права непосредственного обращения к медицинскому работнику.

References / Список литературы

- Burdo, E.P. & Garanina, I.G. (2014) Regulation of the rights of a child patient in modern international law and Russian legislation: problematic issues of the relationship between the norms of law and ethics. *Gaps in Russian legislation*. (5), 80–82. (in Russian).
Бурдо Е.П., Гаранина И.Г. Регулирование прав ребенка-пациента в современном международном праве и российском законодательстве: проблемные вопросы соотношения норм права и этики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 80–82.
- Drobyazko, S.R. (2023) The way of life of a person as a subject of constitutional and legal protection on the example of the issue of sex change. *Constitutional and municipal law*. (1), 53–57. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-1-53-57> (in Russian).
Дробязко С.Р. Образ жизни личности как предмет конституционно-правовой защиты на примере вопроса о смене пола // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 53–57. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-1-53-57>
- Ivakina, D.S. (2016) Constitutional-legal and socio-economic guarantees of cultural rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation. *Culture: management, economics, law*. (3), 36–40. (in Russian).
Ивакина Д.С. Конституционно-правовые и социально-экономические гарантии культурных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 3. С. 36–40.
- Ivanov, S.V. (2016) The concept and essence of constitutional and legal guarantees. *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*. 2(47), 68–74. (in Russian).
Иванов С.В. Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2(47). С. 68–74.
- Kachur, K.V. (2017) Constitutional and legal consolidation of guarantees of private property rights in foreign countries. *Modern law*. (4), 127–131. (in Russian).
Качур К.В. Конституционно-правовое закрепление гарантий права частной собственности в зарубежных государствах // Современное право. 2017. № 4. С. 127–131.
- Katz, A.L. & Webb, S.A. (2016) Informed Consent in Decision-Making in Pediatric Practice. *Pediatrics*. 138(2), e20161485. <https://doi.org/10.1542/peds.2016-1485>
- Kivel, V.N. (2014) The concept and general characteristics of guarantees as a structural element of the constitutional and legal status of an individual // *Constitutional and municipal law*. (8), 19–23. (in Russian).
Кивель В.Н. Понятие и общая характеристика гарантий как структурного элемента конституционно-правового статуса личности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 19–23.

- Loshkarev, A.V. (2009) *Legal guarantees: theoretical problems of definition and classification: Abstract of the Cand. of Legal Sciences dissertation*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University. (in Russian).
Лошкарев А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, Кубан. гос. аграр. ун-т, 2009. 25 с.
- Lyutov, N.L. (2021) Prohibition of genetic discrimination and protection of genetic personal data: prospects for modification of labor law norms. *Journal of Russian Law*. 25(10), 72–84. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.124> (in Russian).
Лютов Н.Л. Запрет генетической дискриминации и защита генетических персональных данных: перспективы модификации норм трудового права // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 72–84. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.124>
- Lyashenko, T.T. (2012) Constitutional guarantees of individual rights and freedoms as an element of the rule of law. *Sociology and Law*. 1(12), 105–110. EDN OXSYOV. (in Russian).
Ляшенко Т.Т. Конституционные гарантии прав и свобод личности как элемент правового государства // Социология и право. 2012. № 1(12) С. 105–110. EDN OXSYOV.
- Goncharova, M.V., Babaev, M.M., Nevsky, S. A., Cherkasov, R. V. et al. (2023) *A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2023 and expected trends in its development: an analytical review*. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор / М.В. Гончарова, М.М. Бабаев, С.А. Невский, Р.В. Черкасов, Е.М. Тимошина, Г.Э. Бицадзе, К.С. Насуев, Г.Ф. Коимшиди, В.Г. Смирнов. М. : ВНИИ МВД России, 2023. 99 с.
- Malakhov, V.P. & Lanova, G.M. (2018) Constitutional and legal guarantees: the essence and role in ensuring human and civil rights and freedoms. *State power and local self-government*. 2018. (2), 7–12. (in Russian).
Малахов В.П., Лановая Г.М. Конституционно-правовые гарантии: сущность и роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 7–12.
- McCabe, M.A. (1996) Involving children and adolescents in medical decision making: Developmental and clinical considerations. *Journal of Pediatric Psychology*. 21(4), 505–516. <https://doi.org/10.1093/jpepsy/21.4.505>
- Nikitina, A.E. (2021) Constitutional and legal guarantees of the right to freedom of conscience in the Russian Federation: concept, content, essence. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1(42), 139–143. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_1_139 (in Russian).
Никитина А.Е. Конституционно-правовые гарантии права на свободу совести в Российской Федерации: понятие, содержание, сущность // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1(42). С. 139–143. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2021_1_139
- Pavlenko, A.A. (2009) Peculiarities of preserving medical secrecy in relation to convicts in correctional institutions. *Tomsk State University Bulletin*. (327), 122–125. (in Russian).
Павленко А.А. Особенности сохранения медицинской тайны в отношении осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Томского государственного университета. № 327. С. 122–125.
- Pavlov, A.V. (2017) On the medical secrecy of a minor in the implementation of his medical intervention. *Medical law*. (1), 37–41. EDN XIMVZP. (in Russian).
Павлов А.В. О медицинской тайне несовершеннолетнего при осуществлении в отношении его медицинского вмешательства // Медицинское право. 2017. № 1. С. 37–41. EDN XIMVZP.

- Pavlov, A.V. (2019) Medical secrecy in the Republic of Kazakhstan and in the Russian Federation: a selective comparative analysis of legislation. *Medical law*. (6), 49–54. (in Russian).
Павлов А.В. Врачебная тайна в Республике Казахстан и в Российской Федерации: выборочный сравнительный анализ законодательства // *Медицинское право*. 2019. № 6. С. 49–54. EDN XUNNEL.
- Pavlova Yu.V. (2015) Realization of the rights of minor patients in the provision of medical care: problems of law enforcement practice. *Medical Forum*. 1(2). Available at: https://umedp.ru/articles/realizatsiya_prav_nesovershennoletnikh_patsientov_pri_okazanii_meditainskoy_pomoshchi_problemy_pravo.html?ysclid=m1xoqfm3m2335652108 [Accessed 01st March 2024]. (in Russian).
Павлова Ю.В. Реализация прав несовершеннолетних пациентов при оказании медицинской помощи: проблемы правоприменительной практики // *Медицинский форум*. 2015. № 1(2). Режим доступа: https://umedp.ru/articles/realizatsiya_prav_nesovershennoletnikh_patsientov_pri_okazanii_meditainskoy_pomoshchi_problemy_pravo.html?ysclid=m1xoqfm3m2335652108 (дата обращения: 01.03.2024).
- Predeina, I.V. (2020) Medical secrecy in relation to older minors: new aspects of legal regulation. *Medical law*. (6), 41–49. EDN WWMLQD. (in Russian).
Предеина И.В. Врачебная тайна в отношении несовершеннолетних старшего возраста: новые аспекты правового регулирования // *Медицинское право*. 2020. № 6. С. 41–49. EDN WWMLQD.
- Predeina, I. V. & Kukina, N.V. (2018) On the issue of informed voluntary consent of underage patients. *Medical law: theory and practice*. 4(1(7)), 237–241. EDN XTWYHZ. (in Russian).
Предеина И. В., Кукина Н.В. К вопросу об информированном добровольном согласии несовершеннолетних пациентов // *Медицинское право: теория и практика*. 2018. Т. 4, № 1(7). С. 237–241. EDN XTWYHZ.
- Pashentsev, D.A. & Zaloilo, M.V. (eds.). (2022) *Gaps in law in the context of digitalization: collection of scientific works*. Moscow, Infotropic Media Publ. (in Russian).
Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. науч. трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.
- Sabaeva, S.V. (2014) Problems of legal regulation and guaranteeing the realization of the constitutional right of citizens of the Russian Federation to receive religious education (religious component of general education). *Constitutional and municipal law*. (9), 26–36. (in Russian).
Сабеева С.В. Проблемы правового регулирования и гарантирования реализации конституционного права граждан Российской Федерации на получение религиозного образования (религиозного компонента общего образования) // *Конституционное и муниципальное право*. 2014. № 9. С. 26–36.
- Scott, R.H. Fowler, T.A. & Caulfield, M. (2019) Genomic medicine: time for health-care transformation. *Lancet*. 394(10197), 454–456. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)31796-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)31796-9)
- Tatarintseva, E.A. (2015) Constitutional guarantees of protection of the right of an adopted child to citizenship of the Russian Federation. *Russian Justice*. (2), 62–64. (in Russian).
Татаринцева Е.А. Конституционные гарантии защиты права усыновленного ребенка на гражданство Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2015. № 2. С. 62–64.
- Unguru, Y, Coppes, MJ & Kamani, N. (2008) Rethinking pediatric assent: from requirement to ideal. *Pediatric Clinics of North America*. 55(1), 211–222. <https://doi.org/10.1016/j.pcl.2007.10.016>
- Vinokurova, M.A. & Pashnina, T.V. (2022) On the application of a systematic approach in the legal regulation of telemedicine technologies. *Journal of Russian Law*. 26(6), 126–139. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.066>
Винокурова М.А., Пашина Т.В. О применении системного подхода в правовом регулировании телемедицинских технологий // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 6. С. 126–139. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.066>

Vitruk, N.A. (2010) *Constitutional law of the Russian Federation. Textbook*. Moscow, Norm Publ. Infra-M Publ. (in Russian).

Витрук Н.А. Конституционное право РФ. Учебник. М. : Норма. Инфра-М. 2010. 656 с.

Weithorn, L. A., & Campbell, S.B. (1982) The Competency of children and adolescents to make informed treatment decisions. *Child Development*. 53(6), 1589. <https://doi.org/10.2307/1130087>

Wendler, D.S. (2006) Assent in paediatric research: Theoretical and practical considerations. *Journal of Medical Ethics*. 32(4), 229–234.

Сведения об авторах:

Колосова Нина Михайловна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34; профессор кафедры государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева; 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

ORCID: 0000-0002-5401-0277; SPIN-код: 6167-2500

e-mail: kolosova-law@mail.ru

Мамедова Владислава Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева; 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; старший научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 Российская Федерация, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

ORCID: 0000-0003-1659-677X; SPIN-код: 8086-9015

e-mail: mamedova.ve@ssau.ru

About the authors:

Nina M. Kolosova– Doctor of Legal Sciences, scientific employee of the Department of Constitutional Law, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation; Full Professor of the department of the state and administrative law; Samara National Research University; 34 Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-5401-0277; SPIN-code: 6167-2500

e-mail: kolosova-law@mail.ru

Vladislava E. Mamedova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the department of the state and administrative law; Samara National Research University; 34 Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; Senior Researcher of the Department of Constitutional Law, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-1659-677X; SPIN-code: 8086-9015

e-mail: mamedova.ve@ssau.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-875-891>

EDN: IGXMKV

Научная статья / Research Article

Безопасность воспроизведенных лекарственных препаратов и правовые проблемы их оборота на территории России

А.В. Савоськин , В.А. Руколеев

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

 savoskinav@yandex.ru

Аннотация. В результате ограничений на ввоз лекарственных средств из-за рубежа отечественная фармацевтическая отрасль активно переориентируется на разработку и выпуск воспроизведенных лекарственных препаратов (дженериков), то есть препаратов, содержащих фармакологическое вещество, идентичное оригинальному (т.е. ранее запатентованному / зарегистрированному). Однако в науке и практике понимание взаимозаменяемости лекарственных препаратов спорное, а результаты исследований биоэквивалентности зачастую сомнительны из-за неэквивалентных терапевтических свойств, высокого риска развития нежелательных реакций и побочных симптомов. В этой связи авторы поставили перед собой цель сформировать комплексное представление о целесообразности и безопасности компании по внедрению в Российской Федерации воспроизведенных лекарственных препаратов. Используются общенаучные методы познания, в числе которых общелогические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), системный, логико-семантический и диалектический методы. В числе специально-юридических методов – формально-юридический, сравнительно-правовой и технико-юридический. В публикации доказано, что безопасность и эффективность воспроизведенного лекарственного препарата в России не подвергается комплексной оценке, результаты проводимых исследований зачастую некорректны в связи с порочной практикой привлечения «профессиональных» добровольцев. В результате в продажу поступают аналоги, не прошедшие исследование терапевтической эквивалентности, о конкретных фармакологических свойствах которых можно только догадываться. В завершении исследования констатируется, что поддерживать равновесие фармацевтического рынка воспроизведенными лекарственными препаратами необходимо, но делать это нужно с осторожностью, поскольку публичные интересы в импортозамещении зарубежных лекарственных препаратов на отечественные должны сочетаться с частными. Авторы поддерживают судебную практику, которая исходит из приоритета прав конкретных пациентов вне зависимости от страны происхождения лекарственного средства, поскольку ограничение прав граждан на обеспечение нужными по медицинским показаниям лекарственными препаратами (в том числе иностранного производства) подрывают сущность права на медицинскую помощь.

Ключевые слова: исследование биоэквивалентности, воспроизведенный лекарственный препарат, дженерик, эквивалентность, исследования терапевтической эквивалентности, референтный лекарственный препарат, эффективность, здоровые добровольцы, пациенты, дефектура, права человека

© Савоськин А.В., Руколеев В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Савоськин А.В. – научное руководство, теоретическое обоснование исследования, утверждение окончательного варианта статьи; Руколеев В.А. – разработка концепции, научный анализ материалов, обобщение полученных результатов.

Поступила в редакцию: 18 ноября 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Савоськин А.В., Руколеев В.А. Безопасность воспроизведенных лекарственных препаратов и правовые проблемы их оборота на территории России // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 875–891. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-875-891>

Safety of reproduced pharmaceuticals and legal issues of their circulation in Russia

Alexander V. Savoskin , Vitaly A. Rukoleev

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

 savoskinav@yandex.ru

Abstract. Due to restrictions on importing medicines from abroad, the domestic pharmaceutical industry is shifting its focus towards the development and manufacturing generic drugs – medications containing a pharmacological substance identical to the original (previously patented/registered). However, the issue of drug interchangeability remains a subject of debate in both scientific circles and practical applications. Bioequivalence studies often raise concerns due to disparities in therapeutic effects, posing a high risk of adverse reactions and symptoms. The authors aim to establish a comprehensive understanding of the feasibility and safety of introducing generic drugs in the Russian Federation. To achieve this goal, they utilize a range of general scientific cognitive methods, including analysis, synthesis, induction, deduction, and generalization, as well as systemic, logical-semantic and dialectical approaches. Special legal methodologies, such as formal legal, comparative legal and technical legal analyses, are also employed. It has become evident that generic drug safety and effectiveness in Russia are not subject to thorough evaluation. Analogues are entering the market without undergoing essential therapeutic equivalence assessments, leaving their specific pharmacological properties merely a matter of speculation. The study concludes that while maintaining the balance in the pharmaceutical market through generic drugs is essential, it must be executed with caution. Balancing public interests in replacing foreign drugs with domestic alternatives must be done in harmony with private interests. The authors advocate for a judicial practice that prioritizes individual patient rights, regardless of the country of origin of the drug, since restrictions on the rights of drug's country of origin, as limiting citizens' access to medically necessary drugs – domestic or foreign – undermines the fundamental right to healthcare.

Key words: bioequivalence research, replicated drug, generic, equivalence, therapeutic equivalence studies, reference drug, efficacy, healthy volunteers, patients, defect management, human rights

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Savoskin A.V. contributed to scientific guidance, providing theoretical justification for the study and approving the final version; Rukoleev V.A. was responsible for developing the concept, conducting a scientific analysis of materials, and summarizing the study results.

Received: 18th November 2023

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Savoskin, A.V., Rukoleev, V.A. (2024) Safety of reproduced pharmaceuticals and legal issues of their circulation in Russia. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 875–891. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-875-891>

Введение

В современных условиях перед Российской Федерацией остро встал вопрос безопасности здоровья населения в целом и автономного функционирования фармакологического рынка в частности. Экономические санкции приводят к тому, что многие зарубежные лекарственные препараты не могут быть ввезены в Российскую Федерацию, а соответствующих аналогов в Российской Федерации просто не изготавливается. Решение этой проблемы видится в производстве отечественных биоэквивалентных медицинских препаратов, то есть лекарственных средств, в которых сопоставимы референтный и воспроизведенный лекарственный препарат. Однако проблема заключается не только в необходимости разработать соответствующие аналоги лекарственных средств и наладить их массовое производство, но сделать их доступными по цене, эффективными и безопасными.

Российское законодательство к общим критериям сопоставимости относит: идентичное действующее вещество в эквивалентной дозировке, подобную лекарственную форму, сходные показатели скорости всасывания, распределения и выведения. Теоретически эти критерии должны обеспечивать фармацевтическое и фармакокинетическое тождество препаратов. Между тем реальная клиническая практика свидетельствует, что часть однотипных лекарственных средств, выпущенных под различными торговыми наименованиями, воздействуют на организм по-разному. Особо заметны отличия на примере препаратов пациентами, которые сменили оригинальный лекарственный препарат на воспроизведенный (Sokolov, Kukes & Rodina, et al., 2015; Maksimov & Ermolaeva, 2018). Причины такой ситуации могут быть различными, но зачастую кроются в примесях и наполнителях с неидентичным (иным по отношению к оригинальному) составом и качеством. Нередко второстепенные компоненты провоцируют нежелательные реакции и побочные симптомы, снижают эффективность терапии (Vasilenko, Krasnykh & Zhuravleva, et al., 2022; Yaichkov, 2019; Mahato, Sharma & Patel, et al., 2023; Swakowska, Religioni & Staniszevska, 2023). Осознание этих фактов обоснованно вызывает среди пациентов и медицинских работников настороженность и беспокойство.

Увы, но сегодня безопасность и эффективность воспроизведенного лекарственного препарата не подлежит комплексной оценке. Для прохождения государственной регистрации достаточно подтвердить его сопоставимость с референтным лекарственным препаратом исследованием биоэквивалентности. Параллельное исследование терапевтической эквивалентности оставлено на усмотрение производителя, ввиду отсутствия императивных установок в законодательстве Российской Федерации и Евразийского экономического союза. Нежелание нести финансовые и временные издержки, а также непредсказуемый результат вполне закономерно влекут отказ от проведения дополнительных мероприятий.

Существующий подход к регулированию введения в оборот воспроизведенных лекарственных препаратов подвергается обоснованной критике со стороны ученых. Длительные и активные обсуждения ведутся не только относительно обязательности (факультативности) проведения исследований терапевтической эквивалентности

дженериков, но и по поводу достигнутых правил проведения исследований биоэквивалентности. По мнению многих исследователей (Martsevich & Tolpygina, 2009; Maksimov & Ermolaeva, 2018; Vasilenko, Krasnykh & Zhuravleva, et al., 2022; Gildeeva, Belostotsky & Smirnov, 2016; Potupchik, Veselova & Evert, et al., 2015; Strauss & Greeff, 2015; Pereverzev, 2021; Zhuravleva, Prokofiev & Chernykh, et al., 2016; Gozzo, Caraci & Drago, 2022), точки зрения которых учтены при изложении проблематики в настоящей статье, доказанная биоэквивалентность выступает предположением терапевтической эквивалентности. Такой подход отражает действительность и соответствует судебной практике. Выдвинутые в науке доводы, а также судебная практика по защите прав пациентов на получение оригинальных лекарственных средств предопределили цель данной работы – сформировать комплексное представление о целесообразности и безопасности массового внедрения на российском фармацевтическом рынке воспроизведенных лекарственных препаратов (дженериков). Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: изучить правовое регулирование проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов; проанализировать проблемы исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в условиях *in vivo* (на живом организме); исследовать вопросы терапевтической эквивалентности воспроизведенных лекарственных препаратов; определить влияние воспроизведенных лекарственных препаратов на предупреждение риска возникновения дефектуры (то есть риска невозможности ввоза отдельных лекарственных средств из-за рубежа).

Для решения поставленных задач были использованы общенаучные методы познания, в числе которых общелогические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение), системный, логико-семантический и диалектический методы. В числе специально-юридических методов – формально-юридический, сравнительно-правовой и технико-юридический. В качестве основного метода был избран системный метод, что позволило рассмотреть разноплановые факторы, влияющие, с одной стороны, на ослабление терапевтического эффекта, а с другой – на увеличение риска развития нежелательных реакций и побочных симптомов от приема воспроизведенных лекарственных препаратов. Также системный метод использовался для всестороннего, но в то же время лаконичного освещения массива правовых актов, регулирующих отношения в области проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов. С применением сравнительно-правового метода в работе произведено соотношение норм, содержащихся в российском национальном праве и праве Евразийского экономического союза. Формально-юридический метод использован для последовательного анализа правовых норм и построения авторских суждений и выводов. Применение технико-юридического метода ориентировано на выработку предложений по совершенствованию законодательства.

Информационная база статьи включает: труды отечественных и зарубежных ученых в области права и медицины, посвященные выявлению и исследованию объективных предпосылок и причин снижения доступности эффективных и безопасных воспроизведенных лекарственных препаратов на российском фармацевтическом рынке, в том числе новейшие научные статьи, размещенные в электронных научных библиотеках, а также нормативно-правовые акты и судебную практику.

Правовое регулирование проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов

Правовой институт лекарственных препаратов регламентирован Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств»¹, который, однако, применительно к воспроизведенным лекарственным препаратам носит декларативный характер. В нем изложены исключительно отправные категории, нашедшие отражение в специальной статье-гlossарии. Так, текстуальное наполнение легальных дефиниций указывает, что воспроизведенный лекарственный препарат по своим качественным характеристикам должен быть сопоставим с референтным (оригинальным лекарственным препаратом). Сопоставимость достигается, если лекарственные препараты с одним действующим веществом в эквивалентной дозировке и лекарственной форме обладают сходными показателями скорости всасывания, распределения и выведения. Проверка тождества показателей проводится путем клинического исследования биоэквивалентности. Итоги фиксируются в отчете, который согласно части 1 и пункту 1 части 7 статьи 18 указанного закона входит в досье на лекарственный препарат для государственной регистрации. Пройдя этап клинического исследования биоэквивалентности, лекарственный препарат по терапевтическому эффекту, показателям эффективности и безопасности для медицинского применения признается равным референтному. Тут же стоит уточнить, что отечественный законодатель не обязывает проводить исследования терапевтической эквивалентности – клиническое исследование, позволяющее подтвердить наряду с фармацевтическим и фармакокинетическим тождеством, как в случае с исследованием биоэквивалентности, выдержанность показателей безопасности и эффективности, одинаковость клинических эффектов при применении (Nabin, Mohan & Nicholas, et al., 2012; Hasan, Shimu & Akther, et al., 2021; Panigrahy, Chaudhari, 2022). Дальнейшее развитие тезисы закона получили в подзаконных актах и коррелируют международно-правовым договорам в рамках Евразийского экономического союза (*далее* – ЕАЭС).

В 2014 году государства-члены ЕАЭС условились об общих принципах и правилах обращения лекарственных средств в едином экономическом пространстве². Стороны выразили намерение совместно предпринимать действия, направленные на становление, развитие и успешное функционирование рынка лекарственных средств, в том числе посредством выработки требований к качеству лекарственных средств, правил доклинических и клинических исследований (испытаний). На подготовленной почве решением Совета Евразийской экономической комиссии утверждены правила проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов³. Предмет регулирования настоящих правил ограничен химическими соединениями лекарственных препаратов, то есть о биологических лекарственных препаратах речь не идет. Исследование биоэквивалентности, как отмечено в пункте 11 указанных Правил, проводится в условиях *in vivo* (на живом организме) и *in vitro*

¹ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета. № 78. 14.04.2010.

² Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза (заключено в городе Москве 23 декабря 2014 г.) // Бюллетень международных договоров. № 8. август, 2016.

³ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 85 «Об утверждении Правил проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в рамках Евразийского экономического союза». Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01411942/cncd_21112016_85 (дата обращения: 21.08.2023).

(в искусственно созданной среде). Во избежание очевидных нежелательных реакций организма человека эквивалентность *in vivo* в отдельных случаях допустимо обосновать данными, синтезированными при процедуре биоэвивера с использованием сравнительного теста кинетики растворения. К упомянутому виду внеклинического испытания чаще всего прибегают при попытке зарегистрировать дополнительную дозировку лекарственного препарата, если ранее доказана биоэквивалентность одной из дозировок (Khokhlov, Ryska & Kukes, et al., 2018; Khokhlov, 2018). Также при невозможности привлечь здоровых добровольцев наиболее оптимально задействовать лабораторных животных (к примеру, в силу пункта 4 приложения № 9 к Правилам). Течение исследования биоэквивалентности заносится в протокол, а синопсис (краткое описание) – в отчет о проведении исследования. Полный перечень сведений в составе отчета о проведении исследования приведен в приложении № 7 к Правилам.

На уровне национального права исследования биоэквивалентности не получили надлежащего оформления. Вопреки предписаниям подпункта 5.2.156 пункта 5.2 положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации⁴ ведомственный акт до сих пор не принят. Ввиду отсутствия тематического акта нормы, посвященные этим вопросам, рассредоточены в различных подзаконных источниках отраслевого законодательства. Если обратить внимание на правила проведения экспертизы лекарственных средств⁵, можно заметить, что исследованию биоэквивалентности предшествует экспертиза документов. На нее направляются протокол клинического исследования, брошюры исследователя, характеристика лекарственного препарата (пункт 40). По результатам выносится заключение о необходимости проверки сопоставимости референтного и воспроизведенного лекарственного препарата. Ключевой же этап детализирован в стандарте «Лекарственные средства для медицинского применения. Исследования биоэквивалентности лекарственных препаратов»⁶. Это гораздо более упрощенный вариант, нежели проанализированный выше. К примеру, в предыдущем подробнее разъяснены подходы к исследованию биоэквивалентности лекарственных препаратов с учетом их лекарственных форм, прописаны требования к фармакодинамическим исследованиям и сравнительным клиническим исследованиям. Стандарт выглядит скорее формальным, хотя его введение в действие технически позволило восполнить пробел в правовом массиве.

Аспект, связанный с разрешением на участие здоровых добровольцев и пациентов в апробировании воспроизведенных лекарственных препаратов, затронут

⁴ Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 608 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации». Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102157423&intelsearch=%EE%F2+19+%E8%FE%ED%FF+2012+%E3%EE%E4%E0+%B9+608> (дата обращения: 24.08.2023).

⁵ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24.08.2017 № 558н «Об утверждении Правил проведения экспертизы лекарственных средств для медицинского применения и особенности экспертизы отдельных видов лекарственных препаратов для медицинского применения (референтных лекарственных препаратов, воспроизведенных лекарственных препаратов, биологических лекарственных препаратов, биоаналоговых (биоподобных) лекарственных препаратов (биоаналогов), гомеопатических лекарственных препаратов, лекарственных растительных препаратов, комбинаций лекарственных препаратов), форм заключений комиссии экспертов». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712190004> (дата обращения: 25.08.2023).

⁶ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.09.2017 № 1165-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации». Режим доступа: <https://base.garant.ru/71818088/> (дата обращения: 21.08.2023).

в правилах надлежащей клинической практики⁷. Там, в разделе II Правил, полномочие по одобрению проведения любых клинических исследований с участием физических лиц отведено независимым этическим комитетам. Такие коллегиальные органы функционируют при медицинских организациях, региональных органах власти и осуществляют деятельность независимо. Спектр полномочий представлен в пункте 15 Правил, среди них контроль за соблюдением этических норм и прав субъектов клинического исследования, обеспечение открытости и доступности сведений о ходе клинического исследования для субъектов, участвующих в подобных мероприятиях. Независимым этическим комитетом также отслеживается соответствие физических лиц признанным критериям отбора и, будучи включенными в группу, дается оценка соответствия. По сложившемуся обыкновению допускаются здоровые добровольцы, достигшие возраста восемнадцати лет с индексом массы тела 18,5–30 кг/м². В пункте 3.1 методических рекомендаций «Проведение качественных исследований биоэквивалентности лекарственных средств» сказано, что с женщин дополнительно запрашивается отрицательный тест на беременность и согласие на контрацепцию⁸. Если достоверно известно, что действующее вещество лекарственного препарата вызывает потенциальную угрозу нежелательных реакций и побочных симптомов у здоровых добровольцев, привлекаются пациенты.

Проблемные аспекты исследований биоэквивалентности в условиях *in vivo* (на живом организме)

На страницах научной литературы ведутся споры по поводу целесообразности исследований биоэквивалентности в условиях *in vivo*. Среди ученых преобладает позиция о высокой вероятности получения искаженных итоговых значений опыта, не укладывающихся в реалии медицинской практики, из-за различий фармакокинетики у здоровых добровольцев и пациентов. К примеру, об этом пишут С.К. Зырянов, С.Б. Фитилев, С.Ю. Марцевич, Г.Н. Гильдеева и др. (Zyryanov, Fitilev & Shkrebnova, et al., 2018; Martsevich, Tolpygina, 2009; Gildeeva, Belostotsky & Smirnov, 2016). Полярной точки зрения придерживаются Е.С. Рогов и О.Б. Талибов. Они считают, что выбор человека с оптимальным состоянием здоровья участвовать в клинических исследованиях является осознанным и взвешенным, нежели человека, страдающего определенным заболеванием. Во втором же случае мотивом избрания такого типа поведения зачатую становится желание получить интенсивную терапию, проходить регулярные осмотры (Rogov, Talibov, 2017). Однако это прежде всего этический, а не медицинский вопрос, ведь одни рискуют в надежде тем самым себе помочь, а другие, как констатировали авторы изыскания «Мотивация и опыт участия здоровых добровольцев в исследованиях биоэквивалентности в России», чаще ради вознаграждения (Mareev, Samykina & Kolokoltsova, et al., 2018). Причем риск реален. На организм оказывается воздействие изучаемого лекарственного препарата, которое провоцирует не только адекватный ответ, то и побочные симптомы, аллергические и токсические реакции и т.п. Эта проблема усугубляется при периодическом

⁷ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 01.04.2016 № 200н «Об утверждении правил надлежащей клинической практики». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201608240029> (дата обращения: 26.08.2023).

⁸ Проведение качественных исследований биоэквивалентности лекарственных средств. Методические указания, утв. Министерством здравоохранения и социального развития РФ от 10.08.2004. Режим доступа: <https://base.garant.ru/4180368/> (дата обращения: 27.08.2023).

участии в испытаниях, не говоря уже об одновременном, так как идет суммация действующих веществ и вспомогательных компонентов. Подобные злоупотребления влияют на результаты исследования и их достоверность, наносят ущерб производителям либо спонсорам воспроизведенного лекарственного препарата и подвергают опасности будущих пациентов (Fitilev, Vozzhaev & Shkrebniova, et al., 2018).

В то же время нейтральное мнение относительно ангажированности здоровых добровольцев высказывают Е.Г. Лилеева, С.А. Спешилова, С.М. Чугунная и др. Коллектив авторов, наоборот, считает, что в исследованиях биоэквивалентности никто, за исключением здоровых добровольцев, участвовать не может. При этом они обращают внимание на обязательность соблюдения ограничений, сформулированных в протоколе исследования (сроки между исследованиями, курение, употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, запрещенных продуктов питания и т.д.), поскольку это влияет на конечный результат (Lileeva, Speshilova & Chugunnaya, et al., 2014).

Впадать в крайность, заявляя о своевременности пересмотра традиционных методов исследований биоэквивалентности с привлечением людей вне зависимости от состояния здоровья в пользу лабораторных животных, широко используемых в доклинических исследованиях новых лекарственных препаратов в Российской Федерации и зарубежных государствах (Ganeva & Filatova, 2022), мы не станем. Нам видится правильным предложить меры по совершенствованию уже устоявшегося порядка. Для чего приоритетно создание единой государственной информационной системы, аккумулирующей все сведения об исследованиях биоэквивалентности, в том числе о лицах, участвующих в качестве субъектов исследования. Такой ресурс будет способствовать оптимизации и прозрачности документооборота путем ведения электронной формы протокола хода исследования, автоматизированного формирования синопсиса в отчетах о проведении исследований, реестра субъектов исследований – здоровых добровольцев и пациентов. В последнем компоненте системы могут содержаться персональные данные и примыкающие к ним сведения, подпадающие под режим врачебной тайны. Важно отображать и сведения о прошлых участиях в клинических исследованиях, а именно периоды и нарушения взятых обязательств, что поможет контролировать движение прежде всего «профессиональных» добровольцев, пресекать заключение сделок с недобросовестными лицами. Доступ к информационной системе должен предоставляться Министерству здравоохранения Российской Федерации, подведомственным организациям, медицинским и экспертным организациям, производителям воспроизведенных лекарственных препаратов. Функции оператора целесообразно возложить на Министерство здравоохранения Российской Федерации.

Вопросы терапевтической эквивалентности воспроизведенных лекарственных препаратов

Далее сконцентрируемся на острой проблеме терапевтической эквивалентности воспроизведенных лекарственных препаратов. Выше уже констатировалось, что признание лекарственного препарата фармацевтически и фармакокинетически эквивалентным референтному выступает достаточным основанием для внесения о нем информации в государственный реестр лекарственных средств. Отечественный законодатель не предписывает проводить отдельных исследований терапевтической эквивалентности. Не принуждает к таковому и право ЕАЭС для оборота

воспроизведённых лекарственных препаратов на юрисдикционной территории. По этому поводу в научной среде развернута активная дискуссия.

К общеизвестным критериям, определяющим сопоставимость референтного и воспроизведенного лекарственного препарата, относятся идентичное действующее вещество, эквивалентная дозировка действующего вещества, подобная лекарственная форма, сходные показатели скорости всасывания, распределения, выведения. Однако даже при, казалось бы, сопоставимости показателей о тождественности думать преждевременно. М.Л. Максимов, А.С. Ермолаева, С.Ю. Марцевич в своих трудах называют доказанную биоэквивалентность предположением терапевтической эквивалентности и безопасности (Martsevich & Tolpygina, 2009; Maksimov & Ermolaeva, 2018; Ushkalova, Zyryanov & Gopienko, 2021), но не ее гарантией. Все, потому что иногда с точностью повторить существующий лекарственный препарат довольно трудно, а порой нельзя (Vasilenko, Krasnykh & Zhuravleva, et al., 2022). Причина вполне ясна – организации, осуществляющие фармацевтическую деятельность, применяют отличную от оригинальной технологию производства, допускают различия в составе вспомогательных компонентов (Martsevich & Tolpygina, 2009; Maksimov & Ermolaeva, 2018; Vasilenko, Krasnykh & Zhuravleva, et al., 2022; Yaichkov, 2019; Gozzo, Caraci & Drago, 2022). Качество наполнителей и примесей, нередко обладающих непосредственной фармакологической активностью, как и упаковочных материалов, контактирующих с лекарственным средством, не проверяется при исследовании биоэквивалентности (Zyryanov, Fitilev & Shkrebneva, et al., 2018; Sokolov, Kukes & Rodina, et al., 2015; Strauss & Greeff, 2015). Все это чревато развитием нежелательных реакций и побочных симптомов, снижением эффективности терапии (Sokolov, Kukes & Rodina, et al., 2015; Potupchik, Veselova & Evert, et al., 2015; Pereverzev, 2021; Mahato, Sharma & Patel, et al., 2023; Swakowska, Religioni & Staniszewska, 2023; Sestino & Amatulli, 2021). Особо подвержены непредсказуемым последствиям пациенты, сменившие оригинальный лекарственный препарат на воспроизведенный (Sokolov, Kukes & Rodina, et al., 2015; Maksimov, Ermolaeva, 2018; Swakowska, Religioni & Staniszewska, 2023). Таким образом, понимание взаимозаменяемости лекарственных препаратов на сегодняшний день спорно и слабо изучено.

Анализ судебной практики судов общей юрисдикции по разрешению споров, связанных с оказанием бесплатной медицинской помощи в виде обеспечения граждан лекарственными препаратами, объективно отражает текущую общероссийскую тенденцию назначения врачами комиссиями либо медицинскими работниками воспроизведенных лекарственных препаратов вместо оригинальных. Опасения развития нежелательных побочных явлений побуждают пациентов отказаться от их приема. Например, из типичного для такой категории дел судебного решения следует, что гражданину установлена первая группа инвалидности бессрочно. Подтвержденный диагноз спроецировал включение в регистр граждан, имеющих право на лекарственное обеспечение за счет средств федерального бюджета по программе высокотратных нозологий. Лечащим врачом гражданину рекомендованы для постоянного применения ряд лекарственных препаратов, среди которых «миклофеноловая кислота» под торговым наименованием «Майфортик» и «циклопорин» под торговым наименованием «Сандиммун Неорал». Однако в рамках упомянутой федеральной программы для льготного обеспечения граждан централизованно закупаются за счет средств федерального бюджета лекарственные препараты под торговыми наименованиями «Экорал» и «Феломика». Переживания о том, что воспроизведенные лекарственные препараты нанесут вред здоровью, побудили

пациента приобретать оригинальные лекарственные препараты за счет собственных средств. Спустя время гражданин обратился в суд общей юрисдикции с иском о признании недействительным постановления исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения об обеспечении лекарственными препаратами с проверенной терапевтической эффективностью и показателями, безопасными в ходе клинических испытаний. Однако в удовлетворении требований суд отказал⁹.

Судебные органы встают на защиту прав пациента при наличии в медицинской документации доказательств, свидетельствующих о наличии медицинских показаний для приема лишь оригинальных лекарственных препаратов, а также наличия индивидуальной непереносимости дженерика (заменителя идентичного запатентованному компанией разработчиком лекарственного средства). Этот подход подтверждается примерами из практики. Так, Октябрьским районным судом г. Владимира установлено, что у гражданки диагностировано неврологическое заболевание «Эпилепсия». По медицинским показаниям необходим лекарственный препарат «леветирацетам» под торговым наименованием «Кеппра» ввиду хорошей переносимости. Замена на воспроизведенные лекарственные препараты недопустима, что отражено в заключении медицинской организации и в протоколе врачебной комиссии. В связи с отсутствием оригинального препарата исполнительным органом власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения произведена замена на «леветирацетам» под торговым наименованием «Леветирацетам». Пациент отказался применять его в терапии, поскольку ранее при приеме данного лекарственного препарата участковым врачом зафиксировано увеличение эпилептических приступов. Для решения вопроса было проведено внеплановое заседание врачебной комиссии. Врачи подтвердили необходимость приема лекарственного препарата «леветирацетам» под торговым наименованием «Кеппра» по жизненно важным показаниям. Прокуратура обратилась в суд общей юрисдикции в интересах гражданки с иском о признании недействительным постановления исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения об обязанности обеспечить назначенным лекарственным препаратом по жизненным показаниям на весь период нуждаемости. Требования удовлетворены, исполнительный орган власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения обязан незамедлительно обеспечить гражданку оригинальным лекарственным препаратом¹⁰. Аналогичным образом разрешено иное аналогичное дело по предъявленному прокуратурой иску в интересах гражданина – инвалида второй группы. В соответствии с заключением главного внештатного специалиста – нефролога исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения ему рекомендовано лечение лекарственными препаратами «микофеноловая кислота» под торговым наименованием «Майфортик» и «циклоsporин» под торговым наименованием «Сандиммун Неорал». Их замена категорически противопоказана. По результатам прокурорской проверки установлено, что с 2019 по 2021 г. назначенные жизненно необходимые лекарственные препараты предоставляются

⁹ Решение Центрального районного суда города Читы от 14.03.2022 по делу № 2-1515/2022. Режим доступа: https://centr--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=doc&number=306273662&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 06.08.2023); Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 04.08.2022 по делу № 33-2103/2022. Режим доступа: https://oblsud--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15357643&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 06.08.2023).

¹⁰ Решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 14.12.2022 по делу № 2-4958/2022. Режим доступа: https://oktiabrsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=132712482&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 09.08.2023).

несвоевременно, в недостаточном количестве и систематически заменяются на воспроизведенные¹¹.

По результатам анализа законодательства и судебной практики следует констатировать, что в Российской Федерации сложился единообразный подход к разрешению споров по рассматриваемой категории дел. Фактором, способствующим позитивной тенденции, стало правильное толкование норм материального права, регулирующих общественные отношения в области обеспечения лекарственными препаратами при оказании медицинской помощи. При оценке обстоятельств, связанных с особенностями истца, судебные органы ссылаются на часть 15 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» во взаимосвязи с пунктом 5 Порядка назначения лекарственных препаратов, утвержденного Министерством здравоохранения Российской Федерации. В этих положениях говорится, что врачебная комиссия медицинской организации обязана заменить лекарственный препарат на другой при наличии индивидуальной непереносимости или по жизненным показаниям¹². К последнему основанию, помимо прочих, относится плохая динамика терапии назначенным лекарственным препаратом. Судебные органы традиционно встают на защиту прав пациента, если в представленной медицинской документации содержится акт коллегиального органа, свидетельствующий о вынужденности такой замены. Не препятствует позитивной судебной практике и фактическое отсутствие лекарственного препарата на территории Российской Федерации¹³. В то же время отметим, что речь идет именно о позитивной судебной практике защиты пациентами своих прав, тогда как общий вектор повсеместной замены оригинальных лекарственных препаратов (прежде всего зарубежных) на более дешевые или российские аналоги очевиден.

Влияние воспроизведенных лекарственных препаратов на предупреждение риска возникновения дефектуры

Завершая исследование, коротко остановимся на влиянии воспроизведенных лекарственных препаратов на предупреждение риска возникновения дефектуры, то есть предупреждения риска невозможности ввоза отдельных лекарственных средств из-за рубежа в силу введения экономических санкций в отношении Российской Федерации.

¹¹ Решение Ленинского районного суда города Севастополя от 29.06.2021 по делу № 2-1900/2021. Режим доступа: https://leninskiy--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=37284022&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 10.08.2023); Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Севастопольского городского суда от 23.09.2021 по делу № 33-3208/2021. Режим доступа: https://gs--sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14312003&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 10.08.2023).

¹² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета, № 263, 23.11.2011; Приказ Минздрава России от 24.11.2021 № 1094н «Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных документов». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111300115> (дата обращения: 12.08.2023).

¹³ Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 19.04.2022 по делу № 2-3179/2022. Режим доступа: https://syktsud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=119815959&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 13.08.2023).

Отечественный фармацевтический рынок ускоренно развивается. Намеченная тенденция локализации производства и импортозамещения подтверждается положительными промежуточными итогами. В их числе запуск новых предприятий различного профиля производства, учреждение научно-исследовательских организаций по разработке востребованных лекарственных препаратов, увеличение выпуска отечественных воспроизведенных лекарственных препаратов. Совокупность предпринимаемых усилий скорее всего позволит достичь цели государственной программы и увеличить к 2030 г. объем производства лекарственных препаратов в денежном выражении в два раза по сравнению 2021 г.¹⁴ Отдельные ученые указывают, что достижению результата дополнительно поспособствуют антикризисные меры, получающие законодательное закрепление в ответ на налагаемые отдельными странами на Российскую Федерацию ограничения экономического характера (Kostanyan & Ivleva, 2023). К примеру, Правительство Российской Федерации упростило процедуру государственной регистрации лекарственных препаратов¹⁵, подготовило и утвердило порядок и критерии соответствия организаций для назначения грантов в форме субсидии на разработку стандартных образцов, применяемых в фармацевтической промышленности¹⁶. Однако знакомство с программными документами позволяет утверждать, что отечественная фармакологическая промышленность ориентирована преимущественно на разработку и массовый выпуск воспроизведенных лекарственных препаратов, тогда как об оценке их качества умалчивается.

Стремясь минимизировать риск возникновения дефектуры, государство предпринимает меры по контролю за ассортиментом лекарственных препаратов и его восполнением при обнаружении недостатка. Приемлемые значения определяются по международному непатентованному наименованию, соотношение же доли находящихся в гражданском обороте оригинальных и воспроизведенных лекарственных препаратов не берется во внимание. Учитывая, что понимание взаимозаменяемости лекарственных препаратов спорное, а результаты исследований биоэквивалентности зачастую сомнительны из-за неэквивалентных терапевтических свойств, выявления нежелательных реакций и побочных симптомов, проблема доступности лекарственных препаратов актуальна. Ведь доступность лекарственных препаратов не сводится к фактической доступности для потребителей. А.С. Лесонен в своем диссертационном исследовании замечает, что под доступностью лекарственных препаратов следует понимать фактическую, экономическую, ценовую, информационную и фармакоэкономическую доступность в их совокупности. Крайние звенья предполагают доступность лекарственных препаратов с надлежащим фармакотерапевтическим воздействием на организм, сочетаемым с современными стандартами лечения

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 305 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие фармацевтической и медицинской промышленности“». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201404240024> (дата обращения: 18.09.2023).

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 593 «Об особенностях обращения лекарственных средств для медицинского применения в случае дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера» // Собрание законодательства РФ. 18.04.2022. № 16. Ст. 2657.

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 18.02.2022 № 208 «О предоставлении субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации „Агентство по технологическому развитию“ на поддержку проектов, предусматривающих разработку конструкторской документации на комплектующие изделия, необходимые для отраслей промышленности» // Собрание законодательства РФ. 28.02.2022. № 9 (часть I), ст. 1324.

(Lesonen, 2016). Более того, ученые справедливо отмечают, что доказанная эффективность и безопасность – имманентные условия оборотоспособности (Kosyakova, 2019; Reichtman, 2018). Отсюда поддерживать равновесие фармацевтического рынка воспроизведенными лекарственными препаратами нужно с осторожностью. Публичные интересы в проводимых преобразованиях отрасли должны сочетаться с частными. Ограничение прав граждан на обеспечение нужными по медицинским показаниям лекарственными препаратами в пользу дженериков подрывают сущность права на медицинскую помощь, а также посягают на провозглашенный принцип признания прав и свобод человека высшей ценностью как одной из основ конституционного строя Российской Федерации.

Заключение

Последние годы поставили перед Российской Федерацией новые вызовы, связанные со здоровьем и безопасностью населения. Один из таких вызовов связан с сокращением (или полным прекращением) поставок иностранных оригинальных лекарственных препаратов. Отвечая на этот вызов, отечественная фармакологическая промышленность стремится насытить рынок воспроизведенными лекарственными препаратами. Однако для их применения они должны пройти надлежащие клинические исследования.

В Российской Федерации порядок проведения клинических исследований биоэквивалентности регулируется международными договорами и актами ЕАЭС. На национальном уровне этот аспект получил лишь формальное закрепление. Отечественный законодатель формализовал отправные признаки, характеризующие воспроизведенные лекарственные препараты, но подзаконное регулирование этих отношений является недостаточным. В современных условиях такая ситуация может считаться приемлемой и допустимой, поскольку обеспечивает (или хотя бы не препятствует экстренному импортозамещению запрещенных к ввозу в Российскую Федерацию оригинальных медицинских препаратов). Однако в долгосрочной перспективе существующий упрощенный подход к исследованию воспроизведенных лекарственных средств не только влечет нарушения права пациентов, но и вредит публичным интересам, так как в целом может подрывать здоровье нации.

В процессе исследования анализировались позиции ученых о целесообразности исследований биоэквивалентности в условиях *in vivo*. Обозначены недостатки привлечения здоровых добровольцев к проведению испытаний воспроизведенных медицинских препаратов: вероятность получения искаженных итоговых значений опыта, не укладывающихся в реалии медицинской практики, вследствие различий фармакокинетики у здоровых добровольцев и пациентов; ангажированность, выражающаяся в периодическом либо одновременном участии в подобных мероприятиях ради вознаграждения невзирая на возможное снижение объективности результатов исследования; в отличие от пациентов склонны к нарушению ограничений, сформулированных в протоколе исследования. Предложено создать единую государственную информационную систему, которая объединяла бы все сведения об исследованиях биоэквивалентности, в том числе сведения о лицах, привлекаемых в качестве субъектов исследования. Функции оператора видится правильным возложить на Министерство здравоохранения Российской Федерации.

Наиболее объемный фрагмент статьи посвящен вопросу терапевтической эквивалентности воспроизведенных лекарственных препаратов. Устоялась позиция, что

признание лекарственного препарата фармацевтически и фармакокинетически эквивалентным референтному (оригинальному) выступает достаточным основанием для его государственной регистрации. Исследования на предмет терапевтической эквивалентности в Российской Федерации необязательны. Однако номинальная эквивалентность двух медицинских препаратов не означает одинакового их действия на организм человека. Повторить существующий лекарственный препарат трудно, а порой невозможно в силу объективных причин (отличная от оригинальной технология производства, различия в составе вспомогательных компонентов и др.).

В качестве отдельного сформулирован вывод о наличии позитивной (для пациентов) судебной практики назначения им оригинальных лекарственных средств вопреки общей тенденции по внедрению дженериков.

Безусловно, внедрение отечественных воспроизведенных лекарственных препаратов снижает риска возникновения дефектуры. Однако внедрение дженериков не должно происходить в ущерб качеству лекарственных препаратов и не должно исключать при определённых обстоятельствах права гражданина пользоваться (в том числе бесплатно) оригинальными лекарственными препаратами. То есть требуется соблюдать баланс между публичными и частными интересами, в частности расширить обязательный перечень требований к исследованию воспроизведенных лекарственных препаратов, а также пресекать нарушения права на медицинскую помощь, выражающиеся в безальтернативной замене иностранных оригинальных медицинских препаратов на отечественные.

References / Список литературы

- Fitilev, S.B., Vozzhaev, A.V., Shkrebniova, I.I. & Kliuev, D.A. (2018) The problem of over-volunteering in early phase clinical trials. *Good Clinical Practice*. (2), 58–63. <https://doi.org/10.24411/2588-0519-2018-10045> (in Russian).
Фитилев С. Б., Возжаев А.В., Шкробнева И.И., Ключев Д.А. Проблема злоупотребления участием в клинических исследованиях ранних фаз со стороны здоровых добровольцев // Качественная клиническая практика. 2018. № 2. С. 58–63. <https://doi.org/10.24411/2588-0519-2018-10045>
- Ganeva, E.O. & Filatova, U.B. (2022) Animals as objects of civil rights: the legal regime of laboratory animals in russia and abroad. *Civil law*. (6), 23–26. <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2022-6-23-26> (in Russian).
Ганева Е.О., Филатова У.Б. Животные как объекты гражданских прав: правовой режим лабораторных животных в России и за рубежом // Гражданское право. 2022. № 6. С. 23–26. <https://doi.org/10.18572/2070-2140-2022-6-23-26>
- Gildeeva, G.N., Belostotsky, A.V. & Smirnov, V.V. (2016) Bioequivalence studies as a way to assess interchangeability of medicines: challenges and limitations. *Bulletin of Roszdravnadzor*. (2), 46–49. (in Russian).
Гильдеева Г.Н., Белостоцкий А.В., Смирнов В.В. Исследования биоэквивалентности как способ оценки взаимозаменяемости лекарственных препаратов: проблемы и ограничения // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 2. С. 46–49.
- Gozzo, L., Caraci, F. & Drago, F. (2022) Bioequivalence, Drugs with Narrow Therapeutic Index and The Phenomenon of Biocreep: A Critical Analysis of the System for Generic Substitution. *Healthcare*. 10(8), 1392. <https://doi.org/10.3390/healthcare10081392>
- Hasan, Md., Shimu, S., Akther, A., Jahan, I., Hamiduzzaman, Md., & Hasan, A.H.M. (2021) Development of Generic Drug Products by Pharmaceutical Industries Considering Regulatory Aspects: A Review. *Journal of Biosciences and Medicines*. 9(10), 23–39. <https://doi.org/10.4236/jbm.2021.910003>

- Khokhlov, A.L. (2018) Modern approaches to analytical research in the creation of medicines. Moscow, *Russian Academy of Sciences*. (in Russian).
Хохлов А.Л. Современные подходы к проведению биоаналитических исследований при создании лекарственных препаратов: монография / отв. ред. А.Л. Хохлов. М. : Российская академия наук, 2018. 244 с.
- Kostanyan, A.A. & Ivleva, M.I. (2023) Analysis of state regulation of import substitution in the pharmaceutical market of the Russian Federation. *Business. Education. Law*. 3(64), 98–104. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.64.727> (in Russian).
Костанян А.А., Ивлева М.И. Анализ государственного регулирования импортозамещения на фармацевтическом рынке Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3(64). С. 98–104. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.64.727>
- Kosyakova, N.V. (2019) *Scientific substantiation and development of methodological foundations of the drug management system for patients with orphan diseases at the territorial level (on the example of the Southern Federal District)*. Doctor of Pharmaceutical Sciences dissertation. Moscow, Rostov State Medical University. (in Russian).
Косякова Н.В. Научное обоснование и разработка методических основ системы управления лекарственным обеспечением пациентов с орфанными заболеваниями на территориальном уровне (на примере ЮФО): дис. ... д-ра фармацевт. наук. М. : Ростовский государственный медицинский университет, 2019. 348 с.
- Lesonen, A.S. (2016) *Comprehensive study of the availability of antiallergic antihistamines at the regional level*. Candidate of Pharmaceutical Sciences dissertation. Moscow, RUDN University. (in Russian).
Лесонен А.С. Комплексное исследование доступности противоаллергических антигистаминных лекарственных препаратов на региональном уровне: дис. ... канд. фармацевт. наук. М. : РУДН, 2016. 185 с.
- Lileeva, E.G., Speshilova, S.A., Chugunnaya, S.M., Miroshnikov, A.E., Khokhlov, A.A. & Balashova, T.A. (2014) Experience in conducting research on bioequivalence of medicines, ethical aspects. *Medical Ethics Journal*. 2(1), 22–27. (in Russian).
Лилеева Е.Г., Спешилова С.А., Чугунная С.М., Мирошников А.Е., Хохлов А.А., Балашова Т.А. Опыт проведения исследований биоэквивалентности лекарственных средств, этические аспекты // Медицинская этика. 2014. Т. 2. № 1. С. 22–27.
- Mahato, T., Sharma, S., Patel, A., Ojha, S. & Agnihotri, V. (2023) Prescribing by generic name: pros and cons. *Poetique*. 10(9), 61–72.
- Maksimov, M.L. & Ermolaeva, A.S. (2018) Topical issues of interchangeability of medicinal preparations: original bisoprolol or reproduced drugs (generics)? *RMJ*. 26(6–1), 29–32. (in Russian).
Максимов М.Л., Ермолаева А.С. Актуальные вопросы взаимозаменяемости лекарственных препаратов: оригинальный бисопролол или воспроизведенные лекарственные средства (дженерики)? // РМЖ. 2018. Т. 26. № 6–1. С. 29–32.
- Mareev, I.V., Samyukina, I.A., Kolokoltsova, M.Y., Pimenov, I.D., Tomofeev, M.S., Kulikov, E.S., Deev, I.A., Borodulina, E.V., Kobayakova, O.S. & Udut, V.V. (2018) Motivation and participation experience of healthy volunteers in the clinical trials of bioequivalence in Russia. *Drug development & registration*. 1(22), 198–204. (in Russian).
Мареев И.В., Самыкина И.А., Колокольцова М.Ю., Пименов И.Д., Тимофеев М.С., Куликов Е.С., Деев И.А., Бородулина Е.В., Кобякова О.С., Удут В.В. Мотивация и опыт участия здоровых добровольцев в исследованиях биоэквивалентности в России // Разработка и регистрация лекарственных средств. 2018. № 1(22). С. 198–204.
- Martsevich, S.Y. & Tolpygina, S. (2009) Original drugs and their generics: a problem of choice. *Arterial Hypertension*. 15(2), 209–213. <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2009-15-2-209-213> (in Russian).
Марцевич С.Ю., Толпыгина С.Н. Оригинальные лекарственные препараты и их копии: проблема выбора // Артериальная гипертензия. 2009. Т. 15. № 2. С. 209–213. <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2009-15-2-209-213>

- Nabin, M., Mohan, V., Nicholas, A., & Sgro, P. (2012) Therapeutic Equivalence and the Generic Competition Paradox. *B.E. Journal of Economic Analysis and Policy*. 12(1). <https://doi.org/10.1515/1935-1682.3234>
- Panigrahy, S. & Chaudhari, S. (2022) Knowledge and Perceptions of Generic Drugs: A Cross Sectional Study. *Journal of Drug Delivery and Therapeutics*. 12(2-S), 53–57. <https://doi.org/10.22270/jddt.v12i2-S.5412>
- Pereverzev, A.P. (2021) Original and reproduced medicinal products: are they comparable? Emphasis on moxonidine. *RMJ*. 29(9), 6–10 (in Russian).
Переверзев А.П. Оригинальные и воспроизведенные лекарственные средства: действительно ли они сопоставимы? Акцент на моксонидин // *PMЖ*. 2021. Т. 29. № 9. С. 6–10.
- Potupchik, T.V., Veselova, O.F., Evert, L.S., Okladnikov, E.V., Gatskikh, I.V., Shalda, T.P. & Storozhenko, S.E. (2015) Awareness of brand name and generic drugs. *Farmatsiya*. (6), 30–32 (in Russian).
Потупчик Т.В., Веселова О.Ф., Эверт Л.С., Окладников Е.В., Гацких И.В., Шалда Т.П., Стороженко С.Е. Осведомленность об оригинальных и дженерических препаратах // *Фармация*. 2015. № 6. С. 30–32.
- Reichtman, T.V. (2018) *Improvement of state mechanisms for managing the availability of medical care*. Doctor of Pharmaceutical Sciences dissertation. Moscow, RUDN University. (in Russian).
Рейхтман Т.В. Совершенствование государственных механизмов управления доступностью лекарственной помощи: дис. ... д-ра фармацевт. наук. М. : РУДН, 2018. 372 с.
- Rogov, E.S. & Talibov, O.B. (2017) Risk assessment in clinical trials with healthy volunteers participation. *Medical Ethics Journal*. 5 (1), 21–26 (in Russian).
Рогов Е.С., Талибов О.Б. Оценка рисков участия здоровых добровольцев в клинических исследованиях // *Медицинская этика*. 2017. Т. 5. № 1. С. 21–26.
- Sestino, A. & Amatulli, C. (2021) Branded vs. Generic drugs: the role of self-perceived seriousness of disease. *International Journal of Pharmaceutical and Healthcare Marketing*. <https://doi.org/10.1108/IJPHM-10-2020-0090>
- Sokolov, A.V., Kukes, V.G., Rodina, T.A., Prokofiev, A.B., Arkhipov, V.V., Krasnykh, L.M. & Sokova, E.A. (2015) The present issues of bioequivalence. *Brugs and rational pharmacotherapy*. (1), 12–18 (in Russian).
Соколов А.В., Кукес В.Г., Родина Т.А., Прокофьев А.Б., Архипова В.В., Красных Л.М., Сокова Е.А. Актуальные вопросы биоэквивалентности // *Лекарственные средства и рациональная фармакотерапия*. 2015. № 1. С. 12–18.
- Strauss, J. & Greeff, O.B.W. (2015) Excipient-related adverse drug reactions: A clinical approach. *Current Allergy and Clinical Immunology*. 28(1), 24–27
- Swakowska, K., Religioni, U., & Staniszewska, A. (2023) Opinion of Polish Patients with Epilepsy on Generic Medications. *Healthcare*. 11(20), 2717. <https://doi.org/10.3390/healthcare11202717>
- Ushkalova, E.A., Zyryanov, S.K., & Gopienko, I.A. (2021) Generic drugs: benefit/risk ratio. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*. 13(6), 98–104. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-6-98-104> (in Russian).
Ушкалова Е.А., Зырянов С.К., Гопиенко И.А. Воспроизведенные препараты: соотношение польза/риск // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2021. Т. 13. № 6. С. 98–104. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-6-98-104>
- Vasilenko, G.F., Krasnykh, L.M., Zhuravleva, M.V., Prokofiev, A.B., Gorodetskaya, G.I., Smirnov, V.V. & Bunyatyan, N.D. (2022) Comparative dissolution kinetics of several multisource thioctic acid products. *Regulatory Research and Medicine Evaluation*. 12(3), 331–340. <https://doi.org/10.30895/1991-2919-2022-12-3-331-340> (in Russian).
Василенко Г.Ф., Красных Л.М., Журавлева М.В., Прокофьев А.Б., Городецкая Г.И., Смирнов В.В., Бунятян Н.Д. Сравнительная кинетика растворения тиоктовой кислоты для ряда воспроизведенных препаратов // *Ведомости Научного центра экспертизы*

- средств медицинского применения. Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств. 2022. Т. 12. № 3. С. 331–340. <https://doi.org/10.30895/1991-2919-2022-12-3-331-340>
- Yaichkov, I. I. (2019) The features of researches of generic drugs. *Medical Ethics Journal*. 7(1), 84–101. (in Russian).
- Яичков И.И.* Особенности исследований воспроизведенных лекарственных препаратов // Медицинская этика. 2019. Т. 7. № 1. С. 84–101.
- Zhuravleva, M.V., Prokofiev, A.B., Chernykh, T.M., Lazareva, N.B., Berdnikova, N.G. & Serebrova, S.Yu. (2016) The epoch of generics: pros and cons. *Epidemiology and infectious diseases*. (1), 52–58. (in Russian).
- Журавлева М.В., Прокофьев А.Б., Черных Т.М., Лазарева Н.Б., Бердникова Н.Г., Сереброва С.Ю.* Эпоха дженериков: за и против // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2016. № 1. С. 52–58.
- Zyryanov, S.K., Fitilev, S.B., Shkrebneva, I.I. & Vozzhaev, A.V. (2017) Drug interchangeability – clinical efficacy and safety. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*. 1, 4–10. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2017-1S-4-10> (in Russian).
- Зырянов С.К., Фитилев С.Б., Шкрбнева И.И., Возжаев А.В.* Взаимозаменяемость препаратов – клиническая эффективность, безопасность // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2017. № 1. С. 4–10. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2017-1S-4-10>

Сведения об авторах:

Савоскин Александр Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Уральский государственный экономический университет; 620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

ORCID: 0000-0002-7112-6845; SPIN-код: 9572-0502

e-mail: savoskinav@yandex.ru

РукOLEEV Виталий Александрович – ассистент кафедры конституционного и международного права, Уральский государственный экономический университет; 620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

ORCID: 0000-0002-6879-9192; SPIN-код: 4210-8243

e-mail: v.a.rukoleev@bk.ru

About the authors:

Alexander V. Savoskin – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics; 62/45 8 Marta str./Narodnaya Volya, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7112-6845; SPIN-код: 9572-0502

e-mail: savoskinav@yandex.ru

Vitaly A. Rukoleev – Assistant of the Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics; 62/45 8 Marta str./Narodnaya Volya, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6879-9192; SPIN-код: 4210-8243

e-mail: v.a.rukoleev@bk.ru

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-892-905>
EDN: IHMCKB

Научная статья / Research Article

Природа онлайн-разрешения гражданско-правовых споров в современной Индии

И.А. Гроник

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 gronik_i@pfur.ru

Аннотация. Индийская судебная система развивается быстрыми темпами, интегрируя цифровые технологии. В рамках проекта eCourts в судах создаются новые цифровые сервисные центры, которые соединяют традиционную судебную систему и современную цифровую инфраструктуру, предоставляя различные онлайн-услуги, а также оказывают помощь в подаче дел в электронном виде. Внедряются виртуальные залы судебного заседания, разрабатываются руководящие принципы для судебных разбирательств, проводимых с помощью информационно-телекоммуникационных средств. Введение нового Закона о защите цифровых персональных данных способствует началу создания и развития специализированного законодательства, соответствующему цифровой эпохе. Цель – анализ теоретических данных о природе онлайн-разрешения споров в Индии. Используются методы эмпирического уровня, такие как описание, сравнение, а также общелогические методы такие как анализ, дедукция и другие. Сделаны выводы о противоречивой природе онлайн-разрешения гражданско-правовых споров в Индии. Современники разделяют две позиции. Одни считают, что внедрение информационных технологий в деятельность судов создает высокие риски для безопасности и конфиденциальности данных и отсутствие цифровой грамотности будет способствовать этому, другие – что будущее за виртуальными судами и онлайн-разрешением споров.

Ключевые слова: ODR, виртуальный суд, онлайн-медиация, eCourts, e-Sewa Kendras, Индия, цифровая судебная система, цифровое правосудие, цифровой спор, коммерческие споры

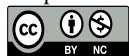
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Поступила в редакцию: 29 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

© Гроник И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Гроник И.А. Природа онлайн-разрешения гражданско-правовых споров в современной Индии // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 4. С. 892–905. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-892-905>

The nature of online civil dispute resolution in modern India

Irina A. Gronic

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 gronik_i@pfur.ru

Abstract. The Indian judiciary is evolving at a rapid pace by integrating digital technologies. Under the eCourts project, new digital service centres are being created in the courts that connect the traditional court system and the modern digital infrastructure, providing various online services and also assisting in filing cases electronically. Virtual courtrooms are being introduced, guidelines for litigation conducted through information and telecommunication means are being developed. The introduction of the new Digital Personal Data Protection Act facilitates the beginning of the creation and development of specialized legislation corresponding to the digital age. The objective of this study is to analyze theoretical data on the nature of online dispute resolution in India. Empirical methods such as description, comparison, as well as general logical methods such as analysis, deduction, etc. are used. Conclusions are made about the contradictory nature of online resolution of civil disputes in India. Contemporaries share two positions. Some believe that the introduction of information technology in the activities of the courts creates high risks for the security and privacy of data and the lack of digital literacy will contribute to this, while others believe that the future belongs to virtual courts and online dispute resolution.

Key words: ODR, virtual court, online mediation, eCourts, e-Sewa Kendras, India, digital court system, digital justice, digital dispute, commercial disputes

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Article received: 29th August 2024

Article accepted: 15th October 2024

For citation:

Gronic, I.A. (2024) The nature of online civil dispute resolution in modern India. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 892–905. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-892-905>

Введение. О судебной системе Индии

Настоящая работа является продолжением исследования о трансформации цифровых способов разрешения споров в Индии, которое было дано в 2023 г. (Gronic, 2023). В числе авторов, изучающих специфику судебной системы указанного государства, можно выделить следующих. Ник Робинсон (Robinson, 2016), написавший для Оксфордского справочника по индийскому конституционному праву главу под наименованием «Архитектура индийской судебной системы», описывает различные типы судов и судей в индийской судебной системе, иерархию и отношения между ними. С недавнего времени научный интерес к деятельности Верховного суда, Высоких судов и нижестоящих судебных органов Индии начал усиливаться. Однако

несмотря на то, что «индийская судебная система, особенно высшая судебная система (т. е. Верховный суд и Высокие суды), играет центральную роль в индийской политической жизни и широко освещается в средствах массовой информации, существует ограниченное количество научной литературы о влиянии структуры судебной системы» (Robinson, 2016:330).

Интересной представляется позиция исследователя об исторически сформировавшейся «утяжеленности индийской судебной системы, которая поражает как с точки зрения относительной власти высшей судебной системы, так и с точки зрения количества дел, которые эти суды рассматривают по отношению к нижестоящим» (Robinson, 2016:331).

О том, что «современная судебная система Индии имеет достаточно сложную и запутанную структуру» (Yakovlev & Yakovlev, 2019:28), также пишут и современные российские исследователи Яковлев А.Ю., Яковлев П.Ю. В статье об индийской модели правосудия авторы описали правомочия Высоких судов Индии: «вынесение судебных приказов и предписаний по вопросам фундаментальных прав или иным вопросам; контроль за деятельностью нижестоящих судов; истребование дел на собственное рассмотрение из подотчетных судов; установление подсудности дел, рассматриваемых самостоятельно и нижестоящими судами» (Yakovlev & Yakovlev, 2019:28).

Доцент, независимый арбитр и медиатор Акаш Гупта в работе соавторстве об особенностях разрешения споров и арбитражных институтах Индии¹ описывает принципы функционирования судебной системы указанного государства и ее иерархию: «Верховный суд Индии является высшим судом последней инстанции, нижестоящими являются Высокие суды в каждом штате»²; далее поясняет: «Именно эти суды обладают юрисдикцией первой инстанции для рассмотрения заявлений о признании и приведении в исполнении судебных решений»³.

Доцент Шмелёв И.В. в монографическом издании также приводит примеры того, что «Верховный суд Индии обладает чрезвычайно широкой юрисдикцией: объём его дел обусловлен не только юрисдикцией суда по конституционным и федеральным вопросам, но и тем, что он заседает в качестве апелляционного суда по гражданским и уголовным делам» (Shmelev, 2023:8).

Таким образом, выводы исследователей о современной судебной системе Индии сводятся к тому, что государство активно развивает и совершенствует судебную систему, однако она (судебная система) остается перегруженной и как следствие, это приводит к увеличению апелляций или к задержкам в разрешении судебных споров.

---

¹ Акаш Гупта, Дубешко Валерия, Кругликов Борис. Арбитражные институты Индии: особенности разрешения споров. 18.08.2023 г. Режим доступа: https://www.sorainen.com/wp-content/uploads/2023/08/article.arbitration-in-India.2023-08-20.rus_.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

² Акаш Гупта, Дубешко Валерия, Кругликов Борис. Арбитражные институты Индии: особенности разрешения споров. 18.08.2023 г. Режим доступа: https://www.sorainen.com/wp-content/uploads/2023/08/article.arbitration-in-India.2023-08-20.rus_.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

³ Акаш Гупта, Дубешко Валерия, Кругликов Борис. Арбитражные институты Индии: особенности разрешения споров. 18.08.2023 г. Режим доступа: https://www.sorainen.com/wp-content/uploads/2023/08/article.arbitration-in-India.2023-08-20.rus_.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

Современное состояние эмпирических и теоретических данных о природе онлайн-разрешения споров в Индии

Организация Объединенных Наций опубликовала Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн (сокращенно УСО)⁴, в которых описана область применения процедуры УСО: «споры, возникающие из небольших по стоимости трансграничных сделок в сфере электронной торговли. ... Споры, возникающие между самими коммерческими структурами и между коммерческими структурами и потребителями. ... Споры, возникающие из договоров купли-продажи и из договоров о предоставлении услуг»⁵.

Комментарием предложено определение правовой категории *урегулирование споров в режиме онлайн (УСО)*, под которым понимается «механизм урегулирования споров посредством использования электронных сообщений и других информационно-коммуникационных технологий»⁶.

Толкование терминологии *онлайн-разрешения споров (ODR)* также дано экспертным комитетом аналитического центра государственной политики Индии NITI Aayog по ODR в материалах «Проектирование будущего разрешения споров: План политики ODR для Индии». Эксперты представили разграничение понятий *онлайн-разрешение споров (ODR)*, под которым следует понимать «использование технологий для урегулирования споров (например, видеоконференции и цифровая передача файлов), и *e-ADR* – данный термин относится к использованию технологий в альтернативных процессах разрешения споров, образует подмножество ODR и может включать разрешение споров с помощью автоматизированного разрешения споров»⁷.

Вопросы о природе цифровых споров и модификации гражданского судебного процесса с применением информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта являются актуальными, пользующимися популярностью у современных исследователей (Bashilov & Berman, 2022; Gronic, 2022; Ermakova & Frolova, 2022; Kudryavtseva, 2021; Rusakova, 2020; Rusakova, Gronic & Kupchina, 2022; Zakharkina & Kuznetsova, 2021; и др.).

Доценты юридического факультета Университета Северной Бенгалии Сом Дея Саркар и Субхаджит Бхаттачарджи по результатам проведенного исследования о разрешении онлайн-споров в судах первой инстанции в Индии рекомендовали предпринять меры по внедрению процедуры онлайн-механизма с участием всех заинтересованных сторон, поскольку большинство людей неизменно верят в институциональное разрешение споров (Soma Dey Sarkar & Subhajit Bhattacharjee, 2023).

⁴ В научной литературе, в юридических комментариях используется термин «Online Dispute Resolution (ODR)». В переводе на русский язык коллеги часто применяют формулировку «онлайн-разрешение споров» или «урегулирование споров в режиме онлайн (УСО)».

⁵ Пп. 22, 23. Раздел IV. Сфера охвата процедуры УСО. Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2017 г. Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/17-00384_r_ebook_technical_notes_on_odr.pdf (дата обращения: 21.08.2024).

⁶ П. 24. Раздел V. Определения, роли и задачи УСО, а также сообщения. Сфера охвата процедуры УСО. Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2017 г. Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/17-00384_r_ebook_technical_notes_on_odr.pdf (дата обращения: 21.08.2024).

⁷ Designing the Future of Dispute Resolution: The ODR Policy Plan for India. The NITI Aayog Expert Committee on ODR. October 2021. Режим доступа: <https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2021-11/odr-report-29-11-2021.pdf> (дата обращения: 23.07.2024).

Юрист Питамбер Ядав полагает, что экономика Индии, направленная на преобразование всей экосистемы государственных услуг посредством использования информационных технологий, способна достигнуть значительных успехов в процессе цифрового преобразования. Однако традиционная индийская судебная система в настоящее время сталкивается с колоссальным затягиванием в осуществлении правосудия. По мнению автора, «отставание в рассмотрении дел в суде и цифровая пролиферация создает убедительный аргумент в пользу специализированного механизма онлайн-разрешения споров (ODR) в Индии» (Pitamber, 2024).

Проанализировав процессы интеграции онлайн-разрешения споров (ODR) в индийскую правовую систему, Питамбер предлагает принять специализированное законодательство для ODR, которое поможет правосудию стать не только доступным и эффективным, но и соответствовать требованиям цифровой эпохи (Pitamber, 2024).

По мнению исследователей Института дипломированных финансовых аналитиков Индийского университета Дехрадун Уннати и Аариуши Гоял, в цифровую эпоху платформы разрешения споров в режиме онлайн стали преобразующей силой в процессах альтернативного разрешения споров. Авторы считают, что «ODR представляет собой модификацию и дополнение к традиционному юридическому процессу разрешения претензий и споров, в котором обычно участвуют суд, судьи, адвокаты и т. д., но с течением времени механизм и подход к разрешению споров и претензий претерпели изменения в связи с развитием технологической сферы, что привело к развитию ODR как альтернативного механизма разрешения споров» (Unnaty & Aaryushi Goyal, 2023:226).

Ученые Технологического института Веллоры Айяппан Паланиссами и Р. Кешавамурти в статье, посвященной автоматизированной системе разрешения споров (ADRS) в цифровом правосудии в Индии, на отработанном примере совершении сделок описали все трудности и вызовы, с которыми сталкиваются потребители в реальности при совершении сделок в сфере цифровой коммерции с точки зрения разрешения споров, в том числе в режиме онлайн. Исследователи пришли к выводу, что «механизм разрешения споров необходимо улучшить с помощью надлежащей информационной системы, разработанной для рассмотрения и разрешения споров в электронном пространстве» (Ayyappan Palanissamy & Kesavamoorthy, 2019:230). Авторы предложили первоначальную основу модели компьютерной автоматизированной системы разрешения споров, которая позволит потребителям получить удобный и простой доступ к онлайн правосудию (Ayyappan Palanissamy & Kesavamoorthy, 2019).

Трансформация индийского правового поля в области цифровых споров, начавшаяся более пятнадцати лет назад, продолжилась в 2023 г. с принятием Закона о медиации № 32 от 14 сентября 2023 г., открыв новую веху разрешения споров в стране⁸. Данный нормативный акт вводит обязательную досудебную процедуру медиации, включая онлайн-посредничество, для гражданских и коммерческих споров, что в корне меняет представление о традиционном добровольном применении медиации.

Согласно п. h ст. 3 Главы II Закона № 32 от 14 сентября 2023 г. «посредничество» включает в себя процесс, независимо от того, обозначается ли он термином «посредничество», «досудебное посредничество», «онлайн-посредничество», «общественное посредничество», «примирение» или выражением аналогичного значения,

⁸ Mediation Act, 2023: Mandatory Pre-Litigation Mediation in India // Taxguru.in. Режим доступа: <https://taxguru.in/corporate-law/mediation-act-2023-mandatory-pre-litigation-mediation-india.html> (дата обращения: 23.07.2024).

посредством которого стороны пытаются достичь мирного урегулирования своего спора с помощью третьего лица, именуемого посредником, которое не имеет полномочий навязывать сторонам в споре мировое соглашение»⁹.

Онлайн-медиации посвящена ст. 30 главы VII Закона № 32, в соответствии с которым указанная процедура, «включая досудебную медиацию, может проводиться на любой стадии медиации, с письменного согласия сторон, в том числе с использованием электронной формы или компьютерных сетей, но не ограничиваясь зашифрованной электронной почтой, защищенными чатами или конференциями в видео- и/или аудио режиме»¹⁰. Проведение онлайн-медиации должно осуществляться с соблюдением основных элементов честности разбирательства и конфиденциальности.

Предполагается, что обязательная досудебная медиация будет способствовать облегчению нагрузки на индийскую судебную систему и обеспечит содействие более быстрому разрешению споров, в том числе и цифровых. Однако данное нововведение уже подверглось критике.

Достижения проекта eCourts¹¹ в Индии

Путь проекта eCourts начался с попыток компьютеризации судебной системы Индии и продолжает работать, внедряя новые инструменты информационно-коммуникационных технологий (сокращенно – ИКТ) в процесс отправления правосудия¹².

В июне 2024 г. Высокий суд Кохима Бенч в Гаухати начал реализовывать работу нового онлайн-портала для повышения эффективности, прозрачности и удобства пользования сотрудниками, соискателями, адвокатами и заинтересованными лицами¹³. Эта инициатива знаменует собой значительный шаг на пути к модернизации административных процессов в судебной системе.

---

⁹ Mediation Act, 2023: Mandatory Pre-Litigation Mediation in India // Taxguru.in. Режим доступа: <https://taxguru.in/corporate-law/mediation-act-2023-mandatory-pre-litigation-mediation-india.html> (дата обращения: 23.07.2024).

¹⁰ Mediation Act, 2023: Mandatory Pre-Litigation Mediation in India // Taxguru.in. Режим доступа: <https://taxguru.in/corporate-law/mediation-act-2023-mandatory-pre-litigation-mediation-india.html> (дата обращения: 23.07.2024).

¹¹ Проект eCourts Mission Mode – Индийский проект, контролируемый и финансируемый Министерством юстиции, по внедрению ИКТ в индийскую судебную систему. Проект eCourts является одним из национальных проектов в области электронного управления, реализуемых в окружных и нижестоящих судах страны с 2007 г. Проект направлен на предоставление необходимых аппаратных и программных приложений, позволяющих судам предоставлять электронные услуги, а судебным органам – контролировать и управлять функционированием судов. См. подробнее: Designing the Future of Dispute Resolution: The ODR Policy Plan for India. The NITI Aayog Expert Committee on ODR. October 2021. Режим доступа: <https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2021-11/odr-report-29-11-2021.pdf> (дата обращения: 23.07.2024); Режим доступа: <https://doj.gov.in/ecourts-mission-mode-project-2/> (дата обращения: 23.07.2024).

¹² Designing the Future of Dispute Resolution: The ODR Policy Plan for India. The NITI Aayog Expert Committee on ODR. October 2021. Режим доступа: <https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2021-11/odr-report-29-11-2021.pdf> (дата обращения: 23.07.2024); Режим доступа: <https://doj.gov.in/ecourts-mission-mode-project-2/> (дата обращения: 23.07.2024).

¹³ С полной версией отчета «Newsletter e-Committee, Supreme Court of India, June 2024» можно ознакомиться на официальном сайте. Режим доступа: <https://ecommitteesci.gov.in/publication-type/newsletters/> (дата обращения: 02.07.2024).

Онлайн-портал электронных услуг Высокого суда Гаухати коллегии Кохима реализует четыре модуля:

- Система управления отпусками;
- Система управления запасами;
- Онлайн-портал по подбору персонала;
- Онлайн-портал RTI¹⁴.

Онлайн-система управления отпусками автоматизирует подачу заявлений на получение и согласование отпусков, сокращая бумажную работу и ручную обработку, и оптимизирует процесс управления отпусками и посещаемостью сотрудников.

Система управления запасами обеспечивает эффективное отслеживание и управление оборудованием, а также видимость местоположения активов, их использования и графиков технического обслуживания в режиме реального времени. Иными словами, происходит автоматизация, сокращается количество ошибок и повышается точность при проведении аудитов и соответствие нормативным требованиям.

Онлайн-портал по подбору персонала оптимизирует процесс найма, путем онлайн размещения объявлений о вакансиях, сбора заявок и отбор кандидатов. Сокращая бумажную работу и административные задачи, это повышает эффективность и экономичность.

Онлайн-портал RTI был создан для облегчения доступа к информации гражданами Индии о Высоком суде Гаухати, а также для подачи заявлений о праве на информацию, для подачи первой апелляции и оплаты сборов в соответствии с Законом о праве на информацию 2005 г. (Закон о RTI)¹⁵. Эти функции оптимизируют рабочие процессы, помогают сократить объемы бумажной работы и улучшить доступ к информации для всех пользователей судебной системы¹⁶.

Продолжается III этап проекта eCourts в Высоком суде Ориссы. Электронная подача документов: программное обеспечение e-Filing 3.0 внедрено в Высоком суде и окружных судах. Закон о судебных сборах уже изменен. Предоставление электронной оплаты судебных сборов началось в Высоком суде и 30 окружных штаб-квартирах. Целью III этапа является увеличение количества обучающих программ для заинтересованных сторон, чтобы полностью успешно использовать электронную подачу документов.

В информационном бюллетене Верховного суда Индии за 2024 г. сообщается о реорганизации судебного процесса: «в Карнатаке был составлен отчет о реорганизации судебного процесса для оптимизации рабочих процессов и стандартизации

¹⁴ Online eServices Portal Gauhati High Court Kohima Bench. Режим доступа: <https://hcnlservices.in/home/index.html> (дата обращения: 08.08.2024).

¹⁵ «Закон о праве на информацию 2005 г. предусматривает своевременное реагирование на запросы граждан о предоставлении правительственной информации. Это инициатива, предпринятая Департаментом персонала и обучения Министерства кадров, общественных жалоб и пенсий, чтобы предоставить гражданам портал RTI для быстрого поиска информации о первых апелляционных органах, РЮ и т. д., среди прочего, помимо доступа к информации, связанной с RTI, опубликованной в Интернете различными государственными органами при правительстве Индии, а также правительствами штатов» // About Right to Information Act 2005. Режим доступа: <https://rti.gov.in/#> (дата обращения: 04.08.2024). Текст закона опубликован на официальном сайте Right to Information a citizen Gateway. Режим доступа: [https://rti.gov.in/RTI%20Act,%202005%20\(Amended\)-English%20Version.pdf](https://rti.gov.in/RTI%20Act,%202005%20(Amended)-English%20Version.pdf) (дата обращения: 04.08.2024).

¹⁶ Online eServices Portal Gauhati High Court Kohima Bench. Режим доступа: <https://hcnlservices.in/home/index.html> (дата обращения: 08.08.2024).

компонентов в системе информации о делах (CIS) по всей судебной системе»¹⁷. Ведутся работы по автоматизации таких процессов, как выдача повесток, распространение заверенных копий и обновление статуса дела для адвокатов и истцов, а также предоставление решений по электронной почте. Кроме того, Высокий суд принимает рекомендации из «Отчета о проекте по моделям электронных реестров» комитета судьи Раджеша Биндала для стандартизации судебных реестров в соответствии с полями CIS, дополняя усилия по оцифровке. Высокий суд Карнатаки, в рамках модуля системы информации о делах, начал отправлять электронные повестки по электронной почте, внедрив эту технологию в окружные судебные органы, а именно по всем адресам, куда стороны судебного разбирательства направляли электронные письма¹⁸.

В Высоких судах большинства штатов Индии проводятся ежегодные обучающие программы по цифровизации eCourts для адвокатов, судей и секретарей. В феврале 2024 г. Высоким судом Мегхалаи была осуществлена демонстрация электронных приложений, таких как: мобильное приложение Mobile App, e-ACR, решение eCourts, модуль копирования, Paperless Court, JOMS, e-Directory, приложение POSCO, система управления запасами, система управления электронными пропусками посетителей, модуль FASTER¹⁹. Кроме того, Высокий суд Мегхалаи провел обучающую программу по электронной подаче документов 3.0 для должностных лиц и сотрудников копировальных и судебных отделов Высокого суда. В информационном бюллетене Верховного суда Индии сообщается, что подобные инициативы имеют решающее значение для повышения эффективности и мастерства в электронных системах подачи документов, позволяя сотрудникам суда эффективно ориентироваться и использовать цифровые инструменты в своей повседневной работе²⁰. Также в текущем году в г. Дели проведено повышение квалификации по программам обучения электронным судам и по цифровой подписи для сотрудников суда.

Индийская судебная система быстро развивается вместе с интеграцией цифровых технологий, и в центре этой трансформации находятся это цифровые сервисные центры *e-Sewa Kendras*, которые были созданы в рамках проекта eCourts в судебных комплексах на экспериментальной основе в Высоких судах и в одном окружном суде в каждом штате Индии²¹. Они служат мостом между традиционной судебной системой и современной цифровой инфраструктурой, предоставляя различные онлайн-услуги сторонам судебного процесса, адвокатам и широкой общественности, а также оказывают помощь в подаче дел в электронном виде. Это позволяет сторонам в судебном процессе получать информацию о статусе дела и получать копии судебных решений и постановлений. Цифровые сервисные центры *e-Sewa Kendras* являются неотъемлемой частью успешного внедрения виртуальных судов, способствуя плавному переходу к цифровой судебной системе, что также играет решающую роль в поддержке системы виртуальных судов, обеспечивая доступность и эффективность

¹⁷ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. April 2024. Режим доступа: https://ghconline.gov.in/Document/e-Committee_Newsletter_April_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

¹⁸ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. April 2024. Режим доступа: https://ghconline.gov.in/Document/e-Committee_Newsletter_April_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

¹⁹ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. February 2024. Режим доступа: <file:///C:/Users/USER/Downloads/202406181685576847.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).

²⁰ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. February 2024. Режим доступа: <file:///C:/Users/USER/Downloads/202406181685576847.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).

²¹ eCommittee, Supreme Court of India. Режим доступа: <https://ecommitteesci.gov.in/service/e-sewa-kendra/> (дата обращения: 08.08.2024).

правосудия²². Эта обширная сеть обеспечивает всестороннее покрытие и поддержку цифровых судебных услуг.

В апреле 2024 г. Высокий суд штата Орисса успешно внедрил цифровые сервисные центры e-Sewa Kendras в своей юрисдикции; в Карнатаке 27 e-Sewa Kendras охватывают все три здания Высокого суда и 25 комплексов виртуальных коллегий в окружных судах, предлагая услуги электронного суда, включая кабины видеоконференции и стойки справочной службы, что позволяет адвокатам и сторонам судебного разбирательства присутствовать удаленно и эффективно вести дела. Положительное влияние этих центров подчеркивает их потенциал в преобразовании судебной системы. Доступ услуг предоставляется через мобильное приложение e-Court. В 2024–2025 г. планируется создать не менее 185 цифровых сервисных центров e-Sewa Kendras²³. К концу третьего этапа планируется создать 4 400 центров по всей стране.

Кроме того, в информационном бюллетене Верховного суда Индии за 2024 г. отмечается, что для ускорения слушаний и снижения необходимости физического присутствия внедряются виртуальные залы суда, разрабатываются руководящие принципы для судебных разбирательств, проводимых с помощью виртуальных средств²⁴.

Веб-сайт Верховного суда Индии был адаптирован для лиц с ограниченными возможностями с удобным открытием доступа к цифровым документам, таким как решения и постановления. Также в Высоком суде и на уровне округов были созданы комитеты по обеспечению доступности для лиц с ограниченными возможностями с целью создания в судах благоприятной для лиц с ограниченными возможностями среды²⁵.

В это связи важно отметить работу электронного комитета Верховного суда Индии, который регулярно проводит обучение по цифровой доступности для сотрудников суда с проблемами зрения.

С 1 августа 2024 г. все судебные акты окружных судов в Трипуре, которые загружаются в систему информации о делах, будут иметь уникальный QR-код, сканируя который, все заинтересованные стороны получают доступ к текущему статусу дела и всем постановлениям, связанным с судебным делом²⁶.

Еще одним событием в новой эре технологий в судебной практике Индии стал запуск программы подачи заявлений в цифровой суд в суде Тис-Хазари. О том, как работает данное приложение, и обо всех его преимуществах отмечается в информационном бюллетене Верховного суда Индии: «Панель инструментов приложения цифрового суда позволяет быстро просмотреть количество перечисленных, ожидающих рассмотрения, решенных, недатированных, отложенных, переданных, оспариваемых, неоспариваемых дел с помощью соответствующих учетных данных

²² What are e-Sewa Kendras and how do they Support Virtual Courts? A Detailed Insight. Режим доступа: <https://www.customercarephonenumber.in/blog/what-are-e-sewa-kendras-and-how-do-they-support-virtual-courts-a-detailed-insight> (дата обращения: 12.06.2024).

²³ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. April 2024. Режим доступа: https://ghconline.gov.in/Document/e-Committee_Newsletter_April_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

²⁴ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. April 2024. Режим доступа: https://ghconline.gov.in/Document/e-Committee_Newsletter_April_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

²⁵ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. April 2024. Режим доступа: https://ghconline.gov.in/Document/e-Committee_Newsletter_April_2024.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

²⁶ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. July 2024. Режим доступа: <https://balod.dcourts.gov.in/publication/e-committee-newsletter-july-2024/> (дата обращения: 17.08.2024).

для входа»²⁷. Внедрение приложения цифрового суда, разработанного под эгидой distinguished Верховного суда Индии, является свидетельством приверженности окружных судов Дели содействию развитию безбумажной цифровой судебной системы. Эта инновационная платформа позволяет судьям получать удаленный доступ к файлам дел, тем самым повышая эффективность и прозрачность судебных процессов²⁸.

Примечательным стало торжественное открытие пилотного гибридного суда в суде Тис-Хазари, Дели. По мнению практикующих юристов и судей окружные суды Дели достигли значительных успехов в области информационно-коммуникационных технологий с запуском гибридного суда, оснащенного функцией преобразования речи в текст в приложение цифрового суда для судебных должностных лиц в комплексе судов Тис-Хазари²⁹.

Также был разработан модуль «*Безбумажный суд*» (*Paperless Court*) для оцифровки судебных процессов, файлов дел и документации. Суд повышает операционную эффективность и снижает зависимость от физических бумаг. В настоящее время безбумажный суд находится на стадии судебного разбирательства и используется в зале суда № 3 Верховного суда Сиккима³⁰.

Онлайн-разрешение споров: преимущества и недостатки

Кайл Бейли (Kyle Bailey), медиатор, арбитр, одним из положительных аспектов внедрения онлайн-разрешения споров называет *расширение доступа к правосудию* различными способами³¹.

Действительно, можно с этим согласиться, поскольку суды Индии начали подключать и использовать инструменты ODR, что значительно облегчает пользователям взаимодействие с судебной системой.

Если говорить о роли цифровых сервисных центров e-Sewa Kendras в поддержке виртуальных судов, то эксперты также отмечают повышение доступности к судебным услугам, особенно для жителей сельских и отдаленных районов. Предоставляя цифровые услуги на местном уровне, эти центры помогают преодолеть разрыв между судебной системой и общественностью, обеспечивая каждому доступ к правосудию³².

Еще одним преимуществом является то, что онлайн-разрешение споров *помогает снизить нагрузку на традиционную судебную систему, значительно повышает инклюзивность и эффективность*. Таким образом, происходит оптимизация судебных процессов, сокращая задержки и повышая эффективность. Электронная подача

²⁷ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. July 2024. Режим доступа: <https://balod.dcourts.gov.in/publication/e-committee-newsletter-july-2024/> (дата обращения: 17.08.2024).

²⁸ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. July 2024. Режим доступа: <https://balod.dcourts.gov.in/publication/e-committee-newsletter-july-2024/> (дата обращения: 17.08.2024).

²⁹ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. July 2024. Режим доступа: <https://balod.dcourts.gov.in/publication/e-committee-newsletter-july-2024/> (дата обращения: 17.08.2024).

³⁰ Newsletter e-Committee, Supreme Court of India. July 2024. Режим доступа: <https://balod.dcourts.gov.in/publication/e-committee-newsletter-july-2024/> (дата обращения: 17.08.2024).

³¹ Disputing Blog by Karl Bayer. Online Dispute Resolution: A Primer. 21 февраля 2020. Режим доступа: <https://mediate.com/online-dispute-resolution-a-primer/> (дата обращения: 14.07.2024).

³² What Are e-Sewa Kendras and How Do They Support Virtual Courts? A Detailed Insight. CCPN. Режим доступа: <https://www.customercarephonenumber.in/blog/what-are-e-sewa-kendras-and-how-do-they-support-virtual-courts-a-detailed-insight> (дата обращения: 14.07.2024).

и цифровое управление делами ускоряют подачу и рассмотрение дел, способствуя ускорению судебного процесса.

По мнению доцентов Венкатешварлу Ч., Найду С.Т. и Азизунисаа бегум С.М., ODR *доступен* всем, у кого есть доступ к Интернету (Venkateswarlu, Naidu & Azizunisaa begum, 2023). Кроме того, по мнению авторов – это *менее затратный* процесс по экономии времени и бюджета. Обеспечивая возможность проведения виртуальных судебных заседаний и подачи документов в электронном виде, поскольку для процесса ODR не требуется расходовать денежные средства на поездки, все это помогает преодолеть временные, логистические и географические препятствия. Это значительное преимущество, особенно при разрешении международных споров.

Исследователи выделяют еще одно обстоятельство – обеспечение безопасности и конфиденциальности, однако не все единогласно относят его к преимуществам (выделим положительные и отрицательные стороны).

Положительный пример цифровых сервисных центров e-Sewa Kendras, которые гарантирует, что все цифровые транзакции и коммуникации являются безопасными и конфиденциальными. Для защиты конфиденциальной правовой информации и поддержания целостности судебных процессов принимаются надежные меры кибербезопасности.

Кроме того, введение нового Закона о защите цифровых персональных данных³³ способствует безопасности в сети и знаменует собой ключевую веху в сфере защиты персональных данных в Индии. Видья М.Н., научный сотрудник Университета Альянса, Бангалор, отмечает, что данное событие было долгожданным, учитывая значительное количество пользователей Интернета в стране, объемные данные, которые они генерируют, и существенное участие Индии в трансграничной торговле и инвестициях. В то время как существующие законы обеспечивают определенную защиту принципов данных и устанавливают обязательства для обработчиков данных, сообщения об инцидентах и другие аспекты, текущим нормативным базам не хватает полноты и основательности (Vidya, 2024:183).

Технологии блокчейн также были исследованы в контексте онлайн-разрешения споров. Особое внимание уделяется потенциалу для создания защищенных от несанкционированного доступа и прозрачных записей результатов разрешения цифровых споров. Уильям Таборда и его команда специалистов в различных областях знаний, подготовившие отчет к конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, отмечают, что системы ODR на основе блокчейна могут гарантировать целостность соглашений и решений, обеспечивая при этом неизменяемую запись процесса. Это может повысить доверие между сторонами и облегчить исполнение решений, а также сократить мошенничество и улучшить безопасность данных в процессах онлайн-разрешения споров³⁴.

Принципы безопасности и конфиденциальности имели первостепенное значение при разработке платформ онлайн-разрешения споров. Надежное шифрование, безопасное хранение данных и механизмы аутентификации являются важнейшими

³³ The Digital Personal Data Protection Act No 23, 11th August 2023, New Delhi. Режим доступа: <https://www.meity.gov.in/writereaddata/files/Digital%20Personal%20Data%20Protection%20Act%202023.pdf> (дата обращения: 06.07.2024).

³⁴ Technology and the Future of Online Dispute Resolution (ODR) Platforms for Consumer Protection Agencies. United Nations Conference on Trade and Development, 2023. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/tcsditeinf2023d5_en.pdf (дата обращения: 02.07.2024).

компонентами для защиты и целостности конфиденциальной информации, которой обмениваются стороны в процессе разрешения цифровых споров.

В то же время исследователи отмечают ряд недостатков.

Как это не парадоксально, о безопасности и конфиденциальности пишут как положительные, так и отрицательные комментарии. О преимуществах написано выше, теперь несколько слов об отрицательных особенностях.

Так, Кайл Бейли считает, что «внедрение информационных технологий неизбежно создает риски для конфиденциальности и безопасности»³⁵. По мнению автора, в современном мире нет ни одного надежного инструмента способного передать информацию безопасным способом.

Питаंबर Ядав главным недостатком называет отсутствие в Индии специализированного законодательства об онлайн-разрешении споров, в котором правосудие не только доступно и эффективно, но и соответствует требованиям цифровой эпохи (Pitamber, 2024).

Также исследователи отмечают о наличие дефицита технологических знаний для полноценного использования систем онлайн-разрешения споров.

Еще одним существенным недостатком является отсутствие цифровой грамотности среди некоторых слоев местного населения, поскольку в Индии существует цифровое неравенство по классу, касте, возрасту, полу.

Заключение

Проанализировав эмпирические и теоретические данные о природе онлайн-разрешения споров и их понимании в Индии, приходим к выводу, о котором пишет большинство авторов, интересующихся темой онлайн-разрешения споров (ODR), что это активно развивающийся механизм, способный кардинально изменить привычные способы разрешения споров. Онлайн-разрешение споров предлагает ряд преимуществ по сравнению с традиционными судебными разбирательствами, включая эффективность, доступность, инклюзивность и гибкость, и может оказать положительное влияние на индийское правосудие, сокращая количество нерассмотренных дел в судах, способствуя достижения справедливости.

Однако, как любой цифровой механизм, онлайн-разрешение споров обладает рядом преимуществ и недостатков. Основные опасения связаны с защитой персональных данных, содержащих конфиденциальную и личную информацию.

Зарекомендовавшие себя цифровые сервисные центры, созданные в судебных комплексах по всей Индии, служат мостом между традиционной судебной системой и современной цифровой инфраструктурой, предоставляя различные онлайн-услуги сторонам судебного процесса, адвокатам и широкой общественности. Они также становятся неотъемлемой частью успешного внедрения виртуальных судов, способствуя плавному переходу к цифровой судебной системе.

References / Список литературы

- Ayyappan Palanissamy & Kesavamoorthy, R. (2019) Automated Dispute Resolution System (ADRS) – A Proposed Initial Framework for Digital Justice in Online Consumer Transactions in India. *Procedia Computer Science*. (165), 224–231. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.01.087>

³⁵ Disputing Blog by Karl Bayer. Online Dispute Resolution: A Primer. 21 февраля 2020. Режим доступа: <https://mediate.com/online-dispute-resolution-a-primer/> (дата обращения: 14.07.2024).

- Bashilov, B.I. & Berman, A.M. (2022) Procedural documents in the era of new technologies: how legal design has changed the legal world. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (288), 261–270. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_28
- Ermakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Using Artificial Intelligence in Dispute Resolution. In: Inshakova, A.O. & Frolova, E.E. (eds.). *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Vol. 254. Springer, Singapore. pp. 131–142. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_11
- Ermakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Using artificial intelligence in dispute resolution. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 131–142. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_11
- Frolova, E.E. & Rusakova, E.P. (2022) Development of digital technologies for dispute resolution of economic entities as a means of increasing economic stability. *Advances in Research on Russian Business and Management*. (2022), 65–73.
- Gronic, I.A. (2022) On some aspects of case management in electronic courts of Indonesia. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (288), 193–199. Doi: 10.1007/978-981-16-9808-8_21
- Gronic, I.A. (2023) Transforming Digital Dispute Resolution in India. *RUDN Journal of Law*. 27(4), 1113–1124. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124> (in Russian).
Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 1113–1124. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-1113-1124>
- Kudryavtseva, E.V. (2021) Look from the past and present at the future of civil procedural legislation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. (9), 10–13. (in Russian).
Кудрявцева Е.В. Взгляд из прошлого и настоящего в будущее гражданского процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 10–13.
- Kuznetsov, M.N. (2020) The influence of digitalization on some guiding principles of civil proceedings. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal sciences*. 2(38), 58–67. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2020.38.2.06> (in Russian).
Кузнецов М.Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 2(38). С. 58–67. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2020.38.2.06>
- Pitamber, Y. (2024) Digitizing Justice: The Case for Dedicated Online Dispute Resolution Legislation in India. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4840167> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4840167> (дата обращения: 21.08.2024).
- Robinson, N. (2016) Judicial Architecture and Capacity (October 4, 2014). In: *The Oxford Handbook of Indian Constitutional Law* (Sujit Choudhry, Madhav Khosla & Pratap Mehta eds., 2016, Forthcoming). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2505523>
- Rusakova, E.P., Frolova, E.E., Zankovsky, S.S. & Kupchina, E.V. (2019) Problems of implementation of leadership in dispute resolution of the BRICS countries (on the examples of the Russian Federation, China, India). In: *6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities*. Istanbul, 24–26 June 2019. Istanbul, OCERINT. pp. 754–759.
- Rusakova, E. P. (2020) The digital agenda of civil litigation in India. In: *Comparative Legal Aspects of Legal Relations of Civil Circulation in the Modern World: Collection of Articles of the International Scientific Legal Forum in Memory of Professor V.K. Puchinsky*, Moscow, 16th October 2020. Moscow, RUDN University. pp. 257–261. (in Russian).
Русакова Е.П. Цифровая повестка гражданского судопроизводства в Индии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. Междунар. науч. юрид. форума памяти проф. В.К. Пучинского, Москва, 16 октября 2020 года. М. : РУДН, 2020. С. 257–261.
- Rusakova, E. P., Frolova, E.E. & Inshakova, A.O. (2021) The Procedure of Mediation in the Age of Industry 4.0. In: Popkova, E.G. & Sergi, B.S. (eds.). *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and*

- Systems*. Vol. 198. Cham: Springer Nature. pp. 947–953. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_105
- Rusakova, E.P., Gronic, I.A. & Kupchina, E.V. (2022) *Digital justice in the countries of the Asia-Pacific region*. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). (in Russian). *Русакова Е.П., Гроник И.А., Купчина Е.В.* Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. М. : РУДН, 2022. 173 с.
- Shmelev, I.V. (2023) *Administrative justice and jurisdictional bodies of India: monograph*. Moscow, Triumph Publ. (in Russian).
Шмелёв И.В. Административная юстиция и юрисдикционные органы Индии: монография. М. : изд-во Триумф, 2023. 100 с.
- Soma Dey Sarkar & Subhajit Bhattacharjee (2023) A Study on Resolving Disputes in Trial Courts Through online Dispute Resolution in India. *Brazilian Journal of Alternative Dispute Resolution (RBADR)*. 5(10), 307–327. <https://doi.org/10.52028/rbadr.v5i10.ART15.BEN>
- Unnaty & Aaryushi Goyal (2023) The Evolution and effectiveness of Online Dispute Resolution (ODR) Platforms: A Comprehensive Analysis of ADR in the Digital Age. *Indian Journal of Integrated Research in Law*. III(V), 226–251. Doi: IJIRL/V3-I5/A17
- Venkateswarlu, Ch, Naidu S.T. & Azizunisaa begum, S.M. (2023) Online Dispute Resolution and Speedy Access to Justice in India. *Journal of Fundamental & Comparative Research*. IX(II(97)), 40–51.
- Vidya, M.N. (2024) An Analysis of differences and advancements made by the Data Protection Bill 2023 compared to previous relevant Data Protection Laws. *Indian Journal of Integrated Research in Law*. IV(IV), 161–185. <https://doi.org/IJIRL/V4-I4/A12>
- Yakovlev, A.Yu. & Yakovlev, P.Yu. (2019) Indian African Model of Justice. *Asia and Today*. 5, 27–33. <https://doi.org/10.31857/S032150750004746-2>
Яковлев А.Ю., Яковлев П.Ю. Индийская модель правосудия // Азия и Африка сегодня. 2019. № 5. С. 27–33. <https://doi.org/10.31857/S032150750004746-2>
- Zakharkina, A. & Kuznetsova, O. (2021) Foreign civil doctrine of smart contracts. In: *SHS Web of Conferences: 14th Session of Euro-Asian Law Congress “The value of law” 2021*, Ekaterinburg. Vol. 134. Ekaterinburg, EDP Sciences Publ. pp. 00016. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202213400016>

Сведения об авторе:

Гроник Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-0893-5655

e-mail: gronik_i@pfur.ru

About the author:

Irina A. Gronic – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0893-5655

e-mail: gronik_i@pfur.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>

EDN:

Научная статья / Research Article

Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе

А.Е. Кирпичев

Российский государственный университет правосудия,

г. Москва, Российская Федерация

 aekirpichev@yandex.ru

Аннотация. Развитие генеративных моделей искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед юридической наукой и практикой новые вызовы, требующие осмысления правовой природы промптов (запросов к ИИ) и выработки адекватного правового регулирования. Цель. Определить юридическое значение промптов и наметить перспективы их исследования в контексте взаимодействия права и ИИ. Материалы и методы: Исследование основано на анализе современной научной литературы, посвященной проблемам правового регулирования ИИ, а также на изучении первых случаев использования генеративных моделей ИИ в юридической практике и образовании. Применяются методы юридической квалификации, сравнительно-правового анализа, правового моделирования. Результаты. Промпты квалифицированы как юридические поступки (юридические факты в строгом смысле), что открывает путь к решению проблемы применимости к ним критериев авторского права. Выявлены возможности и риски использования промптов в юридической практике и образовании, обоснована необходимость стандартизации промптов и разработки специальных методик обучения юристов взаимодействию с ИИ. Заключение. Промпты как инструмент взаимодействия человека и ИИ представляют собой принципиально важный предмет юридических исследований, от которого во многом зависят перспективы применения ИИ в праве. Необходимы междисциплинарные и международные исследования, объединяющие усилия юристов, специалистов по ИИ и самих генеративных моделей для выработки оптимальных правовых решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративные модели, промпты, юридические поступки, авторское право, юридическая практика, юридическое образование, стандартизация промптов, взаимодействие человека и ИИ, правовое регулирование ИИ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 12 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

© Кирпичев А.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Кирпичев А.Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 4. С. 906–918. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>

Prompts for generative artificial intelligence in legal discourse

Alexander E. Kirpichev

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

 aekirpichev@yandex.ru

Abstract. The development of generative models of artificial intelligence (AI) poses new challenges for legal science and practice. This requires understanding of the legal nature of prompts (queries to AI) and development of appropriate legal regulation. The article aims to determine the legal significance of prompts and outlines the prospects for their research in the context of the interaction between law and AI. The study is based on the analysis of contemporary scientific literature devoted to the problems of legal regulation of AI, as well as investigation of the first cases of the use of generative AI models in legal practice and education. Methods of legal qualification, comparative legal analysis, and legal modeling are applied. Prompts are qualified as legal actions (legal facts in the strict sense), which opens the path to addressing the applicability of copyright criteria to them. The potential and risks of using prompts in legal practice and education are identified, and the need for standardizing prompts and developing specialized methods for teaching lawyers to interact with AI is substantiated. Prompts, as a tool for human–AI interaction, represent a fundamentally important subject of legal research, upon which the prospects for AI application in law largely rely. The article concludes that interdisciplinary and international studies are necessary to unite the efforts of legal professionals, AI specialists, and the generative models themselves in developing optimal legal solutions.

Key words: artificial intelligence, generative models, prompts, legal actions, copyright, legal practice, legal education, standardization of prompts, human–AI interaction, legal regulation of AI

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 12th June 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Kirpichev, A.E. (2024) Prompts for generative artificial intelligence in legal discourse. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 906–918. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-906-918>

Введение

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (ИИ) не вызывает сомнений. На момент публикации настоящей статьи наиболее передовыми из таких технологий являются предварительно обученные модели-трансформеры, генерирующие текст или иные данные (в том числе визуальные) в ответ на пользовательский запрос. Несмотря на риски, связанные с такими моделями, именно они открыли эпоху массового использования ИИ, и потенциал их применения далеко не исчерпан и даже не до конца очевиден (Stokel-Walker & Van Noorden, 2023). Эти модели привели к пересмотру подходов к созданию и управлению текстами,

генерируемыми данными инструментами, что открывает потенциальные преимущества для людей, использующих их в качестве союзников для стимулирования творчества, доступа к знаниям или экономии времени (Gutiérrez López, 2023).

Юридическое измерение проблем, возникающих в связи с внедрением генеративных моделей ИИ в различные сферы жизни, многогранно: ставятся вопросы о правомерности использования данных для обучения ИИ, о применимости категории авторских прав к контенту, созданному ИИ, об использовании ИИ в юридической практике, в том числе в контексте прав на доступ к правосудию. Перенос сформировавшихся доктрин о физических лицах, юридических лицах, предприятиях и посредниках на ИИ неизбежен, но не позволяет бесспорно решить все проблемы (Sullivan & Schweikart, 2019). Разделяя критику Е.Б. Подузовой в отношении признания ИИ субъектом права (Poduzova, 2023:12–13), а также утверждение М. Шойфена о том, что наделение ИИ правосубъектностью основано на опасном пути переноса концепций аналогового мира на правовые вопросы цифровой эпохи (Scheufen, 2019), мы предлагаем в качестве отправной точки для решения правовых проблем в сфере ИИ рассматривать юридическое значение того элемента процесса генерации контента, который подразумевает сознательное (волевое) участие человека – запроса (промпта). Этот подход находит свои объективные основы в современных исследованиях. Так, Э. Ли справедливо отмечает, что ранее дискуссии о защите созданных ИИ произведений авторским правом велись в отношении объектов, для которых не требовался промпт-инжиниринг (Lee, 2024), то есть воздействие на результат генерации путем проработки запроса. Кроме того, модели генеративного ИИ рассматриваются как вызов всей юридической профессии (Callister, 2020).

Р. Ромеро-Каразас использует словосочетание «Prompt Lawyer» в качестве универсального ключевого слова для всех научных исследований в сфере взаимодействия правовой системы и генеративных моделей ИИ (Romero-Carazas, 2023). Эта универсальность помимо прочего определяет широту и взаимосвязь круга охватываемых вопросов, включающих в себя как правовую сущность промптов и правовые последствия их использования для генерирования контента, так и аспекты применения промптов в юридическом образовании и деятельности практикующих юристов.

Понятие промпта (запроса для генеративного искусственного интеллекта)

Для машинной обработки естественного языка существуют два основных подхода: основанный на правилах и основанный на машинном обучении (Belov et al, 2020). В первом случае весь текст анализируется по заранее определенным правилам, а во втором – обученная на больших данных программа предсказывает вывод, который стоит сделать из представленного ввода. В литературе отмечается, что модели генеративного ИИ, именуемые также большими языковыми моделями (LLMs), произвели революцию в обработке естественного языка, генерируя текст и изображения, схожие с человеческими, на основе текстового ввода (Fill & Muff, 2023). Такой ввод текстовых (а в более поздних моделях – и иных) данных называется промптом.

Промпты становятся инструментом взаимодействия сильных сторон искусственного и естественного интеллектов, что позволяет говорить о гибридном интеллекте: человеческий интеллект обучает модель и создает промпт (Seufert & Meier, 2023), он же интерпретирует результат, а вывод генерирует ИИ. Нельзя не согласиться с выводом о том, что в условиях более значимой революции письма, чем

появление пишущих машинок (которые сами не создавали и не подсказывали тексты), промпты являются «прототипическими последовательностями текущего гибридного письма» и образуют новую, интересную и дидактически значимую предметную область (Steinhoff, 2023), при этом юридическое исследование промптов представляет самостоятельную ценность.

Многообразие промптов привело к появлению целой трудовой функции «промпт-инжиниринг» (разработка запросов для генеративных моделей ИИ). Возможность создания при помощи генеративного ИИ текстового, графического или иного результата, который обычно создавался творческими усилиями человека, поставила вопрос о том, являются ли результаты запросов произведениями искусства (McCormack, 2023). До появления генеративных моделей ИИ такой проблемы не было, поскольку у сгенерированных компьютером текстов, изображений, музыки отсутствовал такой признак искусства, как воплощение определенного намерения. Промпт же воплощает намерение человека, которое затем отражается в сгенерированном программой (моделью) результате.

В одном из недавних качественных исследований было выявлено, что художники интегрируют инструменты генеративного ИИ в свою практику в двух направлениях: генерирование и предварительное воплощение идей, а также производство конечного результата (Rajcic et al., 2024). Таким образом, роль промпта и сгенерированного результата намного сложнее, чем просто ввод запроса и получение конечного результата. К примеру, сценарист может использовать генеративный ИИ для мозгового штурма вариантов развития сценария, ученый – для подготовки расширенного плана статьи, а художник – для формирования набросков того, как могла бы выглядеть смелая идея, которую он придумал. Нетрудно представить себе иллюстратора детских книг, которому необходимо нарисовать вымышленное животное с большими ушами, и для того, чтобы не ограничиваться своей фантазией, он предлагает ИИ сгенерировать варианты его внешнего облика, а затем отбирает элементы для собственного рисунка.

Современные промпты предполагают, что ИИ имитирует межличностное взаимодействие (Zheng et al., 2023). ИИ присваивается роль, например, математика, поэта, эксперта в каком-то вопросе. Логика состоит в том, что, имитируя, например, преподавателя физики, модель даст более физически корректное объяснение какого-то явления, чем имитируя рядового пользователя Интернета.

При этом потенциальное разнообразие «выводов», производимых ИИ, непрерывно растет, что позволяет, например, говорить о принятии ИИ решений в сфере корпоративного управления (Laptev et al., 2022). Это открывает широкие перспективы для применения генеративных моделей ИИ и промптов в самых разных областях, включая юриспруденцию.

Однако возникает закономерный вопрос о правовой природе промптов и их юридических последствиях. Можно ли рассматривать промпт как объект интеллектуальной собственности? Каковы критерии охраноспособности промптов? Как решать вопросы об ответственности за результаты, сгенерированные ИИ на основе промптов? Эти и другие вопросы требуют тщательного юридического анализа.

Кроме того, большое значение имеет исследование возможностей применения промптов и генеративных моделей ИИ в юридическом образовании и практической деятельности юристов. Уже сейчас ИИ способен генерировать юридические документы, анализировать судебную практику, давать правовые консультации.

Но насколько эти результаты надежны и какова роль человека-юриста в их верификации и практическом использовании? Как обучать будущих юристов эффективному взаимодействию с ИИ? Ответы на эти вопросы имеют ключевое значение для развития юридической профессии в эпоху искусственного интеллекта.

Таким образом, промпты как инструмент взаимодействия человека и генеративного ИИ представляют собой крайне перспективный, но малоизученный предмет юридических исследований. От того, насколько полно будет раскрыта правовая природа промптов, выявлены возможности и риски их применения, во многом зависит готовность правовой системы к вызовам эпохи искусственного интеллекта.

Правовая природа промптов

Для семьи континентального права, следующей аристотелевской и томической традиции, включение чего-либо в юридический дискурс означает определение его правовой природы. Это касается и явлений, ознаменовавших цифровую трансформацию. Биткойнам ищется место среди объектов гражданских прав, NFT-токены анализируются по аналогии с ценными бумагами, онлайн-заказы квалифицируются через призму оферты и акцепта.

В отношении промптов задача тем более важна, что их надлежащая квалификация может оказаться принципиально важной для определения юридических последствий и правового режима генерации вывода моделями ИИ.

Ряду национальных правовых теорий известно учение о юридических фактах – обстоятельствах или ситуациях, с которыми связываются юридические последствия (Cesarini Sforza, W. 1930). Связываются ли юридические последствия с вводом промпта? Да, но их еще только предстоит установить в рамках регуляторной политики. Например, введя промпт и получив от ИИ рекомендацию, судья будет связан необходимостью либо согласиться с ней, либо аргументированно отвергнуть. Создатель «дипфейка», вводя промпт, начинает подготовку к преступлению. Иллюстратор, используя промпт, создает наброски или финальное произведение, на которое он рассчитывает иметь права.

Исторически данное учение появилось в романских странах и подробно разработано в национальных теориях Франции, Италии, Испании, Португалии, а также в теоретических разработках по праву Квебека и стран Южной и Центральной Америки. Юридический факт при этом понимается в двух смыслах: в широком (как любое обстоятельство, с которым связаны последствия) и в строгом смысле (как противоположность юридического акта). В последнем значении к юридическим фактам относятся как природные силы, так и те действия, в которых воля была «недостаточно сильна», что безусловно оказывается трудным для применения в конкретных ситуациях (Moore, 1996). При этом цель классификации состоит, как видится, прежде всего в том, чтобы обособить юридические акты (Rouhette, 1988), теоретические представления, например, о действительности которых давно проникли и в позитивное право.

Советская юридическая теория дала более системную классификацию: юридические факты делятся на события (не требующие воли) и действия (требующие воли субъекта), в свою очередь действия делятся на юридические акты (целью которых являются именно правовые последствия) и юридические поступки – действия, которые не направлены на правовые последствия, но влекут их (Krasavchikov, 1958:156).

С этой точки зрения промпт представляет собой юридический поступок – фактическое действие, которое совершается осознанно, но при этом оно не обязательно нацелено на юридический результат.

Итак, с точки зрения романской юридической теории промпты можно отнести к юридическим фактам в строгом смысле слова, а с точки зрения советской и постсоветской – к юридическим поступкам. Такая квалификация, в частности, позволяет помочь решить проблему применимости к промптам критериев авторского права.

Значение промптов для авторского права

Генеративный ИИ создает новое, соединяя элементы старого, на которых он был обучен. Сама эта технология вызывает сомнения в возможности защиты результатов генерирования авторским правом, однако эти сомнения не останавливают от использования данной технологии, учитывая потенциальный экономический эффект (Díaz-Noci, 2023). При этом любое искусство с точки зрения платонизма является имитацией чего-либо существовавшего ранее, а с точки зрения аристотелизма – опирается на существовавшую ранее систему общих мест. Таким образом, само утверждение, что художник или писатель создает новое не на базе фрагментов старого – это до известной степени фикция.

Именно судебные дела в сфере авторского права стали первым массовым вызовом правовым системам со стороны генеративного ИИ: одновременно в разных юрисдикциях перед судами встал вопрос о том, защищаются ли авторским правом сгенерированные моделями ИИ изображения и тексты (Frosio, 2024).

Строго говоря, первые официальные позиции по всему миру четко разделяются на два вывода, за которым стоит принципиально разное понимание происходящего при генерации контента ИИ.

Э. Ли критикует строгие рамки подхода к сгенерированному контенту Бюро по авторскому праву США, поскольку при их применении к обычным фотографиям большинство бы из них лишились бы защиты авторским правом. Но такова в целом строгая модель западных стран, ограничивающих перспективы защиты авторских прав создателей промптов на получившийся контент.

Напротив, другая грань представлена знаменитым решением интернет-суда Пекина по делу *Li v. Liu*, где суд признал объектом авторского права сгенерированную моделью *Stable Diffusion* визуальный контент, учитывая творческий вклад человека, который ввел в модель промпт¹.

Представленное выше толкование промпта как юридического поступка (или по романской терминологии физического юридического факта) позволяет занять более взвешенную позицию: промпт может как носить, так и не носить творческий характер (точно так же как упражнения в рифмовании слов – тоже юридические поступки по терминологии О.А. Красавчикова – могут влечь и не влечь создание именно творческого результата), который может быть оценен экспертом-искусствоведом.

---

¹ Yuqian Wang, Jessie Zhang Beijing Internet Court Grants Copyright to AI-Generated Image for the First Time, February 2, 2024. Режим доступа: <https://www.chinaiplawupdate.com/2024/01/beijing-internet-court-releases-translation-of-li-vs-liu-recognizing-copyright-in-generative-ai/>

Промпты и юридическая информация

Недостаточная предсказуемость результата обработки искусственным интеллектом естественного языка, как указывается, «привнесла в право новую неопределенность» (Callister, 2020: 163). В целом проблемные аспекты использования генеративных моделей ИИ для работы с правовой информацией соответствуют тем направлениям, которые выделены в качестве критических при использовании таких моделей в научных исследованиях: 1) верификация человеком, 2) правила подотчетности при использовании ИИ, 3) открытость модели ИИ, 4) использование преимуществ ИИ при сохранении роли человека, 5) этическая оценка последствий (Van Dis et al., 2023). Это соответствие обусловлено тем, что большой объем информации как в юридической практике, так и в научных исследованиях создает потребность в инструментах, упрощающих ее обработку. Но одновременно с этим в отличие, например, от создания текстов художественных произведений, как наука, так и юридическая практика требуют точности полученного результата.

При этом работа юриста с ИИ усложняется спецификой юридических текстов, что уже было подтверждено в ходе первых попыток обучения ИИ работе с юридической информацией. Отмечается, что юридические тексты обычно длинные и сложные по своей природе, построены на предпочтении соблюдения формальной структуры, а не читаемости (Oliveira et al., 2024). В частности, четкая структурированность текстов договоров (разбиты на условия, ни одно из которых не является более важной информацией, чем другое), затрудняет использование популярного метода взаимодействия «чат с документом» (Roegiest et al., 2023): к запросу прикладывается документ (например, научно-популярная статья), и пользователь задает вопросы модели, которая, в свою очередь, делает выжимку, исключая все менее важное. Для текста договора такой подход влечет риск упустить то или иное условие. По аналогии можно упомянуть, что для качественных юридических текстов неприменимы технологии «сжатия», так как они построены на предположении, что текст сочетает в себе важную и неважную информацию. Такое упрощение к собственно юридическому тексту неприменимо, поскольку он по определению должен содержать уже отфильтрованную, юридически значимую информацию.

Особо перспективным видится исследователям использование ИИ в тех случаях, когда нет четко формализованных правил. Например, предлагается натренировать модель на большом количестве случаев апеллирования судом к принципу добросовестности (лат. *bona fides*, нем. *Treu und Glauben*) для предварительной оценки добросовестности сторон (Engel, 2023). При этом первой, но решаемой проблемой является затрудненный доступ моделей к полным материалам ранее рассмотренных судами дел (Östling et al., 2024).

Заметим, что генеративные модели искусственного интеллекта построены на идее предсказания наиболее типичного ответа. В этом отношении серьезные опасения вызывает дублирование распространенных, но не соответствующих закону позиций. К примеру, если по какой-то разновидности судебных дел принимается несколько сотен решений и определений, однотипно ограничительно толкующих закон, но затем одно из подобных решений отменяется Верховным Судом. Каково будет предсказание генеративной модели? Другая проблема состоит в том, что фактические обстоятельства могут весьма варьироваться от дела к делу, сможет ли ИИ в такой ситуации подобрать нужную норму или принятое в судебной практике *ratio*

decidendi для конкретного случая. Здесь проблема решается обращением к теоретическим (то есть логическим) основаниям юриспруденции.

Модели предлагается тренировать воспринимать промпт как одну из посылок юридического силлогизма (Jiang & Yang, 2023). В таком случае задача ИИ состоит в определении другой посылки (то есть релевантного положения закона или вывода судебной практики) и формулирование вывода по итогам субсумции.

Управлять тем, чтобы вывод ИИ соответствовал юридической логике можно и на этапе формирования промпта, включив туда указание на то, какой метод юридической логики следует применять, например, модель IRAC (Yu, F., Quartey & Schilder, 2022). В таком случае промпт включает в себя формализованную инструкцию, как модель ИИ должна «думать».

Примечательно, что в обоих случаях используются не инновации в сфере юридической аргументации, а методы, отрефлексированные задолго до появления генеративного ИИ. Саморефлексия (или по терминологии аутопоэтических систем – самореференция правовой системы) юристов о своей практической деятельности сформировала обширную литературу по юридическим силлогизмам, субсумции, IRAC и другим моделям правовых заключений. В результате функционирование юридических ИИ моделей базируется не столько на информации о том, как работают юристы, сколько на их собственном осознании своей работы. Здесь можно увидеть риски, связанные с когнитивными ошибками, возникшими на этапе саморефлексии юристов. Однако стоит отметить, что такие подходы значительно усиливают роль людей как акторов, осуществляющих обучение модели или подготовку шаблонов промптов. Таким образом, снимается потенциальное беспокойство о неконтролируемости процесса внедрения ИИ в юридическое консультирование. Роль промпта состоит во внедрении человеческого фактора в процесс цифровой юридической консультации.

Необходимо подчеркнуть, что основной очевидной проблемой использования генеративного ИИ в правосудии все же является риск так называемых галлюцинаций: подобные часто показывают способность производить неправильные, но правдоподобные результаты (Longo, 2023:194), однако выявить галлюцинацию можно, четко понимая ожидаемый результат и порядок работы над ним, и в этом отношении также важна роль управляемости, произвольности промпта.

Коллектив авторов, исследующих перспективы использования генеративных моделей в юридической практике, также указывают в качестве главной проблемы отсутствие стандартизации промптов, что по экспериментальным данным приводит к непостоянным и иногда неверным результатам (Sivakumar et. al, 2023). В другом исследовании на примере судебной практики Китайской народной республики показывается, что использование надлежащих промптов-шаблонов, соответствующих и данным, на которых модель генеративного ИИ была обучена, позволяет достичь наиболее быстрых точных результатов (Sun et al, 2024). Вероятно, этот продуктивный опыт будет учтен в регуляторной политике в сфере ИИ в разных странах, однако нельзя не согласиться и с тем, что когда регулирование искусственного интеллекта касается только использования судами, существует высокий риск подрыва регулятивных потребностей для частного использования системы ИИ в юридических услугах (Schneider, 2022:250). Однако, на наш взгляд, риск есть не только в ограниченных целях регуляторной политики, но и в том, что доступ к современным моделям генеративного ИИ ограничивается на уровне частных корпораций, которые выбирают

территории, для которых их услуги будут доступны. Это не соответствует ни рыночным принципам, ни принципам *legal diversity* и, в конечном итоге, замедляет развитие технологии.

Так, именно международный коллектив исследователей сделал важнейший вывод, что выделение в юридической информации (прежде всего в судебных актах) двух различных видов информации: юридических вопросов и фактических обстоятельств, оказывается наиболее продуктивным для того, чтобы исключить «помехи», «шум» и другие нерелевантные артефакты (Tang et al., 2022). При этом коль скоро, как показывают эмпирические данные, перспективными для юридического использования оказываются не одиночные промпты, а их цепочки (Trautmann, 2023), то последовательная дифференциация исследуемых данных в рамках такой цепочки сама по себе является важной интеллектуальной задачей юриста, взаимодействующего с системой генеративного ИИ, и это, в свою очередь, может быть натренировано в рамках современного юридического образования.

Промпты и юридическое образование

Эмпирическое исследование первых случаев внедрения генеративного ИИ в процесс юридического образования привело к выводу, что с педагогической точки зрения вызовом является необходимость подготовить студентов-юристов к наиболее эффективному использованию этих инструментов в их практике, подчеркивая при этом, что фундаментальные навыки правовых исследований и аргументации не могут быть просто делегированы языковым моделям (Choi et al., 2022:397). В предыдущем разделе настоящей статьи мы пришли к аргументам, поддерживающим этот вывод: для того, чтобы генеративный ИИ мог выполнить часть работы юриста, необходимо приложение не только творческой составляющей при формулировании промпта, но и воплощение в нем принятого в правовой системе образа правовой аргументации. Это может быть правовой силлогизм, субсумция или модель юридического мышления (*legal reasoning*) по типу IRAC. Чтобы научить студента проверять релевантность полученной юридической информации по форме и содержанию, необходимо начинать с выполнения аналогичных операций в ручном режиме. Проводя аналогию с математическими дисциплинам, можно сказать, что прежде использования математического программного обеспечения специалист (математик или инженер) должен производить аналогичные вычисления вручную, чтобы приобрести навыки верифицировать достоверность полученного результата.

Говоря о промптах, юридической практике и юридическом образовании, нельзя не сказать, что создание для учебных и практических целей наборов промптов может быть как учебной задачей, так и полем для коммерциализации результатов научных исследований (Saripan et al., 2023). Хотя современной тенденцией является переход от формализованных к естественным формулировкам промптов, специфика юридического дискурса такова, что релевантный с юридической точки зрения результат зависит, как было показано выше, от шаблонности промпта и формализованности интеллектуальных операций, осуществляемых или имитируемых ИИ на его основе. Поэтому можно согласиться с тем, что сама по себе разработка юридических промптов – это перспективное направление деятельности для академических исследовательских групп, которые объединяли бы как представителей профессорско-преподавательского состава, так и студентов.

Заключение

Промпты как инструмент взаимодействия человека и генеративного ИИ представляют собой не только перспективный, но и неизбежный предмет последующих юридических исследований. От того, насколько полно будет раскрыта правовая сущность промптов, выявлены возможности и риски их применения, во многом зависит готовность правовой системы к вызовам эпохи искусственного интеллекта.

Проведенная попытка анализа правовой природы промптов позволила квалифицировать их как юридические поступки (в терминологии советской и постсоветской юридической теории) или как юридические факты в строгом смысле слова (в терминологии романской юридической теории). Такая квалификация открывает путь к решению проблемы применимости к промптам критериев авторского права. В частности, промпт может как носить, так и не носить творческий характер, что должно устанавливаться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств. При этом важно учитывать, что генеративный ИИ создает новое, соединяя элементы старого, на которых он был обучен, что само по себе вызывает сомнения в возможности защиты результатов генерирования авторским правом.

Особую значимость имеет проблематика использования промптов и генеративных моделей ИИ в юридической практике и образовании. Уже сейчас ИИ способен генерировать юридические документы, анализировать судебную практику, давать правовые консультации. Однако надежность этих результатов и роль человека-юриста в их верификации и практическом использовании требуют тщательного осмысления. Ключевое значение имеет обучение будущих юристов эффективному взаимодействию с ИИ при сохранении фундаментальных навыков правовых исследований и аргументации. Понимание, что промпт – это волевой акт, знание того, как должен выглядеть предполагаемый результат – это необходимое условие борьбы с искажением ИИ смысла.

Работа юриста с ИИ усложняется спецификой юридических текстов, которые обычно длинные, сложные по своей природе и построены на предпочтении соблюдения формальной структуры, а не читаемости. Это затрудняет использование популярных методов взаимодействия, таких как «чат с документом». В то же время особо перспективным видится использование ИИ в тех случаях, когда нет четко формализованных правил, например, для предварительной оценки соответствия поведения сторон принципам права.

Для обеспечения точности и релевантности результатов генерации предлагается тренировать модели ИИ воспринимать промпт как одну из посылок юридического силлогизма или включать в промпт указание на метод юридической логики, который следует применять (например, модель IRAC). Таким образом, роль промпта состоит во внедрении человеческого фактора в процесс цифровой юридической консультации.

Основной очевидной проблемой использования генеративного ИИ в правосудии является риск «галлюцинаций» – неправильных, но правдоподобных результатов. Для минимизации этого риска необходима стандартизация промптов, учитывающих специфику правовой системы и обеспечивающих наиболее быстрые и точные результаты генерации. Решение этой задачи требует объединения усилий академического юридического сообщества, практикующих юристов и специалистов в области ИИ.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется также разработка юридических промптов как для учебных и практических целей, так и для коммерциализации результатов научных исследований. Сама по себе разработка юридических промптов – это перспективное направление деятельности для академических исследовательских групп, объединяющих профессорско-преподавательский состав и студентов.

Полагаем, что дальнейшие исследования в данной области должны носить междисциплинарный и международный характер, объединяя усилия ученых и практиков разных стран. Только в этом случае удастся обеспечить баланс интересов разработчиков, пользователей и общества в целом в эпоху искусственного интеллекта.

References / Список литературы

- Belov, S.D., Zrelova, D.P., Zrellov, P.V. & Korenkov, V.V. (2020) Overview of Methods for Automatic Natural Language Text Processing. *System Analysis in Science and Education*. (3), 8–22. <https://doi.org/10.37005/2071-9612-2020-3-8-22> (in Russian).
Белов С.Д., Зрелова Д.П., Зрелов П.В., Коренков В.В. Обзор методов автоматической обработки текстов на естественном языке // Системный анализ в науке и образовании. 2020. № 3. С. 8–22. <https://doi.org/10.37005/2071-9612-2020-3-8-22>
- Callister, P.D. (2020) Law, Artificial Intelligence, and Natural Language Processing: A Funny Thing Happened on the Way to My Search Results. *Law Library Journal*. 112(2), 161–212.
- Cesarini Sforza, W. (1930) Ex facto oritur ius. In: Del Vecchio, G. *Studi filosofico-giuridici dedicati a Giorgio del Vacchio: nel XXV anno di insegnamento (1904-1929)*. pp. 12–12.
- Choi, J. H., Hickman, K. E., Monahan, A. B. & Schwarcz, D.B. (2022) ChatGPT Goes to Law School. *Journal of Legal Education*. 71(3), 387–400.
- Díaz-Noci, J. (2023) Fusión o plagio? La importancia de la originalidad y el derecho de transformación de la obra en la producción informativa mediante IA. *Hipertext.net*. (26), 69–76. <https://doi.org/10.31009/hipertext.net.2023.i26.11>
- Engel, C. (2023) Treu und Glauben: Frag GPT. *MPI Collective Goods Discussion Paper*. No. 2023/10. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4557719> [Accessed: 15th December 2023].
- Fill, H.–G. & Muff, F. (2023) Visualization in the Era of Artificial Intelligence: Experiments for Creating Structural Visualizations by Prompting Large Language Models. *arXiv preprint, arXiv:2305.03380v2*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305>
- Frosio, G. (2024) Generative AI in Court. In: Koutras, N. & Selvadurai, N. (eds.). *Recreating Creativity, Reinventing Inventiveness: AI and Intellectual Property Law*. 1st ed. London, Routledge. pp. 1–36. <https://doi.org/10.4324/9781003260127>
- Gutiérrez López, K.M. (2023) Inteligencia artificial generativa: irrupción y desafíos. *Revista Enfoques*. 4(2), 57–82.
- Jiang, C. & Yang, X. (2023) Legal syllogism prompting: Teaching large language models for legal judgment prediction. In: *Proceedings of the Nineteenth International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL '23)*. Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, pp. 417–421. <https://doi.org/10.1145/3594536.3595170>
- Krasavchikov, O.A. (1958) *Legal Facts in Soviet Civil Law*. Moscow, Gosyurizdat Publ. (in Russian).
Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 183 с.
- Laptev, V.A., Chucha, S.Y. & Feyzrakhmanova, D.R. (2022) Digital transformation of management tools in modern corporations: current state and development paths. *Law Enforcement Review*. 6(1), 229–244. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(1\).229-244](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244) (in Russian).

- Лантев В.А., Чуча С.Ю., Фейзрахманова Д.Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 1. С. 229–244. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(1\).229-244](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244)
- Lee, E. (2024) Prompting Progress: Authorship in the Age of AI. *Florida Law Review*. (76). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4609687>
- Longo, E. (2023) La “giustizia digitale” tra nuove forme di efficienza e garanzia dei diritti costituzionali. *La Nuova Giuridica – Florence Law Review*. (2), 187–202.
- McCormack, J., Cruz Gambardella, C., Rajcic, N., Krol, S.J., Llano, M.T., & Yang, M. (2023) Is Writing Prompts Really Making Art? In: Johnson, C., Rodríguez-Fernández, N. & Rebelo, S. M. (eds.). *Artificial Intelligence in Music, Sound, Art and Design*. Cham, Springer Nature Switzerland. pp. 196–211.
- Moore, B. (1996) De l’acte et du fait juridique ou d’un critère de distinction incertain, *Revue juridique Thémis*. 30(2), 281–312.
- Oliveira, V., Nogueira, G. & Faleiros, T., et al. (2024) Combining prompt-based language models and weak supervision for labeling named entity recognition on legal documents. *Artificial Intelligence and Law*. <https://doi.org/10.1007/s10506-023-09388-1>
- Östling, A., Sargeant, H., Xie, H., Bull, L., Terenin, A., Jonsson, L., Magnusson, M. & Steffek, F. (2024) The Cambridge Law Corpus: A dataset for legal AI research. *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*. No. 11/2024. Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4763429>
- Poduzova, E.B. (2023) *Artificial intelligence and AI technologies in contract law: civilistic concept*. Vasilevskaya, L.Y. (ed.). Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Подузова Е.Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л.Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. 336 с
- Rajcic, N., Llano, M. T., & McCormack, J. (2024) Towards a diffractive analysis of prompt-based generative AI. In: Wilson, M.L., Touns Dugas, P. & Shklovski, I. (eds.). *Proceedings of the 2024 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems Article 844 Association for Computing Machinery (ACM)*. <https://doi.org/10.1145/3613904.3641971>
- Romero-Carazas, R. (2023) Prompt lawyer: a challenge in the face of the integration of artificial intelligence and law. *Gamification and Augmented Reality*. (1), 7–7. <https://doi.org/10.56294/gr20237>
- Rouhette, G. (1988) La doctrine de l’acte juridique: sur quelques matériaux récents. *Droits*. (7), 29–35.
- Saripan, H., Mohd Shith P., Nurus Sakinatul Fikriah, Abu Hassan, R. & Abdullah, S.M. (2023) Generative artificial intelligence prompt-kit for enhanced legal learning and analysis. In: *International Teaching Aid Competition*. Universiti Teknologi MARA, Kedah, pp. 282–288.
- Scheufen, M. (2019) Künstliche Intelligenz und Haftungsrecht: die e-Person aus ökonomischer Sicht. *Wirtschaftsdienst*. 99(6), 411–414. <https://doi.org/10.1007/s10273-019-2466-0>
- Schneider, G. (2022) Legal Challenges of AI Supported Legal Services: Bridging Principles and Markets. *The Italian Law Journal*. 08(01), 244–262.
- Seufert, S. & Meier, C. (2023) Hybrid Intelligence: Collaboration with AI Assistance Systems in Knowledge-Intensive Areas. *HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik*. 60(6), 1194–1209. <https://doi.org/10.1365/s40702-023-01012-9>
- Sivakumar, A., Gelman, B., Simmons, R., Yu, E. & Sharp, M. (2023) *Standardized nomenclature for legal prompting in generative language models*. University of California, Los Angeles. Preprint. <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-3308564/v1>
- Steinhoff, T. (2023) Der Computer schreibt (mit): Digitales Schreiben mit Word, WhatsApp, ChatGPT & Co. als Koaktivität von Mensch und Maschine. *MIDU*. 5(1), 1–16. <https://doi.org/10.18716/OJS/MIDU/2023.1.4>

- Stokel-Walker, Ch. & Van Noorden, R. (2023) The promise and peril of generative AI. *Nature*. 614(1), 214–216.
- Sullivan, H.R. & Schweikart, S.J. (2019) Are Current Tort Liability Doctrines Adequate for Addressing Injury Caused by AI? *AMA Journal of Ethics*. 21(2), E160–166. <https://doi.org/10.1001/amajethics.2019.160>
- Sun, J., Huang, S. & Wei, C. (2024) Chinese legal judgment prediction via knowledgeable prompt learning. *Expert Systems with Applications*. (238), 122–177.
- Tang, Y., Qiu, R. & Li, X. (2022) Prompt-based Effective Input Reformulation for Legal Case Retrieval. arXiv preprint arXiv:2309.02962
- Trautmann, D. (2023) Large Language Model Prompt Chaining for Long Legal Document Classification. In: *SwissText'23: The 8th edition of the Swiss Text Analytics Conference – Generative AI & LLM, June 12–14, 2023*, Neuchâtel, Switzerland.
- Van Dis, E.A.M., Bollen, J., Zuidema, W., van Rooij, R. & Bockting, C.L. (2023) ChatGPT: five priorities for research. *Nature*. (614), 224–226.
- Yu, F., Quartey, L. & Schilder, F. (2022) Legal prompting: Teaching a language model to think like a lawyer. arXiv preprint arXiv:2212.01326.
- Zheng, M., Pei, J. & Jurgens, D. (2023) Is “A Helpful Assistant” the Best Role for Large Language Models? A Systematic Evaluation of Social Roles in System Prompts. In: *SwissText'23: The 8th edition of the Swiss Text Analytics Conference – Generative AI & LLM, June 12–14, 2023*, Neuchâtel, Switzerland.

Сведения об авторе:

Кирпичёв Александр Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, Российский государственный университет правосудия; 117418, Российская Федерация, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69

ORCID: 0000-0002-0043-5069; SPIN-код: 4949-0036

e-mail: aekirpichev@yandex.ru

About author:

Alexander E. Kirpichev – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law, Full Professor of the Department of Business and Corporate Law, Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0043-5069; SPIN-code: 4949-0036

e-mail: aekirpichev@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-919-933>

EDN: IMXGFH

Научная статья / Research Article

Юридические гарантии реализации исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации

О.И. Лютова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
Российская Федерация

 olyutova@hse.ru

Аннотация. Исследуются вопросы определения понятия и установления содержания отдельных видов юридических гарантий, обеспечивающих реализацию механизма исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации. Цель исследования состоит в обосновании актуальности исследования юридических гарантий исполнения налоговых обязанностей цифровой эпохи, а также в определении понятия таких гарантий исходя из их ценности в контексте обеспечения развития цифровизации налогообложения. Выделены следующие виды юридических гарантий реализации такого механизма: полномочия налоговых органов, обеспечивающие исполнение налоговых обязанностей, трансформирующиеся в условиях цифровизации; качественное налоговое законодательство, регулирующее цифровой механизм исполнения налоговой обязанности; единообразная судебная практика и формирование правовых позиций судов по вопросам исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации; механизм доверительных отношений налогоплательщиков и налоговых органов, который в цифровую эпоху строится на применении процедур налогового комплаенса и медиации, являющейся альтернативным способом разрешения налоговых споров. В отношении каждой из гарантий автором проведен анализ их содержания и сформулированы основные проблемы и перспективы реализации налогово-правовых норм, регулирующих те или иные аспекты правового гарантирования исполнения налоговых обязанностей цифрового периода развития налоговых отношений.

Ключевые слова: юридические гарантии, налоговая обязанность, цифровизация, налогоплательщики, налоговые органы, единообразная судебная практика, качество налогового законодательства, налоговый комплаенс, процедура медиации.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в ходе исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ»).

Поступила в редакцию: 15 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

© Лютова О.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Лютова О.И. Юридические гарантии реализации исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 919–933. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-919-933>

Legal guarantees for tax obligations in the digital era

Olga I. Lyutova

Department of Policy and Management, HSE University, Moscow, Russian Federation
olyutova@hse.ru

Abstract. The article examines the issues surrounding the definition of the concept and establishment of the content of specific types of legal guarantees that ensure the implementation of mechanisms for fulfilling tax obligations in the context of digitalization. The purpose of the article is to substantiate the relevance of studying legal guarantees for fulfilling tax obligations in the digital age, as well as to define the concept of such guarantees based on their value in ensuring the development of digital taxation. As a result of the conducted research, the following types of legal guarantees for implementing such mechanisms are outlined: the powers of tax authorities ensuring the fulfillment of tax obligations, which are evolving in the conditions of digitalization; high-quality tax legislation regulating the digital mechanisms for fulfilling tax obligations; uniform judicial practice and the formation of legal positions by courts on issues concerning the fulfillment of tax obligations in the era of digitalization; the mechanism of trust relations between taxpayers and tax authorities, which in the digital age is based on the application of tax compliance procedures and mediation as an alternative way to resolve tax disputes. With respect to each of the guarantees, the author analyzes their content and formulates the main problems and prospects for implementing tax and legal norms governing specific aspects of legal assurance of tax obligations during the digital period of tax relation development.

Key words: legal guarantees, tax liability, digitalization, taxpayers, tax authorities, uniform judicial practice, quality of tax legislation, tax compliance, mediation procedure

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Article received: 15th April 2024

Article accepted: 15th October 2024

For citation:

Lyutova, O.I. (2024) Legal guarantees for tax obligations in the digital era. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 919–933. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-919-933>

Введение

Траектория развития налоговых отношений в условиях цифровизации является весьма сложной и не всегда имеет заранее заданное направление. Именно благодаря системе юридических гарантий потенциально возможные варианты трансформации института налоговых обязанностей создают нормативно определенный алгоритм достижения результата эффективного цифрового взаимодействия участников налоговых отношений, связанных с уплатой налога, сдачей налоговой отчетности и постановкой на налоговый учет. Это обуславливает необходимость построения логически непротиворечивой теоретической концепции гарантирования исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации.

Цель исследования – определение понятия и установление содержания отдельных видов юридических гарантий реализации механизма исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации. Как представляется, подобное исследование позволит оценить проблемы и перспективы развития отдельных инструментов и мер, являющихся гарантиями исполнения налоговых обязанностей цифровой эпохи.

Юридические гарантии в системе механизма исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации

Традиционно в теории права сложилось понимание юридических гарантий как правовых средств, нашедших свое отражение в нормах закона, и позволяющих реализовывать иные правоотношения (Loshkarev, 2009:9). При этом такие гарантии рассматриваются как элемент механизма правового регулирования процесса реализации прав (Volchanskaya, 2013) или обеспечения и защиты законных интересов (Subochev, 2009) участников различных видов правоотношений. Помимо этого институт юридических гарантий также представляет собой действенный инструмент с точки зрения эффективности реализации норм о юридических обязанностях, поскольку его нормы могут быть направлены на поддержание правомерности исполнения различных юридических обязанностей (Khazov & Dorozhko, 2009).

Подобные подходы к юридическим гарантиям универсальны, и поэтому могут применяться к налоговым отношениям. Так, в области налогово-правового регулирования, которое предполагает изначальную конфликтность интересов государства в лице налоговых органов, с одной стороны, и налогоплательщиков и иных налогоплательщиков, с другой стороны, неоправданно, на наш взгляд, для обеспечения гарантирования исполнения налоговой обязанности опираться исключительно на предусмотренные законодательством меры налоговой ответственности. В этой связи налогово-правовое регулирование нуждается в выработке дополнительных инструментов позитивного воздействия на поведение налогоплательщиков.

Необходимость юридических гарантий исполнения налоговых обязанностей обусловлена ценностью обеспечения с их помощью бюджетных интересов, связанных с пополнением бюджетов различных уровней бюджетной системы Российской Федерации своевременно и в полном объеме. Как известно, именно добровольное исполнение налоговых обязанностей является для публично-правового субъекта наиболее выгодным как с организационной, так и с финансовой точки зрения вариантом поведения лиц, на которых законодательством возложены налоговые обязанности. Соответственно, формирование в числе элементов механизма исполнения налогоплательщиками своих обязанностей не вызывает сомнений.

Именно гарантии являются специальными инструментами и действенными мерами, способными оказывать целенаправленное воздействие на поведение налоговых органов и их должностных лиц, а также частных субъектов налогового права. Например, в качестве гарантий-инструментов, связанных с обеспечением исполнения налоговой обязанности налогоплательщиками, можно назвать мероприятия по налоговому администрированию (инструменты организационно-управленческого характера), а также установление перечня прав (полномочий) налоговых органов, корреспондирующих налоговым обязанностям частных субъектов налоговых отношений (правовые инструменты). В свою очередь, мерами налогово-правового гарантирования выступают формирование эффективной налоговой политики и обеспечение качества правового регулирования налоговых отношений, а также

единообразии складывающейся в результате его применения судебной и иной правоприменительной практики.

Период цифровизации налогообложения, в свою очередь, можно рассматривать в качестве своеобразного «катализатора» процесса разработки системы гарантий исполнения налоговых обязанностей. Так, применение цифровых технологий требует от государства дополнительного механизма гарантирования уплаты налога, представления налоговой отчетности, постановки на налоговый учет и т.д. по ряду объективных причин. К их числу можно отнести:

- различная степень цифровой готовности населения и бизнеса к исполнению налоговых обязанностей с использованием новых цифровых технологий;
- потенциально возможные ошибки роботов и иных высокоинтеллектуальных цифровых систем, применяемых при осуществлении налогового администрирования;
- финансовые затраты, возникающие у налогоплательщиков в связи с переходом на взаимодействие с налоговыми органами в цифровом режиме (например, приобретение и обслуживание контрольно-кассовой техники) и другие.

Соответственно, гарантированность должна рассматриваться в качестве имманентного свойства процесса исполнения обязанностей в условиях цифровизации, поскольку настройка новой налоговой системы, основанной на взаимном доверии и сотрудничестве, достигаемом за счет внедрения цифровых инструментов в осуществлении налогового администрирования, не может основываться исключительно на позиции силы и недемократических мерах, реализуемых в отношении налогоплательщиков. Сам по себе характер складывающихся в цифровую эпоху налоговых отношений выступает причиной формирования системы гарантийных мер и инструментов, способствующих реализации интересов как населения и бизнеса, так и государства.

Таким образом, юридические гарантии реализации механизма исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации – это система инструментов и мер, призванных обеспечить целенаправленное воздействие на поведение налогоплательщиков с целью исполнения им своих обязанностей, и формирующихся в результате применения в сфере налогообложения новых цифровых технологий.

Характеристика отдельных видов юридических гарантий реализации исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации

Существование системы юридических гарантий, призванных обеспечить эффективность функционирования механизма исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации, обуславливает необходимость характеристики отдельных видов таких гарантий.

Видами гарантий реализации налогово-правового механизма исполнения обязанностей в условиях цифровизации являются:

1. полномочия налоговых органов, обеспечивающие исполнение налоговых обязанностей, трансформирующиеся в условиях цифровизации.

Коррелятивная взаимообусловленность прав и обязанностей участников налоговых отношений, их тесная связь между собой предопределяет необходимость изменения содержания прав (полномочий) налоговых органов в условиях формирования и реализации цифрового механизма исполнения налоговых обязанностей.

Основными тенденциями цифровой трансформации полномочий налоговых органов, связанных с исполнением плательщиками своих налоговых обязанностей, являются следующие:

– в цифровую эпоху принципиальным образом меняется роль налоговых органов в процедуре исполнения налоговых обязанностей. Это происходит путем расширения перечня их функций (полномочий), которые в доцифровой период были обязанностями налогоплательщиков. Например, в этой связи Е.В. Овчарова отмечает, что «налоговые органы начинают сами заниматься исчислением сумм налогов, подлежащих уплате в бюджет, на основании данных о налогоплательщиках (Big Data), которые они аккумулируют, обобщают на основе слабого и анализируют на основе сильного искусственного интеллекта» (Ovcharova, 2022).

Подобная ситуация, с одной стороны, удобна и выгодна для налогоплательщика по причине экономии им временных, финансовых и прочих ресурсов. С другой стороны, перераспределение налоговых обязанностей в пользу ФНС России, например, фактическое «исключение» налогоплательщика из процесса расчета налогов, снижает его мотивацию платить налоги, особенно в условиях, когда налоговые органы допускают нарушения налогового законодательства и недобросовестно исполняют свои обязанности. Указанное в полной мере оказывает влияние на соблюдение налоговой дисциплины (Korina, 2021), и обеспечить поступление налогов, основываясь исключительно на государственном принуждении, становится весьма проблематичным;

– для обеспечения функционирования механизма исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации у налоговых органов появляются корреспондирующие им новые «цифровые» полномочия. Виды таких полномочий весьма разнообразны и связаны с теми или иными налоговыми процедурами и налоговыми обязанностями.

В качестве примера новых «цифровых» полномочий налоговых органов можно рассматривать их компетенцию, связанную с процессом взаимодействия с налогоплательщиками на платформе цифрового рубля, появившиеся во исполнении положений Положения Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля». Так, налоговые органы получили право на взыскание задолженности за счет цифровых рублей налогоплательщика (налогового агента) – организации или индивидуального предпринимателя при недостаточности или отсутствии денежных средств (драгоценных металлов) на счетах такого налогоплательщика (налогового агента) либо его электронных денежных средств (п. 10.1 ст. 46 НК РФ). В случае необходимости применения обеспечительных мер исполнения обязанности по уплате налога у налогового органа имеется полномочие приостановить операции по счетам цифрового рубля (п. 1 ст. 72 НК РФ).

Интересно в этой связи отметить, что добровольное исполнение обязанности по уплате налога цифровыми рублями на сегодняшний день налоговым законодательством не предусмотрена, что предопределено технологическими причинами. Однако со временем, как отметил глава Федерального казначейства Роман Артюхин¹, «цифровой рубль войдет в жизнь и практику», по аналогии, например, с цифровым юанем, используемым в Китае и являющимся аналогом цифрового рубля. Как известно, несмотря на то что цифровой юань используется не в полную меру и регулируется китайским законодательством на уровне различных «пилотных» проектов, в настоящее время он применяется для уплаты налогов, и это правило реализуется с 2021 г. (Semenov, 2023);

¹ См.: В Федеральном казначействе раскрыли, можно ли платить налоги цифровым рублем. Режим доступа: <https://ura.news/news/1052666289> (дата обращения: 12.04.2024).

– результатом внедрения цифровых технологий для налоговых органов является сокращение времени для принятия решений при реализации своих полномочий. Сроки совершения действий налоговыми инспекторами, реализуемые при осуществлении электронного документооборота, являются менее продолжительными, чем в случае работы с бумажными носителями.

Например, документы на государственную регистрацию юридического лица могут быть направлены в налоговый орган почтовым отправлением или в форме электронных документов с использованием сети Интернет, в том числе через Единый портал государственных и муниципальных услуг. Если документы были отправлены налогоплательщиком по почте, то для исчисления срока их получения ФНС России использует так называемую «презумпцию шестого дня» (п. 4 ст. 31 НК РФ), в соответствии с которой презюмируется, что документы получены налоговой инспекцией на шестой день с даты их отправки, а исчисление срока производится на основании почтовой квитанции. Датой получения документов для государственной регистрации, переданных в электронной форме, считается день, следующий за днем их отправки, что, в свою очередь, обуславливает появление «презумпции следующего дня»;

2. качественное налоговое законодательство, регулирующее цифровой механизм исполнения налоговой обязанности.

Бесспорным является тот факт, что уровень гарантированности исполнения налогоплательщиками своих обязанностей во многом определяется качеством налогового законодательства. От фактора качества налогового законодательства, которое характеризуется четкостью определения конкурирующих интересов, установлением адекватных правовых способов их удовлетворения и мер удовлетворения, во многом зависит соблюдение баланса частных и публичных интересов в налоговых отношениях (Shchekin, 2023:177), а также эффективность исполнения налоговых обязанностей как частными, так и публичными субъектами налогового права, выражающаяся в соблюдении налоговой дисциплины, что приводит к своевременному и полному удовлетворению бюджетных интересов.

Как известно, в доцифровой период при характеристике качества законодательства обычно принимались во внимание его полнота, отсутствие разногласий, коллизий, пробельности, дисбаланса, противоречий, а также стабильность, строгое соответствие правилам юридической техники и др. (Kashanin & Tretyakov, 2012; Lapaeva, 2008). Именно эти факторы в совокупности позволяют сделать вывод о том, что оценка качества закона производится исходя из его соответствия актуальным социально-экономическим условиям развития общества, а также требованиям формально-юридического характера.

Налоговое законодательство, находящееся в процессе трансформации в условиях активного внедрения цифровых технологий, в свою очередь, может считаться качественным также при условии его соответствия целям и задачам государства, сформулированным непосредственно для каждого из этапов развития цифровизации налогообложения. Отдельные этапы отличаются друг от друга, прежде всего, видом цифровых технологий, используемых участниками налоговых отношений (Lyutova, 2024). К таким технологиям можно отнести, например, онлайн-сервисы ФНС России, систему электронного документооборота, блокчейн и искусственный интеллект. Соответственно, модели правового регулирования и законодательная концепция исполнения налоговых обязанностей меняются в зависимости от того, какие технологические решения выступают в качестве приоритетных в тот или иной период времени.

В контексте этапности развития правового регулирования налоговых обязанностей принципиально важной проблемой, связанной с обеспечением качества налогового законодательства, является его отставание от темпов разработки и продвижения технологических процессов и цифровых технологий. В качестве примера можно привести феномен так называемых «умных» налогов (smart tax), которые в случае их внедрения должны будут исчисляться и взиматься с использованием технологии «блокчейн» и без участия человека (Karpova & Maiburov, 2019). Внедрению «умного» налогообложения на сегодняшний день препятствуют, в частности, следующие проблемы правового характера:

– порядок уплаты налога. По общему правилу, налог должен быть уплачен налогоплательщиком самостоятельно посредством перечисления денежных средств, либо взыскивается с него в принудительном порядке (ст. 45 НК РФ). Условием же осуществления «умного» налогообложения является удержание обязательных платежей налоговым органом, что предполагает изменение налогового законодательства в части правил об исполнении обязанности по уплате налога;

– процедура налогового администрирования. В этой связи Н.В. Омелехина отмечает, что в настоящее время уже существуют предпосылки к автоматическому исполнению налоговой обязанности, поскольку налогоплательщики производят расчеты сумм налоговых платежей с помощью электронных сервисов на сайте ФНС России, и осталось только установить правило о «привязке» расчетов с сайта налогового органа к банковским счетам налогоплательщиков (Omelekhina, 2020).

В качестве позитивного аспекта внедрения в налоговые отношения использования цифровых технологий, влияющего на повышение качества налогового законодательства, выступает возрастание роли в механизме правового регулирования исполнения налоговых обязанностей налогового стимулирования. Проблема недостаточного использования потенциала стимулирующей функции налога является «классической» для налогового права, и о ней неоднократно упоминается в налогово-правовой литературе. При этом обычно налоговое стимулирование сводится исследователями исключительно к вопросам установления налоговых льгот (Kuchegov, 2009:128–150), несмотря на то что фактически преференциальных механизмов в налогообложении, реализующих стимулирующую функцию налога, значительно больше.

В условиях цифровизации стимулирование исполнения налоговых обязанностей осуществляется следующими способами:

– использование налоговыми органами цифровых технологий в рамках налогового администрирования. По мнению К.Т. Анисиной, «создание всех необходимых условий (экономия времени, упрощение процедуры уплаты) является стимулирующей мерой государственного регулирования для создания «удобных» и доступных условий для налогоплательщиков с целью повышения администрирования налоговых платежей» (Anisina, 2019);

– создание комплекса налоговых преференций для организаций IT-сектора, к которым можно отнести: пониженные налоговые ставки по налогу на прибыль и НДС, установление пониженного тарифа страховых взносов, налоговые вычеты, освобождение от налогообложения отдельных видов деятельности и т.д.

– введение новых налоговых режимов льготно-стимулирующей направленности, например, специального налогового режима в виде налога на профессиональный доход и автоматической упрощенной системы налогообложения.

Таким образом, процесс цифровизации обуславливает расширение спектра налогово-стимулирующих мер, к числу которых в первоочередном порядке можно

отнести новый формат налоговых отношений, предполагающий использование цифровых технологий и технологических решений;

3. единообразная судебная практика и формирование правовых позиций судов по вопросам исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации.

Как известно, в российской правовой традиции единообразие судебной практики должно обеспечиваться как при рассмотрении высшими судами конкретных дел, так и при издании ими абстрактных руководящих разъяснений (Blokhin, 2020:85). С содержательной точки зрения формирование единой судебной практики означает единообразное толкование закона и последовательное использование позиций высших судебных инстанций.

Для налоговых споров применение судами универсальных стандартов является принципиально важным, поскольку напрямую влияет на объем налоговых обязанностей налогоплательщиков и иных участников налоговых правоотношений. Особая роль в формировании судебных доктрин, связанных с налоговыми отношениями, принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации (далее – КС РФ), что предопределяется самой правовой природой его решений, которые обладают нормативно-доктринальными свойствами.

Рассматривая проблему единообразия судебной практики по налоговым спорам в условиях цифровизации, отметим, что поскольку цифровая эпоха налогообложения насчитывает сравнительно непродолжительную историю развития правового регулирования, то можно констатировать, что правоприменительная практика в этой области еще не сложилась. Это означает, что на сегодняшний день имеется возможность анализировать отдельные судебные решения, принятые по вопросам реализации механизма исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации.

Примером отсутствия единообразия судебной практики, которое негативно влияет на эффективность реализации исследуемого механизма, можно назвать позицию КС РФ по вопросу информации, размещенной на сайте территориального Управления ФНС России, которой воспользовался налогоплательщик для определения размера подлежащего уплате налога².

Так, КС РФ признал такого рода информацию «ошибочным информационным сообщением», использование которого предпринимателем освобождает от налоговой ответственности, но не может нивелировать саму налоговую обязанность. Соответственно, налогоплательщику необходимо ликвидировать долг, заплатив налог и пеню.

Подобная позиция КС РФ, по сути, противоречит подходу, сформированному им же еще в 2015 году³, в соответствии с которым была заложена основа отграничения письменных разъяснений налоговых органов от принятых ими же актов информационно-разъяснительного характера. При этом последние признавались им

² Определение Конституционного Суда РФ от 09.03.2023 № 480-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куприянова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 ст. 1 Закона Архангельской области от 3 апреля 2015 г. № 262-15-ОЗ «О льготах по налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, и налогу, взимаемому в связи с применением патентной системы налогообложения для налогоплательщиков, впервые зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей» // Документ опубликован не был. Режим доступа // СПС КонсультантПлюс.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

адресованными непосредственно налоговым органам и их должностным лицам, и имеющими при этом общеобязательный характер для неопределенного круга налогоплательщиков. Поскольку информация, размещенная на сайте ФНС России, была предназначена для налогоплательщика, в указанном контексте использование Судом словосочетания «информационные сообщения», вызывает ряд вопросов относительно целесообразности подобного словоупотребления⁴;

4. механизм доверительных отношений налогоплательщиков и налоговых органов, который в цифровую эпоху строится на применении процедур налогового комплаенса, а также медиации, представляющей собой альтернативный способ разрешения налоговых споров.

Налоговый комплаенс является новым налогово-правовым явлением, широко обсуждаемым в научной литературе, а также в профессиональном сообществе налоговых юристов в последние годы. В результате этого сложилось понимание налогового комплаенса как системы мер превенции нарушений налогового законодательства, с одной стороны, и оценки налоговых рисков и управления ими, с другой (Ovcharova, 2019).

Как представляется, ценность правового анализа особенностей института комплаенса в контексте проведения исследования налоговой обязанности состоит в том, что он представляет собой один из инструментов формирования основанных на доверии налоговых отношений. Так, зарубежный опыт применения процедуры налогового комплаенса многообразен и позволяет рассматривать его как инструмент достижения обновленных стандартов налоговой прозрачности (Branham, 2009; Lederman, 2003).

Кроме того, налоговый комплаенс является широко цифровизируемым направлением, и большая часть участников рынка, независимо от размера бизнеса и сферы деятельности, стремится к автоматизации и цифровизации процедур комплаенса, что выражается, прежде всего, в создании автоматизированных контрольных процедур в управлении рисками (Orlova & Krayushkin, 2023:6).

Рассматривая налоговый комплаенс в качестве гарантии реализации цифрового механизма исполнения налоговой обязанности, необходимо признать, что цифровизация управления рисками в рамках процедуры налогового комплаенса поможет решить проблему недостаточной определенности правовых норм о налоговых рисках. Так, в рамках применения риск-ориентированного подхода такие риски являются критериями надлежащего исполнения налогоплательщиками своих налоговых обязанностей. Однако перечень налоговых рисков в налоговом законодательстве не приводится, и их регулирование осуществляется на подзаконном уровне, несмотря на то что риски являются основаниями для применения мер государственного принуждения. В этой связи автоматизация проведения процедуры комплаенса позволит обобщить и типизировать налоговые риски, а также выступит фактором, способствующим принятию единого законодательного акта о критериях таких рисков.

Другим вариантом действия механизма доверительных отношений налогоплательщиков с налоговыми органами является использование в налоговых отношениях медиативных процедур.

Как отмечал С.А. Ядрихинский, на сегодняшний день «в России медиативные процедуры в качестве способа урегулирования налогового конфликта обсуждаются только на доктринальном уровне» (Yadrikhinsky, 2021:443). Ситуация, в которой

---

⁴ Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2024/04/01/cifrovaya_mutaciya_oficialnyh_razyasnenij_fns_rossii (дата обращения: 12.04.2024).

налоговая медиация не получает на практике распространения, связана, прежде всего, с необходимостью решения таких важнейших вопросов, как: определение категорий медиабельных налоговых споров; установление круга лиц, имеющих право на участие в процедуре медиации (прежде всего с точки зрения формулирования требований к должностным лицам налоговых органов как участникам процедуры медиации); формулирование предмета медиативных переговоров и соглашений, то есть перечня вопросов, которые стороны имеют право решать договоренностями; установление правил оплаты услуг медиаторов.

В процессе поиска решения вопроса медиабельности налогового спора в качестве ориентира целесообразным, на наш взгляд, является использование перечня тех вопросов, по которым возможно заключение мирового соглашения. Так, например, запрещается заключать мировые соглашения между налоговым органом и налогоплательщиком, если предметом спора является реструктуризация долга, возникшего в результате неуплаты налогов, за исключением случаев, когда налоговый орган наделен таким правом в соответствии со специальным нормативным актом⁵.

Исходя из этого, а также на основании анализа юридической литературы по теме применения медиации в налоговых отношениях⁶, можно заключить, что предметом медиативных соглашений не могут быть вопросы: снижения налоговой ставки, изменения правил начисления пеней, освобождения налогоплательщика от уплаты налогов за определенные периоды или по определенным операциям. Таким образом, исключаются из предмета медиации различные аспекты размера налога пеней и штрафов, что предопределено публично-правовым характером налогового платежа. Соответственно, медиативные соглашения могут заключаться по вопросам определенного порядка исполнения той или иной налоговой обязанности, например, порядка сдачи налоговой отчетности, процедуры постановки на налоговый учет, предоставления информации в ходе контрольных мероприятий и т.д.

С процедурной точки зрения особую ценность представляет закрепление возможности проведения налоговых медиаций путем внесения соответствующих изменений и дополнений в НК РФ. Так, по мнению О.А. Ногиной, в главе 19 НК РФ, регулирующей порядок обжалования актов налоговых органов, а также действий (бездействия) их должностных лиц, можно также предусмотреть и проведение медиативной процедуры (Nogina, 2022). Как представляется, в совокупности с положениями о медиабельности налогового спора процедурные аспекты проведения медиативных переговоров и заключения соответствующих соглашений по вопросам налогообложения станут действенной правовой основой, обеспечивающей настойчивое и последовательное внедрение медиации в практику разрешения налоговых споров.

Что касается вопроса внедрения медиации в механизм исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации, то в этом отношении в науке налогового права обычно отмечается только значимость влияния процесса цифровизации на развитие медиативных процедур в сфере налогообложения, состоящая в возможности их проведения в онлайн-формате. В частности, по мнению Л.Л. Арзумановой преимуществами онлайн-медиации в налоговых отношениях являются:

– минимизация имущественных потерь за счет эффективного перераспределения налоговой нагрузки;

⁵ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Режим доступа // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/mediatsiya-kak-sposob-uregulirovat-nalogouyu-konflikt/> (дата обращения: 12.04.2024).

- налаживание конструктивного диалога с налоговыми органами;
- выявление налоговых рисков на более ранней стадии;
- исключение применения санкционной политики в отношении налогоплательщика;
- экономия ресурсов сторон, в том числе ресурсов, связанных с необходимостью непосредственного участия в процедуре обжалования (Arzumanova, 2021:48).

На наш взгляд, перечень преимуществ использования налоговой медиации в онлайн-формате можно также дополнить следующими видами:

- обеспечение возможности популяризации института медиации с точки зрения возможности ее применения в налоговых спорах;
- повышение степени гарантированности конфиденциальности (например, ее можно достичь, меняя идентификаторы конференций и пароли собраний проводимых в дистанционном формате собраний и совещаний);
- способствование синергетическому эффекту правового регулирования цифровизации налоговых отношений, построенных на доверии и сотрудничестве налоговых органов с налогоплательщиками.

Учитывая значительное количество преимуществ онлайн-медиации, очевидной представляется необходимость создания цифрового сервиса ФНС России, обеспечивающего возможность реализации соответствующей процедуры в формате электронного взаимодействия. Так, в последние годы у ФНС России появилось значительное количество цифровых сервисов, открывших перспективы для развития различных налоговых отношений между налоговыми органами и иными участниками налоговых правоотношений. Что касается медиации, то, по справедливому замечанию Е.Н. Горожанкиной, она не переняла «эстафету цифровизации» (Gorozhankina, 2023), то есть не обеспечивается каким-либо созданным государством электронным ресурсом.

В содержательном аспекте электронный сервис, обеспечивающий возможность применения процедуры медиации к налоговым спорам, должен включать, как минимум, следующие обязательные элементы:

- общее описание того, что представляет собой медиация, в чем ее преимущества перед разрешением налоговых споров в рамках «стандартных» процедур, а также какими могут быть результаты ее проведения. Помимо этого целесообразно дополнить базу вопросов и ответов робота Таксика (аналог «горячей линии») информацией о медиации;

- перечень медиаторов и информация о них. Отметим, что в настоящее время создан реестр медиаторов, специализирующихся на налоговых спорах, который размещен на странице Общероссийского союза медиаторов⁷. Формируется такой реестр сейчас централизованно, то есть ассоциациями и партнерствами медиаторов, но в случае его использования ФНС России целесообразным представляется введение Единого федерального реестра медиаторов.

Вопрос создания Единого реестра медиаторов не является новым: он уже обсуждался ранее (в 2020 г.) и вызвал бурную негативную реакцию профессионального сообщества⁸. Безусловной является неоднозначность решения вопроса о необходимости Единого реестра. Стоит признать, что его создание и ведение не защитит

⁷ Режим доступа: https://xn--80aecedjizoagacnjgz6p.xn--p1ai/reestr/?region=&city=&geo=&arrFilter_19_2707236321=Y&set_filter=%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&PAGEN_1=3 (дата обращения: 12.04.2024).

⁸ См., например: Единый реестр медиаторов: необходимость или напрасные надежды? // Режим доступа: <https://xn--80ahcnrqqo.xn--p1ai/archive/05-22-mediatsiya-v-biznese/edinyy-reestr-mediatorov-neobkhodimost-ili-naprasnye-nadezhdy/> (дата обращения: 12.04.2024).

общество от недобросовестных медиаторов, однако обеспечит удобство и безопасность взаимодействия при проведении налоговых медиаций, что принципиально важно на начальном этапе становления применения медиативных техник в налоговых спорах. С другой стороны, очевидным недостатком организации работы по проведению процедуры налоговой медиации при использовании Единого реестра медиаторов является сам порядок включения в такой реестр, создающий ряд препятствий прежде всего для «новых» медиаторов. Важно в этой связи отметить важность создания механизма, который позволит с установленной периодичностью возвращаться к вопросу обсуждения и потенциально возможного пересмотра критериев, которым должны соответствовать налоговые медиаторы.

Что касается должностных лиц налоговых органов как участников процедуры медиации, то представляется логичным, что в этом качестве может выступать не каждый налоговый инспектор, и для выполнения соответствующей функции ему будет необходимо пройти обучение (повышение квалификации по программе дополнительного профессионального образования), которое также проходит и сам медиатор.

Отдельную проблему в контексте рассмотрения вопроса о создании цифрового сервиса ФНС России, обеспечивающего применение медиативной процедуры, составляет вопрос оплаты услуг медиаторов. Особенно это актуально, как отмечает А. Мошкин, в ситуации, когда по итогам медиативных переговоров договоренности между налоговым органом и налогоплательщиком не будут достигнуты (Moshkin, 2023:5-6). В литературе представлены разные мнения по этому поводу: включить медиацию в список видов бесплатной юридической помощи (Demyashova, 2019), по аналогии с государственной пошлиной установить размер вознаграждения медиатора федеральным законом (Gorshenina, 2016:146) и т.д. Применительно к налоговым спорам представляется целесообразным разделить расходы на проведение процедуры между ее участниками, что является дополнительным свидетельством наличия реального интереса к достижению договоренностей. Полагаем, что оплата услуг медиатора государством, как это предусмотрено, например, в налоговом законодательстве Франции (Yarkov, 2023), на современном этапе не обеспечит эффективность развития института медиации в налоговых отношениях.

Заключение

В проведенном исследовании понятия и видов гарантий обеспечения реализации механизма исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации:

- 1) определено содержание понятия гарантий обеспечения реализации механизма исполнения налоговых обязанностей, обоснована его ценность для развития налоговых отношений цифровой эпохи, а также установлены виды таких гарантий;
- 2) отмечено появление у налоговых органов полномочий в связи с необходимостью применения информационно-коммуникационных технологий;
- 3) обозначена проблема отсутствия единообразия судебной практики по налоговым спорам, связанным с уплатой налогов в условиях цифровизации;
- 4) при характеристике налогового комплаенса, являющегося элементом доверительного механизма в налоговых отношениях периода цифровизации, отмечена важность развития налогового законодательства, в результате которого позитивацию должны получить налоговые риски;
- 5) в качестве перспективы развития налоговой медиации как одного из видов гарантий реализации исполнения налоговых обязанностей цифровой эпохи

обоснована ценность создания цифрового сервиса ФНС в качестве ресурса, обеспечивающего эффективное взаимодействие налоговых органов с налогоплательщиками для целей достижения договоренностей.

References / Список литературы

- Anisina, K.T. (2019) Digital economy as an incentive tool in the tax revenue system. *Financial Law*. (12), 29–33. EDN TGOTQC. (in Russian).
Анисина К.Т. Цифровая экономика как инструмент стимулирования в системе налоговых доходов // Финансовое право. 2019. № 12. С. 29–33. EDN TGOTQC.
- Arzumanova, L.L. (2021) Online mediation as one of the alternative forms of settlement of a public-law dispute. *Law and digital economy*. 4(14), 45–49. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.14.4.045-049> (in Russian).
Арзуманова Л.Л. Онлайн-медиация как одна из альтернативных форм урегулирования публично-правового спора // Право и цифровая экономика. 2021. № 4(14). С. 45–49. <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.14.4.045-049>
- Blokhin, P.D. (2020) Participation of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of uniform judicial practice. *Zakon*. (1), 85–97. (in Russian).
Блохин П.Д. Участие Конституционного Суда РФ в деле формирования единообразной судебной практики // Закон. 2020. № 1. С. 85–97.
- Branham, E. (2009) Closing the Tax Gap: Encouraging voluntary compliance through mass-media publication of high-profile tax issues. *Hastings Law Journal*. 60(6), 1507–1533.
- Gorozhankina, E.N. (2023) Mediation and digital technologies in disputes about child rearing. *Arbitration and civil procedure*. (8), 47–51. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-8-47-51> (in Russian).
Горожанкина Е.Н. Медиация и цифровые технологии в спорах о воспитании детей // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 47–51. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-8-47-51>
- Gorshenina, E.V. (2016) Review of proposals to improve legislation on mediation: what is important and what is better to forget. The view of a practicing mediator. *Arbitration Court*. 6(108), 144–149. EDN XHWFBL. (in Russian).
Горшенина Е.В. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о медиации: что важно и о чем лучше забыть. Взгляд практикующего медиатора // Третейский суд. 2016. № 6(108). С. 144–149. EDN XHWFBL.
- Demyashova, A.N. (2019) Problems of the introduction of mandatory mediation on the example of settlement of disputes arising in the provision of housing and communal services. *Arbitration and civil procedure*. (4). 54–58. EDN BTQJWV. (in Russian).
Демьяшова А.Н. Проблемы введения обязательной медиации на примере урегулирования споров, возникающих в сфере предоставления жилищно-коммунальных услуг // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 4. С. 54–58. EDN BTQJWV.
- Karova, O.M. & Maiburov, I.A. (2019) Transformation of value added tax in the context of accelerated digitalization of the Russian economy. *Tomsk State University Journal of Economics*. (46), 7–19. <https://doi.org/10.17223/19988648/46/1> (in Russian).
Карпова О.М., Майбуров И.А. Трансформация налога на добавленную стоимость в условиях форсированной цифровизации российской экономики // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 46. С. 7–19. <https://doi.org/10.17223/19988648/46/1>
- Kashanin, A.V. & Tretyakov, S.V. (2012) Operation of the law: theoretical conditions of analysis // Problem analysis and state-management design. (4), 79–95. (in Russian).
Кашанин А.В., Третьяков С.В. Действие закона: теоретические условия анализа // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 4. С. 79–95.
- Khazov, E.N. & Dorozhko, F.L. (2009) Features and classification of legal guarantees of human and civil rights, freedoms and duties in Russia. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (8), 140–143. (in Russian).

- Хазов Е.Н., Дорошко Ф.Л. Особенности и классификация юридических гарантий прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в России // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 140–143.
- Kopina, A.A. (2021) Improving financial literacy as a way to improve tax discipline. *Financial law*. (7), 35–39. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-7-35-39>
- Копина А.А. Повышение финансовой грамотности как способ улучшения налоговой дисциплины // Финансовое право. 2021. № 7. С. 35–39. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2021-7-35-39>
- Lapaeva, V.V. (2008) Investigation of the effectiveness of legislation based on the results of legal monitoring. *Nauka. Innovation. Education*. (1), 269–291. (in Russian).
- Лапаева В.В. Исследование эффективности действия законодательства по результатам правового мониторинга // Наука. Инновации. Образование. 2008. № 1. С. 269–291.
- Lederman, L. (2003) Tax Compliance and the Reformed IRS. *University of Kansas Law Review*. 51. 971–1011.
- Loshkarev, A.V. (2009) *Legal guarantees: theoretical problems of definition and classification*. Dis. ... Cand. Legal of sciences. Krasnodar, SGEU. (in Russian).
- Лошкарёв А.В. Правовые гарантии: теоретические проблемы определения понятия и классификации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: СГЭУ, 2009. 245 с.
- Lyutova, O.I. (2024) Tax duties in the digital age: periodization of legal regulation. *Antinomies*. 24(1), 73–88. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_73 (in Russian).
- Лютова О.И. Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования // Антиномии. 2024. Т. 24. № 1. С. 73–88. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_73
- Kucherov, I.I. (2009) *Theory of taxes and fees: Legal aspects: Monograph*. Moscow, Yurinfo Publ. (in Russian).
- Кучеров И.И. Теория налогов и сборов: правовые аспекты: монография. М. : ЮрИнфоР, 2009. 473 с.
- Moshkin, A. (2023) A mediation approach in tax disputes. *EZH-Accountant*. (43), 5–6. (in Russian).
- Мошкин А. Медиативный подход в налоговых спорах // ЭЖ-Бухгалтер. 2023. № 43. С. 5–6.
- Nogina, O.A. (2022) Pre-verification analysis of the taxpayer's activity as an independent form of tax control. *Zakon*. (11), 64–72. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-11-64-72> (in Russian).
- Ногина О.А. Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщика как самостоятельная форма налогового контроля // Закон. 2022. № 11. С. 64–72. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-19-11-64-72>
- Ovcharova, E.V. (2019) Tax compliance in Russia: Balance between administrative enforcement and stimulating measures. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (1), 89–111. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.1.89.111> (in Russian).
- Овчарова Е.В. Налоговый комплаенс в России: проблемы соотношения мер административного принуждения и стимулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 89–111. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.1.89.111>
- Ovcharova, E.V. (2022) The impact of the digital transformation of public administration on the application of administrative coercion measures and on the development of the institute of administrative responsibility (on the example of tax administration). *Legal policy and legal life*. (2), 129–136. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-2-129-136> (in Russian).
- Овчарова Е.В. Влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения и на развитие института административной ответственности (на примере налогового администрирования) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 129–136. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-2-129-136>
- Omelekhina, N.V. (2020) Digitalization as a factor of transformation of financial legal relations. *Financial law*. (9), 12–17. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-9-12-17> (in Russian).

- Омелехина Н.В.* Цифровизация как фактор трансформации финансовых правоотношений // *Финансовое право*. 2020. № 9. С. 12–17. <https://doi.org/10.18572/1813-1220-2020-9-12-17>
- Orlova, Yu. & Krayushkin, P. (2023) Compliance with tax risks, information protection and other types: main trends and requirements in business processes. *EZH-Accountant*. (27). Available at: <https://www.eg-online.ru/article/471537/> [Accessed: 12th January 2024].
- Орлова Ю., Краюшкин П.* Комплаенс налоговых рисков, защиты информации и другие виды: основные тренды и требования в бизнес-процессах // *ЭЖ-Бухгалтер*. 2023. № 27. Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/471537/> (дата обращения: 12.01.2024).
- Semenov, V.V. (2023) Features of the legal regulation of the national digital currency: the experience of China and Russia. *Civilist*. 6(46), 38–42. EDN: HYNMTQ. (in Russian).
- Семенов В.В.* Особенности правового регулирования национальной цифровой валюты: опыт Китая и России // *Цивилист*. 2023. № 6(46). С. 38–42. EDN: HYNMTQ.
- Subochev, V.V. (2009) *Theory of legitimate interests: Doctor of Legal Sciences dissertation*. Tambov, SGUA. (in Russian).
- Субочев В.В.* Теория законных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов : СГЮА, 2009. 501 с.
- Shchekin, D.M. (2023) *Balance of public and private interests in tax law: Dis. ... Doctor of Legal Sciences*. Moscow, MGUA. (in Russian).
- Щекин Д.М.* Баланс публичных и частных интересов в налоговом праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М. : МГЮА, 2023. 541 с.
- Volchanskaya, A.N. (2013) *State guarantees for the protection of human rights in Russia: theoretical and legal aspect: Candidate of Legal Sciences dissertation*. Saratov, SSYA. (in Russian).
- Волчанская А.Н.* Государственные гарантии защиты прав человека в России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : СГЮА, 2013. 170 с.
- Yadrikhinsky, S.A. (2021) *The legitimate interests of taxpayers: theory and practice of implementation, provision, protection: Doctor of Legal Sciences dissertation*. Moscow, MGUA. (in Russian).
- Ядрихинский С.А.* Законные интересы налогоплательщиков: теория и практика реализации, обеспечения, защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. М. : МГЮА, 2021. 575 с.
- Yarkov, A.A. (2023) Mediation in enforcement proceedings: foreign experience of conducting. *Court Administrator*. (4), 51–53. <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2023-4-51-53> (in Russian).
- Ярков А.А.* Медиация в исполнительном производстве: зарубежный опыт проведения // *Администратор суда*. 2023. № 4. С. 51–53. <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2023-4-51-53>

Сведения об авторе:

Лютова Ольга Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, департамент политики и управления, руководитель Аспирантской школы по государственному и муниципальному управлению, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 11

ORCID: 0000-0002-6603-8859

e-mail: olyutova@hse.ru

About the author:

Olga I. Lyutova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Policy and Management, Head of the Postgraduate School of Public and Municipal Administration, HSE University; 11 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6603-8859

e-mail: olyutova@hse.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-934-937>
EDN: IOLKZF

Информационная статья / Information Article

Муниципальная власть в современном мире: обзор Международного научно-практического форума

Л.Т. Чихладзе^{ID}, Е.Ю. Комлев^{ID}✉

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
✉Komleve@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Вклад авторов: нераздельное соавторство.

*Поступила в редакцию: 30 мая 2024 г.
Принята к печати: 15 октября 2024 г.*

Для цитирования:

Чихладзе Л.Т., Комлев Е.Ю. Муниципальная власть в современном мире: обзор Международного научно-практического форума // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 934–937. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-934-937>

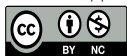
Municipal power in the modern world: Insights from the International Scientific and Practical Forum

Levan T. Chikhladze^{ID}, Evgeny Y. Komlev^{ID}✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉Komleve@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.
The authors' contribution: inseparable co-authorship.

© Чихладзе Л.Т., Комлев Е.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Received: 30th May 2024

Accepted: 15th October 2024

For citation:

Chikhladze, L.T., Komlev, E.Y. (2024) Municipal power in the modern world: Insights from the International Scientific and Practical Forum. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 934–937. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-934-937>

22–25 апреля 2024 г. на базе кафедры муниципального права юридического института РУДН был организован *международный научно-практический форум «Муниципальная власть в современном мире»*. Форум включал несколько научных мероприятий на русском, английском и испанском языках. Подобные мероприятия проходят в РУДН ежегодно, в 2024 г. мероприятия форума впервые проведены в двух странах – России (в РУДН) и Аргентине (Русский дом в Буэнос-Айресе) при участии Национального университета Тукумана. В настоящей статье представлен обзор основных мероприятий форума.

22 апреля 2024 г. была организована *Международная конференция «Местное самоуправление в современных государствах: вызовы и перспективы»*. Организаторами конференции выступили Российский университет дружбы народов и Национальный университет Тукумана (Аргентина). Конференция проходила в смешанном формате. Очная часть конференции прошла на базе Русского дома в Буэнос-Айресе (Аргентина).

Конференция была разделена на две секции: секция на испанском языке (модератор – заместитель директора юридического института РУДН Е.Ю. Комлев) и секция на английском языке (модератор – доцент юридического института РУДН Л.В. Чебуханова). Конференция на базе Русского дома в Буэнос-Айресе состоялась в рамках визита делегации юридического института РУДН в составе Е.Ю. Комлева и Л.В. Чебухановой в Аргентину. В ходе визита были также проведены ряд мероприятий, направленных на развитие международного научного сотрудничества с ведущими университетами Аргентины.

Участие в конференции в очном и дистанционном формате приняли представители 12 стран: Аргентина, Беларусь, Бразилия, Испания, Колумбия, Куба, Мексика, Намибия, Нигерия, Сальвадор, Россия, Эквадор.

24 апреля 2024 г. состоялась *VIII Ежегодная Всероссийская конференция с международным участием «Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах»*.

В рамках мероприятия ведущие ученые России и Беларуси представили доклады о наиболее актуальных проблемах муниципального права. Так, участие в конференции приняли Г.А. Василевич (Белорусский государственный университет), Е.С. Шугрина, Е.В. Гриценко (Санкт-Петербургский государственный университет), В.В. Таболин, А.А. Ларичев (Высшая школа экономики), О.А. Кожевников (Уральский государственный юридический университет), А.Н. Чертков (Центр исследований проблем территориального управления и самоуправления), А.Н. Дорохов (Российский центр научной информации), Н.И. Дорохов (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации), Е.Н. Хазов, Е.Ю. Зинченко, Н.Д. Эриашвили (Московский университет МВД России) и представители многих других

научных школ. Отрадно отметить участие практикующих юристов, в частности – представителей судейского сообщества, – федеральных (Н.А. Морозова) и мировых (А.Е. Рыбак) судей.

Модераторами конференции выступили заведующий кафедрой муниципального права РУДН Л.Т. Чихладзе, доцент кафедры муниципального права РУДН и преподаватель кафедры конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова О.Ю. Болдырев.

25 апреля 2024 г. проведены две студенческие конференции – *Всероссийская студенческая конференция с международным участием «Организация местного самоуправления в современных государствах»* (на русском языке) и *Всероссийская студенческая конференция с международным участием на иностранных языках "Local self-government: interstate experience"* (на английском и испанском языках).

Молодые ученые из разных регионов России и стран СНГ представили свое видение решения актуальных проблем муниципально-правовой науки.

Заключение. Доклады участников мероприятий форума были посвящены наиболее актуальным проблемам, возникающим при организации местного самоуправления в современных государствах. Основное внимание уделено взаимодействию центральных и региональных органов власти в федеративных государствах, компетенции муниципальной власти, формам участия населения в местном самоуправлении, источникам формирования местного бюджета. Применительно к России особое внимание уделено муниципальной реформе и ожиданиям от ее дальнейшей реализации в рамках осенней работы палат Федерального Собрания Российской Федерации.

Форум также продемонстрировал востребованность сравнительно-правовых исследований применительно к муниципальному праву, интерес к российской модели организации муниципальной власти среди зарубежных ученых, а также схожесть проблем, возникающих при правовом регулировании и организации местного самоуправления в современных государствах.

Российский университет дружбы народов подтвердил статус одной из ведущих мировых площадок для обсуждения наиболее актуальных и востребованных вопросов, возникающих в муниципально-правовой науке.

Сведения об авторах:

Чихладзе Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID: 0000-0002-8807-2572; SPIN-код: 9107-0406; AuthorID: 474642

e-mail: Levanbook@gmail.com

Комлев Евгений Юрьевич – кандидат юридических наук, заместитель директора юридического института по научной работе, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-код: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru

About the authors:

Levan T. Chikhladze – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Municipal Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8807-2572; SPIN-код: 9107-0406; AuthorID: 474642

e-mail: Levanbook@gmail.com

Evgeny Y. Komlev – Candidate of Legal Sciences, Deputy Director of the Law Institute for Research, Head of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law-Enforcement Activities, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-code: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-938-946>

EDN: IPSBML

Информационная статья / Information Article

Блищенковские чтения – 2024: обзор юбилейного XX Международного конгресса

А.Х. Абашидзе , И.А. Черных ✉, А.М. Солнцев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

✉chernykh-ia@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01434, <https://rscf.ru/project/23-28-01434/>

Поступила в редакцию: 04 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Абашидзе А.Х., Черных И.А., Солнцев А.М. Блищенковские чтения – 2024: обзор юбилейного XX Международного конгресса // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 938–946. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-938-946>

Blishchenko Readings – 2024: Overview of the XX Anniversary International Congress

Aslan Kh. Abashidze , Irina A. Chernykh ✉, Alexander M. Solntsev

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉chernykh-ia@rudn.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation № 23-28-01434, <https://rscf.ru/project/23-28-01434/>

Received: 04th September 2024

Accepted: 15th October 2024

© Абашидзе А.Х., Черных И.А., Солнцев А.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Abashidze, A.Kh., Chernykh, I.A., Solntsev, A.M. (2024) Blishchenko Readings – 2024: Overview of the XX Anniversary International Congress. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 938–946. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-938-946>

13 апреля 2024 г. состоялся юбилейный XX Международный конгресс «Блищенковские чтения». Работа Конгресса прошла в рамках пленарного заседания и 12 круглых столов, которыми руководили 25 модераторов. Тема Конгресса была определена как «Международное право в условиях глобального цивилизационного противостояния».

На Конгрессе с докладами выступили 283 человека, которые представляли 28 государств: Албанию, Армению, Белоруссию, Бразилию, Бурунди, Вьетнам, Гану, Грецию, Грузию, Индию, Ирак, Иран, Казахстан, Камерун, Китай, Колумбию, Кот-д’Ивуар, Нигерию, Палестину, Перу, Россию, Сербию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Францию, Черногорию, Эстонию.

Среди участников Конгресса – 37 докторов наук и 86 кандидатов наук, из них 19 профессоров и 49 доцентов.

Пленарное заседание юбилейного Конгресса открыл заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор Абашидзе Аслан Хусейнович. С приветственной речью выступил ректор РУДН, д-р юрид. наук, профессор Ястребов Олег Александрович. Директор юридического института РУДН, канд. юрид. наук, доцент Зинковский Сергей Борисович свою речь посвятил научной школе международного права РУДН и вкладу тех ученых, которые заложили основу этой научной школы.

На пленарном заседании были представлены 2 доклада, с которыми выступили:

- Директор Департамента многостороннего сотрудничества по правам человека (ДМПЧ) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права, канд. юрид. наук Лукьянцев Григорий Евгеньевич, который рассказал об инициативах Российской Федерации в системе ООН, включая инициативу по борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, и по решениям, вынесенным Международным судом ООН по делу «Применение Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина против Российской Федерации)» и по делу «Украина против России: толкование и применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Г.Е. Лукьянцев отметил высокий профессиональный уровень подготовки российской стороны и достижение желаемых результатов, отраженных в решениях Международного суда ООН, включая то, что украинская сторона из позиции обвинителя оказалась в качестве обвиняемой. Он призвал представителей отечественного научного сообщества не дать «поистине исторической победе в Международном Суде кануть в анналы истории и держать эту тему на плаву в научных публикациях».

- Первый заместитель Спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, академик Академии наук Республики Узбекистан, д-р юрид. наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Узбекистан Саидов

Акмаль Холматович в своем докладе отметил, что *«Школа кафедры международного права – это детище Игоря Павловича Блищенко. И продолжатели этой кафедры с честью держат тот высокий уровень, на который он поднял кафедру!»*. Доклад проф. А.Х. Саидова был посвящен теоретическим проблемам международного права прав человека, он также высоко оценил вклад проф. В.А. Карташкина в качестве *«основоположника советской/российской теории международной защиты прав человека»*. Доклад проф. А.Х. Саидова отразил важную цель Конгресса – чествование выдающегося отечественного ученого и практика, юриста-международника, проф. Владимира Алексеевича Карташкина, которому 4 марта 2024 г. исполнилось 90 лет. Сам юбиляр следил за работой пленарного заседания в онлайн формате и в конце выступил с благодарностью в адрес участников Конгресса.

Круглые столы Конгресса прошли по следующим тематикам:

- **«Международное право как основа поддержания международного мира и безопасности»** (доцент Синякин И.И., доцент Ильяшевич М.В.). Заседание данного круглого стола стало плодотворной площадкой для обсуждения самых актуальных вопросов повестки дня по рассматриваемой проблематике. В дискуссии приняли участие ведущие ученые и эксперты, а также аспиранты и студенты, что позволило под разным углом осветить современные угрозы и вызовы международному правопорядку.

- **«Государственный (национальный) суверенитет – основа многополярного мира»** (Борисов И.Б.).

В работе круглого стола приняли участие представители ряда зарубежных стран, известные ученые РАН, представители Совета Федерации, работники МИД РФ, ЦИК РФ, Мосгоризбиркома, аналитики из МГУ, МГИМО, МГЮА, Дипакадемии, МГИК, ИГП РАН, ИЗиСП и других профильных научных институтов и центров.

- **«Международная защита прав человека»** (доцент Белоусова А.А., доцент Алисиевич Е.С.). Данный круглый стол традиционно вызывает большой интерес. В этом году активно обсуждались проблемы защиты прав человека на универсальном и региональном уровнях.

- **«Международно-правовое регулирование миграции и вынужденного перемещения»** (Баиса Вак-Войя, Масловский В.В., доцент Киселева Е.В.). Круглый стол по проблемам международного сотрудничества в области миграции и вынужденного перемещения был проведен девятый раз подряд в рамках Конгресса.

- **«Актуальные вопросы международного гуманитарного и уголовного права»** (профессор Нигматуллин Р.В., доцент Мартыненко Е.В., ст. преп. Бисултанов А.К.). На круглом столе выступили 18 участников. Среди выступающих были практики, преподаватели вузов, а также студенты и аспиранты. Некоторые доклады вызвали бурные дискуссии.

- **«Право международных организаций»** (доцент Кутейников А.Е., доцент Тимофеев И.Н.). Были обсуждены вопросы формирования права международных организаций, а также отдельные аспекты деятельности таких организаций, как ЕАЭС, ВТО, ВОЗ, ОИС, ЛАГ, ЕС, МУС, ООН. Бакалавры, магистры и аспиранты, принимавшие участие в данном круглом столе, также стали участниками на соискание премии имени Ольги Зайцевой (сотрудницы ИМЭМО РАН) за вклад в изучение международных организаций и многостороннего сотрудничества.

- Отдельно на Конгрессе рассматривались вопросы **«Международных организаций и международного спортивного права»** (доцент Захарова Л.И., Мельник Т.Е., Зайцева Т.А.). Основное внимание на круглом столе было посвящено такому явлению, как ограничительные меры международных спортивных организаций. Данная проблема в целом носит актуальный характер, принимая во внимание особое место, которое занимают данные организации в глобальной спортивной системе. Практическая значимость вопроса диктуется той ситуацией, с которой столкнулись российские спортсмены, не имеющие возможности на общих основаниях участвовать в спортивных состязаниях ввиду рестрикций со стороны их организаторов.

- **«Климат и международное право»** (доцент, д-р. юрид. наук Соколова Н.А., доцент Солнцев А.М.). Круглый стол был проведен на Конгрессе второй год подряд и пользуется большой популярностью. В этом году для выступления зарегистрировалось 30 человек (в том числе 4 иностранца из Вьетнама, Ганы, Ирака, Колумбии). В рамках круглого стола было выделено несколько тематических подсекций: «общие вопросы борьбы с изменением климата», «уязвимые группы населения и климат», «климатические споры», «водные ресурсы и климат», «климат как мегатренд». В процессе выступлений особый интерес вызвало обсуждение свежих «климатических» решений Европейского суда по правам человека и грядущего консультативного заключения Международного трибунала по морскому праву, имплементация Парижского соглашения в России и Латинской Америке, а также правозащитный подход к климатической повестке.

- **«Международное морское право»** (профессор Бекашев Д.К., доцент Копылов С.М.). В работе круглого стола приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и представители научного сообщества из различных образовательных и научных учреждений, а также представители МИД России. Круглый стол «Международное морское право» прошел успешно, предоставив участникам возможность обменяться знаниями и обсудить актуальные проблемы и перспективы развития международного морского права. Все участники проявили высокий уровень подготовки и активно участвовали в дискуссиях, что способствовало продуктивному и содержательному обсуждению заявленных тем.

- **«Актуальные вопросы международного воздушного и космического права»** (Морозова Э.Л., Садовский А.М., Черных И.А.).

В рамках круглого стола были рассмотрены доклады выступающих по актуальным вопросам международного воздушного и космического права, а именно доклады, затрагивающие аспекты воздушного трафика, роль международных организаций и частного сектора в международном космическом и воздушном праве, космический мусор, предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве и т.д.

- **«Развитие интеграционных процессов в условиях современных геополитических сдвигов: между Европой и Азией»** (доцент Шулятьев И.А., Дементьев А.А.). В ходе работы круглого стола обсуждались актуальные вопросы «санкционного» давления и борьбы с ним, с учетом практики различных государств. Отдельное внимание было уделено вопросам расширения и углубления интеграционного сотрудничества в рамках существующих организаций, таких как ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и БРИКС. На протяжении многих лет не утихают научные прения о расширении полномочий Суда ЕАЭС, в рамках которых особенно важно и интересно было услышать мнение действующих судей Суда ЕАЭС. Не были лишены внимания и актуальные

вопросы, связанные с защитой климата и окружающей среды, включая деятельность частного сектора в контексте ЦУР, а также вопросы распространения технологий искусственного интеллекта в финансовой и инвестиционной сферах государств.

• **«Научно-технический прогресс: международно-правовые последствия»** (Левашенко А.Д., Черновол К.А.).

В рамках круглого стола участники Блищенковских чтений обсудили международно-правовые аспекты и проблемы правового регулирования, связанные с активным развитием и внедрением в хозяйственную деятельность людей цифровых технологий. Темы обсуждений охватили круг вопросов от трансформации понимания прав человека и основных свобод в цифровом обществе до прикладных проблем регулирования оборота цифровых форм активов.

По итогам проведения круглых столов были определены **23 победителя за лучший доклад**¹, из которых 14 студентов и 9 аспирантов, из таких вузов, как: Академия труда и социальных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, МГИМО МИД России, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, РУДН, Санкт-Петербургский государственный университет.

Для полноты сведений следует отметить, что участниками Конгресса стали следующие вузы, учреждения и организации: Адвокатское бюро «Юринфлот», Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан (Таджикистан), Академия наук Республики Узбекистан (Узбекистан), Академия труда и социальных отношений, АО «Некстонс», АО «СР Спейс», АО «Фирма Август», Афинский национальный университет им. Каподистрии (Греция), Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Белградский университет (Сербия), Белорусский государственный университет (Беларусь), ВАВТ Минэкономразвития, Волгоградский государственный университет, Всероссийская федерация плавания, Дагестанский государственный университет, Дипломатическая Академия МИД России, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва (Казахстан), избирательная комиссия Самарской области, Институт государства и права РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Институт космических исследований РАН, Институт экономики роста им. П.А. Столыпина, Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта, КА ГМ «Бондяков и Партнеры», Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан), Китайская национальная нефтегазовая корпорация (Китай), Координационный Совет при Правительстве РФ по реализации Десятилетия Детства, Российская ассоциация содействия ООН, МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, Международная организация космической связи «Интерспутник», Международный университет Бужумбуры (Бурунди), Министерство иностранных дел Республики Узбекистан (Узбекистан), Министерство иностранных дел РФ, Министерство экономического развития РФ, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Мосгоризбирком, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет,

¹ Прим.: Памятные сувениры за лучшие доклады были предоставлены организаторами и партнерами Конгресса: МОКС «Интерспутник» и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации.

Московский городской педагогический университет, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, научно-образовательный проект Space-Pi, Национальная ассоциация административистов, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Национальный университет Трухильо (Перу), НИУ «Высшая школа экономики», Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Образовательный комплекс «Юго-Запад», Общественное движение «Совет старейшин шорского народа» Кемеровской области-Кузбасса, ООО «Домодедово Нон-Авиэйшн Сэйлз», ООО «Мэйнстей», ПАО «ОАК», Пермский государственный национальный исследовательский университет, Посольство Республики Узбекистан в Российской Федерации (Узбекистан), Представительство Российской Федерации при Международной организации гражданской авиации (ИКАО), Представительство УВКБ ООН в Российской Федерации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская академия наук, Российская таможенная академия, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, Российский Красный Крест, Российский новый университет, Российский общественный институт избирательного права (РОИИП), Российский университет транспорта РУТ (МИИТ), Российский фонд развития информационных технологий, Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК России (РЦОИТ при ЦИК России), Российско-Таджикский (Славянский) университет (Таджикистан), Рязанский институт развития образования, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр РАН, Санкт-Петербургский филиал Российской таможенной академии, Связь поколений в СНГ, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Северо-Кавказский федеральный университет, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Средиземноморский университет Албании (Албания), Суд Евразийского экономического союза, Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан), Тюменский государственный университет, Университет Гонконга (Китай), Университет мировой экономики и дипломатии, Университет права города Хошимин (Вьетнам), Университет управления «ТИСБИ», Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уфимский университет науки и технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, ЦОП Бизнес против коррупции, Bluefin Century s.r.o. (Сербия), Help- Hilfe zur Selbsthilfe e.V. (Германия).

Соорганизаторами Конгресса выступили: юридический факультет Белорусского государственного университета, Дипломатическая академия МИД России, МГИМО МИД России, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Уфимский университет науки и технологий, кафедра международного и интеграционного права юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, кафедра гражданского и международного частного права (базовая кафедра Южного научного центра РАН) Волгоградского

государственного университета, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Институт космических исследований Российской академии наук, Институт государства и права Российской академии наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Международная организация космической связи «Интерспутник», Академия государственного управления при президенте Республики Таджикистан, Российская Ассоциация международного права, Российская ассоциация содействия ООН, Российский общественный институт избирательного права (РОИИП).

Партнерами Конгресса были Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации и АО «СР СПЕЙС». Официальным спонсором Конгресса выступила **Вода Vorgol**.

Следующий XXI Международный конгресс «Блищенковские чтения» состоится 12 апреля 2025 года.

Приложение

Юбилейный XX Международный конгресс
«Блищенковские чтения»

Совместная резолюция участников круглого стола
«Государственный (национальный) суверенитет –
основа многополярного мира»

13 апреля 2024 года

г. Москва

Участники круглого стола «Государственный (национальный) суверенитет – основа многополярного мира» юбилейного XX Международного конгресса «Блищенковские чтения»,

глубоко озабоченные серьезностью сложившейся международной политической обстановки, сопровождающейся вооруженными конфликтами и социальными взрывами в силу глобального цивилизационного противостояния, изменениями геополитической реальности и трансформации однополярного мира в многополярный,

принимая во внимание положения Устава Организации Объединенных Наций,

признавая, что строгое соблюдение принципа невмешательства государств во внутренние и внешние дела других государств является существенно важной основой внешнеполитической деятельности,

считая, что все формы вмешательства во внутренние дела суверенного государства нарушают Устав Организации Объединенных Наций,

сознавая, что нарушение принципа невмешательства представляет собой угрозу независимости, свободе и нормальному политическому, экономическому, социальному и культурному развитию стран и может представить собой серьезную угрозу для поддержания мира, стабильности и процветанию на планете,

полностью сознавая настоятельную необходимость поиска новых оптимальных путей развития, научного осмысления самого процесса организации общества, в основе которого лежит государственный (национальный) суверенитет и демократическое развитие каждого государства,

обращаются к цивилизованным государствам и народам мира, международному научному и правозащитному сообществу с призывом:

1. Продолжить научную деятельность и изыскательскую работу, направленные на укрепление суверенитета государств, защиту традиционных национальных ценностей и самобытной культуры;

2. Поддержать необходимость закрепления принципа невмешательства в национальные электоральные процедуры в международном праве, наряду с другими общепризнанными демократическими принципами и стандартами организации выборов и референдумов;

3. Включиться в совместную работу по разработке и принятию мер, направленных на деполитизацию института международного наблюдения с целью обеспечения и защиты свободных выборов и верховенства права от современных вызовов политики неоколониализма для демократии;

4. Содействовать укреплению электорального суверенитета государств в интересах решения задач безопасного и устойчивого развития наций и народов;

5. Обеспечивать верховенство права как основу государственного суверенитета, основу существования институтов гражданского общества;

6. Поощрять развитие автоматизации избирательных процессов, в том числе дистанционное электронное голосование, способствующее более полному вовлечению избирателей в дела управления своим государством и в местное самоуправление на принципах электорального, цифрового суверенитета, а также поддерживать национальные разработки платформ дистанционного электронного голосования и отказаться от практики проведения выборов зарубежными IT-компаниями;

7. Поддерживать развитие социальных медиа, телеграм-каналов, обеспечивающих прямые коммуникации и доведение оперативной информации до аудитории, в частности – проекта телеграм-канала «Общественный контроль»;

8. Учитывать социологический подход в оценке обеспечения верховенства права в масштабе Российской Федерации и ее регионов, в особенности по критически важным показателям уровня жизни населения;

9. Продолжить на международных научных, правозащитных, общественных, дипломатических, экспертных и других площадках, в том числе в рамках международного конгресса «Блищенковские чтения», открытую и широкую дискуссию, направленную на дальнейшее развитие многополярного мира, сохранение суверенитета народов и верховенства права.

Сведения об авторах:

Абашидзе Аслан Хусейнович – заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-0012-8795; SPIN-код: 8944-1427

e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

Черных Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-5369-1736; SPIN-код: 2381-0326

e-mail: chernykh-ia@rudn.ru

Солнцев Александр Михайлович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-9804-8912; SPIN-код: 8289-4948

e-mail: solntsev-am@rudn.ru

About the authors:

Aslan Kh. Abashidze – Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0012-8795; SPIN-code: 8944-1427

e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

Irina A. Chernykh – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5369-1736; SPIN-code: 2381-0326

e-mail: chernykh-ia@rudn.ru

Alexander M. Solntsev – Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Associate Professor of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9804-8912; SPIN-code: 8289-4948

e-mail: solntsev-am@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-947-953>

EDN: IQDLDE

Информационная статья / Information Article

Моя профессия – юрист: обзор IV Международной летней академии

Р.М. Аллалыев , А.И. Евдокимова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 allalyev-rm@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 13 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Аллалыев Р.М., Евдокимова А.И. Моя профессия – юрист: обзор IV Международной летней академии // RUDN Journal of Law. 2024. Т.28. № 4. С. 947–953. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-947-953>

My Profession is Lawyer: The International Summer Academy Review.

Ruslan M. Allalyev , Anna I. Evdokimova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 allalyev-rm@rudn.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Received: 13th September 2024

Accepted: 15th October 2024

© Аллалыев Р.М., Евдокимова А.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Allalyev, R.M., Evdokimova, A.I. (2024) My Profession is Lawyer: The International Summer Academy Review. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 947–953. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-947-953>

С 24 по 28 июня 2024 г. в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы прошла организованная Юридическим институтом IV Международная летняя академия «Моя профессия – юрист», в которой приняли участие преподаватели из Москвы (всего были представлены 5 московских вузов), Астаны (Республика Казахстан), Волгограда, Донецка, Кемерово, Сочи. В мероприятии приняли участие свыше 40 преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов. География, представленная участниками мероприятия, охватила две страны – Россию и Казахстан – и шесть городов. Целью Зимних и Летних академий, инициированных в РУДН в 2015 г. и проводимых ежегодно, является освоение их участниками моделей и алгоритмов профессионального поведения, формирование базовых навыков и компетенций юриста. Представленный в публикации материал отражает общую концепцию Летней академии, ход ее проведения, достигнутые результаты. Мероприятие позволило выявить проблемы российского юридического образования в части ориентированности на практику и предложить некоторые варианты их решения.

Мероприятие носит системный характер. За 10 лет, начиная с 2015 г., были проведены девять Зимних и четыре Летних академии – всего 13 мероприятий. I Зимняя Академия «Моя профессия – юрист» прошла в 2015 г. в период студенческих зимних каникул на площадке Сочинского института (филиала) РУДН и организовывалась там ежегодно до 2020 г. Когда из-за ковидных ограничений Зимнюю академию пришлось перевести в режим on-line, возникла идея проведения Летней академии, которая прошла в Красной Поляне в июне 2021 г. Стали меняться локации проведения мероприятий. Так, в 2023 г. Зимняя академия прошла одновременно в городах Сочи и Кемерово с использованием режима видеоконференцсвязи, Летняя академия была организована в г. Махачкала. Партнерами Юридического института РУДН в проведении этих мероприятий являются: Сочинский институт (филиал) РУДН, Ассоциация юридических вузов, Кемеровский государственный университет, Дагестанский государственный университет.

Отличительными чертами ежегодно проводимых РУДН Зимних и Летних академий «Моя профессия – юрист» стали: совместная работа в интерактивном режиме преподавателей и студентов; решение фабул гипотетических дел и выработка по ним позиции; разнообразные формы коммуникаций участников; методики практико-ориентированного обучения.

Формат состоявшейся в июне 2024 г. в Москве на площадке РУДН IV Летней академии дополнили выступления ученых и практиков по широкому спектру проблем, что дало возможность участникам мероприятия ознакомиться с последними тенденциями в юридической профессии, правовой науке и практике правоприменения.

Открытие IV Летней академии, первый день ее работы. Мероприятие открыл проректор РУДН по работе со студентами, к.ю.н., доцент *М.И. Кацарский*, обратившийся к участникам и гостям с приветственными словами. Директор юридического

института РУДН, к.ю.н., доцент *С.Б. Зинковский*, приветствуя собравшихся, подчеркнул важность практико-ориентированного обучения в юридическом образовании, а также значение проводимого мероприятия для профессионального роста преподавателей и студентов.

С.Н. Бабурин, президент Ассоциации юридических вузов, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации в своем выступлении обозначил значимость проводимых РУДН Зимних и Летних академий, в которых ему самому довелось участвовать, обратил внимание на их системный и инновационный характер, уникальность формата обучения и применяемых методик.

В.М. Платонов, к.ю.н., заведующий кафедрой публичной политики и истории государства и права РУДН, президент Московской торгово-промышленной палаты, в своем выступлении на тему «Юристы всех стран – объединяйтесь!» обозначил роль юридической профессии в современном обществе и государстве, подчеркнув необходимость взаимодействия представителей различных сфер профессионального юридического сообщества в разрешении проблемных ситуаций в России и мире.

Приветствуя участников и гостей, руководитель IV Летней академии и всех других состоявшихся в разные годы в этом формате мероприятий, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права РУДН, д.ю.н., профессор, Почетный работник сферы образования Российской Федерации *М.В. Немытина* обозначила цель и задачи мероприятия, подчеркнув его инновационный потенциал для развития системы образования. В своем выступлении она обратилась к истории профессиональной корпорации юристов в России, становление которой связала с судебной реформой 1864 г., именно тогда в России сформировались сферы юридической деятельности, этические требования к представителям профессии, массивы знаний о праве. Было обращено внимание на то, что формирование личности в профессии и профессиональный рост юриста основаны на гармоничном соединении знаний, навыков и компетенций, которые требуют постоянного обновления.

Н.А. Власенко, профессор кафедры теории права и государства РУДН, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, в своем выступлении на тему «Ученые-юристы, или Путь в правовую науку» посвятил подготовке юристов к научной деятельности. Он обратил внимание на необходимость формирования у студентов и аспирантов навыка научного письма. По мнению профессора Н.А. Власенко, навыки и компетенции юриста-исследователя формируются посредством правильного поиска и прорабатывания источников и литературы, работой с текстом, техникой исполнения научного письма. В выступлении были поставлены проблемы связи поколений и преемственности в науке, обращено внимание на сложности с внедрением новых научных идей в образовательный процесс юридических вузов.

Д.ю.н., профессор Н.А. Власенко представил научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки». Журнал издается с 1997 г. и публикует исследования в области права. Издание выходит ежеквартально и доступно в формате открытого доступа без платы за публикацию. Журнал входит в К1 ВАК РФ по специальностям 5.1.1, 5.1.2, 5.1.3, 5.1.4, 5.1.5, а также индексируется в различных научных базах данных, включая RSCI, РИНЦ, DOAJ и др. Издание стремится содействовать научному обмену между российскими и зарубежными учеными. Публикации доступны на русском и английском языках, что расширяет аудиторию и способствует международному сотрудничеству в области юридической науки.

С.А. Смирнова, директор института судебных экспертиз РУДН, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, выступила по теме «Роль судебных экспертиз в профессиональной юридической деятельности», обратив внимание участников на необходимость использования специальных знаний в работе юриста. Были приведены конкретные примеры относительно того, как применение экспертных знаний меняет ход разбирательства по делу. В частности, был приведен пример по защите прав российских спортсменов в развернутом против них на Западе допинговом скандале в рамках судебно-экспертной деятельности, с использованием российскими экспертами современных технологий.

М.В. Захарова, профессор Университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доктор публичного права (Франция), в своем выступлении на тему «Профессия «юрист» в условиях технологических вызовов внешней среды» остановилась на проблемах эволюции юридической профессии в условиях внедрения новых цифровых и биогенных технологий в практики современных государств и их правовых систем. Она отметила, что сегодня высшие учебные заведения находятся в противоположной точке эволюционного роста, нежели описанная И. Кантом в работе «Спор факультетов» (1798 г.) университетская модель XIX в. Научное знание не дифференцируется, а наоборот интегрируется в междисциплинарном ключе. Так, например, совместная работа юристов с представителями естественно-научного знания дает эффективные модели правового регулирования и подготовки юристов в сфере цифрового и биоправа. Вместе с тем было подчеркнуто, что несмотря на изменения в профессии, вызванные внешними факторами, ее главным фокусом и целью остается человек, защита его прав, свобод и законных интересов.

В завершении программы первого дня мероприятия была проведена викторина, охватывающая широкий спектр проблем, связанных с деятельностью профессиональной юридической корпорации, что внесло разнообразие в конференционный формат работы первого дня, позволило акцентировать внимание на проблемных моментах в деятельности юриста, а также мотивировало участников на дальнейшую работу в игровом формате. При составлении вопросов викторины была проделана большая работа студентами первого курса юридического института РУДН под руководством д.ю.н., профессора М.В. Немытиной. Вела викторину студентка юридического института РУДН *Карина Успенская*. Работу жюри возглавила представитель Ассоциации юридических вузов *Н.В. Липунова*.

В конце первого дня организаторы сориентировали участников на необходимость проработки материала, представленного в учебнике «Профессиональные навыки юриста» (М.: Изд-во Юрайт, 2014)¹ и в учебном пособии «Практические навыки юриста» (М.: Изд-во РУДН, 2023)².

Второй день работы был посвящен формированию коммуникативных навыков юриста. Раскрывая тему «Профессиональные коммуникации юриста», д.ю.н., профессор *М.В. Немытина* пояснила, что для овладения навыками общения необходима

¹ Будучи впервые опубликован в 2014 г., учебник «Профессиональные навыки юриста» ежегодно переиздавался. Существуют издания учебника, предназначенные как для высшего, так и для среднего специального юридического образования.

² Учебное пособие «Практические навыки юриста» было подготовлено на основе материалов Зимних и Летних академий «Моя профессия – юрист», а авторами пособия явились постоянные участники этих мероприятий.

реализация образовательного процесса на основе форм и методов интерактивного обучения с моделированием ситуаций коммуникативного характера. В различных группах профессионального сообщества, на разных стадиях работы юриста существуют разные виды коммуникаций, например, взаимодействие между юристом и его доверителем, между представителями сторон и судьей в процессе и т.д. При этом существуют определенные алгоритмы и модели поведения, которые в ходе обучения в вузе должны быть освоены студентами. В обязательном порядке нужно формировать у студентов первичные навыки «интервьюирования» и «консультирования».

В ходе дальнейшей работы участникам Летней академии было предложено попробовать себя в типичной профессиональной коммуникации «доверитель – юрист». Можно было заметить, что, оказавшись «внутри» предложенной игровой ситуации, некоторые затруднения испытывали не только начинающие, но и опытные юристы.

В работе второго дня приняла участие в качестве эксперта *С.А. Васильковская*, заместитель директора по правовым вопросам ООО «ПРИОР КЛИНИКА» (г. Москва). Подготовленные заранее видеосюжеты с ее участием продемонстрировали два варианта поведения – как следует и как не стоит вести себя юристу в общении с доверителем, впервые обратившимся за правовой помощью. В своем комментарии *С.В. Васильковская* пояснила, каким образом в профессиональной коммуникации юриста сочетаются одновременно этическая, психологическая и правовая составляющие, привела конкретные примеры из своей практики.

Третий день был полностью посвящен проблематике, связанной с формированием позиции по делу. *О.В. Протопопова*, к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН в своем выступлении «Выработка позиции юриста по делу» привела конкретные примеры по делам частного-правового характера, сопровождая их научными и практическими комментариями. Эксперт объяснила, как при наличии одних и тех же исходных фактических и юридических обстоятельств по делу могут быть выстроены разные позиции. Было обращено внимание участников на определенный алгоритм, которому должен следовать юрист при выработке позиции и который включает: анализ правоотношений, выбор подлежащих применению правовых норм, определение оптимального способа защиты нарушенных прав и оспариваемых интересов доверителя.

Тему продолжило выступление *Б.И. Башилова*, к.ю.н., доцента кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН, главного редактора журнала «Корпоративный юрист». Выступающий обратил внимание на формы и способы судебной защиты, на сложности, с которыми сталкиваются представители сторон в процессе, а также сами судьи. По мнению выступающего, в современной ситуации от юриста требуется профессионализм при составлении и подаче документов, в частности, с использованием методик «Legal design».

Во второй половине дня участники перешли в формат интерактивной работы в малых группах по выработке позиций на основе гипотетических дел.

Четвертый день работы Летней академии открыло выступление заместителя руководителя аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – начальника Управления судебной защиты, д.ю.н., профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации *У.А. Омаровой*, которая рассказала о формах

и способах защиты и восстановления нарушенных прав в рамках деятельности института уполномоченных по правам человека. Большой интерес вызвали приведенные и прокомментированные У.А. Омаровой проблемные ситуации, связанные с обеспечением и защитой прав российских граждан и их семей в различных регионах России, а также обозначенные в ее выступлении перспективы развития деятельности уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах, связанные, в частности, с наделением их процессуальными полномочиями в свете готовящихся изменений в законодательстве РФ.

Серьезную заинтересованность участники проявили к выступлению к.пед.н., доцента кафедры русского языка и лингвокультурологии РУДН *З.С. Зюкиной*, которое было посвящено культуре речи юриста и речевым коммуникациям. В выступлении были даны рекомендации относительно использования юристом языковых средств для успешного решения профессиональных задач. Было обращено внимание на различные социальные коммуникации, в которых юристу приходится подбирать адекватные ситуации грамматические конструкции и речевые средства. Был сделан акцент на необходимость постоянных тренировок речевых навыков со стороны юриста, а также на повышение общего уровня культуры юриста, частью которой является культура речи.

Е.С. Трезубов, к.ю.н., доцент, заместитель директора Кемеровского государственного университета по научной работе, практикующий юрист, в своем выступлении перед участниками (это было единственное выступление в мероприятии в формате on-line) поделился опытом составления гипотетических дел и высказал некоторые рекомендации по поводу взятого им из практики «сюжета», с которым участникам Летней академии предстояло работать.

В пятый, заключительный, день слушатели Академии работали в малых группах по фабуле гипотетического дела частноправового характера. Формат этой работы по сути воспроизводил реальную деятельность юриста: «выявление юридически значимых обстоятельств – определение подлежащих применению норм права – выбор формы и способа защиты нарушенного права в интересах стороны – презентация позиции юристом в условиях состязательного процесса».

Логическим завершением работы Летней академии стала имитация состязательного процесса с выступлениями представителей сторон. Следует отметить, что в финале мероприятия с позициями по делу в интересах сторон выступили начинающие юристы из числа студентов и аспирантов, а преподаватели выполняли роли их наставников в ходе подготовительной работы.

В ходе мероприятия можно было оценить степень овладения навыками работы юриста студентами и аспирантами, с одной стороны, методиками формирования таких навыков преподавателями – с другой. Приобретение преподавателями опыта построения практико-ориентированных занятий, воспроизводящих алгоритм работы юриста по делу, являлось гораздо более сложной задачей для организаторов и вместе с тем весьма продуктивной, поскольку речь идет о дальнейшей трансляции методик в систему российского высшего юридического образования. В целом работу IV Летней академии можно признать эффективной, поскольку в рамках одного мероприятия организаторам удалось объединить две модели обучения, одну ориентированную на студентов, другую – на преподавателей.

В завершении IV Международной летней академии «Моя профессия – юрист: Москва 2024», проходившего в рамках системы ДПО, преподавателям, студентам,

аспирантам и практическим работникам были вручены удостоверения и свидетельства о повышении квалификации, сертификаты участника.

Проведенное мероприятие в очередной раз показало, что практическим навыкам и компетенциям юриста нельзя выучиться в теории, их можно освоить и развить только посредством деятельностных моделей обучения, путем моделирования профессиональных ситуаций в игровом формате, через имитационные формы. Дальнейшие перспективы организаторы видят не только в продолжении проведения Зимних и Летних академий «Моя профессия – юрист», но и в последовательном внедрении уже созданных в их рамках эффективных практико-ориентированных форм, методов и моделей обучения в образовательный процесс юридических вузов.

Сведения об авторах:

Аллалыев Руслан Мурадович – кандидат юридических наук, заместитель директора по научной работе, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-0334-6862

e-mail: allalyev-rm@rudn.ru

Евдокимова Анна Игоревна – специалист, Управление приема обучающихся, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0006-0635-9534

e-mail: evdokimova-ai@rudn.ru

About the authors:

Ruslan M. Allalyev – Candidate of Legal Sciences, Deputy Director for Research, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0334-6862

e-mail: allalyev-rm@rudn.ru

Anna I. Evdokimova – Specialist, Student Admission Department, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-0635-9534

e-mail: evdokimova-ai@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-954-959>

EDN: IWYWUJ

Информационная статья / Information Article

Рецензия на монографию: Довгань К.Е. Теория рамочного правового регулирования. Москва : Юрлитинформ, 2023. 168 с.

Ю.Г. Арзамасов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация

 uarzamasov@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 15 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2024 г.

Для цитирования:

Арзамасов Ю.Г. Рецензия на монографию: Довгань К.Е. Теория рамочного правового регулирования. Москва : Юрлитинформ, 2023. 168 с. // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 4. С. 954–959. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-954-959>

Monograph Review: Dovgan, K.E. (2023) Theory of framework legal regulation. Moscow, Yurлитinform Publ.

Yuriy G. Arzamasov

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 uarzamasov@hse.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 15th September 2024

Accepted: 15th October 2024

© Арзамасов Ю.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Arzamasov, Yu.G. (2024) Monograph Review: Dovgan, K.E. (2023) Theory of framework legal regulation. Moscow, Yurlitinform Publ. *RUDN Journal of Law*. 28 (4), 954–959. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-4-954-959>

В издательстве Юрлитинформ вышла монография доцента К.Е. Довгань под названием «Теория рамочного правового регулирования», в которой обозначены и рассмотрены теоретические и прикладные проблемы праворегулирования, уделено особое внимание такому его важнейшему инструменту как рамочное правовое регулирование.

На современном этапе назрела необходимость изучения современных тенденций нормотворчества ряда общественных отношений (информационных, технологических и др.), в том числе оценка их последствий, разработка научных перспектив развития. Это объясняется тем, что правовое регулирование есть сложное явление, которое выступая центральным элементом юридической действительности, позволяет рассматривать многие элементы в динамике.

Любая концепция появляется в результате накопления определенного объема материала. Рамочное правовое регулирование и рамочное законодательство выступают явной тенденцией современного праворегулирования. Их исследование способствует обобщению знаний о нормотворческой деятельности государственных органов, юридической практике и особенностях развития правового государства.

В настоящее время взгляды на проблему рамочного правового регулирования слабо исследованы. Одни ученые рассматривают его в сфере законодательства, учитывая только внешнюю сторону. Другие авторы полагают, что данный инструмент может затрагивать не только форму, но и содержание. С помощью рамочного правового регулирования предлагают регламентировать новые общественные отношения в целях создания их правовой основы.

Представляется, что необходим комплексный подход к оценке рамочного правового регулирования. Существующие на практике так называемые «рамочные законы» занимают особое место среди федеральных законов. С их помощью закрепляются идеи принципов права, основные права и обязанности субъектов в «первичных нормах», которые конкретизируются в обычных законах¹.

Содержание монографии включает три главы, каждая из которых позволяет оценить полноту предмета изучения. На протяжении всей монографии правовое регулирование и рамочное правовое регулирование рассматриваются в системе. В первой главе представлены теоретические основы рамочного правового регулирования. Оценка основных направлений его развития способствовала разработке его сущности, выделению признаков и критериев, пределов иных аспектов. В монографии раскрывается влияние рамочного правового регулирования на предмет и пределы правового регулирования. При помощи комплекса технико-юридических средств происходит расширение предмета правового регулирования, изменяются пределы определенности его содержания. Обращение законодателя к рассматриваемому

---

¹ Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М. : изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. С. 97; Арзамасов Ю.Г. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / под ред. Ю.Г. Арзамасов и др. М. : Юрайт, 2024. С. 58.

инструменту происходит в разных случаях, в том числе когда «детальное регулирование нецелесообразно, либо невозможно заранее установить модель поведения»².

Рамочное правовое регулирование рассматривается как элемент правового регулирования, раскрывающий его техническую сторону. Универсальность которого связана с возможностью проявления в нормативном и индивидуальном регулировании. Его использование обусловлено целью и ожидаемыми результатами процесса целенаправленного воздействия на общественные отношения, установлением «единого и упорядоченного правопорядка в форме юридически и логически согласованного, комплексного правового акта с последующей детализацией и конкретизацией»³.

Особое место в рецензируемой монографии занял раздел, посвященный соотношению рамочного и делегированного регулирования. Прежде всего, автор указывает на подмену данных понятий в национальной и зарубежной практике, что осложняет их сравнительно-правовое исследование⁴. Отмечается, что основными критериями их разграничения выступают субъекты нормотворчества, предмет регулирования, особенности юридической техники⁵. При этом автор приходит к выводу, что «основной формой взаимодействия рамочного и делегированного регулирования является рамочное законодательство»⁶.

Вторая глава монографии посвящена практике развития рамочного правового регулирования. Представленный анализ зарубежного законодательства показывает существование рамочного правового регулирования во Франции, Германии, Испании, а также в ряде англо-саксонских стран и их бывших колониях. При этом подчеркивается его различная интерпретация, неоднородность по форме и содержанию. Широкое распространение рассматриваемый инструмент получил в области развития федеративных отношений, с помощью которого обеспечивался механизм разграничения полномочий (компетенции) разных ветвей власти.

Представляется интересным проводимая оценка зарубежных рамочных правовых актов, особенно в области государственной службы. Отмечается также возможность использования рамочного правового регулирования в разных видах правовых актов: международных и национальных, нормативных правовых актах и индивидуальных договорах. Рассматриваемый инструмент часто используется в практике международных организаций: Европейский Союз, Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества и других. Проводимые различия с юридической доктриной и практикой зарубежных стран показали разные подходы к оценке рамочного правового регулирования.

Параграф 2.2 второй главы посвящен технико-юридическому анализу советского законодательства. Важное место уделено Основам законодательства СССР и союзных республик, которые со второй половины 1950-х гг. определялись как общие принципы праворегулирования, обеспечивающие его единство на территории

---

² Довгань К.Е. Теория рамочного правового регулирования: монография. М. : Юрлитинформ. 2023. С. 14–15.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Там же. С. 52.

СССР и союзных республик⁷. Именно Основы выступали в качестве той юридической базы, которая определяла общие вопросы разграничения правового регулирования полномочий Союза ССР и союзных республик в разных сферах общественных отношений, а их конкретизация производилась в республиканских правовых актах.

В монографии представлена технико-юридическая оценка Федеративного договора, который нашел отражение в практике отечественного законодательства. По мнению автора рецензируемой монографии, многозначность закрепляемых словосочетаний расширяла предмет и пределы праворегулирования, что создавало условия для развития законодательного и подзаконного нормотворчества федеративных отношений⁸.

Проблемы, представленные в параграфе 2.3, связаны с анализом рамочного правового регулирования в системе разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Устанавливается, что с помощью данного инструмента обеспечивается закрепление принципов федерализма, определенных в Конституции Российской Федерации, в том числе единства и субсидиарности в организации государственной власти. В итоге автор приходит к выводу, что в «определенных случаях Российская Федерация устанавливает основы правового регулирования, путем принятия рамочных правовых актов, а субъекты Федерации конкретизируют их положения с учетом местным региональных особенностей»⁹.

Третья глава посвящена разработке содержания рамочного правового регулирования. Отмечается проявление исследуемого инструмента в правовых актах разных уровней и юридической силы. Анализ главы показывает, что рамочное правовое регулирование может закрепляться в системе источников права: федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, законах субъектов Российской Федерации, актах стратегического планирования (программах национального проекта, федеральных целевых программах и др.), так и в международных договорах, международных соглашениях, договорах о разграничении компетенции, актах социального партнерства, рамочных договорах.

В параграфе 3.2 монографии рассматриваются основные элементы инструментария рамочного правового регулирования, которые влияют на технико-юридический характер правового регулирования: приемы, правовые нормы, правовые акты, конкретизация и др. При этом автор приходит к выводу, что «гибкая форма правового регулирования путем абстрактного способа формулирования норм права используется в рамочных правовых актах», что открывает новые возможности для эффективного праворегулирования¹⁰.

Таким образом, к явным достижениям рецензируемой монографии стоит отнести оценку современного нормотворчества с точки зрения расширения сферы правового регулирования, что предопределило поиск оптимальных условий для обеспечения его эффективности. На основе анализа технико-юридических средств был выделен такой инструмент, как рамочное правовое регулирование. Он является

⁷ Яцук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период: монография. Омск : изд-во Ом. гос. ун-та, 2021. 414 с.

⁸ Довгань К.Е. Теория рамочного правового регулирования: монография. М. : Юрлитинформ. 2023. С. 76–77.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 136.

одним из современных технико-юридических методов, используемых в правовых актах. Практика показывает его универсальность и востребованность.

В рецензируемой книге впервые проводится теоретическая, методологическая, практическая оценка рамочного правового регулирования как элемента правового регулирования, отражающего его технико-юридические особенности. За основу был взят предмет правового регулирования, который исследовался с точки зрения объема содержания правоотношения, где логико-языковая неопределенность правовых норм способствовала его расширению. В дальнейшем «переход от неопределенности к определенности» осуществлялся за счет конкретизации, которая имеет важное значение в процессе взаимосогласованности, взаимосвязанности и единстве правового регулирования.

Автор анализирует особенности разных правовых актов, выделяя среди них рамочные правовые акты, которые не образуют отдельный вид источников права, а отражают специальные технико-юридические средства, закрепляющиеся в них.

Стоит согласиться, что прогностическая функция рамочного правового регулирования проявляется в решении ряда важных задач для развития общества и государства, а именно экономических, политических, социальных и иных. Кроме того, способствует созданию стабильного правового регулирования, обеспечивая законность и правопорядок в условиях динамично развивающихся общественных отношений.

Анализ рамочного правового регулирования с точки зрения делегированного правового регулирования позволяет детальнее исследовать механизм взаимоотношения органов государственной власти, рассмотреть особенности их нормотворчества, проследить используемые технико-юридические приемы и способы.

Научная новизна обуславливается анализом международно-правовых актов, национального законодательства, ведомственных и локальных правовых актов, нормотворческой и правоприменительной практикой, иными аналитическими материалами. Востребованность рамочного правового регулирования определяется используемыми гибкими средствами регулирования, которые могут быть применены к различным общественным отношениям. Обобщая современный, советский и зарубежный опыт, по-новому раскрывается технико-юридический характер нормотворчества, результатом которого является новая теория.

Конечно, оценка советского законодательства с точки зрения наличия рамочного правового регулирования носит субъективный характер. Однако исследования особенностей юридической техники источников советского права проводятся редко.

Как пожелание можно предложить автору рассмотреть проявление рамочного правового регулирования в нормотворчестве федеральных органов исполнительной власти. Представляется, что слабо проанализированы такие акты, как административные регламенты, кодексы этики, требования к служебному поведению и др. Кроме того, необходимо раскрыть соотношение с модельным регулированием, поскольку часто модельные нормативные правовые акты называют «рамочными». Также в качестве пожелания на будущее следовало бы определить место рамочных правовых актов в системе источников права.

Основным препятствием должного научного осмысления теории рамочного правового регулирования стала неоднородность юридической практики разных странах. Тем не менее, оценка международного опыта должна занимать весомое место

в исследовании рамочного правового регулирования, как одного из гибких инструментов в процессе достижения эффективности правового регулирования.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что представленная монография является актуальным и научным трудом, в связи с чем можно надеяться, что она будет востребована учеными, аспирантами, государственными и муниципальными служащими, практикующими юристами и всеми, кто интересуется проблемами нормотворчества.

Сведения об авторе:

Арзамасов Юрий Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

ORCID: 0000-0002-4459-2920

e-mail: uarzamasov@hse.ru

About the author:

Yuriy G. Arzamasov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4459-2920

e-mail: uarzamasov@hse.ru